

Архангельская Ирина Борисовна
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой управления связями
с общественностью Нижегородского
коммерческого института.

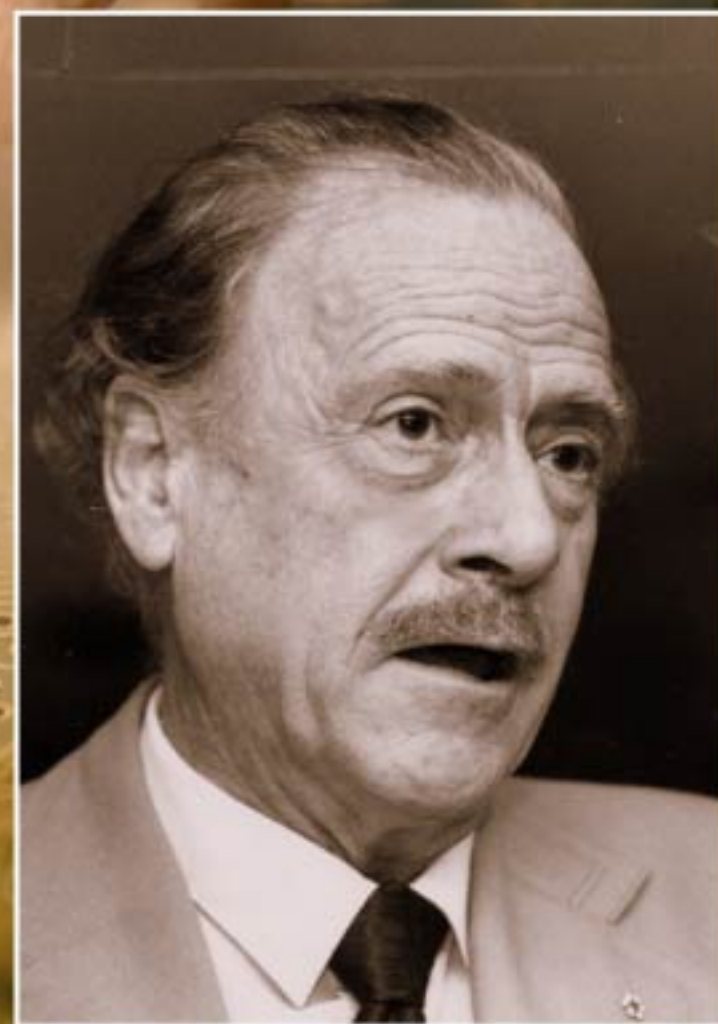
Книга «Маршалл Маклюэн» является
первой в России монографией, в которой
рассматривается путь канадского ученого
Г.М. Маклюэна (1911–1980) от исследова-
ния литературы и культуры к созданию
теории медиа.

Материалом для монографии послужили
работы М. Маклюэна разных лет, его
эпистолярное наследие, в том числе
архивные материалы из библиотеки Уни-
верситета Торонто, а также труды зару-
бежных и отечественных критиков.

Архангельская И.Б. Маршалл Маклюэн

Архангельская И.Б.

Маршалл Маклюэн

И. Б. Архангельская

МАРШАЛЛ МАКЛЮЭН

**Нижний Новгород
2010**

А 87

Архангельская И.Б. Маршалл Маклюэн: Монография. – Н.Новгород: НКИ, 2010. – 291 с.

Книга «Маршалл Маклюэн» является первой монографией в России, в которой рассматривается путь канадского ученого Г.М. Маклюэна (1911–1980) от исследования литературы и культуры к созданию теории медиа.

В первой части автор рассматривает деятельность Маклюэна в 1930–1950-е гг., когда им был написан основной корпус литературно-критических и культурологических статей, а также первые работы по проблемам массовой коммуникации.

В книге анализируются основополагающие труды ученого: «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» (1962), «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека» (1964). Особое внимание уделено законам медиа Маклюэна, сформулированным ученым в ряде статей и после его смерти вошедшим в книгу «Законы медиа – новая наука» (1988).

Автор касается понятия «маклюэнизм» и отмечает влияние, которое идеи канадского теоретика медиа оказали на разные сферы гуманитарной мысли XX в.

Материалом для монографии послужили работы М. Маклюэна разных лет, его эпистолярное наследие, в том числе архивные материалы из библиотеки Университета Торонто, а также труды зарубежных и отечественных критиков.

Книга будет интересна специалистам в области массовых коммуникаций, зарубежной литературы, социологии и культурологии.

Рецензент: д. фил. н., профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского И.В. Киреева.

ISBN 978-5-94260-052-5

© Архангельская И.Б., 2010

© Нижегородский коммерческий институт, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Литературная критика Г.М. Маклюэна	
1930–1950-х гг.	24
1.1. Г.М. Маклюэн: вехи биографии	24
1.2. Г.М. Маклюэн о роли Томаса Нэша в системе знаний елизаветинской эпохи	55
1.3. Г.М. Маклюэн и литература «южной традиции»	73
ГЛАВА 2. Г.М. Маклюэн и литература модернизма	89
2.1. Влияние поэзии и прозы Э.Л. Паунда на Г.М. Маклюэна	89
2.2. Традиция Т.С. Элиота в трудах Г.М. Маклюэна	113
2.3. Джеймс Джойс в оценке Маршалла Маклюэна	130
ГЛАВА 3. Маршалл Маклюэн – автор теории медиа	157
3.1. История письменности и печатной культуры в книге М. Маклюэна «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры»	158
3.2. Основные положения теории медиа М. Маклюэна в книге «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека»	175
3.3. Теория медиа М. Маклюэна в контексте современных западных теорий коммуникации	198
3.4. Маклюэн и маклюэнизм: влияние идей Г.М. Маклюэна на современную гуманитарную мысль	221
Заключение	245
Библиография	255
Приложение 1	280
Приложение 2	283

ВВЕДЕНИЕ

Имя канадского исследователя Герберта Маршалла Маклюэна (Herbert Marshall McLuhan, 1911–1980) известно во всем мире как автора теории, согласно которой качественные сдвиги в истории человечества связаны с появлением новых технических средств коммуникации. Знаменитые фразы Г.М. Маклюэна «medium is the message» («средство информации является сообщением») и «global village» («глобальная деревня» – о современном мире) стали устоявшимися клише. Предметом научных интересов ученого были в основном телевидение и другие средства коммуникации (media studies), но он стал не только признанным специалистом в области массмедиа, «пророком эпохи информационных технологий», но и знаковой фигурой в культуре 1960–1970-х гг., встав в один ряд с такими представителями общественной мысли и искусства, как Жан Бодрийяр, Энди Уорхол, Джон Леннон.

Во всем мире в университетские курсы по социологии, теории коммуникации, культурологии, журналистике включены работы Маклюэна: «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека» (1951) (*The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man*), «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» (1962) (*The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*), «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека» (1964) (*Understanding Media: The Extensions of Man*), «Средство сообщения – массаж: Опись имущества» (1967) (*The Medium is the Massage: An Inventory of Effects*), «Культура – наш бизнес» (1970) (*Culture is Our Business*) и многие другие.

Маклюэн известен прежде всего как теоретик коммуникации, специалист по массмедиа и культуролог, но его наследие также включает несколько сотен литературоведческих статей, эссе и рецензий, публицистику, предисловия к книгам. Он написал предисловие к книгам Х. Кеннера «Парадокс у Честертона» и «Эра Паунда» [18, р. XI-XXII; 19, р. IV-VII], а также к сборнику «Избранная поэзия Теннисона» [42].

Маклюэн также является составителем антологии англо-американской поэзии [43, 44, 45]. Его работы входят в литературные хрестоматии, в списки рекомендуемой литературы к университетским учебным курсам по литературе. Неслучайно статья Маклюэна «Джеймс Джойс: Тривиально и четвериально» (*James Joyce: Trivial and Quadrivial*) была недавно переведена на русский язык и опубликована в сборнике «Семиотика

и Авангард» наряду с работами А. Блока, А. Белого, С. Малларме, П. Валери, Г. Аполлинера, Г. Стайн [48, с. 710–725].

Маклюэн родился за несколько лет до начала Первой мировой войны, которая серьезно не затронула его семью, в 20-30-е гг. познакомился с творчеством писателей-модернистов, которые оказали огромное влияние на его мировоззрение. В период экономического кризиса и депрессии в США работал в американских университетах, но его интересы были связаны с творчеством памфлетиста елизаветинской эпохи Томаса Нэша, а не с ситуацией в стране. Ученый жил в период бурного развития новых массовых коммуникаций (телеграфа, радио, кинематографа, телевидения), и они стали предметом его научных интересов.

Большую часть своей жизни Г.М. Маклюэн был профессором английской литературы в университете Торонто, где в 1963 г. основал Центр культуры и технологии. В 1930–1950-е гг. он преподавал в США и Канаде. В этот период им написан основной корпус литературно-критических статей, в которых анализируется творчество «новых критиков» американского Юга, поэзия и проза Э.А. По, С. Малларме, Д. Китса, Ш. Бодлера, А. Теннисона. Особое внимание уделено Маклюэном писателям и поэтам-модернистам – Т.С. Элиоту, Э.Л. Паунду, Д. Джойсу. Эти работы мало изучены в России и за рубежом, но в последние годы статьи и эссе Маклюэна, посвященные литературе американского Юга, поэзии и эстетике С. Кольриджа, Д. Китса, С. Малларме, Ш. Бодлера, творчеству Э. По, Т.С. Элиота, Э. Паунда, Д. Джойса, стали предметом пристального интереса критиков. Итальянский литературовед Е. Ламберти (E. Lamberti) [100], канадские исследователи Ж. Марчиссо (J. Marchessault) [104], Д.Ф. Теолл (D.F. Theall) [121], М.А. Трембли (M.A. Trembley) [124], Т. Гордон (T.W. Gordon) [92], Г. Уилмот (G. Willmot) [127] и др. в своих публикациях обращают внимание на необходимость исследования литературной критики и литературных вкусов Маклюэна, поскольку без знания этого направления творчества ученого невозможно понять его труды, посвященные непосредственно теории коммуникации.

В 1967 г., когда популярность Маклюэна достигла своего апогея, журналист Г. Стерн выпустил книгу «Маклюэн: Горячее и прохладное: учебное пособие для понимания и критический симпозиум с ответами Маклюэна» [108], в котором собрал статьи из научных и популярных изданий 1960-х гг. о трудах Маклюэна, посвященных проблемам медиа. Наибольший интерес в сборнике представляет материал писателя и критика Тома Вульфа (Tom Wolfe), обобщившего основные положения теории канадского коммуникативиста и пытавшегося объективно оценить ее основные по-

ложения, а также Раймонда Уильямса (Raymond Williams), проанализировавшего парадоксы «Галактики Гутенберга».

В 1968 г. в сборнике «Взрыв Маклюэна: Заметки о Маклюэне и “Понимании средств коммуникации”» [123] были опубликованы первые три главы «Понимания средств коммуникации», сопровождавшиеся рецензиями на книгу из популярных журналов 1963–1967 гг., глоссарием, вопросами для студентов, набором упражнений для изучающих маклюэновскую теорию медиа. Книга до сих пор используется как учебное пособие при изучении теории коммуникации в университетах Северной Америки и Европы.

В том же году американский критик Раймонд Розенталь (Raymond Rosenthal) опубликовал сборник статей «Маклюэн: За и против» (*McLuhan: Pro & Con*), в котором предоставил литературным критикам, журналистам, социологам, специалистам в области рекламы и медиа возможность высказаться о творчестве канадского ученого. Среди авторов этого издания – коллега Маклюэна известный литературовед Хью Кеннер (Hugh Kenner), писатель Энтони Бургесс (Anthony Burgess), телевизионный критик Майкл Арлен (Michael Arlen) и др. [109]. Многие идеи Маклюэна, по мнению авторов сборника, заслуживают внимания и стали несомненным прорывом в исследовании медиа, но критики также обратили внимание на противоречивость концепций Маклюэна, «ненаучность» многих положений в его теориях. Материалы, вошедшие в книгу «Маклюэн: За и против», содержат острую критику теории коммуникации канадского ученого. Именно к этому изданию до сих пор обращаются исследователи Маклюэна, чтобы разобраться не только в основных положениях его теории медиа, но и в восприятии его трудов современниками.

Наиболее полно и объективно творчество Г.М. Маклюэна представлено в биографической книге Филиппа Марчанда «Маршалл Маклюэн: Средство и посланник» (Marchand Ph. *Marshall McLuhan: The Medium and the Messenger*, 1989), в которой автор стремился не столько рассказать о личной жизни ученого – семье, учениках, пристрастиях, – сколько показать, из чего и как возникли его теории. Ф. Марчанду удалось преодолеть эмоциональное отношение к идеям и текстам канадского профессора, что мешало многим исследователям серьезно и последовательно изучить его наследие. Ф. Марчанд прослеживает эволюцию в творчестве М. Маклюэна от литературоведения до создания теории коммуникации и медиапророчеств, какую роль в становлении М. Маклюэна сыграли творчество Г.К. Честертона, учение Фомы Аквинского, католицизм, «новые критики» американского Юга, поэзия и критика Т.С. Элиота и Э. Паунда, проза

Д. Джойса. Марчанду удалось систематизировать огромный объем информации. Из мозаичного мира идей и текстов М. Маклюэна Марчанд создал логичную и стройную систему, которая объясняет многое в теориях и пророчествах ученого.

Ф. Марчанд анализирует литературную критику Маклюэна 1930–1940-х гг., подчеркивая, что этот этап жизни и творчества оказал большое влияние на формирование мировоззрения канадского ученого. Особое влияние на Маклюэна, по мнению Марчанда, оказала литература модернизма. Творческая лаборатория писателей-модернистов Т. Элиота, Э. Паунда, Д. Джойса, с точки зрения Марчанда, стала материалом для теорий Маклюэна.

Из книги Марчанда можно узнать о том, какое влияние Маклюэн оказал на формирование своего коллеги – литературоведа Х. Кеннера, какие проблемы возникали у него во взаимоотношениях с академической средой, как из профессора английской литературы он превратился в популярного теоретика медиа.

Вместе с тем Марчанд не дает оценку Маклюэну как исследователю медиа и литературоведу. Влияние идей Маклюэна на развитие теории коммуникации, место Маклюэна в литературном процессе XX в. автором никак не обозначены.

Жизненный и творческий путь М. Маклюэна рассмотрен и в монографии Уильяма Терренса Гордона «Маршалл Маклюэн: Уход в понимание» (Gordon W.T. *Marshall McLuhan: Escape into Understanding*, 1997). Помимо биографического материала, в книге рассматривается становление Маклюэна как теоретика медиа. У.Т. Гордон исследует основополагающие труды Г.М. Маклюэна, принесшие ему славу, а в последней главе «Наследие Маклюэна» (*The Legacy of McLuhan*) подробно анализирует основные положения теории коммуникации канадского ученого, делает предположение о том, что Маклюэн был не только специалистом в области медиа, но и лингвистом, развившим идеи Ф. де Соссюра, что, на наш взгляд, является необоснованным утверждением, о чем речь пойдет в третьей главе. Определение места Маклюэна в истории идей, отношение к нему У. Эко, толкование известных фраз и идей канадского ученого завершают исследование Гордона. Следует отметить, что в этой работе мало внимания уделено литературной критике ученого, в то время как автор придает большое значение теории тетрад, описанной в книгах «Глобальная деревня: трансформация в мировой жизни и медиа в XXI веке» (McLuhan M., Powers B.R. *The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century*, 1987), «Законы медиа – новая наука» (McLuhan M., McLuhan E. *The Laws of Media: The New*

Science, 1989) сыном Маклюэна Эриком. Эти книги, опубликованные после смерти ученого, написаны под влиянием его идей, но непосредственного участия в их написании М. Маклюэн не принимал.

Профессор культурологии из Университета Торонто Ж. Марчиссо в монографии «Маршалл Маклюэн» пытается определить место канадского ученого в мировой истории идей [104]. Вслед за Ф. Марчандом Марчиссо анализирует важнейшие этапы в жизни и творчестве Маклюэна: учебу в Кембридже, увлечение Маклюэна поэзией английских романтиков (У. Блейка, С.Т. Кольриджа), знакомство и дружбу с «новыми критиками», переход в католичество, роль Г. Инниса в формировании мировоззрения канадского профессора и, наконец, создание теории коммуникации. Книга Марчиссо адресована в первую очередь студентам, которым предстоит определить роль и место Маклюэна в исследовании культуры, искусства, медиа.

Многие исследователи – Д.Т. Теолл [121], Г. Уиллмот [127], Д. Келлнер [194], Ж. Марчиссо [104] – рассматривают Маклюэна как мыслителя и критика переходной эпохи от модернизма к постмодернизму. Некоторые исследователи сравнивают Г.М. Маклюэна с Карлом Марксом (П. Гроссвилер «Метод – это сообщение. Маршалл Маклюэн и Карл Маркс») [94], с Жаном Бодрийяром (Г. Геноско «Маклюэн и Бодрийяр: Мастера имплозии» [90], Д. Келлнер «Жан Бодрийяр: от марксизма к постмодернизму и далее» [331]).

В книге Пола Левинсона «Цифровой Маклюэн: Путеводитель по информационному тысячелетию» (Levinson P. *Digital McLuhan: A Guide to the Information Millennium*, 1999) речь идет о том, как идеи Маклюэна, которые казались странными и провокативными в 1960-е гг., стали актуальными в новом тысячелетии. Критик рассматривает основные концепции теории Маклюэна и особое внимание уделяет методу, который канадский ученый использовал при анализе всех явлений, – исследовать, а не объяснять («explore and not explain»). Левинсон, как и многие маклюэнисты, отмечает любовь Маклюэна к метафорам и каламбурам, характерный для него афористичный стиль, который породил множество крылатых фраз и запоминающихся выражений.

Вместе с тем исследовательские методы канадского ученого многие критики считали ненаучными, мозаичный стиль подачи материала – хаотичным. Так, американский специалист по теории коммуникаций Д.Х. Альтшулл, считая Маклюэна «пророком нового технократического Эдема» и «выдающимся теоретиком медиа, который продолжил традиции таких новаторов, как Б. Франклин и Т. Джефферсон», отмечал, что в мето-

дологии Маклюэна были неисправимые недостатки: отсутствие определенной методики, научного аппарата и структуры в исследованиях, игнорирование трудов ученых, получивших широкое признание в области теории медиа [73, p. 339].

Большое значение для понимания личности, развития идей, формирования теорий Маклюэна имеет его эпистолярное наследие. В подборе и редактировании сборника писем канадского профессора, опубликованного в 1987 г., приняли участие его вдова Коринн, канадская исследовательница Матье Молинаро (Matie Molinaro), а также редактор и издатель Уильям Тойе (William Toye) [2].

Огромный вклад в пропаганду творчества Маклюэна внес его сын Эрик. После смерти отца он закончил и выпустил в свет одну из самых противоречивых книг Маклюэна «Законы медиа: Новая наука» (*Laws of Media: New Science*). В 1995 г. вместе с Фрэнком Зингроне (Frank Zingrone), единомышленником Маклюэна и соавтором одной из последних его книг – «Война и мир в глобальной деревне», Эрик опубликовал сборник отрывков из основных трудов отца под названием «Основное из Маклюэна» [84]. В книгу вошли работы разных лет: литературная критика, публицистика, отрывки из «Галактики Гутенберга» и «Законов медиа», знаменитые крылатые выражения ученого. Этот сборник должен был дать общее представление об основных взглядах Маклюэна на современную культуру, искусство, СМИ. Литературное эссе «Джойс, Малларме и пресса» (*Joyce, Mallarme and the Press*) также включено в первую часть этой книги. Сборник адресован людям, которые не в силах прочитать основополагающие труды канадского коммуникативиста, но хотели бы познакомиться с его взглядами и теориями. Его рекомендуют студентам, занимающимся исследованием теории коммуникации М. Маклюэна, при подготовке к семинарам, а также в небольших исследовательских проектах по массовым коммуникациям.

Эрик Маклюэн полагал, что большую роль в жизни отца играла религия, поэтому совместно с польским теологом Яцеком Складкеком подготовил сборник материалов «Маршалл Маклюэн: Средство коммуникации и свет: размышления о религии» (*The Medium and the Light: Reflections on Religion*), в который вошли статьи, письма, высказывания Г.М. Маклюэна о религии [36].

Продолжая работу Маршалла Маклюэна в области литературы модернизма, Эрик провел серьезное исследование поэтики Д. Джойса, результатом которого стала его книга «Роль грома в “Поминках по Финнегану”» [205]. В ней Эрик как истинный маклюэнист соединил литературо-

ведческий анализ романа Джойса с изучением проблем языка, письменности и медиа.

О том, что его отец был прежде всего литературоведом, Эрик Маклюэн писал неоднократно. Характерный стиль выражения мыслей отца он называл поэтикой Маршалла Маклюэна. В то время как оппоненты замечали противоречия во фразах Маклюэна, порожденных его стремлением излагать свои мысли «звучно», афористично, Эрик отметил, что книги его отца являются в большей степени литературными произведениями, чем научными трактатами, и просил его исследователей не забывать, что его отец – литератор [148].

В 1994 г. Баррингтон Невитт (Barrington Nevitt) и младший брат ученого Морис Маклюэн (Maurice McLuhan) опубликовали книгу «Кто был Маршалл Маклюэн? Изучая мозаику впечатлений» (*Who was Marshall McLuhan? Exploring a Mosaic of Impressions*); редактировали это издание Э. Маклюэн вместе с Ф. Зингроне и У. Константинеу (W. Constantineu) [113]. В книге собраны воспоминания о Маклюэне тех людей, которые его окружали в период активной профессиональной деятельности, внесли вклад в популяризацию его идей и трудов, в развитие Центра культуры и технологий. Среди них – его секретарь Маргарет Стьюарт (Margaret Stewart); бывший студент, переводчик многих его трудов на французский и директор Программы Маклюэна в Университете Торонто Деррик де Керкове (Derrick de Kerkhove); гуру менеджмента и друг Питер Дракер (Peter Drucker); коллега по Университету Торонто, чьи труды по литературоведению вызывали зависть и восхищение у Маклюэна, Нортроп Фрай (Northrop Frye); известный специалист в области теории коммуникации Эдвард Т. Холл (Edward T. Hall); музыкант Джон Кейдж (John Cage) и многие другие. Из мозаики собранных авторами мнений коллег, поклонников и даже критиков ученого (Н. Фрай) можно составить представление о том, каким необычным и ярким человеком был Маклюэн, какое влияние его труды оказали не только на развитие теории медиа, но и на развитие гуманитарных наук в целом.

Дочь Маклюэна Стефани¹ также внесла свой вклад в продвижение идей своего отца. Совместно с Дэвидом Стейнсом, профессором английского языка и литературы Университета Оттавы, она подготовила и опубликовала сборник лекций и интервью Маршалла Маклюэна «Понимая меня» (McLuhan M. *Understanding Me*, 2001). Предисловие к книге написал известный американский писатель Том Вульф. Собранные материалы по-

¹ Стефани Маклюэн-Ортвед (Stephanie McLuhan-Ortved) – продюсер телевизионных документальных фильмов. Живет и работает в Торонто.

могут раскрыть личность Маклюэна, его взгляды на современную культуру и СМИ.

Значительным вкладом в исследование трудов Маклюэна – теоретика коммуникации, идеолога новой эпохи высоких технологий, литературного критика, мыслителя, художника и педагога – стал сборник статей под редакцией Л. Стрейта (L. Strate) и Э. Уочелла «Наследие Маклюэна» (*The Legacy of McLuhan*) [122]. Среди авторов сборника – известные теоретики медиа Л. Стрейт, Д. Мейровиц (J. Meirowitz), Ф. Зингроне. Все они единодушно заявляют, что невозможно представить современную коммуникативистику без трудов М. Маклюэна, что идеи канадского теоретика медиа в той или иной степени повлияли на формирование их собственного мировосприятия.

Интересные наблюдения о наследии Маклюэна и его личности сделали ученики канадского теоретика медиа У. Онг и Д. Теолл. Профессор Дональд Ф. Теолл в своих книгах «Средство информации – окно заднего вида: Понимая Маклюэна» (*The Medium is the Rear View Mirror: Understanding McLuhan*, 1971), «Виртуальный Маклюэн» (*The Virtual McLuhan*, 2001) подчеркивал, что М. Маклюэн изучал явления иногда как литературный критик, иногда как философ. Теолл пытался показать противоречивый характер своего учителя, который, по его мнению, был расщепленным надвое человеком XX в. («split person of the twentieth century»). Теолл пишет о том, что Маклюэн разрывался не только между «технокультурой и “высокой” культурой, но и между традиционным набожным католицизмом и восхищением бездной нищезанятия, между приверженностью по большей части к «реакционной» поэтике Уиндхэма Льюиса и Эзры Паунда и трансгрессивной тягой к трагикомически революционному, карнавалному и “откровенно оскорбительному”, “порнографическому” остроумию Джеймса Джойса»¹. Теолл подчеркивал, что Маклюэн был одновременно религиозным моралистом, активно боровшимся против книг по сексуальному воспитанию молодежи, и поклонником творчества Джойса – писателя, которого в 1940-е гг. в консервативных кругах Америки и Европы считали безнравственным.

Теолл уверен, что без трудов М. Маклюэна трудно себе представить современную общественную мысль эпохи информационных технологий.

¹ «The split McLuhan not only faced the division between the technoculture and ‘culture’ ‘high’ culture) but the division between a traditional, pietistic Catholicism and a fascination with the Nietzschean abyss as well as the split between a commitment to the basically reactionary poetics of Wyndham Lewis and Ezra Pound and a transgressive attraction to the serio-comically rebellious, carnivalesque, and ‘patently offensive’, ‘pornographic’ wit of James Joyce» (Theall D. *The Virtual McLuhan*. – P. 22).

Свойственный ученому междисциплинарный подход к изучению разных явлений: литературы, медиа, технологий, по мнению критика, вполне оправдан вызовами времени.

В России работы Маклюэна не переводились до 2000 г. Однако в академических кругах и среди специалистов в области медиа его имя было известно. В 1972 г. в журнале «Вопросы философии» была опубликована статья Г.П. Григоряна «О средствах массовой коммуникации и судьбах человечества в поп-философии Маршалла Маклюэна», в которой автор утверждает, что теория канадского коммуникативиста создает гипертрофированное представление о роли информации и медиа [129]. В этом высказывании есть доля истины: все общественные явления, в том числе развитие цивилизации, у Маклюэна непосредственно связаны с эволюцией средств коммуникации. У К. Маркса, чье учение Г.П. Григорян считал безусловной истиной, был иной уклон: в марксизме движение общества вперед обусловлено противоречием между производительными силами и производственными отношениями. Фрейдизм рисует еще одну картину мира, в которой общество состоит из отдельных людей, каждым из которых управляют его фантазии и комплексы, приобретенные еще в детстве. У учения Маркса, как и у фрейдизма, много сторонников. Есть люди, для которых мир существует по законам марксизма, есть другой подход, в котором все определяет фрейдизм. Можно сказать, что теория Маклюэна, согласно которой главенствующую роль в прогрессе играют новые средства коммуникации, является, как марксизм и фрейдизм, еще одной глобальной теорией, объясняющей устройство мира и его законы.

В 1973 г. в сборнике статей «Мода: за и против» была опубликована статья российского исследователя А.П. Мидлера «Как “маклюденизм” стал модой» [131], в которой автор обрушился с критикой на маклюэновскую «гипотезу ступеней развития человеческой цивилизации», в которой главную роль играют средства коммуникации. Советский философ упрекнул Маклюэна в игнорировании марксизма. Это замечание было тогда обязательным в научных кругах СССР, но достаточно нелепым, если принять во внимание негативное отношение канадского теоретика медиа к коммунизму, социализму и атеизму. Судя по всему, А.П. Мидлер был увлечен теорией Маклюэна, но иная форма обсуждения теории Маклюэна в те годы была невозможна. Мидлер прочел основополагающие труды канадского исследователя медиа, а также ряд критических работ о нем, которые были доступны советскому человеку. Обличая и одновременно защищая канадского ученого, А.П. Мидлер пишет, что Маклюэн, не осознавая того, подверг критике буржуазное общество изнутри. Само появление подобной

статьи о Маклюэне могло стать новым явлением в советском исследовании медиа и культуры (даже критика буржуазных учений и теорий в те годы помогала ученым узнать новые западные тенденции и имена), но эта работа не получила резонанса в научных кругах. Одной из причин, несомненно, было то, что статья была опубликована маленьким тиражом в сборнике, посвященном теории моды.

В 1976 г. на факультете философии МГУ филолог по образованию Н.Н. Козлова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Критика концепции массовой культуры М. Маклюэна». В работе Козловой рассматривались труды Маклюэна, посвященные проблемам массовых коммуникаций, а литературная критика не была предметом ее анализа. В контексте требований времени Н.Н. Козлова, несмотря на увлечение идеями канадского ученого, подвергла критике его концепции, поскольку они противоречили принятой в те годы марксистской теории. Только в 1998 г. Н.Н. Козлова смогла объективно оценить Маклюэна: на страницах журнала «Пушкин», который выходил под редакцией Глеба Павловского как бумажная версия интернет-проекта «Русский журнал» (www.russ.ru), вышло ее эссе «Маклюэн: контексты мифа». Эта публикация носила не столько аналитический, сколько просветительский характер: автор объясняла читателям, кто такой Маршалл Маклюэн и в чем суть его теорий [159].

В 1989 г. на факультете философии МГУ была защищена кандидатская диссертация журналиста и культуролога В.Ю. Царева «Социально-культурные основания "маклюэнизма"» [132], в которой автор пытался определить философские и культурные истоки учения Маклюэна. В этом исследовании нет четкого определения понятия «маклюэнизм». Однако автором отмечена связь Маклюэна с элитарной культурой своего времени, в частности с творчеством Э. Паунда и Т. Элиота. Главным достоинством работы В.Ю. Царева было изучение характерного для Маклюэна стиля письма. В.Ю. Царев справедливо отмечает мозаичность, «барочную прихотливость» и «логику пикарески» как отличительные особенности творческой манеры Маклюэна-стилиста. Автор справедливо утверждает, что свойственная Маклюэну необычная манера изложения мыслей была частью успеха его трудов и самой теории коммуникации.

Первым отечественным исследованием, в котором дан серьезный анализ творчества М. Маклюэна в контексте развития теорий коммуникации, стала монография профессора МГУ Л.М. Земляновой «Современная американская коммуникативистика» (1995). Следует признать, что до сих пор эта работа является единственным системным исследованием североамериканской теории коммуникаций. Автор подчеркивает противоречи-

вость идей Маклюэна на разных этапах его творчества. По мнению Л.М. Земляновой, в 50-е гг. Маклюэну удалось развенчать «рекламную мифологию, прославляющую “механических невест”» [372, с. 19]. Л.М. Землянова справедливо утверждает, что канадский ученый внес значительный вклад в изучение массовой культуры и медийной коммуникации, но при этом слишком идеализировал электронные слуховизуальные средства связи [372, с. 18].

В исследовании Л.М. Земляновой не рассматриваются работы Маклюэна 1930–1940-х гг., его литературная критика. Возможно, именно поэтому работы 70-х гг., характерные, с ее точки зрения, «для неоавангардистской “эстетики молчания”», а затем для постмодернистской критики, вызывают неприятие у известной российской исследовательницы [372, с. 19]. Л.М. Землянова отметила то, что является характерной чертой позднего творчества канадского исследователя, – неразрывную связь ученого с эстетикой постмодернизма, что нашло свое выражение в мироощущении Маклюэна, стиле его письма, подаче материала. Однако трудно согласиться с уважаемым автором в том, что знаменитые высказывания канадского теоретика медиа, ставшие популярными цитатами во всем мире, являются «кричащими фразами» и «полуабсурдными афоризмами».

В монографии Л.М. Земляновой Маклюэн предстает как маргинальная фигура в современной коммуникативистике, чьи взгляды экстравагантны и неубедительны¹. Вместе с тем Л.М. Землянова подчеркивает, что Маклюэн сыграл значительную роль в развитии североамериканской теории массовых коммуникаций. Автору монографии «Современная американская коммуникативистика» удалось привлечь внимание российских исследователей к теории и личности Маклюэна, для многих эта работа стала первым источником, из которого они узнали об идеях канадского теоретика медиа.

Изучение наследия Маклюэна и попытка определить его место среди западных школ и теорий массовых коммуникаций сделаны в исследовании профессора МГИМО В.П. Терина «Массовая коммуникация. Исследование опыта Запада» (2000). В монографии В.П. Терина Маклюэн рассматривается как незаурядный исследователь массмедиа, мыслитель, оказавший значительное влияние на развитие современной массовой культуры.

В.П. Терин содействовал популяризации теорий Маклюэна. Его перевод главы «Средство само есть содержание» из книги Маклюэна «Пони-

¹ Такого же мнения придерживается исследовательница массмедиа из Екатеринбурга Е.Я. Дьякова (См.: Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – С. 53–56).

мание средств коммуникации» вошел в сборник «Информационное общество» [373, с. 341–348], вышедший в свет в 2004 г.

Годом раньше, в 2003 г., на страницах журнала «Отечественные записки» был опубликован перевод одной из глав основополагающего труда М. Маклюэна «Понимание средств коммуникации» с сопроводительной статьей-комментарием переводчика В.Г. Николаева [162]. В том же году книга Маклюэна «Понимание средств коммуникации» в переводе В.Г. Николаева была опубликована как приложение к серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии» под названием «Понимание Медиа: Внешние расширения человека»¹.

В 2003 г. на русский язык была переведена и опубликована книга Маклюэна «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» в переводе А. Юдина². В 2005 г. «Галактика Гутенберга» вышла в переводе И. Тюриной³. Идеи Маклюэна в России имеют своих сторонников. Его работы упоминаются в книгах И.И. Засурского «Масс-медиа второй республики» (1999), «Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е» (2001), адресованных специалистам по массовым коммуникациям. Прочитанная 21 ноября 2006 г. лекция И.И. Засурского о книге Маклюэна «Понимание средств коммуникации» привлекла внимание молодежной аудитории к личности канадского коммуникативиста и стала поводом для дискуссии о нем в «Живом журнале»⁴.

С начала 1990-х гг. в диссертационных исследованиях, посвященных проблемам массовых коммуникаций, труды Маклюэна, его идеи упоминаются достаточно часто. Так, в диссертационном исследовании О.Р. Самарцева «Актуальные проблемы телевизионной журналистики в условиях современного этапа информационно-компьютерной революции» труды по массмедиа М. Маклюэна рассмотрены подробно, значительное внимание автор уделяет его теории тетрад. О.Р. Самарцев упрекает канадского коммуникативиста в том, что тот слишком сосредоточен на технологических составляющих массмедиа, однако признает, что исследование современного

¹ См.: Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2003. Электронную версию книги можно найти в Интернете по адресу http://yanko.lib.ru/books/cultur/mcluhan-understanding_media=ann.htm

² См.: Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – Киев: Ника Центр: Эльга, 2003. – 431 с.

³ См.: Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. – М.: Мир: Академический проект, 2005. – 496 с.

⁴ Лекцию можно найти в Интернете. Засурский И. Лекция № 1: Маршалл Маклюэн: *Understanding Media*, 26.11.2006 // <http://nadcast.rpod.ru/15232.html>. Лекция является частью студенческого интернет-проекта Campus Radio, который стал полигоном для испытания возможностей аудиокommunikации в Сети.

телевидения и радио уже невозможно без опоры на труды Маклюэна [378, с. 17–19, 55–59, 78–84].

В диссертации Г.П. Бакулева «Современные концепции и теории массовой коммуникации в контексте новых медиа» [361] и его книге «Массовая коммуникация: Западные теории и концепции: Учебное пособие для студентов вузов» [360] автор утверждает, что Маклюэн многое заимствовал из трудов своего коллеги Г. Инниса, а также называет Маклюэна противоречивой фигурой, «которая стоит особняком и не укладывается в конкретную теоретическую категорию, поскольку в своей работе он синтезировал много идей» [360, с. 124–125]. В этих утверждениях есть несомненное противоречие. Если Маклюэн самобытен и синтезировал много идей, то значит, он не повторял Инниса.

Г.П. Бакулев относит Торонтскую школу и Маклюэна к критическому культурному направлению в западных теориях коммуникации. В своей диссертации он вместе с тем помещает Маклюэна в раздел «Концепции информационной эпохи», к которому также относит Д. Белла (D. Bell), З. Бжезинского (Z. Brzezinski) и Э. Тоффлера (A. Toffler). Эта классификация, на наш взгляд, представляется достаточно спорной, хотя типология подходов к исследованию коммуникативистики, несомненно, непростая задача, о чем пойдет речь в третьем параграфе третьей главы настоящей работы.

В 2007 г. на кафедре философии Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации была защищена кандидатская диссертация Е.Н. Юхвид на тему «Социально-философский анализ информационно-коммуникативной системы общества в концепции М. Маклюэна», в которой автор рассмотрела теорию коммуникации в трудах канадского теоретика медиа в контексте современной социальной философии. В своем исследовании Е.Н. Юхвид не обращается к ранним трудам Маклюэна. Предметом ее исследования в основном стали «Галактика Гутенберга» и «Понимание медиа», а также книга «Законы медиа: Новая наука», опубликованная после смерти ученого его сыном и соавтором Эриком.

Е.Н. Юхвид стремилась раскрыть специфику основных социально-философских аспектов концепции М. Маклюэна. В результате проведенного исследования автор диссертации приходит к выводу, что заслугой канадского теоретика был анализ информационно-коммуникативной системы, ее структуры и функций, а также изучение ее исторической эволюции и воздействия на развитие общества и его духовно-культурного состояния. В этой связи Е.Н. Юхвид дает детальный анализ тезиса М. Маклюэна о «расширении человека», которое, по ее мнению, представляет собой «рас-

ширение” физического тела и духовных способностей человека, т.е. увеличение человеческих возможностей, масштабов его деятельности, скорости и мощи с развитием новых средств коммуникации.

Исследовательница, как многие западные (Д. Цитром, Д. Маккуэйл, А. Крокер) и отечественные (Л.М. Землянова, Г.П. Бакулев) критики, отмечает существенные элементы технологического детерминизма в концепции М. Маклюэна. Несомненно, диссертационная работа Е.Н. Юхвид, несмотря на некоторые спорные классификации (см. глава 3), является значительным вкладом в отечественные исследования наследия М. Маклюэна.

Популярный писатель Сергей Минаев, автор самого обсуждаемого в России в 2006 г. антигламурного романа «Duxless», разошедшегося полумиллионным тиражом, в своем интервью корреспонденту журнала «Русский Newsweek» в феврале 2007 г. упомянул, что его новый роман «Media Sapiens. Повесть о третьем сроке» рассказывает об угрозе массмедиа для современного общества, о СМИ как оружии в политической и экономической борьбе. Минаев подчеркнул, что роман написан под влиянием работ Маклюэна, которыми прозаик увлекался в студенческие годы [359].

Книги М. Маклюэна не похожи на традиционные академические научные труды. Литература модернизма и постмодернизма была питательной средой для его исследовательской деятельности и во многом повлияла на стиль и построение его текстов. В работах Г.М. Маклюэна отсутствует линейная логика, системность, что часто затрудняет их понимание. Его высказывания, как справедливо отмечали критики, противоречивы: в одной работе он часто опровергает ранее сказанное; до конца не изложив свою концепцию, начинает новую мысль. И вместе с тем образованность и энциклопедизм Г.М. Маклюэна вызывали восхищение у многих его современников¹. Свои взгляды и теории он подкреплял примерами из разных областей знания, но, будучи выпускником Кембриджа и профессором английской литературы, чаще всего обращался к литературным ассоциациям. Неслучайно одна из основополагающих работ Маклюэна по теории коммуникации «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» начинается с анализа драмы У. Шекспира «Король Лир» – произведения, которое ученый считал «единственным образцом трехмерной вербальной перспективы в литературе» [46, с. 24]. Данное понятие, не приме-

¹ В 1974 г. в университете Массачусетса Блэр Стоун защитила диссертацию на звание доктора философии (Ph.D.) «Маршалл Маклюэн и гуманистическая традиция: теория медиа и энциклопедизм», в которой подробно рассмотрела роль энциклопедизма Маклюэна в формировании его как ученого и теоретика. (Stone B. *Marshall McLuhan and the humanist tradition: media theory and encyclopedic learning*: Dissertation. Ann Arbor, Mich. UMI Dissertation Services, 1995).

няемое ранее ни в литературоведении, ни в коммуникативистике, является характерным для Маклюэна словообразованием. Анализируя драму Шекспира, ученый пришел к выводу, что английский драматург, в отличие от своих современников-литераторов, по-новому ощущает драматургическое пространство и создает новую визуальную картину мира – не двухмерную плоскую, а объемную. Литературоведческий анализ Маклюэном известного шекспировского текста, в котором современное представление о пространстве накладывается на литературную модель XVII в., представляется достаточно спорным, но он может служить примером подхода канадского ученого к исследованию самых разных явлений – от литературы до теории коммуникации.

Огромная заслуга в популяризации М. Маклюэна как литературного критика принадлежит Юджину Макнамаре (E. McNamara), который в 1969 г. опубликовал сборник литературно-критических статей и эссе «Внутренний пейзаж: Избранная литературная критика Маршалла Маклюэна, 1943–1962» (*The Interior Landscape: Selected Literary Criticism of Marshall McLuhan, 1943–1962*). Эта книга с подробными комментариями Ю. Макнамары остается одним из основных источников для анализа литературоведческого наследия канадского ученого.

Литературный текст является неотъемлемой частью в работах Г.М. Маклюэна. Драматургия У. Шекспира, «Дон Кихот» М. Сервантеса, «Дунсиада» А. Поупа, рассказы Э. По, поэзия и труды по теории литературы Ш. Бодлера, С. Малларме, Э. Паунда и Т. Элиота, проза Д. Джойса, литература американского Юга повлияли на Маклюэна в такой же степени, как труды известных экономистов XIX–XX вв. – на работы его учителя и коллеги Г. Инниса (Harold Innis, 1894–1952). В работах зарубежных и отечественных критиков, посвященных Г.М. Маклюэну, уделяется недостаточное внимание роли литературы в исследованиях ученого, хотя именно изучение литературной составляющей в его теориях может стать ключом к пониманию формирования Маклюэна как личности и теоретика медиа. Растущий интерес к идеям канадского коммуникативиста и его трудам раннего периода заставляет искать новые подходы к изучению Маклюэна. Именно этой проблеме посвящена данная монография.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения наследия Маклюэна – ученого, который оказал огромное влияние на методологию исследования средств массовой коммуникации и теорию коммуникации.

Эта книга является первым в России¹ исследованием литературоведческого наследия Г.М. Маклюэна. Впервые в отечественном литературоведении предпринята попытка анализа литературной критики Маклюэна 1930–1950-х гг. В работе рассмотрен опыт Маклюэна по использованию литературоведческих методов для анализа проблем в области культурологии и теории коммуникации. Автор стремился выявить литературную составляющую в трудах Г.М. Маклюэна на разных этапах творчества ученого, проследить влияние его методов исследования литературы, культуры и коммуникаций на научную гуманитарную мысль XX и начала XXI в.

Новизна работы заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении Г.М. Маклюэн представлен как литературной критик, внесший значительный вклад в изучение западной литературы, и вместе с тем теоретик медиа, использующий литературные тексты как материал для исследования. Предметом дискуссии является правомерность использования литературных методов анализа для изучения культуры, массовых коммуникаций, технологий, что, на наш взгляд, вполне оправдано – литературоведческие методы исследования открывают новые возможности для изучения массмедиа.

Материалом для настоящего исследования послужили литературно-критические и публицистические статьи Г.М. Маклюэна 1930–1960-х гг.², его эпистолярное наследие, основополагающие труды: «Галактика Гутенберга», «Понимание средств коммуникации», «Средство коммуникации – это массаж», «Война и мир в глобальной деревне», «Законы медиа: Новая наука»; опубликованные в разные годы лекции и интервью, посвященные как средствам коммуникации, так и взаимодействию литературы, искусства и массмедиа.

В оборот вводятся ранее не переведенные в России литературно-критические статьи ученого, посвященные «новым критикам» американского Юга, творчеству Э.Л. Паунда, Т.С. Элиота, Д. Джойса, Э. По, его

¹ В 2009 г. на факультете журналистики МГУ автор защитила диссертацию на соискание степени доктора филологических наук на тему «Герберт Маршалл Маклюэн: От исследования литературы к теории медиа». Эта книга основана на тексте диссертации и является первым в своем роде печатным трудом, в котором рассматривается переход канадского теоретика от исследования литературы к созданию теории медиа.

² В основном это материалы, вошедшие в сборник «Внутренний пейзаж: Избранная литературная критика Маршалла Маклюэна, 1943–1962» (*The Interior Landscape: Selected Literary Criticism of Marshall McLuhan, 1943–1962* / Ed. E. McNamara. – New York: McGraw Hill, 1998). Собранные воедино с комментариями Ю. МакНамары, литературно-критические статьи и эссе Маклюэна не только дают представление о литературных предпочтениях автора, но и свидетельствуют о значительной роли, которую литературоведение играло в его жизни и творчестве.

эпистолярное наследие, а также неизвестные в отечественном литературоведении работы Ф. Марчанда «Средство сообщения и посланник» (Marchand P. *Marshall McLuhan: The Medium and the Messenger*, 1989), Д.Ф. Теолла «Виртуальный Маклюэн» (Theoll D. *The Virtual McLuhan*, 2002), Д. Миллера «Маршалл Маклюэн» (Miller J. *Marshall McLuhan*, 1971), Д. Фекете «Критический сумрак: Исследование идеологии англо-американской теории от Элиота до Маклюэна» (Fekete J. *The Critical Twilight. Explorations in the Ideology of Anglo-American Theory from Eliot to McLuhan*, 1977), С. Финкелстейна «Смысл и бессмыслица Маклюэна» (Finkelstein S.W. *Sense and Nonsense of McLuhan*, 1968), а также работы сына ученого Эрика Маклюэна.

Большое влияние на Маклюэна при его переходе от литературоведения к теории коммуникации оказали идеи его старшего коллеги по университету экономиста Г. Инниса. Маклюэн в своих трудах развил и продолжил идеи Инниса. Во многих учебниках, энциклопедиях, научных публикациях Г. Иннис и М. Маклюэн значатся как представители так называемой Торонтской школы теории коммуникации¹. В связи с этим в монографии сопоставляются идеи Г. Инниса и М. Маклюэна, их способы выражения основных идей, роль художественной литературы в их теориях масс-медиа на материале книг «Галактика Гутенберга» Г.М. Маклюэна и «Сдвиг коммуникации» Г. Инниса (Innis H. *The Bias of Communication*, 1951).

Цель, которую ставит перед собой автор, – исследование основных этапов в развитии Г.М. Маклюэна от профессора литературы и литературного критика до теоретика медиа, выявление роли и места художественной, прежде всего английской и американской, литературы в его трудах, посвященных истории и теории медиа, анализ характерных для канадского ученого подходов к изучению общества, культуры, средств коммуникации.

Многогранность интересов Маклюэна: теория медиа, элитарная и массовая культура, западная литература, религия и другие области знаний, а также влияние, которое канадский исследователь оказал на разные сферы деятельности – от теории коммуникаций до высоких технологий, – требуют широкого контекста для изучения его творчества. Именно поэтому нами рассматриваются мировоззренческие и теоретические позиции Г.М. Маклюэна в разные периоды его жизни в контексте развития основ-

¹ См., напр.: Patterson G. *History and Communications: Harold Innis, Marshall McLuhan, the Interpretation of History*. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 1990; Stamps J. *Unthinking Modernity: Innis, McLuhan, and the Frankfurt School*. – Montreal; Kingston: McGill-Queen's Univ. Press, 1995.

ных направлений общественной и культурной жизни Северной Америки 1930–70-х гг., в том числе влияние академической среды, в которой он работал и жил, а также американских и европейских ученых, писателей, поэтов, общественных деятелей на научную мысль и творчество ученого как литературного критика и теоретика медиа. Основное внимание в соответствии с поставленной задачей нами уделено «превращению» Маклюэна из профессора английской литературы и литературного критика в теоретика коммуникации.

Задачи, которые ставил перед собою автор, сводятся к следующему:

1. Охарактеризовать основные вехи биографии Г.М. Маклюэна;
2. Представить обзор российской и зарубежной критики о Маклюэне – литературном критике и теоретике медиа;
3. Рассмотреть связи Маклюэна с «новой критикой» и литературой «южной школы»;
4. Проследить становление Г.М. Маклюэна как литературного критика и теоретика медиа 30–50-х гг. XX в., исследовать ранние литературоведческие работы и труды ученого в области коммуникативистики;
5. Определить роль литературы модернизма в формировании мировоззрения М. Маклюэна как литературного критика и теоретика коммуникации. Выявить и обосновать влияние на Маклюэна – литературоведа, литературного критика и ученого – творчества выдающихся американских и английских представителей модернизма: Э. Паунда, Т.С. Элиота, Д. Джойса;
6. Исследовать основополагающие труды ученого «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека» и «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» с учетом значения этих работ для развития теории коммуникации, учитывая при этом роль литературной составляющей в них.
7. Определить место теории медиа Маклюэна в контексте современных теорий коммуникации;
8. Ввести в литературный оборот не получившие ранее отклика в нашей стране труды зарубежных критиков, в которых рассматривается наследие канадского ученого;
9. Определить понятие «маклюэнизм», оценить его роль в развитии современной гуманитарной мысли.

Поставленные задачи определили методологию исследования, в основу которой положен системный подход с элементами культурно-исторического, социологического, литературно-биографического, компаративистского, структурного и лингвотекстологического методов анализа.

Предметом исследования является эволюция Г.М. Маклюэна от литературного критика до теоретика медиа, значение литературной критики и работ по проблемам коммуникации для литературоведения, коммуникативистики, теории медиа.

Объект исследования – наследие Г. М. Маклюэна, включающее труды разных лет: литературную критику 30-50-х гг., диссертацию «Классический тривиум: Творчество Томаса Нэша в системе знаний своего времени», работы по проблемам медиа, эпистолярное наследие ученого.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых: М.М. Бахтина, Я.Н. Засурского, А.Н. Зверева, Л.М. Земляновой, И.П. Ильина, Ю.М. Лотмана, Д. Х. Альтшулла, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Д. Келлнера, Ф. Лиотара, Д. Крейга, А. Крокера, Э. Тоффлера, Ф. Уэбстера.

В исследовании творческого наследия Маклюэна в области теории медиа автор опирался на работы Г. Геноско, П. Гросвиллера, Д. де Керкове, Э. Маклюэна, Д. Маккуэйла, Ф. Марчанда, Ж. Марчиссо, Д. Миллера, Г. Уиллмота, А. Крокера, П. Левинсона, Б. Невитта, С.Д. Нила, Д. Паттерсона, Р. Перрин, Р. Розенталя, Д.Ф. Теолла, М. Фергюсон, И.И. Засурского, В.П. Терина, В.Ю. Царева, Е.А. Юхвид и многих других исследователей.

При изучении литературной критики канадского ученого, определении роли американской и европейской литературы в становлении Маклюэна автор обращался к работам А.А. Аствацатурова, Е.Ю. Гениевой, Н.Э. Микеладзе, Д.П. Урнова, О.М. Ушаковой, К. Чухрукидзе, М. Каули, Е. Ламберти, Э. Паунда, М. Трембли, Т.С. Элиота, У. Эко и др.

Теоретический аспект монографии связан с проблемой взаимодействия литературы и теории медиа на современном этапе, а также методологии исследования художественной литературы, коммуникативистики и массмедиа на междисциплинарном уровне.

Научно-практическая значимость данной работы определяется возможностью использования ее концепции и фактологического материала как в дальнейших исследованиях творческого наследия Г.М. Маклюэна, литературоведа и теоретика коммуникации и медиаисследователя, так и в практике преподавания теории коммуникации, теории журналистики, истории и теории массмедиа, рекламы в системе вузовского образования по соответствующим направлениям специализации.

Книга представляет интерес для социологов, журналистов, литературоведов, специалистов по теории коммуникации, проблемам массмедиа, рекламы и связей с общественностью, а также студентов и аспирантов соответствующих специализаций.

Автор благодарит профессора Я.Н. Засурского за помощь в выборе стратегии исследования и поддержку, д. фил. н., старшего научного сотрудника факультета журналистики МГУ Л.М. Землянову за полезные замечания и рекомендации, профессора И.В. Кирееву за научные консультации и советы, профессоров Н.А. Богомолова, Е.Л. Вартанову, Б.А. Гиленсона, П.С. Гуревича и Н.Э. Микеладзе за конструктивную критику, которая была учтена при написании этой книги, И.И. Засурского за оригинальные комментарии и нестандартный взгляд на Маклюэна (это изменило мое понимание некоторых маклюэновских текстов), ректора Нижегородского коммерческого института профессора Н.В. Сумцову – за финансовую помощь при издании монографии.

Выражаю глубокую благодарность бывшему директору Программы Маклюэна Университета Торонто профессору Деррику де Керкове. В ходе дискуссий в рамках его семинаров и в личных беседах автору удалось узнать много нового о личности М. Маклюэна, его теориях и их влиянии на развитие разных областей знания – от теории коммуникации до информационных технологий.

Все вопросы, замечания и предложения можно прислать автору по электронной почте arib@bk.ru.

Глава 1. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА Г.М. МАКЛЮЭНА 1930–1950-х гг.

В главе рассматриваются основные этапы жизни и творческой деятельности Г.М. Маклюэна: от учебы в университете Манитобы до докторской диссертации, посвященной творчеству английского литератора Томаса Нэша, увлечение идеями «новых критиков» и творчеством писателей американского Юга, литературная критика ученого и первые работы о проблемах массовой культуры и теории медиа.

Анализ биографии и ранних академических исследований Маклюэна способствует пониманию личности ученого, объясняет истоки формирования его научных интересов в области теории коммуникации.

1.1. Г.М. Маклюэн: вехи биографии

Герберт Маршалл Маклюэн родился 21 июля 1911 г. в канадском городе Эдмонтоне (Edmonton), административном центре провинции Альберта (Alberta)¹, в семье типичных представителей среднего класса: его отец, Герберт Эрнст (Herbert Ernst), был страховым агентом и торговал недвижимостью, хотя не очень преуспел в бизнесе. Успехи и финансовые кризисы семьи были напрямую связаны с разными этапами жизни Канады, и с детства Маршалл знал, что в жизни бывают как удачи, так и проблемы.

Мать, Элси Наоми Холл-Маклюэн (Elsie Naomi Hall-McLuhan), выпускница драматической школы, сначала работала учительницей в баптистской школе, пробовала свои силы в качестве актрисы, затем стала домохозяйкой. У родителей были ирландские и шотландские корни, но они родились и прожили всю свою жизнь в Канаде, были протестантами и посещали в основном методистскую и баптистскую церкви. Родители от

¹ Биографический материал взят из следующих источников: Gordon W.T. *Marshall McLuhan: Escape into Understanding*; Marchand P. *Marshall McLuhan: The Medium and the Messenger*. – New York: Ticknor and Fields, 1989; *Letters of Marshall McLuhan* / Selected and ed. by M. Molinaro, C. McLuhan, W. Toye. – Toronto; Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1987; Miller J. *Marshall McLuhan*. – New York: Viking, 1971; Theall D. F. *The Virtual McLuhan*. – Toronto: McGill-Queen's Univ. Press, 2003.

природы обладали красноречием, общительностью, умением привлечь внимание собеседника. Эти качества унаследовал и Маршалл Маклюэн¹.

Брат Маршалла Маклюэна Морис, ставший священником протестантской церкви, был на два года моложе его. В конце 60-х гг., когда Маршалл получил широкую известность, Морис работал в качестве его помощника, но их сотрудничество продлилось недолго, т. к. Морису было тяжело находиться в тени своего знаменитого брата. Тем не менее отношения между братьями всю жизнь были теплыми и дружескими.

В 1915 г., в самый разгар Первой мировой войны, отец семейства Герберт Маклюэн был призван на военную службу в канадскую армию, где служил в качестве рекрутера. Следует отметить, что среди Маклюэнов не было мужчин, стремящихся служить в армии. Во время Второй мировой войны Маршалл избегал военного призыва.

Герберт и Элси Маклюэны хотели, чтобы их дети стали служителями церкви, поэтому карьера младшего сына Мориса их радовала. Они гордились и старшим сыном, который с ранних лет отличался способностями к языкам и литературе.

В тот год, когда отец поступил на военную службу, семья переехала в г. Виннипег, провинция Манитоба (Winnipeg, Manitoba). Там и вырос Маршалл Маклюэн. После окончания Технической школы Кельвина (Kelvin Technical High School) Г.М. Маклюэн решил стать инженером и в 1928 г. поступил в Университет Манитобы, Канада. Уже тогда проявился его писательский дар. Статьи Маклюэна регулярно появлялись в университетской газете «Манитобиан» (*The Manitobian*)². Проблемы образования, особенности национального немецкого характера, взаимоотношения Германии и Канады, феномен интернационализма, творчество Дж. Мередита, – таковы темы студенческих статей М. Маклюэна.

Интерес к литературе, истории, философии заставил М. Маклюэна поменять специальность. В 1933 г. он получил степень бакалавра искусств (В.А.), а в 1934 г., защитив дипломную работу на тему «Джордж Мередит как поэт и драматургический романист» (*George Meredith as a Poet and Dramatic Novelist*), – степень магистра искусств (М.А.) в Университете Манитобы. Затем Маклюэн решил продолжить образование в Великобритании и поступил в престижный Тринити-колледж Кембриджского университета.

¹ Маклюэну не нравилось, что его имя совпадает с именем отца, поэтому многие свои работы он подписал своим вторым именем – Маршалл. Под именем Маршалл Маклюэн он вошел в историю как исследователь и философ медиа.

² Название университетская газета получила от имени провинции Манитоба (Manitoba) и университета (University of Manitoba).

Именно там сформировались его литературные пристрастия, зародился интерес к медиа. Имея степень магистра искусств, полученную в Университете Манитобы, Маклюэн мог заняться работой над докторской диссертацией, но он считал свои знания недостаточными, поэтому прошел полный курс обучения в области английской литературы в Кембридже, пройдя уровень бакалавриата, магистратуры, и только после этого приступил к работе над докторской диссертацией.

Курс англо-американской литературы в университете Манитобы заканчивался изучением У. Уортсворта. Современная литература не была включена в программу; писатели-модернисты (Д. Джойс, Э. Паунд, Т. Элиот), чье творчество в те годы широко обсуждалось в интеллектуальных кругах Америки и Европы, были за пределами университетского курса. В Кембридже ситуация была иная. В 1910–1930 гг. Кембридж был пионером в области изучения английского языка и литературы, причем обучение было организовано по противоречивой программе короля Эдварда VII, акцент в которой делался в большей степени на критический, чем филологический анализ. Это выгодно отличало Кембридж от Оксфорда.

В Кембридже М. Маклюэн серьезно изучал античную и средневековую историю и литературу, а также современную английскую и американскую литературу. Особый интерес он проявил к творчеству Т.С. Элиота и поэзии викторианцев А. Теннисона и М. Арнольда, читал художественные и философские сочинения Г.К. Честертона.

В 1936 г. Маклюэн получил степень бакалавра искусств, а в 1939 г. – степень магистра искусств. По мнению Ж. Марчиссо, изучение английской литературы, языка и культуры в Кембридже во многом определило методологические подходы Маклюэна к исследованию медиа и появлению его концепции средств массовой коммуникации, в которой ярко выражено ощущение материальности и техничности языка, что во многом обусловлено любовью канадского ученого к поэзии [104, р. 3].

Большое влияние на формирование интересов Маклюэна оказали профессора Кембриджа А.А. Ричардс (I.A. Richards) и Ф.Р. Ливис (F.A. Leavis), которых называли «дедушками “новой критики”» (granddaddies of New Criticism)¹. Принципы школы «новой критики» были близки русской формальной школе. Автор произведения, с точки зрения «новой критики», не так важен, как его труд. «Новых критиков» не интересовал жизненный путь того или иного писателя или поэта, значение для них имели только форма, стиль, технология текста.

¹ См., напр.: Fitzgerald J. *Marshall McLuhan: Wise Guy*. – Quebec: XYZ Publishing, 2001. – Р. 33.

Курс литературы Маклюэн прослушал у А. Ричардса, психолога по образованию. Объектом его научного интереса был сам процесс чтения. Для Ричардса было важно не толкование содержания поэтического произведения, а то, как стихотворение влияет на читателя, какие мысли и чувства оно порождает. Он считал, что всякий опыт непосредственно связан с господствующими на тот момент условиями существования, уровнем жизни людей. Ричардс обращал внимание студентов на систему образов, ритм, функции метафоры и иронии; объяснял, что может сказать художник, мастерски используя средства языка.

Как теоретик Ричардс обращался к риторике Древней Греции. Он полагал, что риторика софистов является предтечей современных исследований о влиянии контекста на содержание сообщения, а также воздействию стратегии убеждения на ясность и силу выражения мыслей в самых разных формах. Позднее теория Ричардса стала стержнем диссертационного исследования Маклюэна.

Свою концепцию преподавания литературы и анализа литературного текста Ричардс изложил в опубликованной в 1929 г. книге «Практический критицизм: Исследование литературного суждения» (Richards I.A. *Practical Criticism: A Study of Literary Judgment*, 1929), в которой, обобщая опыт работы со студентами, требовал от критика «страстного» («passionate») постижения поэзии наряду с бесстрастным психологическим анализом. Эта концепция была очень популярна среди «новых критиков» американского Юга: Р.П. Уоррена, К. Брукса, Д.К. Рэнсома, большой интерес к ней проявлял и Т. Элиот, который в своих трудах не раз обращался к работам Ричардса.

На занятиях Ричардс иногда раздавал студентам стихотворения, сняв их названия и имена авторов. Студенты должны были проанализировать тексты: объяснить символику произведения и причину, по которой к этой теме обратился автор; охарактеризовать поэтическую форму, стилистические и лингвистические особенности стихотворения. Цель таких заданий заключалась в том, чтобы заставить учащихся сконцентрироваться на содержании («the words on the page»), а не на существующем уже и высказанном кем-то мнении о произведении¹.

Ричардс хотел, чтобы студенты могли понять особенности психологического склада поэта, раскрыть его внутренний мир. Такие формы рабо-

¹ Подробнее об этом см.: *Website of English faculty, Cambridge University* (сайт факультета английского языка и литературы Кембриджского университета) *School of English language and literature, Cambridge University* // <http://www.english.cam.ac.uk/vclass/pracrit.htm>

ты развивали навыки критического мышления, умение выразить свои мысли на бумаге. Работы студентов затем зачитывались вслух и анализировались в аудитории, при этом Ричардс позволял себе саркастические замечания и иронию в адрес своих учеников. Подобный подход к анализу литературного текста воспитал в Маклюэне нестандартное мышление. Продолжая традиции Ричардса в общении с коллегами, студентами, а позднее читателями и даже поклонниками, он также позволял себе саркастические и иронические замечания и комментарии.

Сначала Маклюэн скептически относился к предложенной Ричардсом методике литературного анализа текста, но позднее она захватила его, впоследствии он использовал данную методику при изучении средств коммуникации и рекламы¹. Во многих трудах Маклюэна ощутим интерес к метафорической природе языка, иронии, подтексту. Работая в Университете Сент-Луиса (St. Louis University) в 1930-е гг., Маклюэн вел курс практического критицизма (Practical Criticism), обучая студентов анализу текста по методике Ричардса.

Профессор Ф.Р. Ливис учил студентов анализировать окружающую их культурную среду, в том числе рекламу, так же, как и литературное произведение. Он предлагал соединить мир науки и литературы. Влияние Ливиса ощутимо в первой книге Маклюэна «Механическая невеста: Фольклор человека индустриального века» (1951), где в серии эссе реклама рассматривается с учетом исторических и культурологических корней. Идеи и стиль Ливиса Маклюэн использовал позднее в чтении курсов по культурологии.

Маклюэн гордился школой, которую он прошел в Кембридже. По словам Г. Уиллмота, начав преподавательскую деятельность в Университете Висконсина, а затем в 1937 г. в Университете Сент-Луиса, Маклюэн ощущал «себя единственным человеком в США, получившим в Кембридже хорошие знания приемов и техники Ричардса, Эмпсона и Ливиса. Маклюэн ощущал и продавал себя как представитель авангарда “новой критики”»².

В 1930-е гг. многие университетские интеллектуалы придерживались левых взглядов, в литературной критике был популярен марксист-

¹ Этот метод Маклюэн использовал при анализе рекламы в книге «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека».

² «When McLuhan took his first positions at the University of Wisconsin in 1936 and at St. Louis University in 1937, he did so feeling he was ‘the only man in the USA’. With ‘a thorough grounding in the techniques of Richards, Empson and Leavis at Cambridge. McLuhan saw himself, and sold himself, as a representative of the New Critical avant-guard» (Willmot. G. Op. cit. – P. 24).

ский подход к анализу произведений, что выражалось в акценте на историко-социальные аспекты биографии и творчества писателей. Маклюэн категорически отвергал такой подход к изучению литературного текста и преподавал литературу студентам младших и старших курсов так, как его учили в Кембридже Ливис и Ричардс. В поздних трудах, посвященных проблемам массовой коммуникации, Маклюэн «изменил» этой методике и большое внимание уделял историческому и культурологическому контексту, в меньшей степени экономике, при этом его никогда не интересовала классовая борьба. Из писем Маклюэна понятно, что он с большим недоверием относился и к коммунизму, и к СССР. До начала Второй мировой войны он полагал, что реальная угроза миру исходит не от гитлеровской Германии, а от Коминтерна [2, р. 97].

В 1936 г. в журнале «Далхаузи Ревью» (*Dalhousie Review*) была опубликована одна из первых статей Маклюэна «Г.К. Честертон – практический мистик» (*G.R. Chesterton: A Practical Mystic*). Г.К. Честертон и М. Маклюэн объединял интерес к разным областям знаний – литературе, истории, политике, экономике, социологии. Для литературного стиля Честертона, писателя и критика, была характерна простота стиля, сочетавшаяся с парадоксальностью суждений, юмором, игрой слов, внутренней логикой. М. Маклюэн также любил парадоксы, отличался чувством юмора, постоянно изобретал каламбуры и яркие фразы, которые потом стали «крылатыми» выражениями. Стиль Г.К. Честертон, как позднее и стиль Д. Джойса, повлиял на манеру письма М. Маклюэна, достаточно сложную для неподготовленного читателя.

Публицистическое эссе Г.К. Честертон «Что случилось с миром?» (*What's Wrong with the World?* 1910), с которым Маклюэн познакомился еще в 1931 г. во время учебы в Университете Манитобы, оказало бесспорное влияние на мировоззрение канадского исследователя¹. Отчуждение, царящее в современном обществе, отсутствие должного общения между людьми, – такую неприглядную картину современного мира рисует Честертон. Он утверждает, что, доверившись рационализму, люди подчиняют все свои действия разуму, при этом их сердца остаются пустыми, а сами они более не стремятся к совершенству. Честертон пугает бурное разви-

¹ В диссертационном исследовании Дж. Р. Макклири «Провинциальность, патриотизм и национализм. Историческое воображение и литературные работы Г.К. Честертон» одна из глав посвящена влиянию, которое Честертон оказал на писателя И. Во, публициста У. Доусона и М. Маклюэна. (McCleary J.R., Jr. *Locality, Patriotism and Nationalism: Historical Imagination and G.K. Chesterton's Literary Works: A Dissertation for Ph. D. Degree. Department of English, School of Art and Sciences. The Catholic Univ. of America. – Washington D.C., 2004*).

тие цивилизации, «наступающая механизация» мира, которая, по его мнению, пагубно влияет на духовность. Писатель призывает вернуться в патриархальный мир деревенских общин и заявляет, что людям стоило бы пожертвовать всеми «проводами, колесами, системами, специальностями, физикой, бешеными финансами за полчаса счастья... в компании с товарищами в деревенской таверне»¹. Маклюэн разделял взгляды Честертона и соглашался с ним в том, что, подчинившись тирании машин, люди перестают стремиться к совершенству.

Честертона пугали суфражистки, сама возможность равенства между мужчинами и женщинами, в том числе в области избирательных прав и наследования. Маклюэна суфражизм не пугал, хотя в его понимании предназначение женщины заключается в том, чтобы больше времени заниматься домом и семьей, чем работой или общественной деятельностью. Об этом Маклюэн не раз упоминал в статьях разных лет, особенно в 1940-е гг. Общность во взглядах на мир Честертона и Маклюэна во многом объясняется их воспитанием в консервативных семьях, классическим образованием в университетах Великобритании, религиозностью.

В июне 1935 г. Маклюэн был приглашен на званый обед в Лондон, на котором Честертон выступил с небольшой речью. Несмотря на то что у Маклюэна не было возможности поговорить со своим кумиром лично, встреча произвела на него огромное впечатление, о чем он написал на следующий день в дневнике и письме друзьям [2, р. 68].

Отчасти под влиянием убежденного католика Г.К. Честертона в 1937 г. М. Маклюэн принял католицизм. Его родители не одобрили этого шага, поскольку сами были протестантами и полагали, что католичество помешает сыну сделать карьеру в академической среде Северной Америки. Пытаясь объяснить свое решение матери, Маклюэн аргументировал его тем, что многие блестящие умы, гениальные писатели: Ф. Рабле, М. Сервантес, Г.К. Честертон и др. – католики. «Мой поиск религии начался с поиска культуры» [2, р. 72–73], – писал он, надеясь найти понимание у семьи.

В 1947 г. в предисловии к книге Хью Кеннера «Парадокс у Честертона» Маклюэн не только дал высокую оценку работе своего младшего коллеги по университету, но и сформулировал достаточно определенно свое отношение к Честертону, в котором не было излишней эмоциональности, свойственной исследователю в 30-е гг. Маклюэн охарактеризовал

¹ Chesterton G.K. *What's Wrong with the World?* – London: Cassell, 1910. – P. 109. Цит. по: Miller J. Op.cit. – P. 28.

Честертон как продолжателя идеологии Фомы Аквинского, который, понимая причины и происхождение современного хаоса, решает моральные и психологические проблемы. Маклюэн отмечает, что эпическая литература Уильяма Морриса, поэтический стиль Розетти, аллитерации Суинберна, а также юмор и каламбуры Эдварда Лира нашли продолжение в рассказах английского писателя.

Он увидел много общего в стилях Гилберта Честертона и Оскара Уайльда: любовь к парадоксам, эпиграммам, желание и талант создавать «крылатые» запоминающиеся фразы, которые легко тиражируются в цитаты. Все это было характерно и для творческой манеры самого Маклюэна.

По мнению Маклюэна, Честертон был не поэтом, а метафизическим моралистом, «мастером восприятия аналогии и аргументации, которому всегда удавалось сосредоточиться на высокоморальной мудрости по отношению к самым запутанным проблемам своего времени» [18, р. XXI–XXII]. Немного странным кажется то, что в предисловии Маклюэна к книге Х. Кеннера «Парадокс у Честертона» ничего не говорится о ее авторе, хотя Кеннер заслуженно считается одним из авторитетных специалистов в Северной Америке в области англо-американской литературы. Необычное на первый взгляд предисловие к «Парадоксу у Честертона» объясняется характерной для Маклюэна привычкой говорить о том, что ему интересно в определенный момент, независимо от формата публикации и ожиданий редактора или читателей. Таким образом, Маклюэн словно готовил себя к роли оракула, который говорит то, что считает необходимым, и предоставляет другим возможность расшифровывать сказанное.

В конце 1990-х гг. сын Маклюэна Эрик совместно с польским теологом Яцеком Склареком подготовил к печати сборник материалов «Маршалл Маклюэн: Средство коммуникации и свет: размышления о религии» [36], в который вошли статьи, письма, высказывания ученого о религии. Из вошедших в книгу работ и размышлений разных лет можно узнать о влиянии Г.К. Честертон на творчество Г.М. Маклюэна, но и на его религиозный выбор.

Конечно, переход М. Маклюэна из протестантизма в католичество был обусловлен не только влиянием Г.К. Честертон, но и другими причинами. В университете Маклюэн серьезно штудировал труды Фомы Аквинского. Он всегда признавал, что учение Фомы Аквинского оказало на него огромное влияние, а в письме своему ученику У. Онгу утверждал, что его мысли могут быть по-настоящему понятны только томистам [2, р. 280]. Же-

лающим понять революционные процессы в сфере массовых коммуникаций он советовал прочесть работу Ф. Аквинского «*De Spiritualibus Creaturis*». Эти высказывания Маклюэна породили много сравнительных исследований, в которых выстраивались параллели между томизмом и теорией коммуникации М. Маклюэна¹.

Опубликованные Э. Маклюэном и Я. Складреком материалы дают представление о разносторонней и противоречивой личности Г.М. Маклюэна. Неожиданными кажутся нетерпимость и резкие высказывания автора теории «глобальной деревни» о многих мировых религиях. Маклюэн не признавал ни «устарелого и обветшалого» буддизма, ни протестантского рационализма, считая католичество единственно верным выбором. В письме к брату в 1936 г. он признался, что если бы познакомился с католичеством на пять лет раньше, то, возможно, стал бы священником [36, p. 21].

Г.М. Маклюэн не раз выступал с публичными лекциями, призывая сохранять устои патриархального общества, идеальной моделью которого он считал американский Юг. Южан, по его мнению, отличала высокая духовность и культура. «Южные» качества, как утверждал ученый, связаны с широко распространенным на Юге католицизмом, а бездуховность Севера – с протестантизмом. Литературные пристрастия Г.М. Маклюэна также в какой-то степени связаны с его религиозным выбором. Большое влияние на его творчество оказал ирландский писатель-католик Д. Джойс.

В 30-е гг. Маклюэн познакомился с книгой американского социолога Льюиса Мамфорда «Техника и цивилизация» (1934). Л. Мамфорд различал две стадии в индустриальной цивилизации: первую он связывал с паровым двигателем и механизацией жизни общества, а вторую – с появлением телеграфа, телефона, мгновенной всемирной коммуникации. Взгляды Мамфорда, несомненно, оказали влияние на Маклюэна и его теорию. Позднее подобные мысли выскажет и Г. Иннис в своей работе «Сдвиг коммуникации». В своих трудах по теории коммуникации М. Маклюэну удалось ярко и выразительно изложить теорию, многие постулаты которой были определены Мамфордом и Иннисом, но не только благодаря красноречию, афористичности, литературному таланту Маклюэна теория получила ши-

¹ См., например: McDonald H. *McLuhan as a Thomist – some notes* / <http://lepantoleague.org/thomismofmcluhan.htm>; Theall D. *The Virtual McLuhan*. – P. 202–214; Krupnick M. *Marshall McLuhan revisited: media guru as Catholic modernist* // *Modernism/modernity*. – 1998. Vol. 5. № 3. September. – P. 107–122; *McLuhan as a Thomist* // <http://www.vaxxine.com/hyoomik/philo/mcluhan-aquinas.html>

рокую известность и стала предметом всеобщего обсуждения. Продолжая идеи Инниса, Маклюэн в течение нескольких десятков лет в десятках книг и статей подробно излагал основные положения своей концепции медиа. На первый взгляд она кажется нелогичной, но если прочитать большую часть его трудов, то из мозаики высказываний выстраивается стройная система, согласно которой развитие общества обусловлено прогрессом в области средств массовой коммуникации.

Ф. Марчанд считает, что большое влияние на Маклюэна также оказала встреча в Сент-Луисе со швейцарским архитектором Зигфридом Гидеоном [102, р. 69]. З. Гидеон доказал Маклюэну, что реклама не менее интересна, чем серьезная современная литература. Он утверждал, что одно рекламное объявление, одна вещь в универсаме могут многое рассказать об обществе в целом. Вышедшая в 1948 г. книга З. Гидеона «Механизация принимает управление» (*Gideon S. Mechanization Takes Command*) была в определенной степени провозвестником «Системы вещей» Ф. Бодрийяра и «Системы моды» Р. Барта. С книгой З. Гидеона Маклюэн был хорошо знаком и использовал ее в своей работе.

После получения степени бакалавра искусств в Кембриджском университете М. Маклюэн начал преподавать историю и литературу эпохи Возрождения, вел курсы по культурологии и английской литературе. Свою академическую карьеру он начал в Университете штата Висконсин, где организовал неформальные дискуссионные клубы для молодых ученых. Бывший коллега Маклюэна по этому университету Кеннет Кэмерон (*Kenneth Cameron*) вспоминал, что удивительными были не столько взгляды Маклюэна, сколько манера их преподнесения. Маклюэна отличало необыкновенное красноречие. По свидетельству К. Кэмерона, он умел «исключительно ясно и четко выражать мысли.... Если бы Вы записали его речь на магнитофон и затем расшифровали ее, то получили бы великолепное эссе»¹. Возможно, дар красноречия Г.М. Маклюэн унаследовал от матери, получившей театральное образование и имевшей опыт выступления с концертами в разных уголках Канады. В Кембридже М. Маклюэн основательно изучал риторику, что, несомненно, было хорошей практической базой для публичных выступлений.

В 40-е гг. М. Маклюэн стремился сделать карьеру в академической среде. В 1943 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Классический тривиум: Место Томаса Нэша в системе знаний своего времени»

¹ «He was extraordinary articulate... If you had tape recorded his remarks and transcribed them, you would virtually have a perfect essay» (Marchand Ph. Op. cit. – P. 43).

(*The Classical Trivium: The Place of Thomas Nashe in the Learning of His Time*)¹. Получив звание доктора философии (Ph.D.), он стал искать вакансии на должность профессора в североамериканских университетах. В 1944 г. Маклюэн получил предложение о работе в Канаде. Переезд в Канаду устранял угрозу призыва в армию. С 1944 по 1946 гг. он работал в Университете г. Уинзор, провинция Онтарио, а затем перешел в католический колледж Святого Майкла, который был частью Университета Торонто. В этом учебном заведении он проработал до 1979 г.

В католическом колледже Маклюэн, с одной стороны, гордился тем, что выполняет свой долг по отношению к церкви, воспитывая молодежь в соответствии с учением Святого Престола. С другой стороны, он тяготился строгими порядками, установленными в этом учебном заведении.

О консерватизме колледжа Святого Майкла можно судить по его правилам. Каждое занятие в нем начиналось молитвой. Ряд книг, таких как «Том Джонс» Г. Филдинга, «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея, «Элоиза к Абеляру» А. Поупа, были в списке запрещенных; для работы с ними требовалось специальное разрешение. Зарплаты в колледже были значительно ниже, чем в светских подразделениях университета, а уровень преподавания не соответствовал стандартам того времени. Маклюэн считал своей задачей продвигать католические идеи среди молодежи и делал это с энтузиазмом, но чувствовал себя некомфортно в чуждой ему среде. Молодой профессор с кембриджским образованием, энциклопедизмом и остротой ума раздражал многих коллег-католиков. Интеллектуальная жизнь в Торонто не нравилась Маклюэну; он жаловался своим американским коллегам, что в этом городе к культуре относятся в основном как к «неприятной моральной обязанности»².

На самом деле в 1940–50-е гг. Университет Торонто был центром англоязычной культуры Канады, где в это время работали такие блестящие умы, как литературовед Нортроп Фрай, экономисты Джон Истенбрук (John Easternbrook) и Гарольд Иннис. Маклюэн, чья литературная критика не получила широкого признания в академических кругах, с некоторой степенью зависти относился к успехам признанного литературоведа Н. Фрая и неоднократно старался найти в работах коллеги недостатки, особенно по-

¹ В русских переводах можно встретить несколько названий диссертации Маклюэна. В интернет-словарях работа переводится как «Место Томаса Нэша в книжной культуре его времени». См., например, Маршалл Маклюэн // Интернет-энциклопедия «Кругосвет»: <http://www.krugosvet.ru/articles/90/1009093/1009093a1.htm>. В заключении к русскому изданию книги М. Маклюэна «Понимание медиа» М.К. Вавилов сокращает название диссертации до трех слов «Риторика Томаса Нэша» (Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. – С. 414).

² Подробнее об этом см.: Marchand Ph. Op. cit. – P. 80–93.

сле публикации в 1957 г. его известного труда по теории литературы «Анатомия критики: Четыре эссе» (*Anatomy of Criticism: Four Essays*)¹. Успех Фрая долгое время не давал Маклюэну покоя. Однако, приобретя статус медиагуру в 60-е гг., он прекратил нападки на Н. Фрая.

Фрай, в свою очередь, всегда доброжелательно относился к Маклюэну, находя его работы по теории медиа эксцентричными, но заслуживающими серьезного внимания. В книге «Великий код: Библия и литература» Фрай упоминает о Маклюэне как о своем друге. Размышляя об аде как мощном и запоминающемся образе, возникшем из библейского текста и ставшем мощным политическим инструментом в руках церкви, Фрай вспоминает высказывание своего друга и коллеги о том, что «хорошие новости не будут продавать на массовом рынке, пока они не превратятся в плохие новости»².

С Д. Истенбруком у Маклюэна никогда не было конфликтов: их сотрудничество неоднократно приводило к совместным проектам.

В письме к американскому поэту Э. Паунду от 30 июля 1948 г. Маклюэн рисовал достаточно грустную картину жизни и работы в Университете Торонто: «Ни одним колледжем... больше не управляют нормальные люди. Мне не удалось еще встретить людей, которые бы знали, что они делают, не говоря уже о том, зачем они это делают. Всеобщее отречение от престола (отречение от обязанностей. – И.А.) сейчас обычное дело. Как с этим быть? Зомби. Лунатики. Не могу с такими спорить. Они соглашаются со всем, что вы говорите, и идут дальше. Отметьте это как черту нашего времени. Возражений больше нет»³. Этот печальный образ академической жизни в Торонто похож на отрывки из «Бесплодной земли» Т.С. Элиота.

¹ Книга Н. Фрая «Анатомия критики: четыре эссе» была очень серьезной работой, которая неоднократно переиздавалась и до сих пор используется в преподавании курсов по теории литературы, зарубежной литературе в США, Канаде и Европе. Книга Фрая четко структурирована, логична, построена по всем законам академической культуры. Материалом для нее послужили как античная литература, так и творчество писателей-модернистов Т.С. Элиота и Д. Джойса (См.: Frye N. *Anatomy of Criticism. Four Essays*. – Princeton NJ: Princeton Univ. Press, 1973). Следует признать, что Маклюэну не удалось написать серьезного крупного литературоведческого исследования, хотя у него было много замыслов и идей в этой области.

² ... as a friend of mine once remarked, good news will not sell in a mass market until it is perverted into bad news» (Frye N. *The Great Code: The Bible and Literature*. – Orlando, FL: Harvest/HBJ Book, 1982. – P. 74).

³ «No college ... is run by human any more. I have yet to meet anybody who knew what he was doing let alone why he was doing it. Universal Abdication of the human motive is now plain. How to tackle this situation? Zombies. Sleep-walkers. Can't argue with such. They agree with anything you say and go on. Mark that as a present feature» (Letters... – P. 198–199).

Возможно, именно под влиянием поэмы Элиота Маклюэн в таких мрачных красках описал место своей работы.

Негативизм Маклюэна по отношению к университетской жизни объясняется тем, что ему не очень нравилась педагогическая работа. Преподавание на младших курсах он считал бесполезной рутинной («useless routine») [2, p. 198]. Маклюэну хотелось творить. Он ощущал в себе талант литератора, поэтому Паунду он писал, что не читает лекции, а пишет поэмы, используя метод Паунда из книги «Алфавит для чтения»¹.

В Университете Торонто Маклюэн преподавал творчество У. Шекспира студентам первых курсов, современную поэзию и драму студентам-отличникам четвертого курса («Fourth Year Honours»), а позднее английскую поэзию 1500–1660 гг. лучшим студентам второго курса («Second Year Honours»). Он также вел семинары по современной критике и междисциплинарный семинар по коммуникации. По воспоминаниям коллег и студентов, он мало интересовался программами курсов, но много времени уделял темам и произведениям, которые считал достойными серьезного внимания [2, с. 172].

Маклюэн всегда пытался окружать себя близкими ему по духу людьми – литераторами, большинство из которых были католиками. В Университете Сент-Луиса в этот круг входили профессор Феликс Джованелли, литературный критик Джон Ферелли (John Ferelli) и писатель Джон Фарелл (John Farrell). В Торонто он сблизился с многообещающим молодым преподавателем английской и американской литературы Хью Кеннером, для которого в первые годы знакомства был своеобразным наставником.

По воспоминаниям Хью Кеннера, Маклюэн раскрыл ему мир поэзии Т.С. Элиота, познакомил с трудами А.А. Ричардса «Практическая критика» и Ф.Р. Ливиса «Новые ориентиры в английской поэзии», а также с работами У. Льюиса. В письме к Филиппу Марчанду Кеннер признавался, что встреча с Маклюэном оказала на него огромное влияние и для него «раскрылось столько окон» [102, p. 93], окон в мир литературы и литературной критики.

В 1940-е гг., помимо темы американского Юга, Маклюэн в своих работах обращался к творчеству А. Теннисона, Д. Китса, С. Кольриджа, А. Попа, но особый интерес он проявил к поэзии и критике Э. Паунда и Т. Элиота и прозе Д. Джойса.

¹ «But I do not lecture about pots. I produce poems. *The ABC of Reading method*» (Ibid).

В этот период времени Маклюэн был также увлечен исследованием феномена массовой культуры, в частности рекламы. Читая курс современной рекламы и культуры, он вырезал для занятий рекламные модули и тексты из газет и журналов. Он предлагал студентам оценить их, связать с европейскими художественными и литературными традициями. Анализу на занятиях подвергались и популярные комиксы 1930–1940-х гг. Из собранных материалов возникла первая книга канадского исследователя «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека». Сначала отрывки из книги под названием «Фольклор индустриального человека» были опубликованы в журнале «Ньюротика» (*Neurotica*) [32, р. 3–20]. В 1951 г. в издательстве «Вангард пресс» книга вышла целиком.

В своей первой книге «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека», как и во многих публикациях 40-х гг., Маклюэн планировал обрушиться с критикой на современное североамериканское общество. Книга эта содержала фотографии комиксов, постеров, рекламных объявлений и комментарии к ним в формате эссе. В «Механической невесте» Маклюэн задумал покритиковать не только современную рекламу, но и современную культуру в целом: он пытался развенчать романтику американских вестернов, комиксы, прославлявшие суперменов, рекламу дезодорантов, обещающую море счастья их покупателям.

В «Механической невесте» ощутимо сильное влияние кембриджской школы «новой критики». Маклюэн стремился проанализировать отдельные образцы рекламной продукции и поп-культуры как произведения искусства, которые, по его мнению, являются основой американского мифотворчества и «фольклора». Коллекция вырезок модульной и имиджевой рекламы из газет и журналов 1930–1940-х гг., популярных комиксов, как уже упоминалось выше, была частью учебного материала для аудиторной работы, который профессор Маклюэн использовал на практических занятиях при чтении курсов по современной рекламе.

Основные темы его книги – упадок культуры, редукция ценности отдельной личности в результате тотального механизма и массового производства. Безотцовщина и деградация мужчины как продукт женского воспитания (примером такого типичного, по мнению Маклюэна, американского мужчины был персонаж американских комиксов инфантильный Дэгвуд); сухой американский рационализм, который охватывает разные стороны жизни, в том числе образование; грубость и цинизм, стоящие за методом самосовершенствования в стиле Дейла Карнеги – таковы, с точки зрения Маклюэна, причины деградации общества и личности.

Фашизм, война, искаженные образы смерти и сексуальности, – тако-
вы, по мнению Д. Стэмпис, основные темы «Механической невесты» [118,
р. 111].

В «Механической невесте» Маклюэн впервые высказал мысль о том,
что средства коммуникации являются продолжением человека. Изучая ре-
кламу автомобилей, он заметил, что между человеком и машиной много
общего, и нередко они «продолжают друг друга». Так, в рекламе «Выбор
мужа» («Husband's Choice») изгиб идеальной фигуры молодой женщины
напоминает форму совершенного «понтака». Более подробно ученый раз-
вил эту идею в книге «Понимание средств коммуникации: Продолжение
человека».

Маклюэн в «Механической невесте» стремился к роли стороннего
наблюдателя, который предлагал на суд читателя образцы продуктов массо-
вой культуры с соответствующими комментариями. Книга эта не является
академическим исследованием. В ней нет попыток проанализировать тен-
денции современной культуры, основываясь на научных методах. Из мозаи-
ки авторских наблюдений, представленных образцов читатель должен был
самостоятельно сделать выводы об истоках, проблемах и будущем амери-
канской культуры. Вместе с тем авторские комментарии дают основание го-
ворить о критическом отношении автора к американской действительности,
американской массовой культуре, американскому менталитету.

Реклама виски «Лорд Калверт» со слоганом «За выдающихся мужчин
– Лорд Калверт!» («For Men of Distinction – Lord Calvert»), на которой с бо-
калом виски в руках изображены девять джентльменов, объединенных лю-
бовью к напитку, вызвала у Маклюэна ироничные замечания. Он отметил,
что среди пьющих виски нет ни одного представителя науки, искусства,
промышленности, поскольку авторы рекламы считают, что среди них нет
выдающихся личностей¹. Маклюэн предлагал задуматься о том, что в аме-
риканском обществе считается истинной ценностью, кто является моделью
для подражания.

В «Механической невесте» и более поздних трудах исследователь
Маклюэн победил консерватора Маклюэна. Докапываясь до истоков аме-
риканской поп-культуры, канадский профессор обращался к эпосу народов
Европы, к литературе и искусству Средневековья и эпохи Возрождения.
Проводя параллели между персонажами комиксов (например, Суперменом)
и средневековыми героями, Маклюэн доказывал, что комиксы, ве-

¹ «Why pick on the arts? Hasn't anyone in science or industry ever distinguished himself by drinking whiskey?» (McLuhan.M. *The Mechanical Bride*. – P. 56).

стерны и даже реклама являются своеобразным эпосом американского народа с его недолгой историей, «фольклором индустриального человека».

Нельзя не согласиться с Д. Стэмпе в том, что Маклюэн в «Механической невесте», анализируя состояние современной североамериканской массовой культуры, с одной стороны, пытался следовать традициям Ричардса и Ливиса, с другой стороны, в духе ученых Франкфуртской школы затронул, что ему не свойственно, влияние социальных проблем на развитие культуры в североамериканском обществе [35, p. 56].

Огромную роль в формировании интереса Маклюэна к теории медиа сыграл его старший коллега по университету Торонто экономист Гарольд Иннис. Иннис преподавал политическую экономию. Он известен как автор книг по экономической истории Канады «Торговля мехом в Канаде» (*The Fur Trade in Canada*, 1930), «Промысел трески» (*The Cod Fisheries*, 1940). После визита в СССР в 1945 г. Г. Иннис опубликовал на страницах «Файненшиэл Пост» (*Financial Post*) заметки о своих впечатлениях под названием «Русский дневник» (*Russian Diary*), в котором смело критиковал неэффективную, с его точки зрения, экономическую и политическую модель советского общества, писал о репрессиях и недоверии советских людей к иностранцам, пытался дать советы власть предержащим в нашей стране о том, как в кратчайшие сроки можно изменить эту систему, но его рекомендации, естественно, не были замечены в СССР. В 1981 г. «Русский дневник» Инниса вышел отдельным изданием в университете Торонто¹. Российский исследователь С.В. Архипов, анализируя «Русский дневник» Инниса, пришел к выводу, что канадский экономист, несмотря на жесткую критику советской системы, в целом отстаивал идею сотрудничества между Канадой и СССР [398].

Однако интерес Маклюэна к Иннису обусловлен не экономическими трудами коллеги и не заметками о России, а его работами более поздних лет – «Империя и коммуникация» (*Empire and Communication*, 1950) и «Сдвиг коммуникации» (*The Bias of Communication*, 1951).

Маклюэн и Иннис познакомились в университете Торонто в конце 40-х гг. Ф. Марчанд полагает, что встреча двух исследователей в апреле 1949 г., в ходе которой Иннис поделился своими необычными мыслями о характере печатных СМИ и радио, привлекла внимание Маклюэна к проблеме взаимодействия медиа и общества [102, p. 212]. В 1950 г. вышла в свет

¹ Innis on Russia // Innis H. *The Russian Diary and Other Writings* / Ed. W. Christian. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 1981. P. 15–50. В России перевод отрывков из «Русского дневника» был опубликован в журнале «Пушкин» в 1998 г. (См.: Иннис Г.А. Фрагменты из «Русского дневника» // Пушкин. 1998. № 5(11). 1 июля).

книга Инниса «Империя и коммуникация», в которой автор исследовал мировые империи с Древнего Египта до новейшего времени и виды коммуникаций, которые сформировали их. Можно сказать, что Иннис был первым технологическим детерминистом, утверждавшим, что технологии и различные средства коммуникации играют определяющую роль в развитии цивилизации на каждом историческом этапе. Позднее эти идеи в своих трудах развил Маклюэн.

Прочитав книгу «Империя и коммуникация», Маклюэн в письме к Иннису выразил восхищение масштабом проделанной работы и высказал предположение, что данное исследование станет частью новой научной школы [2, р. 221]. Шестистраничное письмо Маклюэна к Иннису напоминает эссе. В нем ученый не столько рассматривал основные положения, изложенные в книге коллеги, сколько сформулировал свое представление о теории массмедиа, которое нашло продолжение в «Галактике Гутенберга», «Понимании средств коммуникации» и других работах.

В 1951 г., за год до смерти Инниса, вышла его книга «Сдвиг коммуникации». Эта работа представляет собой ряд статей и эссе, в которых автор сформулировал основные положения своей теории коммуникации. Иннис подразделял средства массовой коммуникации (СМК) на два вида: «временные» (time binding media) и «пространственные» (space binding media). Согласно Иннису, одни цивилизации концентрируются на времени, другие – на пространстве. Те, которые ориентированы на пространство, имеют легкие и подвижные средства коммуникации, которые легко хранить и передавать адресату (например папирус). «Временные» СМК, как утверждает ученый, помогают управлять государствами. Такие государства (Иннис называет их империями) быстро растут территориально и имеют разветвленную сеть управления. Функциями хранения информации и властными полномочиями в таких системах наделен социум, а не элиты.

«Временные» СМК, по мнению Инниса, – это устные виды коммуникации: эпос, песни, а также книги и рукописи, они живут долго и должны передавать информацию об идеалах и ценностях данной цивилизации из поколения в поколение. Такой тип хранения информации и тип коммуникации, как полагал ученый, существует в традиционных обществах со строгой социальной иерархией, например в Древнем Египте. Доступ к информации и к ее распространению в таких системах имеет узкая группа людей, наделенная высшей властью. Г. Иннис уверен, что временные СМК стабилизируют окружающий нас мир и оказывают особое влияние на закрытые общества, помогая сохранить их культуру, в то время как про-

странственные СМК: радио, телевидение, газеты, журналы, – напротив, стремятся охватить как можно большую аудиторию, но их влияние кратко-срочно.

Иннис исследовал историю развития коммуникация с алфавита и письменности Древнего мира до новейших времен. Он признавался, что трепетно относится к «временным» СМК, поскольку их предназначение – передать историю народа для следующих поколений, и эта задача важна для общества [328, р. 61].

На основе проведенного исследования Иннис сделал заключение о том, что «пространственные» СМК способствуют развитию технологий, но их главная задача – управление большими территориями. В основе «пространственных» СМК, по мнению Инниса, лежат коммерциализация и имперские задачи. Слово «империалистичность», которое позднее М. Маклюэн заменит крылатым выражением «глобальная деревня», часто встречается в его трудах.

Средства коммуникации, согласно теории Инниса, определяют тип общественного устройства и управления им. Тот, кто находится у власти, подчеркивает исследователь, контролирует и СМК. Отсюда следует, что по типу СМК можно судить о культуре и политике государства на определенном историческом отрезке. С этим утверждением категорически не согласна российский политолог и специалист в области массмедиа Е.Я. Дьякова. Она справедливо отмечает, что выводы Г. Инниса о прямой зависимости власти от соответствующих коммуникативных технологий не состоятельны, и обращает внимание на то, что, если следовать логике Инниса, «представительная демократия ...появляется с изобретением печатного станка и утрачивает смысл с появлением телевидения» [368, с. 49–50]. Конечно, с такими заявлениями канадского ученого нельзя согласиться, поскольку они противоречат историческому опыту.

Иннис считал, что перемены в обществе идут с периферии. Именно там, как утверждал ученый, обитатели окраин изобретали новые средства коммуникации, которые вступали в противоречие с официально принятыми, а в результате возникало нечто новое, прогрессивное, что двигало цивилизацию, помогая ей совершить рывок, «сдвиг» вперед. Примером таких перемен, по мнению Инниса, стал переход от латинских текстов на пергаменте – средства коммуникации христианской церкви – к светскому письму на разных европейских языках, выполненному на бумаге.

Г. Иннис сожалел об утрате традиции устного общения и переходе к письменному, а затем печатному средствам коммуникации, что, как он считал, мешает людям общаться друг с другом и таким образом поддержи-

вать стабильность в обществе. В работах ученого ощущается страх канадца за будущее своей страны. Канада, как признавал исследователь, находится между европейской культурой, с которой она исторически связана своим прошлым, и агрессивной культурой Американской империи. Иннису не нравилось, что влияние США на его страну усиливалось, его пугало, что под влиянием массмедиа «американского культурного империализма» канадская культура будет уничтожена.

Маклюэн стремился к сотрудничеству с Иннисом. Хотя они были разными людьми: Маклюэн – консервативный католик, Иннис – классический либерал и баптист, – их объединял интерес к исследованию медиа. Маклюэн предложил коллеге выпускать бюллетень (newsletter) под названием «Сеть» (*Network*), который бы объединил специалистов из разных областей знания, интересующихся и изучающих средства массовой коммуникации. Иннис поддержал идею, но смерть в 1952 г. не позволила осуществить этот проект.

О роли последних книг Инниса в развитии теории коммуникации и формировании его видения истории медиа Маклюэн написал в 1953 г. в статье «Поздний Иннис» (*The Later Innis*) [9, р. 385–394]. Отдавая должное памяти Инниса, «Галактику Гутенберга» Маклюэн скромно назвал «примечанием» (*footnote*) к Иннису. Однако это было несомненным преувеличением – работы Инниса не получили широкой известности, а Маклюэн вскоре приобрел статус медиагуру. К вышедшему в 1964 г. изданию «Сдвига коммуникации» Маклюэн написал предисловие, в котором признал, что работы Инниса сформировали его интерес к проблеме коммуникации и дали направление исследования. В 1992 г. Эдмунд Карпентер в статье «Вспоминая “Эксплорейшнс”» (*Remembering “Explorations”*) выразил сомнение в том, что именно труды Инниса определили поворот М. Маклюэна от исследования литературы к массмедиа. Карпентер убежден, что интерес к проблемам коммуникации возник у его партнера по журналу «Эксплорейшнс» независимо от Инниса, хотя труды канадского экономиста, рассматривающие историю развития коммуникации, натолкнули Маклюэна на новые идеи [80, р. 3–13]. В 1990-е гг. на обложке «Сдвига коммуникации» издатели дали следующую характеристику книге: «Классический канадский труд по коммуникации от человека, который вдохновил Маршалла Маклюэна»¹. Таким образом, место ученых в истории исследования массовой коммуникации было определено. Следует помнить, что имена Инниса и Ма-

¹ «The classic Canadian work on communication by the man who inspired Marshall McLuhan». См.: Innis H. Op.cit.

ключе́на неразрывно связаны друг с другом. Их считают основателями так называемой Торонтской школы теории коммуникации¹.

После смерти Инниса Маклюэн не оставил идею выпуска периодического издания, посвященного массовой коммуникации. Вместе с коллегой и единомышленником Эдмундом Карпентером (Edmund Carpenter) он в 1953 г. задумал выпуск журнала, на страницах которого литература, искусство, медиа, технологии могли быть рассмотрены междисциплинарно. По замыслу Маклюэна, именно сочетание публикаций разной тематики, исследований из разных областей знания было наилучшим подходом к исследованию средств коммуникации и других гуманитарных областей знания.

Отсутствие средств на осуществление замысла привело Маклюэна и Карпентера к мысли искать финансовую поддержку вне университета. В этом же году они подали заявку на междисциплинарный исследовательский грант фонда Форда. Отборочная комиссия признала тему их проекта «Изменяющиеся модели языка и поведения и новые средства коммуникации» («*Changing Patterns of Language and Behavior and New Media of Communication*») интересной. Таким образом, Маклюэн и Карпентер, опередив две группы коллег по университету Торонто, получили от фонда финансовую помощь в сумме \$44 250. В те годы это была очень серьезная поддержка. К работе над проектом ученые привлекли коллег из университета Торонто: экономиста Тома Истербрука, профессора психологии Карла Уильямса (Carl Williams) и профессора архитектуры и городского планирования Жаклин Тирвитт (Jaqueline Tirwhitt). Несмотря на разницу во взглядах и подходах к научному исследованию, группе удалось организовать семинары, слушателями которых были студенты старших курсов и аспиранты. В рамках семинаров участники обсуждали проблемы теории коммуникации и

¹ Общее и различное в теориях коммуникации Г. Инниса и М. Маклюэна рассматривалось во многих трудах зарубежных исследователей. Например, американский теоретик коммуникации Д. Кэрри (J. Carey) доказывал, что заслуга Маклюэна невелика – он взял некоторые детали из системы Инниса и, удачно обыграв их, сумел сделать на этом имя (Carey J. Harold Innis and Marshall McLuhan // *The Anitoché Review*. 1967. Vol. 27. № 1. Spring, P. 5–39). По мнению других исследователей, достижения Маклюэна в создании теории массмедиа неоспоримы, во многом он продолжил идеи Инниса. (См.: Kroker A. *Technology and the Canadian Mind: Innis/McLuhan/Grant*. – Montreal: New World Perspectives, 1985; Onufrijchuk R. *Introducing Innis/McLuhan Concluding: The Innis in McLuhan's 'System'* // *Continuum; The Australian Journal of Media and Culture*. 1993. Vol. 7. № 1. P. 43–74; Patterson G. *History and Communications: Harold Innis, Marshall McLuhan, the Interpretation of History*. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 1990; Winter J.P., Goldman I. *Comparing the Early and Late McLuhan to Innis' Political Discourse* // *The Canadian Journal of Communication*. 1989. Vol. 14. № 4, 5. December. P. 92–100.

другие темы, которые, как полагал Маклюэн, имеют отношение к медиа и их восприятию.

На деньги гранта Маклюэн и Карпентер смогли осуществить свою мечту и в течение двух лет (1953–1955 гг.) издавали журнал «Эксплорейшнс» (*Explorations*). Это издание дало возможность высказаться разным специалистам: литераторам, психологам, социологам, философам, исследователям медиа. Некоторые из авторов были широко известны своей экстравагантностью и склонностью к эпатажу. Так, в первом номере «Эксплорейшнс» была напечатана статья редактора психологического журнала «Ньюротика» Гершона Легмана, содержащая критику американских комиксов. Легман был легендарной личностью среди нью-йоркских интеллектуалов. Он коллекционировал фольклор и эротическую литературу, был автором книг «Не предмет для смеха: Смысл грязных шуток» (*No Laughing Matter: the Rational of the Dirty Joke*) и «Лимерик: 1700 примерок с комментариями» (*The Limerick: 1700 Examples with Notes*). Ф. Марчанд назвал Легмана «прототипом хиппи» [102, р. 120]. Такое мнение обусловлено манерой Легмана неформально одеваться, носить веревку вместо ремня для брюк и т. д.

В первом номере «Эксплорейшнс» Маклюэн выступил с программной статьей «Культура без грамотности» (*Culture Without Literacy*), в которой, продолжая идеи Инниса, обобщил историю западной цивилизации с позиций коммуникативистики, т. е. через призму развития массмедиа. Ученый утверждал, что все в мире взаимосвязано и для понимания происходящего необходимо изучать и соединять науку и искусство. Маклюэн предложил новый подход к изучению явлений – «наблюдение минус идеи» (*observation minus ideas*) [2, р. 538]. Этот метод также известен как «пробы» (*probes*) – необычные эксперименты междисциплинарного характера с непредсказуемыми результатами¹.

В апрельском номере «Эксплорейшнс» 1954 г. в статье «Заметки о средствах коммуникации как формах искусства» (*Notes on the Media as Art Forms*) Маклюэн впервые обратился к новому средству коммуникации – телевидению, которое, по его мнению, во многом отлично от кинематографа, а телевизионный зритель в какой-то степени сам является экраном»².

¹ Яркие примеры этих экспериментов, соединяющих искусство, медиа, литературу, можно увидеть в «Книге проб» М. Маклюэна. См.: McLuhan M. *The Book of Probes* // M. McLuhan and D. Carson; Eds. E. McLuhan and W. Kuhns. – New York: Ginkgo Press, 2008.

² Цит. по: Marchand Ph. *Op.cit.* – P.123.

Журнал «Эксплорейшнс» стал новым этапом в жизни Маклюэна. Этот проект позволил ученому отойти от рутины преподавательской деятельности, заняться новыми для него исследованиями в сфере массовой коммуникации и сформировать круг единомышленников – позднее многие из них стали адептами его учения о медиа, – а также заявить о себе в интеллектуальных кругах США и Канады. Определенный резонанс в тот период (1953–1955 гг.) получила и деятельность Маклюэна в качестве руководителя семинара по культуре и коммуникациям, спонсором которого был также фонд Форда.

Интерес к разным областям человеческой деятельности не раз сталкивал Маклюэна со сферой бизнеса. С 1955 по 1956 г. Маклюэн, организовав агентство по связям с общественностью «Консультанты идей» («Idea Consultants»), пытался продавать удачные, на его взгляд, бизнес-идеи и прогнозы. Однако он не состоялся как предприниматель, агентство пришлось закрыть. Интересно отметить, что ряд предсказаний Маклюэна относительно продуктов, которые будут востребованы в будущем, среди них ученый называл видеокассету, металлическую банку для пива и колы, оправдались, но к словам ученого в 50-е гг. никто не прислушался. Позднее, в 1960-е гг., идеи Маклюэна, его пророчества стали широко востребованы. Своими мыслями он делился с бизнесменами, крупными политиками и получал за это высокие гонорары.

В 1959 г. Национальная организация образовательного телевизионного и радиовещания – НООТР (*National Organization of Educational Broadcasters*) после блестящего выступления Маклюэна на конференции общества в Омахе предложила профессору разработать программу курса по массмедиа для учащихся одиннадцатых классов средних школ США. Маклюэн предупредил, что предложенный им курс будет сосредоточен не столько вокруг содержания СМИ, сколько вокруг их «грамматики» – новых языков радио, телевидения, печати и др. Все условия ученого были приняты. Финансовая поддержка организации позволила Маклюэну взять годичный отпуск в университете и заняться программой курса и исследованием медиа¹. Параллельно с подготовкой учебного курса ученый начал работать над книгой «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» – одним из его основополагающих трудов, посвященных эволюции средств массовой коммуникации от первобытной бесписьменной культуры до распада «галактики Гутенберга» и возникновения электронных СМИ.

¹ Подробнее об этом см.: Marchand Ph. Op. cit. – P.141.

В 1959 г. Маклюэн представил НООТР программу курса и отчет о проделанном исследовании, который в 1960 г. был опубликован под названием «Доклад о проекте по пониманию новых медиа» (*Report on Project in Understanding New Media*). По мнению представителей НООТР, программа была слишком сложной для одиннадцатиклассников, а ее автор не имеет представления о преподавании в старших классах школы. Вопросы «Речь как организованное заикание основана ли на времени? Какое отношение речь имеет к пространству?» вызвали недоумение у членов комиссии НООТР. Однако Маклюэн утверждал, что разработанная им программа не показалась трудной учащимся, с которыми он обсуждал свой курс. Маклюэн дал понять, что молодежь, в отличие от старшего поколения, в том числе представителей НООТР, более восприимчива ко всему новому¹.

Окончательный отчет Маклюэна по проекту новых медиа включал сценарий провокационного видеоприложения, в начале которого юная Лолита целует престарелого джентльмена, а закадровый голос советует отправить родителей перед просмотром сюжета спать. Фильм был задуман как иллюстрация к проблеме восприятия новаций родителями и детьми. По мнению Маклюэна, подростки быстро адаптируются к новым технологиям, в том числе медийным, поэтому создают свои общины по интересам, со своими правилами и ритуалами, вход в которые взрослым воспрещен. Коммуны хиппи в тот период еще не существовали, студенческие революции были впереди, но Маклюэн как будто предвидел их появление.

Результатом годичного исследования НООТР стала не только школьная программа по изучению медиа, но и книга «Галактика Гутенберга», опубликованная в 1962 г. Она, несомненно, написана под влиянием работ Г. Инниса «Империя коммуникации» и «Сдвиг коммуникации». В «Галактике Гутенберга» автор исследует возникновение так называемого человека эпохи Гутенберга, личности, чье сознание сформировалось с появлением печатной культуры. Маклюэн утверждает, что технологии – это не просто изобретения, созданные людьми, а средства, с помощью которых люди создаются заново. В книге анализируется влияние разных средств коммуникации и технологий на европейскую культуру. «Галактика Гутенберга» стала своеобразным манифестом нового направления гуманитарной мысли, провозгласившего, что прогресс человечества связан с изобретением новых технологий и средств массовой коммуникации.

¹ Op. cit. – P. 146–147.

Параллельно с «Галактикой Гутенберга» шла работа над книгой «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека» (1964). Впервые Маклюэн предложил классификацию медиа на «горячие» и «прохладные», представил свою концепцию превращения содержания одного средства коммуникации в другое СМК и дал свою классификацию массмедиа, в которой нашлось место и рукописи, и одежде, и комиксам, и дорожным картам.

Публикация «Галактики Гутенберга» и «Понимания средств коммуникации» получила большой резонанс. Некоторые критики сочли это неоправданным преувеличением роли новаций и технологий в жизни современного общества и приклеили к Маклюэну ярлык «технического детерминиста». Другие, напротив, в теории Маклюэна нашли для себя глубинный смысл и объяснение многим явлениям. Для них канадский мыслитель стал медиагуру.

Вышедшая в 1964 г. книга «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека», самое значительное произведение Маклюэна, стала культовой книгой для поколения 60-х гг. В 1965 г. было продано 100 000 экземпляров в бумажном переплете, что уникально для академического издания. Книгу с интересом читали не только специалисты в области массмедиа, но и широкая общественность. Ее обсуждали в Америке и Европе, причем мнения об идеях, изложенных в ней автором, – полярные; некоторые критики считают Маклюэна мыслителем уровня Ньютона, Фрейда, Эйнштейна (Т. Вульф)¹, другие – лжеученым.

В 1963 г. Маклюэн получил предложение от администрации Колледжа Св. Майкла возглавить центр на территории университета Торонто для проведения междисциплинарных семинаров. Эта идея исходила от ректора Клода Бисселла (Claud Bissell), заместителя декана по магистерским программам Эрнста Серлака (Ernst Sirluck) и профессора Джона Келли (John Kelly), коллег и друзей ученого, которые боялись, что Маклюэн, став популярной фигурой в академических кругах, может принять выгодное предложение от одного из американских университетов и переехать в США². По их мнению, определенная свобода и возможность творчества могли

¹ Т. Вульф писал о М. Маклюэне: «Представьте, что он такой, каким он кажется – самый важный мыслитель после Ньютона, Фрейда, Эйнштейна и Павлова... А что если он прав? (Suppose he ... Suppose he is what he sounds like, the most important thinker since Newton, Darwin, Freud, Einstein, and Pavlov, - *what if he is right?*). (См.: Wolfe T. What if he is right? / <http://www.digitallantern.net/mcluhan/course/spring96/wolfe.html>).

² Следует признать, что отношение к Маклюэну в Университете Торонто было неоднозначным. Помимо сторонников, среди коллег было много тех, кто считал его теории абсурдными и был бы рад отъезду Маклюэна из Торонто в США.

удержать Маклюэна в Торонто. Таким образом был создан Центр культуры и технологии (Center for Culture and Technology). Он стал местом, в котором не только собирались студенты старших курсов и аспиранты, чтобы обсудить проблемы коммуникации в преломлении к разным областям знания, но также университетские преподаватели и специалисты в области массмедиа, информационных технологий, литературы, искусства, культуры, многие из которых предлагали оценить исследовательские и художественные проекты.

Центр просуществовал до 1981 г. и был закрыт после смерти Маклюэна, что вызвало протесты в университете и за его пределами. В настоящее время в этом здании проходят семинары Программы М. Маклюэна, директором которой более двадцати лет является ученик Маклюэна профессор Университета Торонто Деррик де Керкове. Семинары собирают не только учащихся Торонтского университета, но также аспирантов и исследователей из разных стран мира.

В течение десяти лет после публикации «Галактика Гутенберга» и «Понимание средств коммуникации» были переведены более чем на двадцать иностранных языков. Исследователь медиа Д. Цитром, характеризуя неожиданно пришедшую к Маклюэну славу, сравнивал ее с падением метеорита из космоса [82, р. 166]. Так Маклюэн приобрел статус знаменитости и медиагуру.

В 1967 г. Маклюэн на время покинул Торонто, приняв предложение Университета Фордхэм читать лекции. В том году слава Маклюэна достигла своего пика. Только в «Нью-Йорк Таймс» о нем вышло 27 публикаций. Статьи о Маклюэне появились и во многих других изданиях – журналах «Форчен» (*Fortune*), «Ньюсвик» (*Newsweek*), «Эксквайер» (*Esquire*), «Тайм» (*Time*), «Лук» (*Look*), «Партизан Ревью» (*Partisan review*), «Вог» (*Vogue*), «Энкаунтер» (*Encounter*). С 1967 по 1971 г. вышло семь книг о М. Маклюэне: «Маклюэн: Горячий и прохладный» под редакцией Д.Э. Стеарна (1967), «Маклюэн: За и против» под редакцией Р. Розенталя (1968), «Взрыв Маклюэна» под редакцией Г. Кросби и Г.Р. Бонда (1968), «Смысл и бессмыслица Маклюэна» С. Финкелстайна (1969), «Маршалл Маклюэн» Д. Даффи (1969), «Маклюэн» Д. Миллера (1971), «Средство коммуникации – окно заднего ряда: Понимание Маклюэна» Д. Теолла (1971).

По мнению писателя Тома Вульфа, мировая слава пришла к Маклюэну намного быстрее, чем когда-то к З. Фрейду, поскольку СМИ в 60-е гг. были оперативны и информация в «глобальной деревне» распространялась

моментально [58, р. 162]. Маклюэн стал «содержанием медиа», которые он анализировал в 60-е гг.

По воспоминаниям Нила Комптона, популярность канадского теоретика медиа достигла апогея к 1967 г.: его фотографии украшали многие американские и канадские издания, карикатуристы из «Нью Йоркера» и «Сэтердей Ревью» придумывали и изображали смешные эпизоды из жизни профессора и его поклонников, шутили о «маклюомании» (McLuhancy), которая охватила американское общество. Телекомпания ЭнБиСи (NBC) представила часовой документальный фильм о деятельности ученого, а книга «Средство коммуникации – сообщение» продавалась во всех известных книжных магазинах США, рецензии на нее печатались всеми крупными изданиями [109, р. 106]. Удивительным в эти годы было то, что интерес к Маклюэну и его трудам проявили не только интеллектуалы, но и средние американцы. Следует отметить, что канадскому теоретику медиа удалось понравиться молодежи. Отец шестерых детей, Маклюэн понимал, какую пропасть между поколениями могут создать современные СМИ, поэтому в книге «Средство коммуникации – сообщение» он, используя язык графики, фотографии и текст, адресовал свои знаменитые высказывания – «маклюэнизмы» – молодежи, наряду с высказываниями известных философов, политиков, литераторов и художников. Молодежь, особенно «левое» студенчество, воспринимала Маклюэна как своего, своеобразного хип-профессора, который формулировал их видение мира и его будущего. Это происходило несмотря на то, что Маклюэн никогда не придерживался левых взглядов и был во многих вопросах консерватором.

Несмотря на то, что в 1960-е гг. в североамериканских университетах вошло в моду быть бунтарем, презирать «скромное обаяние буржуазии», Маклюэн не принимал участия в этой борьбе, но его взгляды были революционными для того времени. С 1950-х гг. в университетские курсы по культурологии и литературе профессор Маклюэн включал материалы о массовой культуре, в том числе о рекламе; его идеи будоражили не только молодежь, но и представителей североамериканской бизнес-элиты. Его приглашали для чтения лекций на самые разные темы в крупные корпорации. Он не только рассказывал бизнесменам о массовых коммуникациях и будущем информационного общества, но и делился своим видением перспектив развития инновационных технологий. Его необычные футуроло-

гические идеи завораживали руководителей компаний. Возможно, многих он наталкивал на новые мысли в развитии технологий и бизнеса¹.

В 1960-е гг. Маклюэн стал культовым героем в Канаде и США, «пророком массовых коммуникаций», «гуру средств общения». В 1969 г. он дал интервью журналу «Плейбой» (*Playboy*), его фотография украсила обложку журнала [41, р. 53–74, 158]. Его приглашали выступить в качестве эксперта в различные телевизионные программы: дискуссии за круглым столом, ток-шоу в США и Канаде². Телевидение, о котором ученый писал во многих своих работах, увеличило его популярность. Незаметно для себя Маклюэн стал неотъемлемой частью массовой культуры, к которой относился с опаской.

Маклюэн в фильме Вуди Алана «Энни Холл» (*Annie Hall*) появляется в роли самого себя – знаменитого профессора Маклюэна.

В фильме Оливера Стоуна «Дорз» (*Doors*), рассказывающем о трагической жизни и творчестве известного рок-музыканта Джимми Моррисона, огромную роль играет исторический контекст. Пытаясь раскрыть сложный характер своего героя, Стоун в начале фильма показывает комнату студента Университета Калифорнии Моррисона, где на кровати лежит «Понимание средств коммуникации» М. Маклюэна. Название книги показано крупным планом. Вероятно, Стоун считал этот труд неотъемлемым атрибутом бунтарской культуры 60-х, оказавшим влияние на формирование взглядов юного музыканта. Таким образом, критик массовой культуры Маклюэн, не желая того, превратился в поп-идола.

В США в 1970 г. вышел сборник «Люди, сформировавшие современную мысль», в который наряду с работами Д. Вико, Ч. Дарвина, Ф. Ницше, К. Маркса, Б. Рассела была включена статья Р. Костеланца о Маршалле Маклюэне «Понимая Маклюэна» [111]. В ней автор стремился объяснить основные положения теории Маклюэна, противоречивый характер некоторых высказываний канадского исследователя. Костеланец был

¹ Попытку «продавать» идеи Маклюэна бизнес-сообществу предпринял канадский исследователь Марк Федерман (Mark Federman), один из постоянных участников семинаров Программы Маклюэна в университете Торонто. В 2003 г. он опубликовал книгу «Маклюэн для менеджеров: Новые инструменты для нового мышления», в которой пытался адаптировать теории Маклюэна к нуждам современного бизнеса. На основе книги Федерман организует семинары для предпринимателей-управленцев, обучая их искусству коммуникации, креативному мышлению, восприятию новых технологий, прогнозированию развития бизнеса (Federman M., Kerckhove D. *McLuhan for Managers: New Tools for New Thinking*. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 2003).

² Многие телевизионные интервью с Г.М. Маклюэном опубликованы в сборнике его лекций и интервью: *Marshall McLuhan: Understanding Me. Lectures and Interviews* / Ed. by S. McLuhan, D. Staines. – Cambridge: The MIT Press, 2003.

уверен, что в трудах Маклюэна содержится стройная теория медиа, хотя с рядом его идей нельзя согласиться.

В 1970 г. в серии «Современные мастера» была опубликована книга Д. Миллера «Маршалл Маклюэн», а в 1971 г. — книга Д. Теолла «Средство коммуникации — окно заднего вида». Миллер и Теолл, бывшие ученики Маклюэна, отметили ряд интересных наблюдений, которые сделаны автором «Галактики Гутенберга» и «Понимания средств коммуникации» в изучении медиа, но вместе с тем обрушились с критикой на своего учителя, пытаясь доказать несостоятельность его теории. Особенно резко Миллер высказался о маклюэновской концепции «прохладных» и «горячих» медиа и между делом, помня о приверженности учителя к католицизму, назвал его тайным агентом Рима. Маклюэн болезненно воспринял критику и ответил Миллеру несколькими публичными письмами, которые направил в журнал «Листнер» (Listener), опубликовавший о нем критическую статью Миллера. В письмах Маклюэн пытался объяснить суть своей теории, ссылаясь на последние статьи Наума Хомского и Томаса С. Куна о лингвистике и медиа, доказывал, что основные положения его теории коммуникации верны, при этом он достаточно подробно объяснял ряд своих аксиом, в том числе «medium is the message» [2, р. 435–438, 442–445]. Доказательной базой в диалоге с Миллером Маклюэну служили тексты Т.С. Элиота и Д. Джойса и последние достижения в области физики.

Критика Теолла не была столь острой. В своих более поздних работах, например в «Виртуальном Маклюэне», Теолл старался более объективно рассмотреть труды Маклюэна разных лет и попытаться понять их с учетом различных интересов ученого: его базового образования в области английской и американской литературы, энциклопедических знаний, интереса в области биологии и технологий.

На пике своей популярности Маклюэн в 1967 г. перенес операцию по удалению опухоли мозга. С этого момента он стал чувствительным к любому шуму. По мнению Ф. Марчанда, после операции Маклюэну не удалось полностью восстановить свое эмоциональное и интеллектуальное состояние [102, р. 203]. Однако в 1960-е гг. интерес к идеям Маклюэна со стороны политической, деловой и интеллектуальной элит был достаточно высоким. Представители СМИ, многих из которых увлекла книга «Понимание средств коммуникации», просили канадского исследователя прокомментировать будущее печатных СМИ и телевидения, а также объяснить, почему та или иная персона популярна на телевизионном экране. Руководители корпораций хотели узнать, какую роль в управлении бизнесом канадский

медиагуру отводит средствам коммуникации. В 1968 г. во время президентской гонки в США Маклюэна просили выразить свое отношение к ряду кандидатов. Ответом на эту просьбу была опубликованная в «Сэтердей ивнинг пост» (Saturday Evening Post) статья «Все кандидаты спят» (All Candidates are Asleep). Никсон, Хамфри и Уоллес, по мнению канадского профессора, были слишком «горячими» для того, чтобы завоевать электорат с помощью «прохладного» средства коммуникации – телевидения, а высокие шансы на победу у кандидата «из ниоткуда»¹. Прогнозы Маклюэна не оправдались. Вскоре определенное разочарование в его идеях стали высказывать и представители бизнеса.

Популярность Маклюэна закончилась так же быстро, как и возникла. В 1971 г. журнал «Глоуб энд Мейл» (Globe and Mail) перепечатал сатирическую статью из «Лондон Таймс» (London Times), в которой говорилось, что мода на Маршалла Маклюэна, как и мода на Председателя Мао, Че Гевару, Герберта Маркузе и других героев-революционеров, закончилась². Трудно сказать, с чем связана утрата интереса к канадскому теоретику медиа. Возможно, интерес к Маклюэну пропал так же, как уходит мода на знаменитостей, разные виды развлечений и темы для светских и научных дискуссий. Конечно, в 1960-е гг. его работы были востребованы многими: бунтующим студенчеством, интеллектуалами и предчувствующими перемены бизнесменами в Америке и Европе. По воспоминаниям современников, для поколения хиппи концепции Маклюэна были так же важны, как музыка Джимми Моррисона и антивоенные марши. В 1970-е гг. ситуация изменилась – бунтующая молодежь и не деградировавшие хиппи стали молодыми профессионалами (поколением яппи³). Их интересы сменились. В интеллектуальной среде появились новые имена. Бизнес не видел в консультациях канадского профессора особой пользы, а телевизионные шоу открыли новых героев. Телевидение стало неотъемлемой частью жизни во всем мире, Интернет еще не соединил мир, – общество не хотело обсуждать эти темы.

В 1968 г. была опубликована книга Маклюэна «Война и мир в глобальной деревне» – совместный проект с художником и дизайнером Квентином Фиоре (Quentin Fiore) и редактором Джеромом Анджелом (Jerome Angel). В этой книге Маклюэн на примере войны во Вьетнаме доказывает бессмысленность попыток вестернизации стран с другим видением мира и менталитетом. Настоящее, как подчеркивает ученый, невозможно понять,

¹ Подробнее об этом см.: Marchand Ph. Op. cit. – P. 194–211.

² См.: Letters. – P. 431.

³ Yappi – young professionals.

пока оно не стало вчерашним днем [40, р. 97]. Эта работа, содержащая множество известных афоризмов Маклюэна, созвучна поздним работам французского мыслителя Ж. Бодрийяра.

В 1968 г. Маклюэн опубликовал книгу «Сквозь исчезающую точку: Пространство в поэзии и живописи» (*Through the Vanishing Point: Space in Poetry and Painting*). В этом совместном с художником и дизайнером Х. Паркером проекте, над которым авторы работали с начала 1950-х гг., Маклюэн не только пытался провести параллели между англо-американской поэзией и западной живописью определенных исторических периодов, но и представить историю цивилизации как развитие визуального и акустического пространства. Эта работа интересна для преподавания ряда гуманитарных университетских дисциплин (литературы, искусствоведения, культурологии), она также является частью культуры 1960-х, когда проекты междисциплинарного характера стали популярны и востребованы.

В 1968 г. Маклюэн вернулся из Нью-Йорка в Торонто, где продолжил преподавательскую работу, при этом большое внимание он уделял семинарам в Центре культуры и технологий. Большую помощь в организации семинаров ему оказывали сын Эрик и коллега Баррингтон Невитт.

Семинары продолжали междисциплинарные исследования в области коммуникации, массмедиа, технологий, которые были начаты Маклюэном и Карпендером на страницах журнала «Эксплорейшнс». Следует отметить, что ведущими на семинарах были не только Маршалл и Эрик Маклюэны, Б. Невитт, но и известные канадские интеллектуалы. Одним из знаменательных событий было участие в семинарах премьер-министра Канады Пьера Трюдо (Pierre Trudeau), большого поклонника Маклюэна. Трюдо всегда было интересно мнение известного теоретика медиа. Эпистолярное наследие Маклюэна, опубликованное после его смерти, содержит переписку ученого с П. Трюдо¹.

По мнению Д. Теолла, к 1970 г. Маклюэн сказал самое главное, а работы 70-х гг. не стали значительным прорывом в исследовании медиа [121, р. 3]. Возможно, новые публикации канадского коммуникативиста не были столь революционными и новаторскими, как «Галактика Гутенберга» и «Понимание средств коммуникации» в 1960-е гг., но, несомненно, поздние

¹ Ф. Марчанд утверждает, что Маклюэн стремился начать переписку с самыми разными знаменитостями: политиками, бизнесменами, представителями шоу-бизнеса, среди которых были Г. Хамфри, Д. Картер, Г. Форд II, король Швеции Карл Густав и др., при этом во многих случаях письма Маклюэна оставались без ответа. Исключением является его переписка с П. Трюдо. (См.: Marchand Ph. Op. cit. – P. 223).

работы ученого: «Город как классная комната» (1977), «Законы медиа – новая наука» (1988) представляют интерес как для исследователей медиа, так и для педагогов, культурологов и социологов, хотя большая часть из них написана в соавторстве, а иногда на основе ранних статей.

В 70-е гг. научные интересы Маклюэна полностью сместились от литературоведения в сторону проблем массовой коммуникации. Тем не менее он продолжал преподавать литературу, выступать в роли литературного критика. Литература оставалась частью его профессиональных и научных интересов, бесконечным источником для размышлений, своеобразным «набором кейсов» при изучении современной культуры и медиа. В трудах по теории коммуникации литературная составляющая является неотъемлемой частью его творчества.

В сентябре 1979 г. Маклюэна парализовало. Исследователь средств коммуникации более года был прикован к постели и лишен дара речи. Он умер в декабре 1980 г. после тяжелой болезни.

Изучение основных этапов жизни и профессиональной деятельности Г.М. Маклюэна свидетельствует о том, что ученый прошел большой путь от изучения англо-американской литературы до теории медиа. Во всех трудах ученого заметна его религиозность, верность идеалам католической церкви, консерватизм и вместе с тем интерес к новым литературным формам, технологиям, открытиям.

М. Маклюэн не принимал участия в общественно-политической жизни США и Канады. Ему были чужды либеральные ценности, но, несмотря на свои консервативные взгляды, он оказал влияние на либералов-шестидесятников: О. Стоуна, В. Алена и др.

Большое влияние на формирование канадского коммуникативиста на разных этапах его жизни оказало творчество Г. Честертона, Т.С. Элиота, Д. Джойса, труды Г. Инниса.

Невероятная популярность идей Маклюэна в 60-е гг. обусловлена потребностью общества осмыслить те революционные процессы, которые происходили во второй половине XX в. в области технологий, массовой культуры и массмедиа, и Маклюэн был тем человеком, который начал обсуждать эти важные вопросы.

1.2. Г.М. Маклюэн о роли Томаса Нэша в системе знаний елизаветинской эпохи

Большое значение для понимания основополагающих трудов, теории медиа канадского коммуникативиста имеют его ранние исследования. Для докторской диссертации М. Маклюэн выбрал тему исследования, связанную с риторикой, – «Классический тривиум: Место Томаса Нэша в системе знаний своего времени» (*The Classical Trivium: The Place of Thomas Nashe in the Learning of His Time*). Работу над ней он начал в Кембридже, затем продолжил в Университете штата Висконсин, но наиболее активно работал над ней в иезуитском Университете Сент-Луиса (штат Миссури). В этот город Маклюэн переехал в 1937 г. после принятия католичества.

Маклюэн долго искал подходящую тему для докторской диссертации. Ему хотелось максимально использовать те знания в области английской литературы, которые он приобрел в Кембридже, и написать серьезную и масштабную работу (на протяжении всей жизни он имел склонность к крупным проектам). Его внимание привлекла монография британского литературоведа католика Р.У. Чамберса (R.W. Chambers) «О преемственности в английской прозе от Альфреда до Мора и его школы» (1932) (*On the Continuity of English Prose from Alfred to More and His School*). Маклюэн планировал продолжить исследование британской прозы от Т. Мора и до конца XVI в. Однако, познакомившись более подробно с работой Чамберса, он не мог согласиться с утверждением о том, что проза XVI в. по сути своей – аномалия или девиация от литературного процесса предшествующего периода. Изучая литераторов XVI в., Маклюэн остановился на Томасе Нэше (1561–1601)¹, который привлек его ярким талантом, остроумием и дерзостью, а также искусством полемики².

У.Т. Гордон, редактор и автор предисловия к работе «Классический тривиум: Место Томаса Нэша в системе знаний своего времени», обращает внимание на тот факт, что Маклюэн хотел дать подзаголовок к своему исследованию «Как читать Томаса Нэша» (*How to Read Thomas Nash*), а к тому времени, когда Маклюэн приступил к работе над диссертацией, уже была опубликована книга Э. Паунда «Как читать» (*How to*

¹ Творчество Томаса Нэша в контексте елизаветинской эпохи рассмотрено достаточно подробно в работе Л. Хатсон «Томас Нэш в контексте» (см.: Hutson L. *Thomas Nashe in Context* (Oxford English Monographs). – Oxford: Oxford Univ. Press, 1989).

² Следует отметить, что название диссертации Маклюэна, несомненно, выбрано по аналогии с книгой Р.У. Чамберса «Место Св. Томаса Мора в английской литературе и истории» (*The Place of St. Thomas More in English Literature and History*. – London: Longman, 1937).

Read) и шла работа над «Как читать книгу» (*How to Read a Book*) М. Адлера (M. Adler). Работа Адлера была замечена учителем Маклюэна в Кембридже профессором И.А. Ливисом, последний написал дополнение к книге Адлера «Как читать страницу» (*How to Read a Page*) [31, р. IX]. Все это свидетельствовало о несомненном интересе интеллектуалов того времени к детальному анализу текста. Такой по своей сути стала диссертация Маклюэна. Часть ее является руководством к пониманию текстов Нэша. Гордон отметил, что многие исследователи видели творчество Нэша в тривиальном свете (*trivial light*), а Маклюэн – в свете тривиума (*in the light of trivium*) [31, р. X].

Удивительным, на первый взгляд, было то, что в 1930-е гг., период экономической депрессии в США и Европе, Г.М. Маклюэн сосредоточился на исследовании жизни и творчества малоизвестного английского прозаика, драматурга и памфлетиста елизаветинских времен Томаса Нэша. Исследователи английской литературы XIX в. считали Т. Нэша ярким журналистом своего времени, но не рассматривали его как серьезного литератора. Маклюэн утверждал, что Т. Нэш незаслуженно забыт, что он был не только блестящим журналистом, но и незаурядным писателем. Изучая тексты Нэша, ученый обратил внимание на то, что его на первый взгляд нарочито небрежный стиль характерен для творчества многих писателей того времени: Д. Лили, Т. Кида и др. Маклюэн провел исследование европейской литературы (итальянской, французской, испанской, немецкой) этого же периода и пришел к выводу, что XVI век можно считать веком риторики. На основании этого ученый утверждал, что, изучая творчество Нэша, можно понять свойственный XVI веку дискурс.

Как и Маклюэн, Т. Нэш был выпускником Кембриджа, его отличало красноречие и блестящее чувство юмора. С 1588 г. он работал в Лондоне, писал для театра и газет. Т. Нэш был членом группы английских драматургов, писателей и поэтов «Университетские умы» («University Wits»¹), в которую, помимо Томаса Нэша, входили выпускники Кембриджа литераторы

¹ В российском литературоведении группу литераторов «University Wits» называют «университетские умы». (См.: Аникст А.А. История английской литературы. – М.: ГУПИ Министерства просвещения РСФСР, 1956. – С. 72; Урнов Д.М. Английская проза XIV–XV вв. История всемирной литературы: В 9 т. / АН СССР; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука. – Т. 3. – 1985. – С. 305. Однако возможен и другой перевод – «университетские остряки», поскольку всех участников сообщества отличало чувство юмора, постоянное желание шутить и генерировать каламбуры. См., например, характеристику группы: *The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21)* / Ed. A.W. Ward, A.R. Waller. Vol. V. The Drama to 1642, Part 1. – P. 35–36 / <http://www.bartleby.com/215/0623.html/>

Кристофер Марло (Christopher Marlow, 1564–1593) и Роберт Грин (Robert Green, 1560–1592), выпускники Оксфорда: Джон Лили (–1625) и Джордж Пиль (George Peele, 1556–1596). Группа не была по сути своей формальным объединением. Более того, между литераторами возникали конфликты, которые иногда принимали форму литературных дуэлей¹. Профессор Мадридского университета Х.Л. Эрнандес (J.L. Hernandez), сравнивая творчество «университетских умов» с трудами Г.М. Маклюэна, пришел к выводу, что между ними было много общего. Английских литераторов из этой группы, по мнению Х.Л. Эрнандеса, отличали «безграничный энтузиазм по отношению к афоризмам, игре слов, что также было характерно и для автора знаменитой фразы “medium is the message”, или “medium is massage”»².

Научный руководитель Маклюэна Мьюриел Брэббук (Muriel Bradbook) считала, что не случайно Маклюэна притягивала манера письма Томаса Нэша – яркая, непоследовательная, но обладающая огромной силой. В Маклюэне, по мнению М. Брэббук, где-то глубоко жил Томас Нэш, страстно желающий вырваться на свободу³.

В произведениях Нэша преобладала сатира. Его лучшее произведение, памфлет «Пирс безгрошовой и его моление дьяволу» (*Pierce Penilesse, His Supplication to the Divell*, 1592), высмеивало современные пороки. В пьесе «Плач Христа над Иерусалимом» (*Christes Tears Over Jerusalem*, 1593) автор проводил аналогию между погрязшим в мерзости Лондоном и Иерусалимом, который постигла кара за грехи.

В романе «Злополучный скиталец, или Жизнь Джека Уилтона» (*The Unfortunate Traveller, or the Life of Jack Wilton*, 1594), близком по жанру испанской пикареске, Нэш стремился показать разные стороны жизни, в том числе человеческие пороки и ужасы войны. Путешествуя по миру (действие происходит в первой трети XVI в.), герой знакомится со многими странами, их обычаями, встречается со знаменитыми людьми своего времени: Эразмом Роттердамским, Томасом Мором, итальянским поэтом и публицистом Пьетро Аретино. Включение известных мыслителей и литераторов в канву романа придавало ему историческую достоверность и вы-

¹ Об этом см., например: Микеладзе Н.Э. Шекспир и Макиавелли: тема макиавеллизма в шекспировской драме. – М.: Издательство «БК», 2005. – С. 47–48.

² «De este grupo cabe recordar, entre otras cosas, un ilimitado entusiasmo por los aforismos y juegos de palabras que debernan influir tanto en el autor del *dictum* ‘el medio es el mensaje’ o ‘el medio es el masaje’». (Hernández. J L. *Claves de razyn practica*. 2001. № 109. P. 52).

³ Цит. по: Perrin R.T. *From Cambridge to Communication: McLuhan beyond McLuhanism*. Dissertation for M.A. degree. – Burnaby, CA: School of Communication, Simon Fraser Univ., 2000. – P. 65.

полняло просветительскую функцию. Интересно отметить, что все исторические личности, появляющиеся на страницах «Злополучного скитальца», упоминались неоднократно и в работах Маклюэна.

В 1589 г. Т. Нэш опубликовал свой получивший определенный резонанс сатирический памфлет «Анатомия абсурда» (*The Anatomie of Absurditie*), стиль которого соответствовал содержанию и изобилдовал парадоксами и каламбурами. По заданию англиканской церкви под именем Пасквиль (Pasquil) Т. Нэш своим пером атаковал пуритан.

Маклюэн считал, что его исследование, в котором он планировал рассмотреть теорию и практику искусства риторики в контексте традиции XVI в., – первое в своем роде. Начиная работу над диссертацией, М. Маклюэн планировал сосредоточиться на литературной дуэли между Томасом Нэшем и поэтом Габриэлем Харви (Gabriel Harvey¹) и его братом Ричардом Харви (Richard Harvey²). Однако в процессе работы он открыл для себя в дебатах Т. Нэша и Г. Харви философскую основу конфликта. Это были, с его точки зрения, не просто публицистические дебаты между двумя литераторами, а борьба между риториками-грамматистами, которых, по мнению ученого, олицетворял Т. Нэш, и диалектиками, представителем которых был Г. Харви. Противостояние это имело под собой историческую традицию: риторико-грамматический подход Т. Нэша продолжал традиции св. Августина, Цицерона, мыслителей досократовских времен. Диалектический подход Г. Харви, напротив, был близок позиции Аристотеля, Платона и Сократа.

Анализируя борьбу между этими двумя традициями, профессор У. Кунц (W. Kuhns)³ пишет: «Война между этими двумя лагерями представляет собой в основном противостояние между *диалектикой* и *риторикой*, сражающимися за контроль над методами литературного письма, и разветвление этих противоположностей простиралось вплоть до области этики и политики

¹ Габриэль Харви (1545–1630) – английский писатель и профессор риторики. О его жизни см.: Stern V.F. *Gabriel Harvey: A Study of His Life, Marginalia, and Library*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1980.

² Ричард Харви (1560 –1623) – священнослужитель англиканской церкви, автор нескольких работ по теологии и астрологии. В «Теологическом дискурсе агнца божьего» (*Theological Discourse of the Lamb of God*, 1590) нападал с критикой на Т. Нэша. Менее известен, чем его брат Г. Харви.

³ У. Кунц внес большой вклад в исследование наследия Г.М. Маклюэна. Вместе с вдовой Маклюэна Коринн он редактировал письма ученого для их дальнейшей публикации. Его книга «Постиндустриальные пророки: Интерпретации технологии» (1971) включена в список рекомендуемой литературы многих университетских курсов по информационным технологиям, теории коммуникации. (Kuhns W. *The Post-Industrial Prophets: Interpretations of Technology*. – New York: Harper and Row, 1971).

как в античные времена, так и в эпоху Возрождения»¹. По мнению Кунца, изучение этих сложных взаимоотношений стало основой для дальнейшего исследования Маклюэном истории массовых коммуникаций – устной, печатной и электронной.

Г.М. Маклюэн увидел в конфликте между Т. Нэшем и Г. Харви борьбу за контроль над устным и письменным словом. В своей диссертации он проанализировал развитие двух оппозиционных направлений и их истоки, которые, как ему казалось, надо искать в так называемом тривиуме² – системе организации образования, идущей с античных времен и ставшей частью западноевропейской традиции. Согласно этой системе все знания подразделяются на три направления – риторику (коммуникация), диалектику (философия и логика) и грамматику (литература). Эти три направления были той основой, из которой возникло школьное образование. Данная система популярна в США среди организаторов школ на дому³.

Маклюэн утверждал, что невозможно понять ни творчество Нэша, ни эпоху, в которой он жил, не зная системы тривиума, которая была в то время распространена. Во введении Маклюэн объяснил, почему для изучения творчества Т. Нэша, по его мнению, необходимо дать подробный экскурс в историю тривиума. Стремительная замена языковых дисциплин на математику и другие точные науки в образовательной системе XVI в., как

¹ «The war between these literary camps is basically the opposition between dialectics and rhetoric to control the modes of literary composition; and the ramifications of this opposition stretch into the realms of ethics and politics, both in antiquity and in the Renaissance» (Kuhns B. *Marshall McLuhan* // http://coolmedia.ca/e107_plugins/wrap/wrap.php?2).

² «В основе образования лежат именно логические науки, или органон, как их называли в античности и Средневековье, поскольку, прежде всего, должен быть освоен метод, на основе которого возможны теоретическое знание и практическая деятельность. Органон включал в себя тривиум и квадравиум – семь свободных искусств. В тривиум входили грамматика, диалектика, риторика. Грамматика – наука об общих правилах построения осмысленной речи. К грамматике прилегал поэтика как наука о художественном слове – своего рода "лаборатории языка". Диалектика – наука о приемах обсуждения и решения проблем и о технике научного доказательства. Риторика – наука об аргументации в публичной речи, необходимой при обсуждении вопросов практического характера. В квадравиум, который завершал общее образование, входили математические науки: арифметика и музыка, геометрия и астрономия» (Волков А.А. Риторика как наука говорить // Православный педагогический журнал. 2001. № 6. 15 декабря). О системе тривиума также см.: Abelson P. *The Seven Liberal Arts: A Study In Medieval Culture*. – Whitefish, MT: Kessinger Publishing, LLC. 2006. – 164 p.; Joseph M., McGlinn M. *The Trivium: The Liberal Arts of Logic, Grammar, and Rhetoric. (Understanding the Nature and Function of Language)*. – Philadelphia: Paul Dry Books, Inc., 2000.

³ Античная система тривиума популярна в системе домашнего образования в США. Подробнее см.: www.classicalhomeschooling.org; www.triviumpursuit.com

полагал ученый, вела к кардинальным переменам не только в школах и университетах, но и в умах. Эта перемена была воспринята современниками неоднозначно, поэтому многие «сильные мира сего», а также ученые чувствовали необходимость помогать литераторам [31, р. 5–6]. Именно в такой атмосфере, по мнению Маклюэна, развивалась литература XVI в.

Маклюэн был уверен, что заслуга и также новизна его исследования тривиума заключается в том, что он рассматривал искусство грамматики как основной метод научной деятельности, существовавший с античности до Средних веков. Согласно Маклюэну, только со времен Р. Декарта наука стала опираться на математику и от искусства грамматики перешла к диалектике. Изучая философию стоиков, Маклюэн пришел к выводу, что наука в период ее зарождения была связана с учением о логосе, Всеобщем разуме, Божественной Троице. Наука и грамматика, как утверждает ученый, были в те времена неотделимы друг от друга, причем связующим звеном был язык [31, р. 20–21]. Эти взгляды позднее получают развитие во многих трудах ученого: «Галактике Гутенберга», «Понимании средств коммуникации» и «Законах медиа».

Маклюэн обвиняет историков в том, что они, изучая историю тривиума, практически игнорируют Средние века, сосредоточиваясь в основном на античности, а затем на эпохе Возрождения. Ученый ставит задачу восполнить пробелы в этой области. Помимо изучения риторики елизаветинской эпохи, в которую жили и творили У. Шекспир, К. Марло и Т. Нэш, Маклюэн рассматривал и систему образования, характерную для каждого исторического этапа.

Уже в работе над докторской диссертацией проявилось неумение М. Маклюэна исследовать вопрос узкоспециализировано и глубоко. Он с энтузиазмом погрузился в мир античной риторики и грамматики, мир Цицерона, Квинтилиана, Сенеки, греческих и римских стоиков, мир средневековых мыслителей. Ему нравилось изучать предмет широко. Встретив в своем исследовании интересное имя или факт, он мог отклониться от темы и начать изучать что-то новое. Маклюэн обращался к работам известных мыслителей, оказавших большое влияние на развитие западной философии и мысли, начиная с досократовских времен и вплоть до эпохи Ренессанса. Он анализировал споры между так называемыми последователями школы Цицерона: Эразмом Роттердамским, Фрэнсисом Бэконом, Томасом Нэшем и их идейными противниками – Никколо Макиавелли, Питером Рамусом, Мишелем Монтенем. На протяжении всего исследования Маклюэн неоднократно повторяет, что XVI век – эпоха риторики. Это была одна из центральных мыслей его диссертации.

Во введении к диссертации Маклюэн с сожалением отметил, что, несмотря на возросший интерес читателей к Т. Нэшу в последние десятилетия, исследователи уделяют мало внимания этой фигуре. Тем не менее он обратил внимание на работы Р.Б. Маккероу (R.B. McKerrow¹) и М.У. Кролла (M.W. Croll²), посвященные литературе елизаветинского периода [31, р. 3–4], которые, по его мнению, внесли определенный вклад в изучение творчества Т. Нэша. В диссертации Маклюэн неоднократно обращался к трудам этих авторов, иногда полемизируя с ними, иногда развивая высказанные Маккероу и Кроллом мысли.

Диссертация Маклюэна состоит из четырех частей, первая из них посвящена истории тривиума с древнейших времен до периода деятельности св. Августина. Во второй главе исследуется тривиум от периода св. Августина до П. Абеляра, третья глава рассматривает историю тривиума в период от П. Абеляра до Эразма Роттердамского. Только в заключительной четвертой части работы ученый обращается непосредственно к жизни и творчеству Т. Нэша. По этому поводу американская исследовательница Р. Перрин справедливо заметила, что исследование Маклюэна в большей степени посвящено эпохе, чем фигуре Т. Нэша [115, р. 67]. Следует отметить, что исторический контекст всегда имел огромное значение как в литературной критике ученого, так и в его трудах по проблемам медиа.

Каждая глава в диссертации подразделяется на три параграфа: грамматика, диалектика, риторика. Четкая на первый взгляд структура диссертации часто нарушалась. Уже на первом этапе исследовательской деятельности проявилась склонность Маклюэна к нелинейной модели изложения материала, дискуссии «сразу обо всем». Вместе с тем диссертация представляет собой основательный труд, в котором собран и проанализирован огромный материал.

Первая глава диссертации начинается с обсуждения грамматики. По мнению Маклюэна, искусство грамматики (the art of grammar) – это не свод

¹ Британский литературовед Р.Б. Маккероу (1872–1940) в 1904–1910 опубликовал труды Томаса Нэша в пяти томах с комментариями (*The Works of Thomas Nashe*, 5 vols. 1904–1910 / Ed. R. B. McKerrow, repr. – Oxford: Basil Blackwell, 1958).

² В 1916 г. профессор Принстонского университета М.У. Кролл (1872–1947) опубликовал предисловие к книге Д. Лили «Эвфуэс, или Анатомия ума» (*Euphues: the Anatomy of Wit*, 1578), а также ряд статей о творчестве Лили, в котором отметил, что необычный стиль романа Лили присущ и Т. Нэшу, и некоторым литераторам того времени, и является по своей сути характерной риторикой XVI в. Это высказывание Кролла отчасти натолкнуло Маклюэна на мысль исследовать творчество Нэша в контексте риторики елизаветинской эпохи. Работы Кролла были опубликованы в сборнике «Стиль, риторика и ритм: эссе» (Croll M., Patrick J.M., Evans R.O. *Style, Rhetoric, and Rhythm: Essays*. – Woodbridge, CT: Ox Bow Press, 1989).

правил, помогающих создать грамотный текст путем правильного расположения слов в предложениях, а умение проникнуть в сущность слова, изучая его этимологию, объяснить смысл предложения и его структуру, прибегая к интерпретации текста, методу аналогий. Маклюэн рассматривает природу и задачи «древнего искусства грамматики» и предлагает краткую историю философской мысли от Платона до польско-американского мыслителя А. Коржибского (A. Korzybski¹). На примере диалога между Сократом и Кратилом о сути названий и имен в платоновском «Кратиле» (*Cratylus*) Маклюэн доказывает, что этимология и лингвистика существовали с древнейших времен, а учение об именах является не какой-то простой терминологической проблемой, а «учением о сущности» («the doctrine of essence») [31, p. 15–16].

В разделе «Диалектика» ученый, продолжая идеи Аристотеля, подчеркивает, что диалектика и риторика имеют единые корни, но вместе с тем являются дополняющими друг друга противоположностями. Ярким примером борьбы между диалектиками и риториками, по мнению Маклюэна, может служить противостояние между двумя итальянцами – мыслителем и политическим деятелем Н. Макиавелли (N. Machiavelli, 1469–1527) и аристократом и писателем Б. Кастильоне (B. Castiglione, 1478–1529), а также между литераторами Г. Харви и Т. Нэшем [31, p. 42]. Однако подробно эти интеллектуальные дуэли в первой главе не рассматриваются.

В третьей части первой главы автор обращается к понятию «логос», которое, по его мнению, является одновременно и духовным, и материальным феноменом. В параграфе рассматриваются работы Цицерона, Квинтилиана, св. Августина, приведена цитата из шекспировского «Генриха IV», в то время как Т. Нэш упомянут лишь однажды в сноске.

Р. Перрин обращает внимание на то, что Маклюэн в те годы, когда работал над диссертацией, был уверен в том, что характерные для антропологии и психологии методы исследования воссоздавали на новом уровне научные подходы, свойственные грамматике как науке. Позднее и в писателях-модернистах он видел в первую очередь грамматиков, призванных вернуть современной культуре чувство языка, «лингвистическую компетенцию» («linguistic awareness») [115, p. 72].

¹ А. Коржибский (1879–1950) – выходец из польской аристократической семьи, служил в русской разведке до 1916 г., затем жил и работал в Канаде и США. В 1938 г. основал Институт Общей семантики (Institute of General Semantics, www.generalsemantics.org). В своей диссертации Маклюэн ссылается на его работу «Наука и святость» (*Science and Sanity*, 1933), в которой изложены основные принципы семантики Коржибского. Как и Маклюэн, А. Коржибский был яркой и нестандартной личностью.

И все же, несмотря на подробный исторический анализ диалектики, грамматики, Маклюэн из трех элементов тривиума более симпатизирует риторике, которая, как и грамматика, связана с языком, искусством красноречия. В своей теории медиа Маклюэн позднее неоднократно защищал бесписьменные культуры, большое значение в которых играла устная коммуникация, мастерство владения словом.

В первых трех главах, рассматривая развитие диалектики, грамматики и риторики, Маклюэн отмечает не только борьбу риториков-грамматистов и диалектиков, но также выделяет разные этапы, когда одна из составляющих тривиума становилась главенствующей над другими. Он обращает внимание на то, что при Цицероне в тривиуме главенствующую роль играла риторика, при Эразме Роттердамском – грамматика, при П. Абеляре – диалектика. Усиление диалектики в средневековых университетах, согласно Маклюэну, загоняло в тень искусство грамматики и риторики, а упадок диалектики в XIV и XV вв., наоборот, приводил к возрождению грамматики и риторики. Историю европейской культуры Маклюэн прочно связывает с развитием тривиума.

В последней части работы объектом исследования становится творчество Т. Нэша. Маклюэн объясняет, что Нэш принадлежал к консервативному крылу Англиканской церкви – «патристикам» (patristic party), эта группа защищала «старую теологию», основы которой были изложены в трудах св. Августина, Эразма Роттердамского. Нэш был сторонником античного искусства грамматики и риторики и противостоял диалектикам, опиравшимся на труды Питера Рамуса. Он также выступал против кальвинистов, для которых был характерен схоластический подход к теологии. Маклюэн, как и Нэш, был возмущен тем, что рамисты пытались заменить поэзию философией и этикой. Если Нэш полагал, что поэзия существует для прославления достоинств и осуждения порока, то, по мнению канадского исследователя, поэзия превышает философию, поскольку в ней можно найти истинные, архетипичные модели естественного разума [31, p. 237].

Маклюэн анализирует работы Нэша разных лет, среди которых «Анатомия абсурда» (1589), «Странные новости» (*Strange News*, 1592), «Пирс безгрошовый и его моление дьяволу» (1592), «Плач Христа над Иерусалимом» (1593), «Злополучный скиталец, или Жизнь Джека Уилтона» (1594). «Ужасы ночи» (*The Terrors of the Night*, 1594), «Постная пища Нэша» (*Nashe's Lenten Stuffe*, 1599), «Последняя воля и завещание Саммерса» (*Summers Last Will and Testament*, 1600); ученый утверждает, что стиль Нэша, характерный также для трудов Д. Лили и Р. Грина, ассоциируется с

рифмованными проповедями (rhymed sermons) св. Августина и со средневековым искусством министрелей [31, p. 220].

Маклюэн уверен, что литературные труды Нэша невозможно понять в отрыве от его религиозных убеждений. Конфликт между Нэшем и Харви, как полагает Маклюэн, является частью так называемой полемики Мартина Марпрелата (Martin Marprelate controversy¹). В 1588–1589 гг. англиканская церковь была обеспокоена появлением памфлетов, направленных против ее традиционных устоев и пропагандирующих пресвитерианскую церковь, их автор скрывался под именем «Мартин Марпрелат». По мнению ряда британских исследователей, «Трактаты Мартина Марпрелата» (*Martin Marprelate Tracts*) были образцами блестящей сатиры, их стиль повлиял на литературу в целом и особенно на драматургию елизаветинской эпохи [52, p. XV]. Ответ Марпрелату призваны были дать блестящие литераторы того времени Т. Нэш, Р. Грин, Д. Лили, получившие от архиепископа Кентерберийского и правительственных кругов задание начать литературную полемику с Марпрелатом. Защищая традиционные устои Англиканской церкви, Нэш нападал на пуритан, в том числе на братьев Харви, которые были связаны с оппонентами Нэша – рамистами – группой мыслителей и литераторов, которые, согласно Маклюэну, замыслили революцию в грамматике, диалектике и риторике, что должно было повлиять на изучение и трактовку античной литературы, Священного писания, философии.

В «Четырех письмах и сонетах» (*Four Letters and Certain Sonnets*, 1592) Г. Харви злорадно описывал подробности последних лет Р. Грина и предлагал дружбу Нэшу, советуя ему уйти от теологии в поэзию. В ответ в «Пирсе безгрошовой» Нэш со свойственным ему сарказмом атакует Р. Харви. Хотя имя Харви не названо, всем понятно, о ком идет речь в памфлете. Затем в «Странных новостях», защищая память своего друга и соратника Грина, нападает на Г. Харви, его идеи и стиль ведения дискуссии, который он считает несовершенным. В «Плаче Христа над Иерусалимом» Нэш обвиняет Г. Харви в макиавеллизме, подразумевая под этим подрыв государственных и церковных устоев².

¹ История этого религиозно-литературного конфликта описана в книге У. Маскелла «История полемики Мартина Марпрелата в царствование королевы Елизаветы» (Maskell W. *A History of The Martin Marprelate Controversy In The Reign Of Queen Elizabeth*. – Whitefish, MT: Kessinger Publishing, LLC, 2007). В 2008 г. памфлеты Марпрелата были изданы: *The Martin Marprelate Tracts: A Modernized and Annotated Edition* / Ed. by J.L. Black. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.

² Подробнее об этом см. Микеладзе Н.Э. Указ. соч. – С. 112–113.

Конец литературной дуэли Нэша и Харви положила Англиканская церковь, запретив в 1599 г. сатиру и эпиграммы обоих литераторов¹.

По мнению Маклюэна, Нэш проявил больший талант и искусство в полемике, чем его оппонент. Маклюэн в финале своей диссертации подробно анализирует тексты Нэша, отмечая удачные использования в них гипербол, метафор, аллегории и других стилистических приемов. Сравнивая стиль, особенности ведения литературных дебатов Нэша с художественными произведениями Д. Лили, Р. Грина, Т. Кида, К. Марло, ученый приходит к выводу о том, что творчество Нэша является характерным для XVI в. образцом риторики, которая во многом обусловлена религиозными убеждениями автора. В заключении Маклюэн неожиданно вспоминает Д. Джойса, чье творчество, как полагает исследователь, может стать основой для понимания литературы елизаветинской эпохи. Однако эта проблема лишь обозначена: она получила дальнейшее развитие в работах канадского ученого по проблемам медиа.

По стилю изложения «Место Томаса Нэша в системе знаний своего времени» наиболее близко «Галактике Гутенберга».

В диссертации Маклюэна ощутимо влияние томизма. Около тридцати раз упоминается имя Фомы Аквинского, ссылки на работы средневекового философа часто встречаются и в литературной критике, и в работах по теории коммуникации.

Диссертация Маклюэна, несмотря на ее масштаб и глубину, производит впечатление незаконченной работы. Опубликованная версия не содержит заключения, а выводы, сделанные в конце четвертой главы, нельзя назвать концептуальными. Тем не менее работа является значительным вкладом в исследование истории тривиума, литературных дуэлей елизаветинской эпохи, творчества Т. Нэша. Поднятые в ней темы позднее получили свое развитие в изучении автором литературы модернизма, а также проблем медиа.

Биограф Маклюэна Ф. Марчанд отмечает необычную манеру организации собственного исследования и научного руководства, которая была характерна для М. Маклюэна. К работе над диссертацией Маклюэн привлекал студентов. Он любил поговорить с ними на научные темы, всегда мог дать хороший совет, что и где прочесть, но, по воспоминаниям очевидцев, никогда не вникал глубоко в исследования своих дипломников. Один из студентов М. Маклюэна Морис МакНами (Maurice McNamee) вспоминает, что, будучи его научным руководителем, М. Маклюэн приходил в его комнату,

¹ Об этом см.: Clegg C.S. *Press Censorship in Elizabethan England*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. – P. 198.

ложился на постель и начинал обсуждать свою собственную докторскую диссертацию вместо дипломной работы ученика, полагая, вероятно, что лучший способ изучить любой предмет – это обсудить, «проговорить» его [102, p. 58].

Устная коммуникация, «магический мир звука» [46, с. 27] всегда были сильной стороной канадского ученого. От матери он унаследовал дар слова, ораторское искусство, поэтому дискуссия на интересную для него тему доставляла Маклюэну удовольствие, давала повод опробовать свои идеи, потренироваться в красноречии. Как и многие художники эпохи Ренессанса, он считал нормальным использовать труд учеников в своей работе. Так, материал о Фрэнсисе Бэконе, собранный М. МакНами, Маклюэн использовал впоследствии в своей диссертации.

Большое влияние Маклюэн оказал на своего студента Уолтера Онга (Walter Ong)¹, чьей дипломной магистерской работой он руководил. Исследование просодии Герарда Мэнди Хопкинса, которым занимался У. Онг, нисколько не интересовало Маклюэна, поэтому он не вникал в ход работы, но тем не менее указал Онгу на историческую фигуру, достойную серьезного изучения, – теолога эпохи Возрождения Питера Рамуса, чья деятельность, как уже было отмечено выше, рассматривалась в диссертации самого Маклюэна. После окончания Университета Сент Луиса У. Онг продолжил обучение в аспирантуре Гарварда, где, следуя совету Маклюэна, начал под руководством известного профессора историка Перри Миллера работу над докторской диссертацией, посвященной Питеру Рамусу. Диссертация была успешно защищена в 1954 г., но Онг не закончил данную тему. Ее изучению он посвятил много лет и написал классическую работу о Питере Рамусе «Рамус, метод и упадок диалога: От искусства дискурса до искусства убеждения» (*Ramus, Method, and the Decay of Dialogue: From the Art of Discourse to the Art of Reason*, 1958)², которую Г.М. Маклюэн неоднократно цитировал в своей книге «Галактика Гутенберга». Исследование Онгом трансформации поздней схоластики в визуальный «метод», по признанию его учителя,

¹ О жизни и трудах У. Онга см.: Farrell T.J. *Walter Ong's Contributions to Cultural Studies: The Phenomenology of the Word and I-Thou Communication (Media Ecology)*. – Cresskill: Hampton Press, 2000.

² У. Онг считал себя одним из учеников Маклюэна, всегда признавал влияние канадского коммуникативиста на свои труды. В книге «Рамус, метод и упадок диалога: От искусства дискурса до искусства убеждения» Онг изучает отличие визуальной и устной культур, размышляет о развитии логики и диалектики в Средние века и их влиянии на возникновение печатной культуры. Все это, несомненно, свидетельствует об общности интересов У. Онга и М. Маклюэна. Маклюэн и Онг переписывались всю жизнь. См.: *Letters of Marshall McLuhan*.

оказало ему немалую помощь в понимании конфигурации событий галактики Гутенберга [2, p. 194].

М. Маклюэн, по воспоминаниям современников, уделял внимание только увлеченным студентам и игнорировал других. Среди учащихся и преподавателей, как позднее и среди его критиков, были как его ярые поклонники, так и убежденные и страстные оппоненты.

В начале 1970-х гг. Маклюэн планировал переработать свою докторскую диссертацию и издать ее под названием «От Цицерона до Джойса» (*From Cicero to Joyce*). Помимо размышлений ученого о логике, грамматике и риторике, в книгу должны были войти материалы Маклюэна, посвященные творчеству Э. Паунда, Т.С. Элиота, Д. Джойса и ряда других литераторов и художников, которых он изучал в Кембридже под руководством профессора Ф. Ливиса¹. Однако этот проект не удалось осуществить. Возможно, из-за перенесенной в 1968 г. операции Маклюэн не смог осуществить многое из того, что было задумано.

Исследователи творчества М. Маклюэна долго сожалели, что его диссертация «Место Томаса Нэша в системе знаний своего времени» не опубликована². Рукопись хранится в библиотеке Тринити-колледжа в Кембридже. По мнению профессора Б. Кунца, эта работа является не только ключом к пониманию творчества канадского ученого, но и уникальным исследованием истории тривиума. По мнению многих исследователей творчества Маклюэна: Б. Кунца, Х. Фекете, Ф. Марчанда, Д. Цитрона и др., — в диссертации есть мысли, положения, которые нашли продолжение в поздних работах ученого. Именно поэтому критики считали, что рукопись должна быть опубликована. В 1930–1940-е гг. Маклюэн планировал издать книгу на основе своей диссертации, но так и не осуществил этого намерения. В 2006 г., к радости маклюэнистов, диссертация Маклюэна вышла отдельной книгой в издательстве «Гингко Пресс» [31].

Интересы М. Маклюэна никогда не ограничивались академическими темами. В 1941 г. в журнале католического братства «Коламбия» (*Columbia*) вышла статья М. Маклюэна «Америка Дэгвуда» (*The Dagwood's America*), в которой на примере героя популярных комиксов Дэгвуда Бамстида (Dagwood Bumstead) автор пытался поставить диагноз современному обществу. По мнению М. Маклюэна, Дэгвуд олицетворял собой типичного молодого человека 1930–1940-х гг., беспомощного и бесхарактерного, которым в жизни управляют сильные женщины. На примере Дэгвуда ученый доказы-

¹ Подробнее об этом см.: Marchand P. Op. cit. — P. 242.

² См., напр.: Kuhns В. Marshall McLuhan // http://coolmedia.ca/e107_plugins/wrap/wrap.php?2

вал, что коммерческая цивилизация разрушила традиционную семью, и мужчина теряет свое предназначение добытчика¹. Появление таких молодых людей в обществе Маклюэн связывает с их неправильным воспитанием, которым, как он считал, в основном занимаются волевые и жесткие матери. Анализ этого персонажа более подробно Маклюэн представил позднее в своей книге «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека». Тема Дэгвуда в творчестве Маклюэна пронизана антифеминистскими настроениями, неприязнью к гомосексуализму и страхом перед ним. С культом этого явления он впервые столкнулся во время учебы в Кембридже. Будучи убежденным католиком, Г.М. Маклюэн крайне отрицательно относился к гомосексуализму, хотя эти взгляды ему приходилось скрывать в академической среде, в которой царил дух либерализма.

К 1942 г., получив степень доктора философии (Ph. D.) в Кембридже, М. Маклюэн сформировался как личность, определился круг его научных интересов, которые не ограничивались академическими темами. Они включали широкий круг вопросов: античную и средневековую историю, философию, литературу; творчество английских и американских писателей, поэтов, драматургов XVIII–XX вв.; жизнь современного общества, в том числе популярную культуру.

В этот период Маклюэн начал активно писать литературоведческие и культурологические статьи. Для ряда профессиональных журналов он подготовил материалы, в которых рассматривал творчество поэтов и писателей разных направлений: С.Т. Кольриджа, Д. Дос Пассоса, Г.М. Хопкинса, Т.С. Элиота и Д. Джойса.

Поэзия Д. Китса, проза Д. Джойса, литература американского Юга, печатные СМИ, телевидение – все эти темы М. Маклюэн рассматривал с точки зрения философии, обществознания, литературоведения и лингвистики. Такой подход вызывал как восторги, так и негодование критиков.

В 1954 г. Маклюэн написал предисловие к сборнику поэзии А. Теннисона [42] (1809–1892) – поэта, чье творчество ученый считал прекрасной иллюстрацией для исследования развития поэтических техник в английской литературе XIX в. Как и в статье «Теннисон и живописная поэзия»

¹ Следует отметить, что самому Маклюэну удалось создать традиционную семью. Всю жизнь он старался заработать деньги и улучшить материальное положение своей семьи, которая состояла из жены Коринн и шестерых детей: старшего сына Эрика (Eric), близнецов Мэри (Mary) и Терезы (Teresa), дочерей Стефани (Stephanie) и Елизаветы (Elizabeth) и младшего сына Майкла (Michael). Эрик был соратником отца, соавтором ряда книг, в том числе опубликованной после смерти ученого книги «Законы медиа: Новая наука». Стефани была редактором ряда сборников с публикациями отца, например, лекций и интервью (Маклюэн М. Понимая меня (2003)).

(*Tennyson and Picturesque Poetry*, 1951¹), он утверждает, что Теннисон является блестящим мастером пейзажной поэзии², поэтому определение «живописный» наилучшим образом характеризует его творчество. Однако в работах Маклюэна, посвященных творчеству английского романтика, мало внимания уделяется непосредственно анализу его стихотворных произведений. Маклюэн рассматривает творчество поэта в необычном ракурсе – в связи с достижениями в области ботаники, биологии и географии того времени, которые, если верить канадскому ученому, оказали влияние на художественный мир Теннисона³. Ньютоновская физика, как утверждает исследователь, в свою очередь, определила видение таких поэтов, как С. Кольридж и Д. Китс [1, р. 151]. Однако Маклюэн не развивает эти мысли, поэтому его утверждения не выглядят убедительными.

В творчестве многих писателей и поэтов канадский теоретик видел связь с медийными процессами. Однако поэзия Теннисона не вызывает таких аналогий, хотя многие образы английского романтика имеют много общего с современными массовыми коммуникациями. Например, волшебное зеркало Леди Шэлотт, образы которого заменяют его хозяйке реальную жизнь, несомненно, может вызывать ассоциации с телевизионным экраном, от которого многие не могут оторваться, проживая в ущерб своей жизни жизнь героев сериалов. Однако Маклюэн не видит таких связей. Он обращает внимание на талант Теннисона в создании прекрасных и запоминающихся сцен, огромную роль в которых играют полные разнообразных красок, запоминающиеся детали, отмечает, что поэт обладает точностью зрения и слуха (*the precise ear and eye* [1, р. 152]) и даже называет его видение кинематографическим (*a movie-camera eye* [1, р. 154]). Маклюэн уверен, что кинематографу есть чему поучиться у английских поэтов-романтиков.

Теннисон и другие поэты-викторианцы, по мнению Маклюэна, оказали огромное влияние на творчество прерафаэлитов, символистов и мо-

¹ Статья вошла в сборник (*The*) *Interior Landscape...* – P. 135–155.

² Как пейзажную поэзию Теннисона рассматривали многие критики. См., например: Palgrave F.T. *Landscape in Poetry from Homer to Tennyson*. – Boston: Adamant Media Corp. 2001. – P. 279–297.

³ В монографии британского литературоведа XIX в. Д.К. Уолтерса, посвященной жизни и творчеству А. Теннисона, упоминается, что в поэзии английского романтика специалисты отмечали хорошее знание автором ботаники. (См.: Walters J.C. *Tennyson: Poet, Philosopher, Idealist: Studies of the Life, Work, and Teaching of the Poet Laureate*. – Barcelona: Athena Univ. Press, 2004). Биограф Теннисона Э. Ланг также обращает внимание на то, что поэт хорошо разбирался в растениях, поскольку его образование, помимо изучения греческого, немецкого и итальянского языков, включало химию, ботанику (Lang A. *Alfred Tennyson*. – Charleston, SC: BiblioBazaar, 2008).

дернистов. Канадский исследователь неоднократно проводит параллели между поэзией Теннисона и Т.С. Элиота¹, а также романами Д. Джойса. Так, сравнивая отрывок из поэмы Теннисона «Дворец искусства» (*The Palace of Art*, 1832) с «Геронтионом» (*Gerontion*, 1920) Т.С. Элиота, Маклюэн пытался показать, как много между ними общего. По мнению критика, характерный для Теннисона импрессионистский стиль создания образа с помощью нескольких «мазков», так называемое искусство компрессии («the art of compression»), был позднее развит в поэзии Элиота [1, p. 152]. Однако Маклюэн упрекает английских романтиков за отсутствие ясной и эластичной техники стихосложения, которая не позволила им выйти за рамки поэтов «природы» и на новом художественном уровне выражать свои чувства. Причиной этого, по мнению ученого, был определенный уклон в развитии науки того времени, который учил их любить природу, что не позволило поэтам викторианской эпохи смотреть сквозь нее, а заставляло их делать природу предметом своего творчества [1, p. 155].

Мнение Маклюэна о поэзии Теннисона не вызвало интереса и поддержки у специалистов по английской литературе. Однако эти высказывания канадского исследователя дают представление о направлении его мыслей, видении искусства, которое, как в дальнейшем и медиа, он связывал с научными достижениями эпохи. Увязка состояния медиа с технологиями и научными достижениями своего времени стала неотъемлемой частью мировоззрения Маклюэна.

Интересными в статье о Теннисоне являются параллели, которые Маклюэн проводит между викторианской поэзией и живописью мастеров романтического пейзажа: Р. Уилсоном (R. Wilson, 1714–1782), Д.М.У. Тернером (J.M.W. Turner, 1775–1851), Ф. Дэнби (F. Danby, 1793–1861), Д. Мартином (J. Martin, 1789–1854). Позднее в своих работах Маклюэн будет пытаться комплексно рассматривать литературу и искусство. Примером такой работы стал совместный проект с коллегой по университету Торонто Ричардом Д. Шоеком – антология английской и североамериканской поэзии «Голоса литературы» (*Voices of Literature*). Три тома антологии с комментариями и справками авторов были опубликованы в период с 1964 по 1970 гг. [43, 44, 45]. До сих пор сборники пользуются популярностью среди студентов факультета английского языка и литературы Университе-

¹ О продолжении литературной традиции Теннисона в творчестве писателей-модернистов, и в частности Т.С. Элиота, пишет в своей диссертации и Н.И. Бушманова. См.: Бушманова Н.И. Проблема интертекста в литературе английского модернизма (проза Д.Х. Лоренса и В. Вульф): Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.05. – М.: МГПУим. В.И. Ленина, 1996. – С. 87.

та Торонто при подготовке к семинарам, написании исследовательских работ.

Вошедшие в антологию стихотворения разных исторических периодов – от У. Шекспира до Т.С. Элиота – расположены в сборнике не в хронологическом порядке, а по жанрам, которые определили составители: баллады и поэмы (Ballads and Narrative Poems), характерные стихотворения (Poems of Characterization), нравоучительные стихотворения (Poems of Comment and Criticism), лирика (Lyric Poems). Каждому смысловому блоку предшествуют комментарии составителей, в которых объясняются жанровые особенности определенного типа поэзии, прослеживается их связь с литературой предшествующей традиции. Антология содержит краткие биографические справки представленных в сборнике поэтов (три-четыре предложения о каждом из них), глоссарий основных литературоведческих терминов, встречающихся в тексте. К каждому стихотворению есть комментарий, вопросы и предложения для дальнейшего исследования. Жизненный путь поэтов не является предметом интереса авторов сборника. Так, У. Шекспиру в конце каждого тома дана лаконичная характеристика «величайший английский поэт и драматург». Следуя модели Ливиса и Ричардса, Маклюэн и Шоек главное внимание в сборнике уделили поэтическому тексту.

Интересы Маклюэна, характерный для него стиль подачи материала и ведения дискуссии ощущаются на каждой странице. В предисловии к антологии Маклюэн предлагает обсудить общие проблемы поэтического мастерства. Он полагает, что поэзия – это открытие мира и окружающей среды (discovery of the world you live in and your total environment) [44, p. V]. К основным характеристикам поэзии, по мнению ученого, можно отнести ее «экономичность и компактность, конкретность или детальность и интенсивность» [42, p. V]. Обращаясь к студентам, он спрашивает, что такое поэзия, зачем она нужна и как научиться читать ее, а далее ученый пишет о поэзии Э. Паунда, которая всегда была предметом пристального интереса. По мнению Маклюэна, в творчестве Паунда заложены основы современных массовых коммуникаций и прежде всего кинематографа. Подробнее эти мысли он развил в статьях, посвященных творчеству американского поэта, и трудах, посвященных проблемам медиа.

Особо следует отметить рекомендации для дальнейшей работы, которые даны учащимся в сборнике. Авторы анализируют отдельные строки каждого произведения, обращая внимание на общий стиль и стилистические приемы, которые используют поэты. Маклюэн и Шоек стараются связать поэзию XVII–XX вв. с современной культурой. Ключевым методом изуче-

ния текстов в сборнике является метод аналогий. Студентов просят найти общее между поэмой Д.Г. Байрона «Дон Жуан» и «Бесплодной землей» Т.С. Элиота [44, р. 158]. После прочтения стихотворения К. Марло «Страстный пастух своей возлюбленной» (*The Passionate Shepherd to His Love*) студентам рекомендуется прослушать песни и мадригалы елизаветинской эпохи, сравнить их с песнями музыкальных хит-парадов и найти между ними связующие нити, а также определить, близки ли они разговорной речи [44, р. 142].

В 60-е гг. в университетских учебниках и антологиях параллели между классической и массовой литературой, тем более мадригалами елизаветинской эпохи и современной рок- или поп-музыкой, были необычными и авангардными, поэтому методы анализа поэзии, предложенные Маклюэном и Шоеком, были революционными. Их задача была в том, чтобы привить студентам интерес к классической литературе, сократить разрыв между информацией, которую учащиеся получают за пределами аудитории, в том числе с помощью массмедиа, и учебными курсами. Позднее о необходимости соединения академических знаний и опыта за пределами класса Маклюэн напишет в пособии для учителей «Город как классная комната» [13]. Сегодня эта книга входит в список рекомендуемой литературы к университетским курсам по культурологии и обществознанию.

Из множества литературных интересов 30–50-х гг. Маклюэна можно выделить несколько тем, которые сформировали его мировоззрение и оказали большое влияние на его теоретические труды: творчество Томаса Нэша в контексте литературы и культуры елизаветинской эпохи, история тривиума, англо-американская литература, массовая культура.

В диссертации Маклюэна проявился его энциклопедизм, интерес к проблемам риторики и коммуникации, позднее эти темы на новом уровне были подняты в работах по проблемам медиа.

В литературной критике Маклюэна, как и его исследовании Томаса Нэша, заметен необычный подход, связывающий научные достижения эпохи с особенностями литературы и культуры того времени.

Одной из тем, к которой канадский исследователь проявил серьезный интерес в 30–40-е гг., была судьба американского Юга, «южная» литература и культура.

1.3. Г.М. Маклюэн и литература «южной традиции»

Консерватизм, приверженность традиционным взглядам на развитие общества и семьи, литературные вкусы сблизили Г.М. Маклюэна с писателями и критиками американского Юга. Знакомство с их творчеством в 1920–1940-е гг. оказало серьезное влияние на формирование мировоззрения ученого и его методы анализа литературного текста.

Д. Миллер писал, что неизвестно, как сказалось бы влияние Честертона на развитие Маклюэна как критика и исследователя, если бы он после учебы в Кембридже поехал на родину, в Канаду, а не в католический Университет Сент-Луиса в Миссури – региона, граничащего с южными штатами [110, р. 33]. Это утверждение вызывает сомнения. С творчеством представителей американского Юга Алана Тейта (Alan Tate), Дэвида Кроу Рэнсома (David Crow Ransom), Старка Янга (Stark Young), Дональда Дэвидсона (Donald Davidson), Эндрю Лайтла (Andrew Lytle), Клинта Брукса (Cleanth Brooks), Роберта Пена Уоррена (Robert Penn Warren) и др. Маклюэн познакомился во время учебы в Кембридже и продолжил это знакомство, когда работал в США в 1930–40-х гг., поэтому влияние «южных» интеллектуалов оказало бы свое воздействие на канадского ученого независимо от места его работы после университета.

«Южная традиция» как особая ветвь американской культуры выросла из конфликта между аграрным Югом и индустриальным Севером и сформировалась в условиях постоянной конфронтации этих двух противоборствующих сил с разными политическими и социальными системами, образом жизни и ценностями. Специфика исторического и экономического развития южных штатов определила мировоззрение писателей региона, круг исследуемых ими проблем, поэтику их произведений.

В литературе американского Юга критики отмечают ряд особенностей. Писатели-южане XIX–XX вв. в своих произведениях редко перемещали действие за границу южных штатов. Один из любимых писателей М. Маклюэна Р.П. Уоррен в одном интервью сказал о себе то, что могли о себе сказать многие литераторы-южане: «Когда я принимался за художественную прозу, мне никогда не приходило в голову, что я могу писать о чем-либо еще, кроме жизни на Юге... Ничто иное не занимало меня настолько, чтобы включалось мое воображение» [67, с. 357].

Другой отличительной чертой литературы американского Юга был интерес к истории своего края, и прежде всего к Гражданской войне 1861–1865 гг. и Реконструкции. Американский литературовед У. Салливан в книге «Реквием по Ренессансу» подчеркивал, что «... война и ее послед-

ствия дали Югу особую историю – особый, единый для всех южан опыт, общие беды и общее чувство поражения, которые сохранили традицию южного романтизма в его лучших и худших проявлениях и определили отношение южан к себе и окружающему их миру» [220, р. 1].

Комплекс «проигранного дела» (Lost Cause) определил «южное» мироощущение после 1865 г. В поэзии, романистике, мемуарах писатели Юга пытались «объективно», с «южных» позиций осветить историю Гражданской войны, и, по мнению многих критиков, им удалось со временем взять реванш. Директор библиотеки конгресса США Д. Биллингтон отмечал: «Южане проиграли войну, но выиграли великую литературу. Может быть, она и родилась у них, потому что они много страдали» [363, с. 13].

Российские исследователи М.М. Коренева [254, с. 5–14], Е.А. Стеценко [268] и В.И. Яценко [280, с. 135–145] при анализе творчества многих писателей-южан XX в. использовали термин «южная школа», подразумевая под этим «непосредственно идейно-художественную близость и программно-эстетическое единство ее участников» [257, с. 232].

Судьба американского Юга была небезразлична Г.М. Маклюэну. Он сочувствовал «проигранному делу», гибели патриархальной цивилизации с доминирующей устной культурой. По мнению ученого, экономика Юга, которая полностью основывалась на производстве и продаже хлопка и растительного масла, способствовала созданию уникальной аграрной культуры, а пафос и юмор региона объясняются спецификой его уклада [39, р. 31]. Маклюэн был хорошо знаком с творчеством писателей-южан XIX в. Д.И. Кука, У.Г. Симмса и неоднократно выражал солидарность с их взглядами на общественное устройство, систему ценностей: ему также нравился патриархальный уклад Старого Юга, воспетый «южными» романистами.

В рецензии на книгу У.Д. Кэша «Разум Юга» (Cash W.J. *The Mind of the South*, 1954) Маклюэн писал, что между Канадой и американским Югом много общего: экономический уклад, связь с шотландско-галльской культурой (чувство клановости, романтическая ностальгия по прошлому, верность своим чувствам и принципам, любовь и интерес к прошлому). По мнению критика, как и южане, канадцы часто наивны, обычно необучаемы и абсолютно недоверчивы в отношении масштабности, бюрократии и центральной власти. Маклюэн полагал, что канадцы и южане, как это ни парадоксально, невероятные индивидуалисты и вместе с тем инстинктивные конформисты [12, р. 82–83]. На основании некоторой общности между «южанами» и канадцами Маклюэн считал себя вправе рассуждать о литературе и культуре американского Юга.

Как и «южане», католик Маклюэн считал, что жизнь должна быть сконцентрирована вокруг интересов местного сообщества («community»), большую роль должна играть семья, а не интересы отдельного индивида.

1930-е гг. в США, как известно, были периодом экономической депрессии, но для культуры Юга это был период ренессанса¹, отмеченный интеллектуальным подъемом и творческой активностью писателей американского Юга, одним из наиболее ярких проявлений которого стали деятельность «беглецов» – группы литераторов, возникшей в стенах Вандербильтского университета в г. Нэшвилл, штат Теннесси, – и движение «аграриев», которое оказало большое влияние не только на литературу, но и на всю социальную и культурную жизнь американского Юга 30-х гг. и последующего времени.

В 1922 г. «южные» интеллектуалы, среди которых были Р.П. Уоррен, А. Тейт, Д. Дэвидсон, Д. К. Рэнсом, К. Брукс и другие, объединились вокруг журнала «Фьюджитив» («Fugitive» – «Беглец»). «Беглецов» волновал разлад между ценностями искусства и состоянием цивилизации. На страницах журнала члены этой группы выступали как поэты, писатели, критики. Они интересовались «высокой» поэзией. Образцами для них были У. Уортсворт, С. Кольридж, Э. Паунд – поэты, творчеству которых Г.М. Маклюэн позднее посвятил ряд статей.

Как критики «беглецы» исследовали текст, стремясь к его «глубокому прочтению», определению его всеобщего и конкретного смысла, выявлению значения метафор, сравнений, системы образов, расшифровке символики. В 1925 г. журнал «Фьюджитив» прекратил свое существование. Каждый из его авторов пошел своим путем. Позднее многие из них присоединились к движению «аграриев», которое возглавили Д. Дэвидсон, Д.К. Рэнсом, А. Тейт. «Аграрии» выступали против индустриализации американского Юга, коммерциализации всех сфер человеческой жизни. Их идеалом была жизнь довоенного плантаторского Юга.

В 1930 г. двенадцать «южных» интеллектуалов – писателей, поэтов, критиков, историков – Д. Дэвидсон, Д.К. Рэнсом, А. Тейт, Ф.Л. Аузли (F.L. Owsley), Э. Лайтл, Х.К. Никсон (H.C. Nixon), Р.П. Уоррен, Л.Х. Ланьер (L.H. Lanier), Д.Г. Флетчер (J.G. Fletcher), С. Янг, Д.Д. Уэйд (J.D. Wade) и Х.Б. Клайн (H.B. Kline) – опубликовали сборник статей, в котором пытались выразить свое отношение к различным проблемам Юга. Статьи не за-

¹Подробнее об этом см.: Bradbury S.M. *Renaissance in the South: A Critical History of the Literature 1920–1960*. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1963; Holman H.S. *The Roots of Southern Writing. Essays on the literature of the American South*. – Athens: Univ. of Georgia Press, 1972.

думывались авторами как единое целое, но, собранные воедино под названием «Займу свою позицию» (*I'll Take My Stand*), стали своеобразным манифестом «южных аграриев». Авторы манифеста призывали сохранить автономию Юга в области морали, социальной жизни и экономики. Они признавали неизбежность и некоторую пользу индустриализации, но призывали ограничить ее определенными рамками, поддерживать на достойном уровне аграрный уклад региона. В одной из главных программных статей сборника – «Подвергшиеся реконструкции, но не изменившиеся» (*Reconstructed but Unrenegade*) – Д.К. Рэнсом пытался защитить «южную культуру» и искусство, которые, по его мнению, отличает высокая духовность. Он советовал «южанам» объединиться с аграриями американского Запада для утверждения патриархального уклада жизни и мировосприятия.

Д. Дэвидсона, автора «Зеркала для художников» (*A Mirror for Artists*), беспокоило состояние искусства в современном индустриальном обществе. Он считал, что массовое производство способствует уничтожению настоящего искусства. Эта проблема волновала и Э. Лайтла. Он, в свою очередь, советовал «южанам» обратиться к народной культуре и черпать из нее вдохновение. «Аграрному Югу, чья культура была испорчена, но не уничтожена войной (Гражданской войной 1861–1865 гг. – И.А.) и ее последствиями, следует бояться индустриализации, как ядовитой змеи», – утверждал Э. Лайтл [226, р. 234].

Историк Ф.Л. Аузли в статье «Неразрешимый конфликт» (*The Irrepressible Conflict*) не столь критичен по отношению к «южанам». Юг, считал ученый, сражался и погиб за свой идеал, воплощением которого было аграрное общество. В вошедшей в сборник статье «Заметки о религии Юга» (*Remarks on the Southern Religion*) А. Тейт высказывает мысль о том, что «старый Юг» был обречен на поражение, и этому способствовали силы, разрушающие его изнутри. Роль разрушителя, как полагал он, сыграл протестантизм – религия, призванная защищать буржуазные ценности развитого капитализма, а для традиционной аграрной культуры более органичен католицизм. Эта идея была в дальнейшем развита в романе А. Тейта «Отцы» (1941). Она не получила широкой поддержки на Юге, но была очень близка М. Маклюэну. О роли католической церкви в традиционном обществе он не раз высказывался в своих публичных лекциях и трудах.

Взгляды авторов манифеста «Займу свою позицию» сформировались на «южной» почве и связаны со спецификой «южного» мироощущения. Однако в них можно выделить нечто универсальное для всех аграрных обществ и течений – ощущение своей исключительности, духовности, месси-

анства. В статьях сборника заметно чувство превосходства и даже некоторое сочувствие «обогащающейся Америке». Можно сказать, что этот манифест стал выражением вечного конфликта «аграрное – индустриальное». Несколько десятилетий он был предметом дискуссий американских интеллектуалов – историков, литераторов, экономистов, социологов. К идеям, выраженным в сборнике, не раз возвращался в своих работах и М. Маклюэн, соглашаясь, споря, опровергая основные положения авторов «южного манифеста». В 1946 г. в одном из своих писем к Феликсу Джованелли, размышляя о противостоянии урбанистской и аграрной культур, он заявил, что «занял свою позицию» и полностью солидарен с «южанами», в частности с А. Тейтом и К. Бруксом [2, р. 184].

Однако влияние на творчество М. Маклюэна оказал не только манифест «южных аграриев», но и работы представителей так называемой южной новой критики – «Реакционное эссе о поэзии и идеях» (1936) А. Тейта, «Современная поэзия и традиция» (1939) К. Брукса, «Плоть мира» (1938) и «Новая критика» (1941) Д.К. Рэнсома.

В 1930–1940 гг. «новая критика» («New Criticism») была одним из ведущих направлений в американской и европейской литературе и литературоведении. Ее представители рассматривали художественное произведение как самоценный «поэтический феномен» и анализировали его без опоры на общественные, исторические и биографические факторы. «Новые критики» исследовали структуру произведения, а не взгляды писателей или впечатления и отклики на него читателей.

Американский критик В. Лич (V. Leitch) среди основных положений «новой критики» выделял интерес к самому произведению без изучения источников его происхождения, истории идей, политики, религии и общественного резонанса, «органичную теорию литературы, а не дуалистическую концепцию формы и содержания» («organic theory of literature rather than dualistic conception of form and method»), а также скрупулезное исследование текста со всеми его деталями, стилистическими приемами, оттенками значений с целью определить контекстуальное единство и значение самого произведения [201, р. 26–27]. Это определение Лича полно и точно отражает суть «новой критики». Подход к литературе в целом и анализу текста «новых критиков» во многом сближает их с русской «формальной» школой – Б.М. Эйхенбаумом, В.Б. Шкловским, В.Б. Томашевским. Все писатели-«беглецы» и идеологи-«аграрии» 1930–1940-х гг. были теоретиками «новой критики».

Взгляды на литературу, историю, искусство, общественное устройство, которые выразили в своих работах А. Тейт, Д.К. Рэнсом, Д. Дэвид-

сон, были близки Г.М. Маклюэну. Исследование литературы Юга логически продолжило его увлечение Г.К. Честертоном. «Южных аграриев» с М. Маклюэном объединяли любовь к античной литературе, интерес к элитарному искусству – поэзии С. Кольриджа, А. Теннисона, У. Уортсворта – консерватизм, набожность и, самое главное, преклонение перед культурой американского Юга. Как и «южных» интеллектуалов, Маклюэна волновали разлад между ценностями искусства и состоянием цивилизации, опасность уничтожения аграрной культуры американского Юга индустриальным Севером. Как и «южан», Маклюэна беспокоило разрушение человеческих, и прежде всего семейных, ценностей в обществе. Именно этой теме посвящена одна из его первых статей – «Дэгвуд в Америке».

Маклюэн хорошо знал не только литературу Юга, но и работы «южан» по теории литературы и искусства, которые были опубликованы в 1920–1930-е гг. Работая в 1930–40-е гг. в США, он внимательно следил за деятельностью представителей «новой критики». Со многими из них – Д. Дэвидсоном, Д.К. Рэнсомом и др. – он был знаком лично. В литературной критике и книгах по теории коммуникации, упоминая работы «Реакционное эссе о поэзии и идеях» А. Тейта, «Современная поэзия и традиция» К. Брукса, «Плоть мира» и «Новая критика» Д.К. Рэнсома, М. Маклюэн подчеркивал свою общность с «южной традицией». В свою очередь Д.К. Рэнсом считал Маклюэна человеком, близким «аграриям», и рекомендовал его в 1946 г. на должность редактора «южного» интеллектуального журнала «Савани Ревью» (*Sewanee Review*)¹.

В мае 1946 г. в письме к коллеге Феликсу Джованелли (Felix Giovanelli) Маклюэн признается, что все глубже понимает смысл творчества У. Фолкнера и Э. По, поскольку их гнев по отношению к наступающей технологизации общества «достаточно благородный» («relatively noble»). Ему кажется символическим тот факт, что А. Тейт и К. Брукс выражают уверенность в возрождении человека².

Ю. Макнамара, составитель сборника литературно-критических статей Г.М. Маклюэна «Внутренний пейзаж: Литературная критика Маршалла Маклюэна, 1943–1962», поместил три статьи о литературе американского Юга: «Традиция Эдгара По» (*Edgar's Poe Tradition*, 1944), «Античная ссора в современной Америке» (*The Ancient Quarrel in Modern America*,

¹ Г. Уиллмот с некоторой иронией отмечает, что если бы Маклюэн стал редактором «Савани Ревью», то неизвестно, какой поворот произошел бы в американской критике. (Willmot G. Op. cit. – P. 30).

² «And yet symbolically in such as [Allen] Tate and [Cleanth] Brooks, note a modest confidence in renewal of the human condition» (Letters....Op.cit. – P. 184).

1946), «Южное качество» (*The Southern Quality*, 1947) – в последнюю часть сборника, несмотря на то что эти работы относятся к первому этапу творчества канадского ученого. Статьи в сборнике распределены по блокам. Ю. Макнамара объясняет такую структуру сборника нежеланием автора следовать хронологической линейной модели, от которой всегда отказывался М. Маклюэн. В основе такой организации материала, как утверждает составитель сборника, заложен ключ – метафора «галактика» [1, р. VII]. Все три эссе в последней части объединены темой американского Юга, логически завершают сборник литературной критики ученого и дают представление о мировоззрении, художественных предпочтениях, взглядах канадского профессора на историю, экономику, образование, литературу и культуру США.

В 1947 г. в журнале *Sewanee Review* появилась статья М. Маклюэна «Южное качество» (*The Southern Quality*), в которой канадский исследователь через шестнадцать лет после выхода в свет сборника статей «Займу свою позицию», своеобразного манифеста «агариив», выразил свою солидарность с его авторами, «южными» интеллектуалами, среди которых были Д. Дэвидсон, Д.К. Рэнсом, С. Янг, А. Тейт, Р.П. Уоррен, Э. Лайтл и др. В эссе «Южное качество» Маклюэн, анализируя творчество У.Г. Симмса (W.G. Simms), К.Э. Портера (K.A. Porter), Э. Лайтла, А. Тейта, С. Янга, Э. Глазгоу (E. Glasgow), У. Фолкнера, Р.П. Уоррена, отмечал характерные для «южной» литературной традиции черты: мастерство повествования, изображение частной жизни через призму истории («passionate historic sense of life»), ностальгию по Старому Югу, культ женской красоты и рыцарства, мотив фатальности. Сторонник элитарной культуры, Маклюэн высоко оценивал творчество У.Г. Симмса, Э. По, А. Тейта. Вместе с тем он положительно отозвался об опубликованном в 1936 г. романе-бестселлере М. Митчелл «Унесенные ветром», который, по его мнению, уничтожил «моральную агрессию» «Хижины дяди Тома» Г.Б. Стоу.

«Дело Юга», как утверждал Маклюэн, не проиграно. Культурное и литературное наследие Старого Юга, «южный ренессанс», по его мнению, – своеобразная победа южан. Как и «южные аграрии», Маклюэн полагал, что американский Север и Юг представляют собой не только противостояние двух культур и экономических укладов – индустриального и аграрного, – но и оппозицию «разум» (Север) и «сердце» (Юг). Маклюэн осуждал Новую Англию за незнание своей собственной истории, за ощущение себя «разумом», который существует вне традиции и корней, сам по себе (*mind per se*). Его раздражал присущий северянам рационалистический и номиналистический подход к толкованию всех существующих проблем, в том

числе текста Священного Писания. «Разум» Новой Англии, согласно Маклюэну, технологичен, способен создать эффективное производство и систему управления бизнесом, но он не может решать общественные и политические проблемы. Общественная и политическая мысль Америки, как утверждал ученый, пришла с Юга и развивалась от Т. Джефферсона до Г. Уилсона. Маклюэн, признавая неизбежность индустриализации Юга, пытался защитить «южную» культуру и искусство, которые, как он считал, отличаются высокой духовностью. Ученый всегда был склонен к категоричным суждениям. Он идеализировал Старый Юг, не желая замечать объективных противоречий довоенного Юга, которые привели к войне. В «южном аристократе» он видел самоотверженного человека, который жил не личной, а общественной жизнью, а в промышленниках Э. Карнеги и Г. Форде – механическую бюрократию, которая распоряжалась жизнями людей, не неся за это никакой ответственности.

В немного ином ракурсе Маклюэн позднее развивал эту тему в своих публичных лекциях, заявляя о превосходстве культуры католической Латинской Америки над протестантским американским Севером. В заслугу латиноамериканцам Маклюэн ставил тот факт, что их герои – ученые, художники, поэты, а не бизнесмены и финансисты, как в США¹.

Эти же мысли Маклюэн выразил в эссе «Традиция Эдгара По» (1944), «Античная ссора в современной Америке» (1946). В «Античной ссоре» он придал конфликту Юг–Север широкое звучание, утверждая, что война «разума» и «сердца» идет с древних времен. Поводом для написания статьи стала новая школьная программа, принятая в Чикаго. По рекомендации Клинта Брукса, одного из ярких представителей «новых критиков» американского Юга, который в течение шести месяцев читал лекции в Чикагском университете, Маклюэн был приглашен на встречу с президентом университета Робертом Хатчинсоном. Как северянин, Р. Хатчинсон рассматривал образование с чисто прагматических позиций, цель обучения для него заключалась в подготовке «специалистов с профессией», способных выдержать конкуренцию на рынке труда. Поскольку он не был полностью доволен организацией процесса обучения, он решил послушать, что ему посоветуют известный на тот момент литературный критик К. Брукс и профессор М. Маклюэн.

Изучив систему образования в Чикагском университете, М. Маклюэн выразил свое несогласие с узкопрагматическими подходами к обучению, прежде всего в области литературы и искусства, которые практиковались в

¹ Подробнее об этом см.: Marchand Ph. Op.cit. – P. 76.

учебном заведении. По воспоминаниям К. Брукса, при встрече с Хатчинсоном Маклюэн произнес блестящую речь, в которой указал на недостатки и проанализировал их корни. Маклюэн выразил не только свое мнение, но и видение проблемы К. Бруксом [102, p. 90].

Вернувшись в Сент-Луис, Маклюэн на основе своего красноречивого выступления написал статью «Античная ссора в современной Америке», в которой, рассуждая о разных подходах к образованию, существующих с античных времен, подчеркивал, что образование Новой Англии продолжало традиции так называемых диалектиков и развивалось от освоения тонкостей теологии до серьезного изучения финансов и при этом всегда носило прагматический характер. Такой подход, по мнению ученого, имел ряд недостатков. Выпускники не учились мыслить, из них получались хорошие исполнители и эксперты, но не яркие личности. Особое возмущение у Маклюэна вызвало преподавание литературы в Чикагском университете, которое носило схематичный характер. Маклюэн высмеивал письменные тесты, в которых проверка знаний творчества Шекспира, Филдинга сводилась к выбору из четырех предложенных ответов (multiple-choice tests). Такой подход Маклюэн назвал «наивным рационализмом», который сводит изучение литературы к освоению нескольких определений и концепций, но не учит студентов настоящему литературоведческому анализу [1, p. 230–231].

Примером для подражания для Маклюэна является классическое образование в южных штатах, продолжающее традиции риторико-грамматистов и дающее широкие знания в области гуманитарных наук и права. Маклюэн считал, что неслучайно такие блестящие политики и одновременно творческие личности, как Т. Джефферсон и А. Линкольн, были уроженцами американского Юга. Именно на Юге эти политические деятели, по утверждению исследователя, могли получить прекрасное классическое образование в соответствии с идеалами, которые Цицерон выразил в своей работе «De Oratore», а Святой Августин – в труде «De Oratore Christiana» [1, p. 213].

В «Античной ссоре в современной Америке» Маклюэн в очередной раз демонстрирует свои энциклопедические знания, приводя примеры из античной, средневековой истории, эпохи Возрождения. Образование и культура американского Юга вызывают у него восхищение, а прагматический подход к обучению в Новой Англии он считает рациональным, ориентированным на овладение профессией, ремеслом, но не способным воспитать человека такого уровня, как Т. Джефферсон.

В статье «Традиция Эдгара По», опубликованной в «Савани ревью» в 1944 г., Маклюэн рассматривал творчество Э. По в контексте традиции

риторики Цицерона и гуманистов эпохи Возрождения, которые, по мнению критика, характерны для литературы американского Юга. Маклюэн считал, что талант Э. По, его космополитичный и аристократический взгляд на жизнь, его красноречие могли сформироваться только в рамках «южного» канона. Достижения По в области литературы Маклюэн связывает напрямую с его «южными» корнями, а истоки «южной традиции», в свою очередь, он находит в европейском праве, политике, культуре.

Вместе с тем Маклюэн считает, что в творчестве Э. По заметны определенная дихотомия, развитие не только в рамках «южной традиции», но и следование художественным традициям Европы и Новой Англии. Маклюэн считал, что творчество Э. По нельзя рассматривать в отрыве от байроновской традиции, продолжающей вслед за Сервантесом тему аристократа-революционера, который борется за «общечеловеческие ценности в мире невероятного хаоса» [1, р. 212].

Иногда в рассуждениях канадского профессора заметны набожность и морализм. Ученый упрекает Э. По за излишнюю увлеченность символами сатанизма, садистскими ужасами, сценами жестокости, мотивами страха, одиночества и безысходности [1, р. 212]. Такие темы и мотивы, как считает Маклюэн, являются продолжением европейской традиции, их можно встретить в творчестве Сервантеса, Байрона, Ричардсона, Бодлера. Байроновских героев, Ловеласа из романа Ричардсона «Кларисса» Маклюэн называет «аристократичными негодяями». В этот же ряд он ставит и героев викторианской мелодрамы, а также известных персонажей-сыщиков: Дюпена, Шерлока Холмса, а также Ретта Батлера из «Унесенных ветром». По мнению Маклюэна, этот тип героя, «красивый, но проклятый/отвратительный» (*beautiful, but damned*), нашел свое продолжение в голливудских фильмах [1, р. 219]. Данные высказывания Маклюэна удивляют. Вряд ли можно поставить в один ряд аскета, мастера дедукции и частного сыска из детективных рассказов А. Конан-Дойла Шерлока Холмса и рокового героя, «южного» красавца Ретта Батлера, но у Маклюэна свой, нестандартный взгляд на литературу. В статьях 1930–1940-х гг. проявилась характерная для Маклюэна черта – сравнивать несравнимое, подкреплять свои мысли неожиданными примерами и аналогиями. Такой подход иногда помогал создать запоминающуюся картину, а иногда вызывал протесты критиков.

Во взглядах на общество, культуру и литературу Маклюэна и представителей американской «новой критики» много общего, но, в отличие от южан, канадский исследователь с интересом относился к науке и техническим новациям, хотя не раз писал о разрушительной роли индустриализа-

ции и тем самым часто противоречил сам себе. «Новые критики», особенно А. Тейт и Д.К. Рэнсом, относились категорически отрицательно к науке, которая, по их мнению, является главным злом в истории, которое уничтожило до корней безбожное существо [201, р. 27]. В отношении к науке позиции Маклюэна и «южных» критиков различны. На эмоциональном уровне Маклюэн практически во всем солидарен с южанами, но на рациональном уровне (а в теориях Маклюэна много рационального) ученый не представляет современный мир без науки и ее достижений. Все новое, что возникает в мире технологий, интересует и восхищает его. Неслучайно интернет-сообщество считало его своим святым покровителем (Patron Saint). Можно легко представить, какой живой отклик вызвали бы у Маклюэна современные гаджеты: мобильный телефон, Ipad, и, без сомнения, ученый увидел бы связь между современной литературой, культурой и этими новыми игрушками человека XXI века.

Следует признать, что Маклюэн лишь на первом этапе своей карьеры (1930–1940-е гг.) находился под сильным влиянием «новых критиков» американского Юга. Идеология «чистого искусства», творчество в «башне из слоновой кости» увлекали его до определенного момента, но интерес к истории, политике, технологиям и массовой культуре проявился уже в 1950-е гг., и доказательством этого стала первая книга Маклюэна «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека», предметом исследования в которой стали современная реклама и комиксы.

Г. Уиллмот справедливо отметил, что Маклюэн стремился объединить изучение причин возникновения любых явлений, в том числе новых художественных произведений и их форм [127, р. 28]. Таким образом и возникла знаменитая сентенция Маклюэна «medium is the message» («средство сообщения само есть сообщение»). Этой фразой ученый подчеркивал единство формы и содержания в процессе коммуникации, а также необходимость их изучения как единого целого.

Нельзя не согласиться с Уиллмотом в том, что Маклюэн как критик зачастую поверхностно работал с литературными текстами, часто они были частью доказательств, подкрепляющих одну из теорий ученого. Примером этого, по мнению Уиллмота, может служить статья «Традиция Эдгара По», в которой не приведено ни одной цитаты из источников, что идет вразрез с каноном «новой критики», но очень характерно для Маклюэна [127, р. 30]. Творчество Э. По для канадского исследователя стало материалом для размышлений на разные темы – от проблем общественного устройства и традиций американского Юга до теории коммуникации.

Литературоведческий анализ в статьях Маклюэна соседствует с философскими рассуждениями, длинными историческими экскурсами, наблюдениями культуролога. В рамках одной статьи он легко перескакивает с одной темы на другую, поэтому иногда трудно уловить логику автора.

Как и в трудах по теории коммуникации, Маклюэн создает огромный мозаичный мир образов, за которым иногда трудно увидеть общую картину. Так, творчество Э. По он анализирует в разных контекстах, проводя аналогии с античной историей и культурой, эпохой Ренессанса, литературой XIX в. Совершенно неожиданно в статье он обращается к конфликту между католической и протестантской церквями, истории Новой Англии – темам, которые всегда его волновали, уходя в сторону непосредственно от анализа наследия Э. По. Неожиданными кажутся сравнения творчества Э. По и У. Уитмена. Уитмена Маклюэн называет «американским политическим поэтом», которого с Э. По связывает «южная аристократическая традиция» [1, р. 220].

В статье, посвященной творчеству По, проявляется свойственное Маклюэну красноречие. В прозаическом тексте, содержащем литературную критику, встречаются пассажи, напоминающие ритмическую прозу. Маклюэн пишет об Э. По: «He has no loose ends. He left no unfinished experiments. He uttered himself»¹. Этот отрывок ритмом, обилием аллитераций напоминает стихи современника Маклюэна поэта Алана Гинзберга (Alan Ginsberg). Уже в критике проявился свойственный ученому стиль создания запоминающихся фраз, напоминающих поэтические заклинания, который позднее заморозил поклонников его творчества. Неслучайно многие труды Маклюэна были буквально «разодраны» на цитаты.

Маклюэна увлекала аллитерация. Характеризуя Э. По, он писал: «The erudition of Lowell and Longfellow was not his... They read and ruminated while he was seizing with the gusto of the pre-ordained certitude on facts, symbols, images, and ideas which became the vehicles of his sensibility»². Сравнение писателя именно с Лоуэллом и Лонгфелло, возможно, объясняется тем, как звучно выстраивается фраза, звучат повторяющиеся согласные «л». Пара слов «read» и «ruminated» также созвучны. Поэтичность и торжественность придает тексту инверсия «The erudition of Lowell and Longfellow was not

¹ «У него нет свободных концов. Он не оставил незаконченными эксперименты. Он высказал то, что хотел сказать» (Перевод. – И.А.) (*The Interior Landscape*. – P. 212. При переводе трудно сохранить ритмику и поэтичность оригинала.

² «У него не было эрудиции, присущей Лоуэллу и Лонгфеллоу. Они читали и раздумывали, в то время как он цеплялся с энтузиазмом абсолютной убежденности за факты, символы, образы и идеи, которые стали средствами его восприятия» (*The Interior Landscape*. – P. 212.

his». Афористично построено сочетание слов «the vehicles of his sensibility» (средства его восприимчивости/чувственности).

Тот факт, что Маклюэн не был ни южанином, ни северянином, вызывает к его работам, посвященным литературе, истории, культуре американского Юга, особый интерес и доверие. Несмотря на эмоциональную привязанность к «южной» культуре, канадец Г.М. Маклюэн анализировал конфликт Севера и Юга «со стороны». Как отмечал Ю. Макнамара, «канадцы – тонкие ценители американской жизни. Американцы погружены в свой собственный опыт, как пловец в воду». Свое утверждение Макнамара подкрепляет цитатой из М. Маклюэна: «Мы никогда не видим вещи, в которых мы существуем» [1, p. 182].

Ю. Макнамара напомнил, что именно канадский профессор Р.М. Бак (R.M. Buske) впервые открыл миру гений Уолта Уитмена, а другой канадский исследователь предсказал ренессанс в творчестве Г. Мелвилла в период затишья в жизни писателя. По мнению критика, дистанция, отчужденность и одновременно близость к США, присутствие на границе («on the border») позволяют канадцам видеть перспективу, быть более объективными критиками американской жизни и культуры, чем сами американцы [1, p. 182].

В статьях, посвященных американскому Югу, М. Маклюэн видел вечное противостояние, «античную ссору» между *риториками* и *диалектиками*, между гуманистами и технократами. Об этом он писал еще в своей докторской диссертации, посвященной Томасу Нэшшу. В «южном» мифе об уничтоженной варварами прекрасной цивилизации Маклюэн видел вселенскую ностальгию по созданному нашим воображением прошлому. Гибель аграрного Юга он сравнивал с гибелью Трои. В традиции Старого Юга Маклюэн ценил единство мысли и чувства, которые, как полагал канадский ученый, характерны для русских романистов XIX в. Традиции Новой Англии у Маклюэна, напротив, ассоциируются с утилитарной логикой, индустриальным образом жизни, основанным на агрессивном индивидуализме.

В рецензии на книгу У.Д. Кэша «Разум Юга» Маклюэн признается, что его первый интерес к американскому Югу был связан с рассказами Марка Твена о приключениях Тома Сойера и Гекльберри Финна – типичных южных подростков. Позднее он серьезно заинтересовался историей конфликта между Севером и Югом и пришел к выводу, что этот конфликт имеет глубокие корни. Продолжая мысли, высказанные в «Античной ссоре» и «Традиции Э. По», ученый еще раз подчеркивает, что причина противостояния Севера и Юга идет из античности, Средневековья и эпохи Ре-

нессанса и знаменует собой вечный спор между наукой (science) и гуманизмом (humanism), между логикой и риторикой. Однако в публикации 1954 г. Маклюэн уже не отстаивает столь яростно «южные» ценности. Он критикует Кэша за попытки рассмотреть Юг и Север в категориях пространства и времени, которые, как он полагает, бессмысленны в данном случае. В 50-е гг. Маклюэн был увлечен массовой культурой и технологиями. Культура индустриального общества – объект его исследования, по этой причине Север для него больше не является олицетворением зла. Он становится материалом для анализа интересовавших его проблем.

Следует признать, что после Второй мировой войны и южане перестали остро ощущать свою «региональность». Война сплотила нацию. В литературе и искусстве американского Юга возникли новые темы.

Тем не менее книга Кэша «Разум Юга», несомненно, является серьезным исследованием истории и культуры региона. Она написана с «южных» позиций, но достаточно объективно. В финале рецензии на книгу Маклюэн замысловато хвалит автора, отмечая глубину исследования. В рецензии уже нет прежнего пафоса, призыва защитить погибающую прекрасную культуру.

Американский критик Д. Фекете прав, утверждая, что 1946–1952 гг. были значимым этапом в становлении канадского ученого, главную роль в котором сыграло влияние «южных» интеллектуалов.

В более поздних и широко известных работах: «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека» (1951), «Галактика Гутенберга» (1962), «Понимание средств общения: Продолжение человека» (1964) Маклюэн представил оппозицию «аграрное – индустриальное» на новом уровне – как борьбу аграрной «книжной» и индустриальной «технической» культур. Он пришел к выводу о том, что технологии определяют тип культуры, влияют на развитие общества в целом, в том числе на средства коммуникации. Качества, присущие «южной традиции», в разработанной Маклюэном позднее теории коммуникации могли бы быть названы «акустическими», а черты «северной традиции» – «визуальными». Тема американского Юга в работах Маклюэна, его дружба с «южными аграриями» являются ключом к пониманию творческого наследия канадского ученого, его двойственного отношения к техническому прогрессу.

В критических статьях, посвященных литературе американского Юга, проявился характерный для Маклюэна стиль письма: мозаичная структура работы, постоянное расширение заявленной темы, склонность к глобальным обобщениям, нежелание и неумение рассматривать проблему узко и в рамках одной дисциплины, неожиданные аналогии.

На первом этапе (30–40-е гг.) становления Маклюэна как критика и теоретика заметно единство с «новыми критиками». Консервативные взгляды писателей американского Юга на общественное устройство, технологии, искусство и литературу близки ученому. Однако в дальнейшем интересы Маклюэна и представителей «новой критики» разошлись: Маклюэн серьезно увлекся исследованием коммуникационных технологий в диахроническом аспекте – с первобытных времен до середины XX в., в то время как «новые критики» остались верны «чистому искусству».

В соответствии с канон «новой критики» самим Маклюэном написано немного статей, примером одной из них может быть эссе «Эстетическая модель в одах Китса» (*Aesthetic Pattern in Keats' Odes*, 1943), в которой скрупулезно анализируются стихотворные произведения одного из самых ярких представителей «чистой» английской поэзии XIX в. Остальной корпус литературно-критических статей далек от этой модели. Литература во многих работах канадского профессора служит материалом для изучения разных явлений, в том числе медиа. Метод литературных аналогий ученый применяет для анализа массовой коммуникации. Пространство и время, язык, композицию и стиль художественных произведений ученый сравнивает с возникающими в данную эпоху средствами массовой коммуникации и, что удивительно, находит параллели между ними: в теории Маклюэна медиа всегда развиваются одновременно с современной литературой и наукой. Возможно, эта концепция канадского профессора кажется спорной. Однако она, несомненно, интересна как гипотеза. Междисциплинарные исследования в этом плане могут дать ответы на вопрос, насколько прав был М. Маклюэн.

Следует отметить, что отношение к «южной» теме, как и к «новой критике», претерпело в трудах Маклюэна метаморфозы. Если в работах 1930–40-х гг. Маклюэн яростно защищает моральные и духовные ценности американского Юга, призывая защитить экономику и культуру края от индустриализации, то в работах поздних лет столкновение Юга и Севера интересует его исключительно с позиций «античной» ссоры «риторико-грамматистов» и «диалектиков»; индустриализация и технология вызывают у него не протест, а интерес исследователя.

Рассматривая основные вехи биографии Г.М. Маклюэна, можно выявить определенную логику в постепенном смещении интересов ученого от литературоведения к изучению медиа. Именно в Кембридже Маклюэн познакомился с философией и эстетикой литературы модернизма и «новой критикой». Приемы монтажа, одномоментности действия, множественно-

сти перспектив, характерные для творчества писателей-модернистов, позднее Маклюэн стал соотносить с медийными процессами.

В начале академической карьеры Маклюэн под влиянием Ливиса и Ричардса анализирует художественные тексты с позиций «новой критики», сосредоточившись исключительно на художественном тексте, но позднее предметом его интересов становятся историко-социальные, экономические аспекты творчества литераторов и художников. Он отказывается следовать характерному для «новых критиков» канону литературно-критического анализа и с увлечением рассматривает и творчество элитарных писателей, и произведения массовой культуры с разных точек зрения, в разных контекстах. Маклюэн формирует свой метод анализа литературы и медиа, и «новая критика» становится для него полезным и интересным опытом, но не догмой, которой он собирается придерживаться всю жизнь.

Исследование творчества английского литератора Томаса Нэша в контексте развития гуманитарных знаний елизаветинской эпохи привело канадского ученого к исследованию системы тривиума, конфликта между «риторико-грамматистами» и «диалектиками». Сквозь призму этого конфликта Маклюэн рассматривал и проблемы американского Юга, и появление новых концепций в сфере теории коммуникации.

Литература американского Юга, творчество «новых критиков» остаются неотъемлемой частью эстетического и художественного мира М. Маклюэна, определенным этапом в становлении и развитии ученого как литературного критика и теоретика коммуникации. Личное знакомство с «южными» интеллектуалами и публикации в «южных» литературных журналах помогли Маклюэну заявить о себе, «сделать имя» в академической среде. Рассматривая разные аспекты массовой коммуникации, ученый часто обращается к творчеству «южан». Литература американского Юга и «южная новая критика» нашли продолжение в трудах Маклюэна 1950–1960-х гг. Не зная этот период творчества ученого, трудно по-настоящему понять его литературную критику, публицистику и известные труды по теории медиа.

Глава 2. Г.М. МАКЛЮЭН И ЛИТЕРАТУРА МОДЕРНИЗМА

Большую роль в формировании Маклюэна литературоведа и теоретика медиа сыграла литература модернизма. В главе рассматривается восприятие канадским ученым творчества Э. Паунда, Т.С. Элиота и Д. Джойса, в том числе анализируются литературно-критические статьи Маклюэна, посвященные вышеупомянутым писателям-модернистам, эпистолярное наследие ученого, а также оценка творчества писателей-модернистов в основополагающих трудах канадского исследователя – «Галактике Гутенберга» и «Понимании средств коммуникации». Предметом пристального внимания также является влияние мировоззрения, литературных традиций и художественных приемов Паунда, Элиота и Джойса на теорию медиа М. Маклюэна.

2.1. Влияние поэзии и прозы Э.Л. Паунда на Г.М. Маклюэна

Из всех литераторов XX в. Эзра Лумис Паунд (Ezra Lumis Pound, 1885–1972) был духовно всех ближе Маклюэну. В 1930–1940-е гг. Э. Паунд стал всемирно известным поэтом-модернистом и критиком, в то время как имя Маршалла Маклюэна знали лишь в узких академических кругах. Для Маклюэна Паунд был безусловным авторитетом. Канадский профессор с интересом штудировал поэзию и прозу своего американского коллеги и вел с ним переписку. Его не смущало то, что Э. Паунд увлекался национал-социализмом, во время войны жил в Италии и вел передачи на римском радио, защищая режим Муссолини и призывая американцев прекратить войну с Италией. Паунд критиковал политику Ф.Д. Рузвельта, а затем Г. Трумэна, но полагал, что его выступления ни в коей мере не были антиамериканскими. Однако американцы посчитали иначе. После окончания войны Паунда обвинили в предательстве, за свою деятельность он был интернирован и с 1945 по 1948 г. находился в лагере г. Пизы. В 1948 г. в Вашингтоне его судили за пропаганду фашизма, но признали недееспособным и поместили в психлечебницу Святой Елизаветы. В 1958 г. по просьбе многих писателей и поэтов, в том числе Э.С. Элиота и Р. Фроста, Паунда

отпустили из лечебницы, он переехал в Италию, где жил и работал до самой смерти¹.

В 1948 г. в клинике Святой Елизаветы г. Вашингтона Маклюэну удалось встретиться с Паундом. Этот визит он совершил вместе с Хью Кеннером. Кеннер, как и Маклюэн, восхищался творчеством американского поэта-модерниста. Посещение больницы, в которой находился Паунд, и переписка с ним были достаточно смелыми поступками для того времени и могли отрицательно сказаться на академической карьере канадского профессора. Однако Маклюэн или не задумывался об этом, или игнорировал мнение окружающих, считая, что общение с опальным поэтом было для него очень важно.

С 1948 по 1957 г. Маклюэн и Паунд обменивались письмами, обсуждая проблемы литературы, искусства. Исследователь творческого наследия Маклюэна Э.Д. Бартон отмечал важность изучения этого эпистолярного наследия, поскольку, по мнению критика, из материалов становится понятно, как канадский исследователь пришел к выводу о том, что следует применять лингвистический и литературоведческий анализ в изучении массмедиа [135].

Паунд, как и Маклюэн, имел опыт преподавательской работы. В начале своей карьеры в Уобэш-колледже штата Индиана он обучал студентов романским языкам. Как и Маклюэн, Паунд имел хорошее гуманитарное образование, отличался энциклопедизмом и не раз критиковал систему обучения в североамериканских университетах. Он считал знание греческого, латыни, современных европейских языков необходимой частью хорошего гуманитарного образования.

¹ О жизни и творчестве Паунда см.: Carpenter H. *A Serious Character: The Life of Ezra Pound*. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1988; Kenner H. *Pound Era*. – Berkeley: Univ. of California Press: Faber and Faber, 1971; Redman T. *Ezra Pound and Italian Fascism*. Cambridge Studies in American Literature and Culture. – London: Cambridge Univ. Press, 1991. Имя Э. Паунда долгое время не упоминалось в России по идеологическим причинам. Одной из первых биографических справок в отечественном литературоведении об Э. Паунде был материал А.М. Зверева в сборнике «Писатели США. Краткие творческие биографии» (Сост. и общ. ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. – М.: Радуга, 1990. – С. 347–349). В советских учебниках также можно найти краткую справку об Э. Паунде (См.: Засурский Я.Н. *Американская литература XX в.* – М.: Просвещение, 1979. – С. 164–169; История зарубежной литературы XX века. 1917–1945: Учебник для филол. фак-тов пед. вузов / В.Н. Богословский, З.А. Гражданская, А.Ф. Головенченко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1984. – С. 182–183). В подготовленной сотрудниками ИНИОН энциклопедии, освещающей основные течения и рассказывающей о знаковых поэтах, писателях и критиках XX в., имя Э. Паунда ни разу не упоминается (Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Intra-da, 2004).

Паунд был не только прекрасным поэтом, но и переводчиком. Среди его работ есть переводы с провансальского, староитальянского, староанглийского, китайского. Он также серьезно изучал историю, литературу и культуру Японии, Китая, Индии. Увлечение Паунда Востоком, его интерес к языкам ощутимы в его поэзии и прозе.

В 1910–1920-е гг. Паунд много сделал для того, чтобы организовать творческое сотрудничество между американскими и британскими литераторами, а также популяризовать творчество У.Б. Йетса, Р. Фроста, Д. Джойса¹, Э. Хемингуэя и особенно Т.С. Элиота. Поэму Элиота «Бесплодная земля» Паунд редактировал и способствовал ее публикации². Элиот писал: «Любой поэт, родившийся в этом веке или в последнее десятилетие прошлого, который может честно сказать, что он не испытал влияния Паунда или не научился на его работах массе вещей, достоин даже не упреков, а “жалости”» [226, р. 228].

Однако экстравагантный Паунд, готовый прийти на помощь молодым дарованиям, объяснить им законы существования и продвижения в писательской среде, вызывал и отрицательные эмоции у некоторых представителей литературного Олимпа того времени. Злую характеристику дала Паунду Гертруда Стайн: «Познакомилась с Эзрой Паундом. Он мне не очень-то понравился. Нашла, что он толкователь деревни. Очень полезно, если вы живете в деревне, а если нет, то нет»³. Возможно, Стайн, которая сама любила окружать себя молодыми литераторами и давать им напутствия, раздражало то, что Паунд также взял на себя обязанности мэтра и покровителя начинающих писателей.

Литературовед А. Нестеров отметил, что Д. Джойс выражал признательность Э. Паунду за помощь в работе и что «только редакция Эзры Паунда превратила “Улисса” из аморфной груды осколков в роман, прославивший своего автора» [263, с. 56]. Паундовский эстетический принцип

¹ Эссе Э. Паунда разных лет, посвященные прозе Д. Джойса, стали значительным вкладом в исследование творчества ирландского писателя и свидетельствуют также о таланте Паунда как литературного критика (Pound/Joyce. *The Letters of Ezra Pound to James Joyce, with Pound's Essays on Joyce* / Ed. by F. Read. – New York: New Directions, 1967).

² В 1921 г. Паунд отредактировал «Бесплодную землю» Элиота, сократив рукопись вдвое и придав поэме тот вид, в каком она печатается по сей день. Т. Элиот посвятил Э. Паунду поэму «Бесплодная земля», написав по-итальянски «il miglior fabbro» («Мастеру выше, чем я») (см.: Элиот Т.С. *Избранная поэзия*. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – С. 107).

³ «Met Ezra Pound. Didn't much like him. Found him to be the village explainer. Very useful if you happen to be a village; if not, not» (Цит. по: Cowley M. Ibid. P. 119).

«точного слова» заимствовали и Р. Фрост, и Т.С. Элиот, и Д. Джойс, и Э. Хемингуэй.

Следует отметить, что все названные выше поэты и писатели оказали значительное влияние и на Маклюэна. О многих из них канадский ученый писал как в своих литературно-критических статьях, так и в трудах по теории коммуникации.

Как и Маклюэн, Паунд имел опыт работы редактором литературного журнала¹, но прежде всего он был блестящим поэтом, начавшим свою карьеру как поэт-имажист² и вскоре ставшим одним из основателей модернизма в американской литературе. Российский литературовед А.М. Зверев справедливо отмечал, что Паунд сыграл «большую роль в развитии литературы модернизма: как поэт, критик и редактор антологий и журналов» [265, с. 347–348].

Американский критик К.К. Сид (С.К. Stead) полагает, что путь Паунда к модернизму был медленным, сопровождавшимся «большим количеством осознанного теоретизирования и множеством программных деклараций», в то время как Т.С. Элиот словно «натолкнулся на свою версию этого течения, подражая Лафаргу и дыша бергсоновским воздухом интеллектуального Парижа 1910 года» [218, р. 38].

В течение шестидесяти лет своей творческой деятельности Паунд опубликовал несколько сборников стихов, среди которых наибольшую известность получили его стихи «Кантос» (*The Cantos*, 1925–1968), а также работы по теории литературы, искусства и культуры³.

¹ С 1917 по 1924 г. Паунд редактировал журнал «Литтл ревью» (*Little Review*).

² С работами поэтов-имажистов на русском языке можно познакомиться благодаря опубликованному в 2001 г. сборнику «Антология имажизма» (Пер. с англ.; Сост. А. Кудрявицкий. – М.: Прогресс, 2001).

³ В 1992 г. небольшим тиражом вышел сборник «Избранные стихотворения» (Сост. М. Фрейдкин. – СПб.; М.: Carte Blanche, 1992. – 71 с.). Вскоре он стал библиографической редкостью. Значительным событием в истории российской американистики стала публикация в 2003 г. двуязычного собрания стихотворений и cantos Эзры Паунда, в которое вошли все лирические стихотворения, поэмы и переложения, а также более 25 cantos Паунда (см.: Паунд Э. Стихотворения и избранные cantos. Ezra Pound. Poems and Selected Cantos: Авторский сборник / Предисловие Я. Пробштейна. – М.: Владимир Даль, 2003. – 888 с.). В данной книге отобраны все лучшие переводы из числа опубликованных, включены архивные материалы (переводы М. Зенкевича, В. Дукельского, В. Рогова, А. Кистяковского), а ведущие мастера перевода, среди которых М.Л. Гаспаров, В.М. Микушевич, О. Седакова, М. Фрейдкин, И. Кутик, Я. Пробштейн и др., впервые перевели на русский язык произведения Паунда. В 2005 г. вышел сборник стихотворений Э. Паунда и Т.С. Элиота в переводе К.С. Фарая, Л. Гунина Л., С. Петрова, К.К. Чухрукидзе. Многие из вошедших в сборник стихотворных произведений опубликованы впервые (см.: Паунд Э., Элиот Т.С. Паломничество Волхвов: Избранное / Сост. и общ. ред. К.С. Фарай; пер. с англ. К.С. Фарая. – М.: Logosaltera: Ecce homo, 2005).

Большое влияние на Паунда оказал американский востоковед, профессор-китаист Эрнест Фенеллоза, чей архив вдова ученого в 1913 г. передала молодому поэту. Фенеллоза сформулировал поэтическую и геополитическую концепцию единого мира, рожденного от союза Запада с Востоком. По мнению критиков, «пафос этой по-американски прагматической и оптимистической идеи заключался в объединении западной научно-технической мощи с восточным эстетическим инстинктом и опытом духовного созерцания» [285]. Этот союз обещал синтез прогресса и религии, тела и духа, богатства и красоты, агрессивного мужского и восприимчивого женского начал. Фенеллоза мечтал о Ренессансе, способном спасти Запад от упадка культуры, а Восток – от упадка цивилизации. Япония и Китай были для него новыми Римом и Грецией. Он верил, что Запад сумеет, как это было в эпоху Возрождения, включить в себя забытые и неизвестные дары иной культуры, что приведет мир к новому Ренессансу.

Паунд был в постоянном поиске новых форм в поэзии. Он считал, что нет смысла подражать ни современникам, ни тем более поэтам прошлых веков, поскольку с помощью заимствованных клише не создать настоящую поэзию. Каждое время, по мнению поэта, требует своих новых техник и нового языка. Эта идея созвучна мыслям Маклюэна, которые канадский профессор высказывал в книгах «Понимание средств коммуникации», «Галактика Гутенберга», «Война и мир в глобальной деревне» и ряде других работ.

Паунду не нравилась современная поэзия, он считал ее «вялой и пустой» («flabby and vague»). По его мнению, она потеряла музыкальность из-за своей метрической системы, в которой ритмика метронома заменила сложную и тонкую слуховую композицию. Поэт активно пропагандировал верлибр (free verse). Он считал, что в поэзии существуют три основных элемента: игра образов, музыки и смысла («phanopoeia, melopoeia, and logopoeia – the play of image, music, and meaning») [53, p. 42]. Поэзию Э. Паунда, как и Т.С. Элиота, критики называли драматической, поскольку для их стихотворных произведений характерна полифония, присутствие множества персонажей, в которых растворяется автор. Так, Б. Дубин писал, что Элиот и Паунд «делают свою лирику драмой в лицах» [243, с. 136]. Главную задачу поэта Паунд видел в обновлении языка поэзии и искусства. Эксперимент был основой его творчества. Т. Элиот считал, что нет человека, сделавшего для революции в поэзии XX в. больше, чем Паунд [56, p. XI].

Своими мыслями об искусстве Паунд делился на страницах таких изданий, как «Поэтри» («*Poetry*»), «Литтл ревью» («*Little Review*»), «Форт-

найтли ревью» («*Fortnightly Review*») и др. Совместно с художником и поэтом Уиндэмом Льюисом (Wyndham Lewis) и скульптором Анри Годье-Бржешкой (Henri Gaudier-Brzeska) Паунд стал основателем «вортицизма» (vorticism) – направления, в котором могли себя выразить не только писатели и поэты, но и представители других видов искусства, – музыканты, художники, скульпторы. В первом номере журнала «Бласт» («*Blast*»), который вышел в 1914 г. под редакцией У. Льюиса, Э. Паунд в программной статье «Вортицизм» выразил видение вортицистами целей, задач искусства и способов их художественного выражения. Э. Паунд писал: «Весь поэтический язык без остатка – это язык поиска... Образ сам по себе есть язык. Образ – это слово за рамками выработанного языка. <...> “Монообразное стихотворение” есть форма суперпозиции, то есть положение, когда одна идея накладывается на другую. С его помощью я и выбрался из того тупика, в который меня завело мое парижское впечатление. Я набросал тридцатистрочное стихотворение и уничтожил его, потому что оно оказалось тем, что мы называем произведением «второй интенсивности». Спустя полгода, я сделал стихотворение вдвое короче прежнего; еще через год у меня родилось следующее предложение в духе хайку:

Виденье этих лиц в толпе несметной –

Как россыпь лепестков на черной мокрой ветке.

<...> ВОРТУИЗМ¹ – напряженное искусство. Под этим я подразумеваю, что нас заботит условная напряженность (или условная значимость) различных типов выражения. Предпочтение отдается наиболее сильным из них, так как определенные формы выражения объективно “сильнее” других. Они более динамичны.

Образ не есть идея. Это слепящий узел или пучок; это то, что я могу, да и волей-неволей должен назвать ВОРТЕКСОМ (ВИХРЕМ), из которого, сквозь который и в который непрестанно устремляются идеи. Говоря начистоту, его нельзя назвать иначе, чем ВОРТЕКС. Вот из этой неизбежности и родилось название “вортуизм”. *Nomina sunt consequentia rerum*², и никогда еще это утверждение Фомы Аквинского не звучало более верно, чем в случае с вортуистским движением»³.

Для Паунда и его единомышленников вортекс (vortex) означало движение вихря, водоворота, воронки, вечно обновляющейся творческой

¹ Вортуизм – это вариант перевода слова «вортицизм» // Паунд Э. Вортуизм / http://exlibris.ng.ru/kafedra/2000-10-26/8_pound.html

² Возможно перевести эту фразу так: «Наименования (имена) являются сутью вещей» или «Названия вытекают из свойств вещей» (лат.).

³ Цит. по материалам НГ Ex Libris от 26.10.2000 (http://exlibris.ng.ru/kafedra/2000-10-26/8_pound.html). Перевод с английского Сергея Нещеретова.

энергии. Продолжая идеи имажистов, вортицисты стремились к динамичной поэзии, в которой нет ненужного украшения и лишних слов, каждая фраза продумана и незаменима. Они не признавали поэтического дискурса, в котором средства выражения и смысл внутренне чужды друг другу.

Паунд призывал поэтов обогатить музыку английского стиха поэзией иных стран и эпох. Включенные в произведения Паунда цитаты из японских, китайских, французских, итальянских стихотворных и прозаических произведений обогатили творчество Паунда, но сделали его доступным лишь хорошо подготовленным читателям. В стихотворных произведениях, по мнению Паунда, должно быть противопоставление не только образов, но и различных фактов, аллюзий, цитат, фрагментов других текстов. Этот метод Паунд позднее использовал при написании своей основной работы – «Кантос». Для Паунда вортекс – это не только технология создания художественного текста, но и особое видение мира, которое близко взглядам М. Маклюэна¹.

Современное искусство было предметом пристального интереса Э. Паунда. На страницах журнала «Вортекс» он публиковал свои статьи и материалы своих единомышленников об искусстве. Особое восхищение у него вызвала живопись представителя эстетизма Уистлера. Ему Паунд посвятил стихотворение «Уистлеру, американцу» (To Whistler, An American, 1912), в котором писал: «You had your searches, your uncertainties,/ And this is good to know for us – I mean,/ Who bear the brunt of our America/ And try to wrench her impulse into art./ You were not always sure, not always set/ To hiding night or tuning ‘symphonies’, /Had notone style from birth, but tried and pried/ And stretched and tramped with the media./ You and Abe Lincoln from the mass of dolts/ Show us where there is a chance at least of winning through»². В духе Уистлера написано одно из его ранних стихотворений «L’Art»:

¹ Размышляя о стиле письма Маклюэна, канадский критик У. Уотсон отмечал, что свойственная ученому «игра слов – это, прежде всего, вортекс». (Watson, W. McLuhan's Wordplay // *Canadian Forum*. № 61 (May 1981. P. 11).

² «У тебя были поиски и сомнения/ И нам полезно знать/ Кто выдержал натиск Америки/ И пытался превратить ее импульсы в искусство./ Ты не всегда был уверен, не всегда готов/ Скрыть ночь или сыграть «симфонии»,/ Имел немзыкальный с детства стиль, но ты пытался и пристально смотрел,/ И с медиа шел в ногу./ Ты и Эб Линкольн из множества болванов/ Показали, где есть шанс прорваться» (Перевод И.А.)². (Цит. по: Bell I.F. *Critic as Scientist: The Modernist Poetics of Ezra Pound*. – London; New York: Methuen, 1981. – P. 243.

«Green arsenic smeared on egg-white cloth, / Crushed strawberries! Come, let us feast our eyes»¹.

Паунд определял вортицизм как «интенсивное искусство... из четырех различных интенсивностей – математического выражения, алгебраического, геометрического и аналитической геометрии»². Эти взгляды поэта близки идеям Маклюэна, чья деятельность заключалась в междисциплинарных исследованиях: литература использовалась как метод для изучения медиа, физика и биология – для изучения литературных текстов и коммуникационных процессов.

В 1940–50-е гг. Маклюэн внимательно изучал творчество вортицистов. Понятие «вортекс» – водоворот – ассоциировалось у него с рассказом Э. По «Низвержение в Мальстрем» (*The Descent into the Maelstrom*). Матрос в этом рассказе, по мнению Маклюэна, «спасается благодаря тому, что изучил принцип действия водоворота». Ученый спрашивает: «Не в том ли будет состоять наша задача в новую электронную эпоху, чтобы попытаться понять принцип действия нового водоворота на старое тело?» [46, с. 116]. Таким образом, Маклюэн продолжил те мысли, которые в статье «Вортекс» высказал Паунд, и призвал не сопротивляться тому, что несут с собой новые технологии, в том числе новые медиа. Своеобразным диалогом с журналом вортицистов «Бласт» – «*Blast*» («Взрыв») стала опубликованная в 1969 г. книга канадского коммуникативиста «Контрбласт» – «*Counterblast*» («Антивзрыв»).

Предметом особого интереса Маклюэна в творчестве Э. Паунда было самое значительное его поэтическое достижение «Кантос» – «Песни»³.

¹ «Зеленый мышьяк размазан по скатерти цвета яичной скорлупы./ Раздавлена клубника! Порадуем себя этим зрелищем!» (Pound E. *Personae: Collected Shorter Poems*. – London: Faber and Faber, 1971. – P. 124).

² Цит. по: Bell I.F. *Op.cit.* – P. 12.

³ В российском литературоведении многие исследователи отрицательно относятся к *Cantos*. А.М. Зверев считает, что это «нагромождение политических и эстетических деклараций, обрывочных воспоминаний, экскурсов в область истории и политической экономики, перемежаемых пересказом философских идей Конфуция» (Зверев А.М. Там же. – С. 349). Журналист радио «Свобода» А. Генис, комментируя выход в свет сборника стихов Э. Паунда в 2003 г., советовал осторожно относиться к его поэзии. По мнению Гениса, «Каждой культуре, которая принимает его (Э. Паунда – И.А.) в свой состав, нужно быть острожной, чтобы этот подарок не оказался ящиком Пандоры или троянским конем. Паунд был не только первым поэтом англоязычного мира, не только отцом-основателем атлантического модернизма, но и убежденным и нераскаявшимся фашистом. Большая часть его "Cantos" (вряд ли они войдут во второй том русского издания) посвящены прославлению режима Муссолини и его «героев». (Цит. по: Генис А. Эзра Паунд в России / [http://www.svoboda.org/ programs/OTB/2003/OBT.101103.asp](http://www.svoboda.org/programs/OTB/2003/OBT.101103.asp) с. 133.

«Кантос» представляют собой серию длинных стихотворений, над которыми поэт работал практически всю жизнь – с середины 1930-х гг. до самой смерти. Эту сложную поэму, в которой трудно выделить план или структуру, сам Паунд называл эпической. Темы жизни и смерти, поиска смысла существования, осмысления божественного начала и путей, ведущих в ад и рай, необходимости обращения к урокам истории, метаморфозы жизни – вот лишь некоторые темы, к которым обращался Паунд в своей поэме.

Поэт не стремился облегчить своим читателям знакомство с «Песнями». Какие-то пассажи в поэме были явной стилизацией под античный эпос, китайскую поэзию, песни средневековых трубадуров. Как «Улисс» Д. Джойса остается загадкой для читателя, не знакомого с «Одиссеей» Гомера, так и «Кантос» непонятны тому, кто не знаком с поэмами Гомера, Данте, Овидия, восточной и западной историей, философией и литературой. В текстах часто встречаются архаизмы, фразы на иностранных языках, латынь, которые особенно затрудняют понимание. Постоянные ссылки на разные исторические события, литературные произведения, не всегда понятные символы и аналогии, упоминание имен малоизвестных поэтов и музыкантов¹ заставляли читателя «Кантос» постоянно расшифровывать скрытый смысл стихотворений. Неудивительно, что многие критики жаловались на трудность понимания текста поэмы. Фрагменты иностранных слов, цитат, в том числе прозаических отрывков, которые Паунд включал в свою поэзию, напоминают инсталляции в современном искусстве. Такой стиль работы характерен и для Э. Элиота, и для Д. Джойса, и для Маклюэна.

В основе поэтики Паунда, Элиота и Джойса лежит характерный для литературы модернизма принцип соположения, на который обратил внимание известный литературовед и культуролог Ю.М. Лотман. Критик заметил, что образуемые в произведениях разных течений авангарда «фигуры могут читаться как метафоры и как метонимии. ...Смыслообразующим принципом текста в целом делается соположение принципиально несопложимых сегментов. Их взаимная перекодировка образует язык множественных прочтений, что раскрывает неожиданные резервы смыслов» [258, с. 58]. Этот принцип характерен и для текстов М. Маклюэна несмотря на то, что они не были художественными в традиционном понимании.

¹ Например, в «Cantos» LXXXI Паунд упоминает британского музыковеда и антиквара Арнольда Долмеша (Arnold Dolmetsch, 1858–1940), британского композитора Джона Дженкинса (John Jenkins, 1592–1678); испанского священника отца Хосе Элизондо (Padre José Elizondo), который помог поэту в его изучении Испании.

Сложность поэзии Паунда обуславливалась также необычной метрикой стиха, Паунд писал стихи и обычным пятистопным ямбом, и верлибром (free verse). Эта метрика была новаторской для своего времени и непривычной для слуха. Паунд, находившийся под влиянием французских символистов, английских поэтов-викторианцев, тем не менее оставался американцем, в его стихах ощутима поэтическая традиция У. Уитмена.

Поэзия Паунда требовала от читателя энциклопедических знаний, терпения и желания разгадывать загадки. Иногда для понимания содержания его текстов надо было прочитать не только стихотворные произведения, но и теоретические работы писателя, поскольку в них объяснялись некоторые понятия, рассказывалось о людях — малоизвестных музыкантах, поэтах, мыслителях, которые упоминались в стихах.

Один из поклонников творчества Паунда, Нед Бейтс, еще в студенческие годы разместил часть «Кантос», *LXXXI*, в Интернете, сопроводив гиперссылками имена исторических лиц и героев греческой мифологии, географические названия, литературные аналогии и дефиниции слов, а также все иностранные слова, включая древнегреческие, которые могли быть непонятны среднему читателю [281]. Это значительно облегчило понимание поэмы Паунда. Форма текста с гиперссылками, которую выбрал Бейтс, напоминает работы в области современного сетевого искусства, в рамках которого экспериментаторы выделяют фразы из текста и отсылают читателя на другие ресурсы. Достаточно вспомнить известное стихотворение Андрея Великанова «С неба звездочка упала», где гиперссылка на слово «звездочка» уводит посетителя на сайт НАСА [399]. Поэзия Паунда провоцировала его почитателей, как и последователей Маклюэна, экспериментировать и искать ключи к пониманию собственных трудов.

Знакомство с китайской письменностью и литературой оказало огромное влияние на Паунда. В иероглифах, которые символизировали не только буквы, но и понятия, он увидел способ выражения мыслей с помощью знаков и метафор. Этот метод он назвал идеограммным (ideogrammic method) и описал его в «Алфавите чтения» [53, с. 26].

О сложности изучения и толкования поэзии Паунда писала литературовед Лорен Уэбстер (Loren Webster). Она признавалась, что, несмотря на то, что семь лет штудировала английский язык и литературу в колледже и университете, специализируясь при этом на поэзии, и два последних года в университете серьезно изучала китайский под руководством блестящего профессора-корейца, она чувствовала себя недостаточно подготовленной для понимания стихов американского поэта-модерниста. Уэбстер считает,

что аудитория «Cantos» ограничивается узким кругом интеллектуалов, который способен читать и расшифровывать их смысл [290].

Даже если замечание Л. Уэбстер и справедливо, то следует признать, что Паунд может гордиться своей элитарной аудиторией, в которую входили Т. Элиот, Р. Фрост, Х. Кеннер. К этому узкому кругу читателей и поклонников эпической поэмы Паунда относился и Маклюэн. Он приступил к серьезному изучению «Кантос» после знакомства с поэтом в лечебнице Святой Елизаветы в Вашингтоне. Во время этой встречи Паунд сказал, что «Песни» с 1-й по 40-ю представляют собой детективную историю. Это замечание заинтересовало канадского исследователя. В письме от 16 июня 1948 г. Маклюэн просит Паунда поделиться с ним и другими секретами и спрашивает, являются ли «Песни» реконструкцией преступления против человека и цивилизации. Необычное замечание Паунда привело Маклюэна к неожиданной мысли, которой он поделился с автором «Кантос»: «Я отметил одну вещь в детективных историях, которая, возможно, далека от темы. Эдгар По в 1840 г. с помощью Дюпена изобрел кинематограф. Он работает с трупом, как с натюрмортом. То есть с помощью кинематографического монтажа он восстанавливает преступление, и остальные сыщики делают то же после него»¹. Из этого письма видно, что уже в 1948 году Маклюэн задумывался об истории и сущности разных средств коммуникации, одним из которых он считал кино. Позднее в книге «Понимание средств коммуникации» он более подробно будет рассматривать эту тему.

Американский литературовед Эдвин Бартон (Edwin Barton) полагал, что изучение творчества Д. Джойса, Э. Паунда и Т. Элиота способствовало переходу Маклюэна от изучения литературы как таковой к исследованию технологии и культуры, причем особую роль в этом процессе, по мнению критика, сыграл прежде всего Паунд. Изучив переписку Э. Паунда и М. Маклюэна, Э. Бартон пришел к выводу о том, что общение с Паундом наталкивало Маклюэна на неожиданные мысли и идеи. Эти материалы, полагает Бартон, являются иллюстрацией процесса превращения Маклюэна из литературного критика в теоретика коммуникации [135].

Читая поэзию и прозу Паунда, Маклюэн открыл для себя технологию переноса прошлого в настоящее. Он считает, что в «Кантос» Паунд впервые по-настоящему использует технические возможности кинематографа. Структуру поэмы Маклюэн трактует как монтаж персонажей и вылеплен-

¹ «But one thing about crime fiction that I have noted may or may not be apropos here. Poe in 1840 or so invented the cinema via Dupin. Dupin deals with a corpse as still life. That is, by cinematic montage he reconstructs the crime, as all sleuths have since done» (*Letters... – P. 194*).

ных автором образов, а возвращение в прошлое, с его точки зрения, создает ощущение одновременности действия, соединения настоящего и прошлого. Восхищаясь поэмой Паунда, Маклюэн советует поэту сделать запись стихов на пластинки, чтобы у любителей его поэзии была возможность услышать голос автора [2, p. 193].

Исторические примеры и развитие ситуаций, как и литературные тексты, превратившиеся в метафорические аналогии, стали материалом для подкрепления теорий канадского ученого в его трудах по коммуникации. Особенно этот прием ощутим в «Галактике Гутенберга».

Изучив переписку между Маклюэном и Паундом, Г. Уиллмот пришел к заключению, что канадский ученый воспринимал «Кантос» Паунда как трансмифический пейзаж, развернутую площадку структурных принципов, технологию (*techne*), средство коммуникации (*medium*), которые для читателя были в большей степени основой для получения знаний, чем идеологией [127, p. 49]. Критик полагает, что творчество Паунда ощутимо во многих трудах Маклюэна 50–60-х гг., но особенно в «Механической невесте». Структура книги, отмечает Уиллмот, представляющая произвольное соединение разнообразных рекламных объявлений, отрывков из комиксов, обложек детективов и дамских романов, напоминает принцип монтажа «Кантос» Паунда [127, p. 53]. Несомненно, стиль Паунда оказал огромное влияние на Маклюэна, но помимо Паунда следует упомянуть и влияние других писателей-модернистов: Т.С. Элиота, У. Льюиса, Д. Джойса, для которых также была характерна подобная манера подачи материала. Приемы всех вышеназванных писателей можно заметить и в творчестве самого М. Маклюэна.

Поэзия Паунда вызывала разные чувства у читателей и критиков – от искреннего восхищения до полного неприятия. Его называли и гением, и «поэтом хаоса». Подобные слова критики использовали и по отношению к Маклюэну. Интересно, что, как позднее и Маклюэна, Паунда и его творчество не раз называли безумными, но некоторые критики признавались, что после прочтения Паунда «сначала может возникнуть чувство, что тут сплошная риторика и безумие, пустая демонстрация виртуозности и страсти, не создающей красоты. Но по мере чтения удостаиваешься, что эта странная метрика обладает собственным законом и порядком, а отличающая Паунда грубая сила воображения словно бы придает его словам свойство красоты, обладающей заразительностью» [69, с. 445].

Подобные ощущения возникали у многих читателей и критиков и после знакомства с книгами Маклюэна. Пытаясь подчеркнуть противоречивую сущность характера канадского ученого и его творчества, американец

Гэри Вульф в журнале «*Wired*» назвал свою статью о Маклюэне «Мудрость Святого Маршалла, Священного глупца» (*The Wisdom of Saint Marshall, the Holy Fool*), а самого ученого – «консервативным христианином-анархистом» [156].

В характерах Маклюэна и Паунда немало сходства. Они были яркие, но достаточно высокомерные личности, склонные к неординарным поступкам. Оба хорошо разбирались в литературе и искусстве, ценили искусство слова. Консерватизм, любовь к элитарному искусству сближали их. И Маклюэн, и Паунд испытывали страх перед получающей все большее распространение массовой культурой, но если Паунд игнорировал ее, то Маклюэн, напротив, считал необходимым изучать явление, и, судя по его трудам, эти исследования по-настоящему увлекали его. Паунд же позволял себе эксперименты, используя иногда просторечия в своей поэзии. В Песне 77, имитируя ломаный язык британских рабочих кокни, он писал: «WOT IZZA COMIN'/?/I'll tell you wot izza comin'/ Sochy-lism is a-comin'» (Че это идет?/ я скажу, че идет/ сочи-лизм идет)¹.

Социализм и коммунизм в понимании Паунда были абсолютным злом. Он резко выступал против «красной угрозы», высказывал мысли, которые заставили многих отвернуться от него и зачислить его не только в антикоммунисты, что только приветствовалось в те годы в США и Европе, но и в фашисты и в антисемиты. Маклюэн никогда не позволял себе подобных высказываний, но в 1940-е гг., недовольный развитием своей карьеры, искал в академических кругах масонский заговор².

Многие высказывания и публикации как Маклюэна, так и Паунда по вопросам литературы, религии, науки и культуры, массовой коммуникации вызывали раздражение и неодобрение общественности, поскольку не всегда были достаточно аргументированы, а иногда эпатажны.

В отношениях Паунд – Маклюэн не было равенства. Паунд был намного старше Маклюэна. Разница в возрасте и его известность как поэта позволяли Паунду снисходительно относиться к своему канадскому колле-

¹ В письмах к Паунду Маклюэн иногда пародировал просторечия, которые поэт часто использовал в своих произведениях. Так, супруге Паунда Дороти он писал: «Shall I check li-bury for you own copy of G[uido] C[avalcanti]..?» («Мне поискать в били-теке копию Г[видо] К[авальканти]..?»). Судя по всему, Маклюэн играл словами не только шутки ради, но и чувствуя себя в какой-то степени художником, как и Паунд.

² Известный литературный критик Нортроп Фрай, автор книги «Анатомия критики», коллега Маклюэна по Торонтскому университету, был одним из тех, кого Маклюэн зачислял в масоны. Причиной этого был успех и единодушное признание Фрая в университетских кругах Канады и США. В отличие от работ Маклюэна, труды Фрая отличаются логикой и академизмом.

ге. Даже тот факт, что для многих Паунд был в 1940-е гг. изгоем, ничего не менял в его отношениях с Маклюэном, для которого он был мэтром и к которому канадский профессор обращался, интересуясь его мнением по проблемам литературы и искусства.

Паунд отвечал не на все письма Маклюэна. В ответ на полные восторга и восхищения послания он мог откликнуться письмом-запиской, спрашивая, чем в настоящий момент занимается канадский профессор. Маклюэн не был Паунду столь интересен, как Паунд Маклюэну. Судя по всему, Паунд не видел в Маклюэне ни коллегу, чье творчество следует пристально изучать, ни серьезного литературного критика. Маклюэна он воспринимал как преподавателя литературы и как-то задал вопрос о сути педагогической деятельности. На это Маклюэн в характерном для него эпатажном стиле ответил, что учителя – «люди низкого происхождения и без какого-либо культурного багажа или традиции»¹.

Ни в одном из своих писем Паунд не высказал своего мнения о книгах Маклюэна, которые сделали канадского профессора всемирно известным. В разгар переписки Маклюэна и Паунда была опубликована «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека». Однако ни эта работа, ни другие не обсуждались между ними. Маклюэн, следует отметить, делился с Паундом своими планами написать книгу «Эра Гутенберга», которая позднее была опубликована и стала широко известна под именем «Галактика Гутенберга», но поэт-затворник не проявил серьезного интереса к этому проекту. Возможно, темы, затронутые Маклюэном в его ставших всемирно известными книгах по коммуникации, не были интересны Паунду или эти труды он посчитал неудачей, которую не стоит обсуждать. По воспоминаниям врачей, окружавших Паунда в больнице Св. Елизаветы, поэт был одержим идеей заговора против его персоны. Ему временами казалось, что он, Паунд, мог предотвратить Вторую мировую войну, если бы публично выступал против проводимой Ф.Д. Рузвельтом политики. Он считал настоящей литературой, хотя и сложной для восприятия, свое творчество, а также творчество Т.С. Элиота и Д. Джойса². Судя по всему, Маклюэн со своими исследованиями медиа не был той интеллектуальной фигурой, которая могла стать значимой для Паунда.

¹ «Now, the teachers! They are people of lowly origins and no cultural background or tradition». (*Letters*.... – P. 227).

² Подробнее об этом см.: Cardona E. Pound's Anti-Semitism at St. Elizabeths: 1945-1958 / <http://www.flashpointmag.com/card.htm>

В переписке с Маклюэном Паунд часто использовал просторечия, новые словообразования, и этот стиль стал нормой их общения. Маклюэн подхватил его, стараясь подражать манере поэта.

Маклюэн прощал Паунду многое: его североамериканское прошлое и даже безразличие к трудам самого Маклюэна. «Мистер Паунд – единственный писатель нашего времени, чья проза хранит впечатление настоящего разговора... Она шокирует снова и снова драматическим акцентом устного слова, но в ней нет того, что всегда говорят о “соленой речи янки”. Проза мистера Паунда включает радикальный индивидуализм поколений моряков-янки, но не только саму манеру, а все движение ума: интенсивность, остроту и страсть к технической точности», – писал о Паунде Маклюэн в эссе «Критика Паунда» (*Pound's Critical Prose* – перевод И.А.) [1, р. 75].

В письме к Ф. Джованелли Маклюэн писал: «Проза Паунда точна. Ее надо читать очень медленно. Все, что он упоминает, следует прочесть. Его метод в поэзии и прозе – идеограмма» [2, р. 201–202].

Склонность к неординарным поступкам, эксцентризм, желание быть в центре внимания были свойственны Паунду. Характеризуя поэта, Карл Сэндберг писал: «Любой разговор о современной поэзии, когда его ведут понимающие люди, кончается тем, что рано или поздно заговаривают об Эзре Паунде. Случается, его упоминают только для того, чтобы пожурить как проказника и насмешника, как позера, которому неведомы серьезность и укорененность. Но утверждают и совсем другое: сегодня он заполнил собой ту нишу, которая в былые времена была заполнена Китсом»¹.

Поэзия Э. Паунда всегда восхищала канадского ученого, но особое влияние на него оказали прозаические работы писателя, посвященные теории литературы, искусства и культуры: «Алфавит чтения» (*ABC of reading*, 1934) и «Путеводитель по культуре» (*Guide to Kulchur*, 1938). В «Алфавите чтения», как и в написанной ранее «Книге для чтения», Паунд представляет на суд читателя свою эстетическую теорию. Книга состоит из двух частей. Первая часть представляет собой ряд небольших глав, в каждой из которых автор в афористичной форме рассказывает о своем видении роли литературы, языка, искусства. Во второй части дан анализ творчества Д. Чосера, К. Марло, У. Уитмена и ряда других писателей.

Автор говорит о роли литературы, языка и чтения в жизни человека. Эти же темы рассматривает подробно Маклюэн в «Галактике Гутенберга». Для Паунда чтение – это и наука, и искусство. Он полагает, что литературу

¹ Цит. по: Элиот Т.С. Избранное. – С. 442.

можно изучать с помощью естественнонаучных методов. «Мы живем в мире науки и изобилия, – такими словами начинает Паунд первую главу книги и далее поясняет. – Лучший метод изучения поэзии и литературы – это метод современных биологов, т. е. тщательное изучение источника из первых рук и постоянное СРАВНЕНИЕ одного “среза” или образца с другим» [53, р. 17]). Высказывание кажется достаточно необычным, но подобные идеи использования биологии и психологии для изучения устной и письменной коммуникации, языка и литературы встречаются и у Маклюэна. Канадский исследователь даже развил биологическую тему, утверждая, что разные средства коммуникации являются продолжением человека. Ранее мы писали, что его основополагающий труд по теории коммуникации называется «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека». Согласно Маклюэну, перо и авторучка являются продолжением руки человека, телевидение – его глазами, компьютер – продолжением мозга и всей психической системы (the extensions of man). Возможно, подобные идеи возникли у него под влиянием «Алфавита чтения» – книги, которую Маклюэн изучил достаточно подробно, о чем свидетельствуют ее многочисленные упоминания в трудах Маклюэна. Возможно, под влиянием этой работы Паунда Джеймс Джойс изобрел словечко «ABCED-minded», которое по звучанию напоминало слово «absentminded» (забывчивый, рассеянный). Это слово позднее использовал Маклюэн. В 1955 г. в журнале «Эксплорейшнс» (*Explorations*) он опубликовал статью, посвященную проблеме противостояния электронных СМИ печатной культуре, которую назвал «Радио и телевидение против АБВГД-мыслящих», по-английски в заглавии статьи «Radio and TV vs. ABCED-minded» ощутима игра слов, свойственная стилю ученого [8, р. 12–18].

И Паунд, и Маклюэн пытались использовать опыт естественнонаучных дисциплин для анализа литературы, искусства и культуры. Предложенный Паундом метод сравнительной биологии (тщательное изучение предмета «из первых рук» и постоянное сравнение одного среза образца с другим) для изучения поэзии и прозы очень напоминает пробы Маклюэна – междисциплинарные эксперименты, в рамках которых ученый и его соратники и ученики пытались соединить между собой разные виды искусства и медиа, медиа и науку, искусство и технологии и т. д.

Стиль «Алфавита чтения» во многом сопоставим со стилем позднего Маклюэна. Многие фразы из этой книги афористичны, как и многие «макклюэнизмы». Некоторые высказывания из Э. Паунда, например «Литература – это язык, заряженный смыслом» («Literature is language charged with meaning»), «Литература – это новости, которые всегда остаются новостя-

ми» («Literature is news that STAYS news») [53, p. 28–29], Маклюэн цитировал в своих работах. Сравнивая стиль текста «Алфавита для чтения» со стилем «Галактики Гутенберга» и «Понимания средств коммуникации», можно найти много общего. Влияние Паунда ощутимо и в знаменитой формуле Маклюэна «medium is the message».

В тексте «Алфавита для чтения» и «Путеводителя по культуре» Паунд выделяет некоторые слова и фразы в своих высказываниях-афоризмах заглавными буквами, стараясь подчеркнуть их смысл и важность. Это помогает читателю проследить ход мысли писателя, выделить главное и второстепенное. Визуализация, к которой прибегает Паунд, отчасти напоминает прием (flaming – сердитость), используемый в переписке по электронной почте, в котором эмоционально выраженные слова, переходящие в крик, пользователи выражают заглавными буквами. Маклюэн также прибегал к графическим приемам в своих текстах. Так, в «Галактике Гутенберга» он выделил рамкой и крупным жирным шрифтом афористичные заголовки, словно предлагая эти части текста использовать как цитаты, что и делают его последователи.

Сборник «Путеводитель по культуре» (1938), содержащий тексты из пяти прижизненных книг Паунда, отражает разнообразные интересы писателя. В книгу вошли статьи по эстетике, поэтике трубадуров, материалы, посвященные разным вопросам экономики, бизнеса и финансов, политическая публицистика. Все части не связаны друг с другом. Иногда они напоминают черновые записки из блокнота, которые автор сделал, чтобы не забыть пришедшие в голову мысли, но, собранные воедино, они дают представление об эстетических принципах, художественных и литературных предпочтениях, противоречивых взглядах на современную экономику и политику Э. Паунда.

Паунд в одном из эссе сборника радуется, что кто-то из обозревателей в популярной газете признал, что он, Паунд, иногда заставляет читателя «внезапно увидеть», или что его замечание может раскрыть весь предмет с совершенно нового угла зрения. Подобные замечания критики делали и в адрес Маклюэна, который постоянно заставлял своих читателей и слушателей по-новому посмотреть на привычные явления, задуматься о их будущем. Паунд еще раз поясняет, что идеограммный метод исследования в литературе и искусстве «состоит в представлении одной грани, затем другой до того момента, пока не совершится переход с мертвой, утратившей чувствительность поверхности читательского ума на ту его часть, которая способна регистрировать» [53, p. 28–29].

В статье «Новое образование» (*The New Learning*) Паунд нападает на американское образование и распространенное в США спонсорство, утверждая, что американской университетской системой управляют по большей части наймиты и деревенщина. Последней уловкой вымогателей и ростовщиков, по мнению поэта, было подавить обучение дарами. Весь доход университетов, как полагал Паунд, идет на содержание этих готических зданий – анахронистических чудовищ.

Паунд критикует политику Рузвельта (статья «Удар & 1935»), выступает против существующей банковской системы, пронизанной духом ростовщичества. Он много рассуждает о вреде системы кредитования и процентных ставок, которые помогают не лучшим людям нажить капитал. Паунд предлагает отделить имущество от капитала, чтобы экономические процессы способствовали росту имущественного благосостояния, а не росту капитала [54, р. 241–248].

Российский критик О. Ермишин в рецензии на вышедшую в России книгу Э. Паунда «Путеводитель по культуре» в переводе К. Чухрукидзе, К. Голубович и А. Нестерова пытался объяснить суть работы «Удар & 1935». По мнению Ермишина, заявляя, что «государства ослабевают или попадают в руки невежд и мерзавцев», Паунд подразумевал администрацию Ф.Д. Рузвельта и еврейскую финансовую элиту, которую он обвинял во многих грехах. Рузвельта в своих римских радиопередачах Паунд позднее называл «Jewswelt» (Рузвельтштейн). Попытки американского поэта разобраться в политике и экономике, как полагает О. Ермишин, выглядят достаточно нелепо, так как для этого у него не было ни достаточных знаний, ни материала для исследования [291]. Подобные высказывания Паунда и привели к тому, что его зачислили в фашисты и антисемиты, а за публичную критику американского правительства во время Второй мировой войны судили.

Из-за антисемитских и фашистских взглядов, которые Паунд высказал в ряде своих работ, его имя практически не упоминалось в курсах по зарубежной литературе в советской и постсоветской России. Поэта долго не переводили на русский язык. Публикация сборника его стихотворных произведений в России в 2003 г. вызвала неоднозначную реакцию. Как уже упоминалось выше, журналист радио «Свобода» А. Генис советовал радиослушателям с осторожностью относиться к идеям Паунда. Я. Пробштейн, составитель и редактор сборника, в интервью каналу «Культура», соглашаясь с журналисткой Натальей Казаковой, что Паунд – одна из наиболее противоречивых фигур XX в., признал, что, когда брался за эту работу, знал о том, что российские фашисты с удовольствием цитируют

антисемитские и фашистские высказывания Паунда на своих сайтах. Но они, как подчеркнул Пробштейн, «не пытаются разобраться, что привело Паунда к фашизму, и уж, конечно, для них творчество Паунда имеет трехстепенное значение» [286]. Пробштейн считал, что наследие великого поэта, каким он считал Паунда, следует изучать, а прятать его тексты, потому что он совершал ошибки, во многих из которых позднее раскаялся, не имеет смысла.

Следует отметить, что Паунд не разделял приписываемых ему фашистских взглядов, отвергал тот путь, который выбрал для Германии и всего мира А. Гитлер. Однако, живя в Италии, поэт не раз встречался с Бенитто Муссолини, который вел с ним интеллектуальные беседы. Возможно, после аскетичной Америки Италия, колыбель мировой культуры, и ее лидер показали поэту страной, в которой под руководством нового вождя наступит «новый Ренессанс», процветание чистого искусства без финансовых воротил, биржевых махинаций, культа чистогана.

Паунд не был согласен с политикой Ф.Д. Рузвельта. Ему казалось, что Рузвельт и его администрация виноваты в Великой депрессии, тех трудностях, которые США пережили в 1930-е гг., поэтому он позволял себе критиковать президента, живя во вражеской стране, которой тогда для США была Италия. Конечно, это было недопустимое поведение, за которое он был сурово наказан по окончании войны. Вместе с тем следует прислушаться к мнению таких людей, как Я. Пробштейн, которые пытаются понять и объяснить поведение поэта. Следует отметить, что к концу жизни сам Паунд признал свои ошибки. Я. Пробштейн обращает внимание на тот факт, что Паунд признавался поэту Алену Гинзбергу, что в «Кантос» он многое непоправимо испортил, по недомыслию впустив в текст политику, и что самой худшей ошибкой было его «тупое провинциальное предубеждение против евреев, которое одно всё испортило» [292]. Так, по утверждению российского исследователя О. Ермишина, «книга «страдает отсутствием концептуального единства», а авторский комментарий-объяснение в предисловии «резко снижает его авторитет как политического мыслителя» [291].

В «Путеводителе по культуре» Маклюэна заинтересовали не высказывания Паунда на политические темы, а размышления автора о литературе и средствах коммуникации. В письме к поэту Маклюэн признавался, что в «Путеводителе по культуре» он нашел помощь, которая необходима для понимания «Кантос», что эта книга полностью прояснила для него высказывание о том, что «Песни» с 1-й по 40-ю являются по сути своей детектив-

ными историями¹. Дальнейшее развитие эти идеи получили в «Галактике Гутенберга» и «Понимании средств коммуникации». В этих основополагающих трудах канадского исследователя весьма ощутимо влияние Паунда.

Никто из исследователей творчества Паунда не ставил под сомнение его поэтический талант, но теоретические размышления американского модерниста на разные темы вызвали негодование у многих критиков. Маклюэн не разделял взглядов своего американского коллеги на государственное и экономическое устройство США, его финансовую политику. Эти вопросы не были предметом его научных интересов. Однако тема денег все же присутствует и в его трудах. Одну из глав «Понимания средств коммуникации» он назвал «Деньги – кредитная карточка бедняка» («Money: Poor man's credit card») [39, p. 131]. Проблему денег Маклюэн рассматривает как культуролог и одновременно технологический детерминист. Рассмотрев историю развития денег от монеты до кредитной карты, он приходит к выводу, что деньги также являются средством коммуникации, передачи информации, а коллекционирование денег, по мнению Маклюэна, имеет много общего с образованием толпы [39, p. 138–139].

Маклюэн задумывал совместно с Х. Кеннером написать книгу о Паунде или Элиоте и в беседах делился с коллегой своими взглядами на творчество этих поэтов. Но из совместного проекта ничего не получилось. Х. Кеннер серьезно занялся исследованием творчества Эзры Паунда в докторантуре Йельского университета. Сначала он планировал рассмотреть творчество Д. Джойса в своей диссертации, но после встречи с Паундом и обсуждений его поэзии и прозы с Маклюэном изменил тему исследования. Читая публикации своего коллеги о Паунде, Маклюэн находил в них свои мысли и жаловался Клинту Бруксу на то, что «слишком много кормил Кеннера со своей тарелки», обвиняя тем самым своего коллегу в плагиате [102, p. 99].

Трудно сказать, насколько мысли Маклюэна повлияли на труды Кеннера, но последний всегда признавал, что под влиянием Маклюэна он остановился на избранной теме диссертации и был по сути своей маклюэнистом, свято верившим в то, что средство коммуникации является сообщением. Кеннер считается одним из лучших исследователей и знатоков творчества Эзры Паунда. В 1950 г. он опубликовал книгу «Поэзия Эзры Паунда» (*The Poetry of Ezra Pound*), за которую получил премию Портера. В 1971 г. он опубликовал получившую всемирную известность моногра-

¹ «In *Guide to Kulcher* I have found all the help with the Cantos that anybody needs, including full light on your remark made to me in Washington that 1–40 are a sort of detective story» (*Letters...* – P. 199–200).

фию «Век Паунда» (Kenner H. *The Pound Era*). Забыв об обидах, Маклюэн написал предисловие к этой книге [27, р. 215–217] и, по воспоминаниям биографа Ф. Марчанда, рекомендовал ее своим студентам [102, р. 99].

Рассматривая конфликт Кеннера с Маклюэном, следует иметь в виду, что у Маклюэна был дар влиять на людей, обращая их в «свою веру». Кеннер не «украл» идеи своего учителя, а стал одним из маклюэнистов, развив и интерпретировав идеи своего старшего коллеги и учителя. Тот факт, что Кеннер в своей книге «Эра Паунда» пытался показать, как Паунд придал литературную форму нелинейной концепции времени Альберта Эйнштейна, заставляет вспомнить многие положения теории Маклюэна, его страсть к объяснению естественнонаучных вопросов через литературу. Но вряд ли можно назвать публикации Кеннера плагиатом.

Маршалл Маклюэн не написал серьезного исследования о творчестве Э. Паунда, но он посвятил ему эссе «Проза Паунда» (*Pound's Critical Prose*), в котором, анализируя творчество писателя, пришел к выводу, что Паунда можно понять, если сопоставить его поэзию и теоретические труды, поскольку они дополняют и объясняют друг друга. При этом Маклюэн признавал, что стихи американского модерниста являются истинным шедевром, а «Кантос» он справедливо называл лучшими из них.

По мнению Маклюэна, несмотря на присущий ему космополитизм, многому в своем творчестве Паунд был обязан Америке, поэтому в его поэзии заметно влияние зарождающегося в США в начале века механицизма, который придал необычную форму его стихам. Маклюэн уверен, что Паунду также удалось впитать все лучшее из французской литературной традиции последних семидесяти лет, развивавшейся от Стендаля к Малларме. Маклюэн восторгается статьей Паунда о Д. Чосере, опубликованной во второй части «Алфавита для чтения», отмечая его мастерство как литературного критика. Он справедливо утверждает, что творчество Паунда развивалось в унисон с творчеством Элиота и Джойса и именно эти три писателя являются эталоном современной англо-американской литературы модернизма [1, р. 75–78].

Помимо предисловия к «Эре Паунда» Х. Кеннера Маклюэн в журнале «Ренейсенс» опубликовал рецензии на три книги, посвященные жизни и творчеству Э. Паунда [27, р. 200–202].

Несмотря на пиетет по отношению к поэту, Маклюэн планировал свою первую книгу о массовой культуре, широко известную как «Механическая невеста», назвать по аналогии с «Путеводителем по культуре» Паунда «Путеводитель по хаосу» (*The Guide to Chaos*); вторая версия

названия была «Тайфун в Америке» (*Typhoon in America*)¹. Вторым вариантом названия, несомненно, возник у Маклюэна под влиянием вортицизма. Ирония всегда была одним из любимых приемов Маклюэна, и никто и ничто, за исключением религиозных тем, не были гарантированы от его ироничных замечаний.

Маклюэн не верил в безумие своего американского коллеги. Когда Клинт Брукс называл Паунда безумным (*crazy*), Маклюэн добавлял «как лис» (*crazy like a fox*). Он не без основания полагал, что сумасшествие Паунда было в определенной степени симуляцией, позволившей поэту в связи с предъявлявшимися ему обвинениями в измене Родине, приверженности фашизму и антисемитизму, избежать более тяжелого наказания.

Отчаяние Паунда от того положения, в котором он находился в психиатрической клинике, ощутимо в ряде его писем. Примером этого может служить один из случаев, о котором вспоминал антрополог Т. Карпентер, коллега Г.М. Маклюэна по Университету Торонто. В 1950-е гг. М. Маклюэн и Т. Карпентер редактировали и издавали литературно-культурологический журнал «Эксплорейшнс», на страницах которого обсуждали разные темы: современную литературу, искусство, культуру и массмедиа. Маклюэн и Карпентер посылали Паунду некоторые номера этого журнала и просили его поделиться своим мнением по ряду публикаций. Паунд высказывал свое мнение по тем проблемам, которые его интересовали, но не давал разрешения публиковать материал в журнале. В ответ на одно из писем Карпентера, в котором канадские исследователи просили Паунда рассказать о том, как влияет пишущая машинка на стиль его письма, и позволить им опубликовать в журнале часть корреспонденции с ним, Паунд ответил отрицательно и достаточно жестко. В стиле авангардного стихотворения:

«Февраль пятнадцатое

НЕТ

Вы определенно НЕ получите моего разрешения цитировать мою частную корреспонденцию

ДО ТЕХ ПОР, ПОКА не предпримите усилий, чтобы вытащить меня из Дуррдомма

И не проявите интереса к чему-либо более серьезному, чем теннисные брюки Гаси Морана

А Бразилия на 30 лет опережает вас как бы то ни было

гоРРите вы синим пламенем

ЕЗ П

¹ Об этом см.: Willmot G. Op. cit. – P. 51.

А не отправиться ли вам в Монреаль?» (Перевод И. А.)

(15 Feb

NO

You most cert may not have my permission to quote my private
correspondence

UNTIL you get some effort to get me out of

bughouSZ

and show some interest in something more basic than Gussie Moran's
tennis pants

AND Brasil is 30 years ahead of you anyhow

goRRelup yu

EZ P

Why don't yu go to Montreal?»)¹

В этом письме прослеживается характерный для Паунда стиль. Даже в переписке с коллегами и друзьями он оставался поэтом. Ему хотелось играть словами и экспериментировать.

Судя по всему, Маклюэн до конца не понимал трагизма положения Паунда. Ни в одном из своих писем к поэту, своим друзьям или коллегам он не выражал сочувствия Паунду, не высказывал желания чем-либо помочь, чтобы вызволить поэта из лечебницы. Возможно именно поэтому переписка между Паундом и Маклюэном была более активной со стороны канадского профессора, а ответы Паунда были достаточно скупы.

В письме к Теду Карпентеру Паунд признавался, что не видит смысла в переписке с ним, «совершенно неизвестным ему» человеком («totally unknown to me»), и Маклюэном, который был склонен к сухости (скуке) и обсуждению безопасных тем» («seems headed towards aridity and discussion of safe topics»)².

Для Маклюэна, напротив, общение с Паундом было источником новых идей. Переписка с Паундом, по признанию Маклюэна, была очень важна для него. Мысли, которыми поэт делился с канадским ученым, нашли свое выражение в «Галактике Гутенберга» и «Понимании средств коммуникации». Неслучайно в 1952 г. Маклюэн послал Паунду для ознакомления текст «Галактики Гутенберга», настолько для него было важно его мнение о тех новациях, которыми изобиловали его сочинения.

Паунд давал Маклюэну замысловатые советы, над которыми надо было не только задумываться, но иногда и расшифровывать их. Так, например,

¹ Цит. по: Theall D.F. *The Virtual Marshall McLuhan*. – P. 237.

² Ezra Pound to Ted Carpenter, 18 jan 1957. Цит. по: Gordon W. Op. cit. – P. 171.

в письме к Маклюэну он рекомендовал: «Писать будет намного приятнее, если Вы начнете искать больше плюсов, чем минусов; и неважно, где и что приобрел человек, важно, что он с этим делает или не делает после того, как приобрел это»¹. Маклюэн считал, что он хорошо понимает поэта. Он часто повторял, что творчество и идеи Паунда оказали огромное влияние на его мировоззрение, выбор тем для изучения и методов их анализа².

Маклюэн не только восхищался идеограммным методом, который Паунд ввел в оборот, но и сам использовал его в ряде своих работ. Нельзя не согласиться с Э. Бартоном, утверждавшим, что «метафорический и /или идеограммный способ мышления работает у Маклюэна так же, как он работал у Паунда» [135]. С начала знакомства Паунд пытался научить канадского коллегу не писать линейно, излагая свои мысли в логической последовательности, а создавать тексты, основанные на противопоставлениях, сравнениях, метафорах, заставляя читателя думать и самому находить ответы на многие вопросы. Именно такая техника письма встречается в трудах Маклюэна. Следует также отметить и влияние афористичных высказываний Паунда на стиль Маклюэна.

Канадский исследователь М.А. Трембли в диссертационном исследовании на тему «Эзра Паунд и Маршалл Маклюэн: Размышление о природе влияния» подчеркивал, что в 40–50-е гг. Маклюэн был одним из немногих канадских литературоведов, – к этим немногим Трембли относит Эли Мандел (Eli Mandel), Линду Хатчеон (Linda Hutcheon) и Фрэнка Дэвиса (Frank Davies), – кто пропагандировал творчество Паунда и включил его произведения в программу учебных курсов. Таким образом, по мнению Трембли, Маклюэн прививал студентам и интеллектуальному сообществу Торонто вкус к блестящей литературе модернизма³.

Несомненно, в формировании М. Маклюэна как литературного критика и ученого огромную роль сыграли искусство и литература модернизма, и одним из писателей-модернистов, повлиявших на видение ученого, его метод изучения средств массовой коммуникации, был Э.Л. Паунд. Маклюэн видел в нем первого поэта «всемирной деревни», объединившего мир сетью своих «Кантос». Многие эксперименты, которые Паунд проводил в поэзии, Маклюэн использовал в исследовании медиа.

¹ «...writing will become a lot livelier when you start looking for credits rather than debts/ not matter much where a man GOT what, but what he did with it (or without it) AFTER he got it» (Theall D.F. *The Virtual Marshall McLuhan*. – P. 246).

² Об этом см.: *Marshall McLuhan. Understanding Me*. – P. 95.

³ Об этом см.: Trembley M.A. *Ezra Pound and Marshall McLuhan: Meditation of Influence*. Thesis for Ph. D. – Univ. of New Brunswick, 1995. – P. 5–6.

Вортицизм нашел свое отражение и в литературной критике, и в методах, использованных канадским коммуникативистом при изучении медиа. Мысли о языке, культуре, средствах коммуникации, высказанные Паундом в его книге «Алфавит для чтения», были развиты Маклюэном в трудах по теории коммуникации. Даже в стиле теоретических работ о литературе и СМИ Маклюэна и Паунда много общего.

Маклюэн не разделял политических взглядов американского поэта, но ему были близки его литературные вкусы, взгляды на природу и предназначение искусства. Сравнивая поэзию и прозу Эзры Паунда с теоретическими трудами Маклюэна разных лет, можно смело утверждать, что во многом под влиянием Паунда Маклюэн сформировался как литературовед и теоретик массовой коммуникации.

2.2. Традиция Т.С. Элиота в трудах Г.М. Маклюэна

Не меньшее влияние, чем поэзия и проза Э. Паунда, на М. Маклюэна оказало творчество Томаса Стернса Элиота (Thomas Stearns Eliot, 1888–1965)¹. Ровесник Паунда, Т.С. Элиот родился в г. Сент-Луисе, штат Миссури. Элиот, как и Маклюэн, получил блестящее образование. Он окончил частную школу и в 1906 г. поступил в Гарвард – один из самых дорогих и престижных университетов США, где изучал философию и литературу.

Как и Маклюэна, в университете Элиота особенно интересовала елизаветинская эпоха и итальянское Возрождение. Большое влияние во время учебы в Гарварде на него оказала книга Артура Саймонса «Движение сим-

¹ О жизни и творчестве Т.С. Элиота можно узнать из следующих источников: Ackroyd P. *T.S. Eliot*. – London: Penguin Books Ltd, 2006; *T.S. Eliot: The Man and His Work. A Critical Evaluation by 26 Distinguished Writers* / Ed. A. Tate. – New York. 1966; North M. *The Political Aesthetic of Yeats, Eliot, and Pound*. – London: Cambridge Univ. Press, 1992; Зверев А. О литературно-критическом наследии Т.С. Элиота. Предисловие // Элиот Т. С. Назначение поэзии. Статьи о литературе. – Киев: AirLand, 1996. – С. 7–14; Асцватуров А.А. Назначение поэзии и назначение критики» в контексте литературно критической теории Т.С. Элиота // Элиот Т. С. Назначение поэзии. Статьи о литературе. – Киев: AirLand, 1996. – С. 15–39; Красавченко Т.Н. Заметки к определению Т.С. Элиота // Элиот Т.С. Избранное. Т. I–II. Религия, культура, литература / Пер. с англ.; Под ред. А.Н. Дорошенко. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 721–722; Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Intrada, 2004. – С. 474–475; Писатели США. Краткие творческие биографии / Сост. и общ. ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. – М.: Радуга, 1990. – С. 603–607; Аствацатуров А.А. Т.С. Элиот и его поэма «Бесплодная земля». – СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2000; Ушакова О.М. Т.С. Элиот и европейская культурная традиция: Монография. – Тюмень: Издательство ТГУ, 2005.

волистов в литературе» (Symons A. *The Symbolist Movement in Literature*, 1895). Благодаря ей Элиот познакомился с поэзией французского поэта Жюль Лафарга, которая оказала несомненное влияние на его поэтический стиль. Поэзия французских символистов неизменно привлекала внимание и М. Маклюэна, о творчестве некоторых из них (С. Малларме, Ш. Бодлера) он писал в своих литературно-критических эссе 40-х гг.

Получив в 1910 г. степень магистра искусств, Элиот уехал в Париж, где в течение года учился в Сорбонне и слушал лекции А. Бергсона. Под влиянием Анри Бергсона он увлекся философией интуитивизма. Согласно этому учению, художник преодолевает внеличностные условности и понятийность, формирующие обыденную жизнь человека, т. е. его творчество глубоко лично и субъективно. Бергсон утверждал, что существует и объективная сторона искусства, и художник, руководствуясь своим чувством, так или иначе выполняет свою роль, пишет то, что ему предназначено. Подхватив идеи Бергсона, Элиот пришел к выводу о том, что поэт должен внутренне почувствовать, что ему предназначено свыше.

Как и Маклюэн, Элиот начинал карьеру в университете. После получения степени магистра искусств (1911–1914) он получил должность ассистента на философском факультете Гарварда. В 1914–1915 гг. работал над докторской диссертацией «Познание и опыт в философии Ф.Г. Брэдли» (*Experience and the Objects of Knowledge in the Philosophy of F.H. Bradley*), но вскоре отказался от идеи посвятить себя преподавательской и научной деятельности¹. В 1916 г. Элиот завершил написание диссертации, но не стал ее защищать, поскольку для этого было необходимо из Лондона приехать в Массачусетс, что было достаточно проблематично во время Второй мировой войны. К тому же Элиот в этот период получил интересную работу – стал заместителем редактора авангардного журнала «Эгоист» («Egoist»), издание которого осуществлялось при финансовой поддержке Эзры Паунда и его супруги Дороти.

Религия играла большую роль в жизни Элиота. В статьях «Религия и литература» (*Religion and Literature*, 1935), «Идея христианского общества» (*The Idea of a Christian Society*, 1939) он писал о необходимости продвижения христианских идей в литературе и искусстве и вменял это в обязанность писателям и художникам [69, с. 7–73, 210–224]. Как и Маклюэн,

¹ В 1963 г. диссертационное исследование Т.С. Элиота было опубликовано (Eliot T.S. *Knowledge and Experience in the Philosophy of F.H. Bradley*. – London: Faber, 1964). Подробный анализ влияния философии Ф.Г. Брэдли на творчество Т.С. Элиота дан в работе канадского исследователя Д.Д. Чайлдса. См.: Childs D.J. *From Philosophy to Poetry: T.S. Eliot's Study of Knowledge and Experience*. – New York: Palgrave Macmillan, 2001. – 235 p.

Элиот в зрелом возрасте (в 1936 г.) перешел из унитарной церкви в англиканизм. Не исключено, что выбор церкви был обусловлен стремлением Элиота стать частью британского общества.

Элиот полагал, как было ранее отмечено, что его творчество во многом предопределено свыше. Подобные мысли высказывал и Маклюэн, считавший, что ему удалось установить коммуникацию с Богом и выполнить его волю. Подобно Маклюэну и Паунду, Элиот отличался консерватизмом. Он считал себя католиком по религиозным убеждениям, роялистом в политике и классицистом в литературе. Блестящий поэт, удостоенный в 1948 г. Нобелевской премии, литературный критик, редактор Элиот, по единодушному мнению отечественных (А.М. Зверев [66], Т.Н. Красавченко [69, с. 474–475], Д.П. Мирский [259, р. 187–188]) и зарубежных (А. Тейт [224, р. 15], П. Акройд [164] и др.) исследователей, является одним из самых значимых англо-американских поэтов XX в., чье творчество было серьезным вкладом в развитие модернизма.

Встреча в 1914 г. с Э. Паундом сыграла значительную роль в жизни Элиота. Паунд познакомил начинающего поэта с «живым классиком» британской поэзии ирландцем У.Б. Йетсом, английским художником и романистом У. Льюисом, итальянским футуристом Т. Маринетти. С интересом Элиот прочел труды профессора А.А. Ричардса, учителя Маклюэна. Они оказали большое влияние на начинающего поэта, особенно «Практическая критика» (*Practical Criticism*), «Наука и поэзия» (*Science and Poetry*). Элиот сожалел, что не смог встретиться с Ричардсом ни в Сент-Луисе, куда по приглашению университета приезжал читать лекции, ни в Англии, когда там был Ричардс. Заочные диалоги с Ричардсом он вел во многих своих работах: «Назначение поэзии и назначение критики» (*The Use of Poetry and the Use of Criticism*, 1933), «Что значит для меня Данте» (*What Dante Means to Me*, 1950), «Границы критики» (*The Boundaries of Criticism*, 1963), «Критикуя критика» (*To Criticize the Critic*, 1965).

Паунд помог Элиоту опубликовать его первые работы: «Любовную песнь Дж. Альфреда Пруфрока» (*The Love Song of J. Alfred Prufrock*, 1915), эссе «Священный лес» (*The Sacred Wood*, 1920) и поэму «Бесплодная земля» (*The Waste Land*, 1922). Помощь Паунда не ограничивалась чтением и редакцией текстов Элиота, положительными рецензиями на его труды; он оказал безвозмездную финансовую поддержку. Вероятно, в Элиоте Паунд увидел близкого по духу писателя, поэтому как мог старался его поддержать.

Элиот и Паунд сопоставимы по таланту. Вслед за Паундом Элиот сумел достаточно быстро стать неотъемлемой частью интеллектуальной жизни Лондона, завоевать репутацию не только блестящего поэта, но и

теоретика в области литературы и искусства. Элиот во многом продолжал традиции Паунда. Ассоциации, игра слов, включенных в авторскую речь и речь персонажей, цитаты (Элиот цитирует Данте, Шекспира, Вергилия, Д. Уэбстера) обогащают поэзию Элиота как на смысловом, так и на эмоциональном уровне. Используемые Элиотом художественные приемы заставляют читателя думать и расшифровывать тексты.

Американский литературный критик Малькольм Каули (Malcolm Cowley) вспоминал, как он в 1920-е гг. отправился в Париж, мечтая сделать столь же блестящую карьеру, как Т. Элиот. Каули и его молодые соотечественники, начинающие литераторы, гордились тем, что слава Элиота в 1920–1930-е гг. заключалась не в умении делать деньги, не в популярности у широкой публики, а в безупречных стихах, которые он писал. «Может ли парень со Среднего Запада стать безупречным поэтом?» – спрашивали себя юные американские писатели, и Элиот был для них примером того, что американец может не только покорить вершины бизнеса, но и стать признанным авторитетом среди европейских интеллектуалов¹. Представление о том, что высокая культура – удел Европы, а не Северной Америки, опровергали Паунд, а позднее и Маклюэн.

Вместе с тем Каули вспоминает, что когда вышла в свет «Бесплодная земля», их, молодых американских литераторов, с одной стороны, поразило ее совершенство, она «соответствовала всем рецептам и предписаниям того, какой должна быть современная поэма. Ее форма была не только совершенной, но намного богаче по музыкальности и архитектонике, чем то, что Элиот писал ранее. ...В ней были использованы фантастическим образом технические открытия, сделанные французскими писателями, последователями Бодлера. Необычность, абстракция, простота, уважение к литературе как искусству с имеющимися традициями – в ней были все качества, которые мы провозглашали в своих лозунгах»². С другой стороны, молодые интеллектуалы не были согласны с теми выводами, к которым приходит Элиот в своем произведении, утверждая, что все лучшее и достойное осталось в прошлом, а настоящее – это выжженная пустыня без эмоций. Мрачные кар-

¹ «"Might a Midwestern boy become a flawless poet?" – this was a question with which we could not fail to be preoccupied» (Cowley M. *Exile's Return: A literary Odyssey of the 1920s*. – New York: Penguin Books, 1994. – P. 111).

² «Here was a poem that agreed with all our recipes and prescriptions of what a great poem should be. Its form was not only perfect but far richer musically and architecturally than that of Eliot's earlier verse. ... It employed in magisterial fashion the technical discoveries made by the French writers who followed Baudelaire. Strangeness, abstractness, simplification, respect for literature as an art with traditions – it had all the qualities demanded in our slogans» (Ibid. – P. 112).

тины современного мира молодежь не могла принять. «Он не только оскорбил настоящее, но и лишил его жизненной силы», – возмущенно восклицал Каули¹.

Восхищение прошлым и разочарование в настоящем было не только одной из основных тем в творчестве Элиота. Об этом писал и Паунд, стараясь из современного мира уйти в мир трубадуров, конкистадоров, лихих жизнелюбивых рыцарей (каким, например, был один из персонажей его стихотворных произведений Бертран де Борн). Интерес к прошлому, особая любовь к литературе и искусству Ренессанса были свойственны и М. Маклюэну. Не случайно темой его докторской диссертации стали жизнь и творчество литератора елизаветинской эпохи Томаса Нэша. Но уже в 40-е гг. Маклюэн ощущает необходимость изучать современную массовую культуру, поскольку простое отрицание ее, по его мнению, бесперспективно. При изучении настоящего, как полагал канадский коммуниктивист, многие исследователи совершают ошибку, погружаясь в прошлое, оценивая настоящее по меркам вчерашнего дня. В книге «Средство коммуникации – это массаж» Маклюэн писал: «Мы смотрим на настоящее через зеркало заднего вида. Мы входим спиной в будущее»². Будучи поклонником Паунда и Элиота, Маклюэн много черпал из их творчества для разработки своих теорий, но в отличие от американских поэтов Маклюэн не считал современный мир катастрофическим. Интерес и любопытство к тому новому, что ждет человечество завтра, всегда были сильнее в Маклюэне, чем ностальгия по прекрасным ушедшим дням.

Исследователь творчества М. Маклюэна Г. Уиллмот полагал, что Маклюэн как критик и ученый сформировался под влиянием литературы модернизма, и прежде всего под влиянием поэтических произведений и теоретических трудов Т. Элиота. Уиллмот полагал, что Элиот создает формальный идеал содержательности языка, на который можно перевести все вещи и который сам по себе не имеет смысла [127, р. 8]. Критик уверен, что миф о таком универсальном языке возник в трудах Ричардса и Ливиса, а затем Маклюэн использовал и трансформировал его в своих работах по теории коммуникации, рассматривая электронные СМИ, и в частности телевидение. Элиот, по мнению критика, предоставил Маклюэну и другим исследователям ключевой язык (*master language*), который можно было использовать не только для создания художественных произведений, но и для научных целей [127, р. 8].

¹ He not only abused the present but robbed it of vitality» (Ibid. – P. 113).

² «We look at the present through a rear-view mirror. We march backwards into the future» (McLuhan M. *Medium is the Massage*. – P. 73).

Поэзия и критика Элиота, как и тексты Маклюэна, – типичные образцы эпохи модернизма. Они напоминают детский конструктор, в котором надо умело сложить все части, чтобы получилось единое целое. Позднее критики называли этот феномен мозаичной структурой произведения. Исторические экскурсы, размышления на отвлеченные темы запутывают читателя. Так, российский литературовед А.А. Аствацатуров в предисловии к русскому изданию сборника критики Элиота «Назначение поэзии» признавался, что не раз слышал мнения о том, что теоретические труды Элиота являются лишь «хаотичным нагромождением частных соображений». Однако, по мнению А.А. Аствацатурова, творчество Элиота становится понятно, если «приложить хотя бы минимальные усилия, чтобы в нем разобраться» [70, р. 31]. Поэзия и проза Элиота рассчитаны на подготовленного образованного читателя, знакомого с античной историей и литературой, евангельскими сюжетами, писателями и мыслителями эпохи Возрождения и Просвещения, поэтами-символистами. Как и в текстах Паунда, в стихах Элиота встречается много исторических и литературных ассоциаций, инсталляций из иностранных слов, исторических имен. Его поэзия состоит из ряда разнородных речевых пластов: речи автора, прямой речи персонажей и цитат из других произведений, причем переход от одного пласта к другому ничем не обозначен: нет ни кавычек, ни тире, ни вводных слов, ни каких-либо иных указателей. На эту особенность, затрудняющую чтение поэзии Элиота, обратил внимание российский литературовед Л. Аринштейн. По мнению критика, «частая и быстрая смена речевых пластов без обозначения их принадлежности и их границ создают... ощущение хаотичности, нарочно создаваемой неразберихи, что, однако, по мере привыкания к такой манере изложения обретает известную привлекательность, за которую... можно даже получить Нобелевскую премию» [68, р. 12].

В хаотичном построении текста обвиняли и Маклюэна, и Паунда, и Джойса. Но вряд ли можно назвать небрежностью характерную для литературы модернизма манеру подачи материала. Неоправданным кажется ироническое замечание литературоведа по поводу присуждения Элиоту Нобелевской премии. Несомненно, поэзия Элиота по всем признакам: доминирующей теме отчуждения человека от общества и ощущению абсурдности его существования, тяге к изображению патологического состояния индивида и тотального кризиса, своеобразному решению проблемы времени и места, «потoku сознания», отсутствию четкой авторской оценки – относится, как и творчество Э. Паунда и Д. Джойса, к литературе модернизма и должна рассматриваться в этом контексте.

Между Паундом и Элиотом как поэтами было много общего: интерес к античной и средневековой тематике и евангельским сюжетам, к проблеме жизни и смерти, а также поиск новых художественных форм. Тем не менее американский литературовед Д. Донахью (D. Donoghue), сравнивая двух этих литераторов, заметил, что в их творческой концепции и стиле есть существенная разница: Элиот является по сути своей риториком, человеком, который служит языку, а Паунд, изучая язык, заставляет его «служить ему» [283]. Д. Донахью находит, что поэзия Паунда – это только пустое экспериментирование с языком. Однако это мнение представляется спорным. Нельзя отрицать, что оба поэта – и Элиот, и Паунд – были новаторами и сделали много для развития современной литературы и английского языка. Сам Элиот также всегда ощущал, что он, как Паунд и Джойс, является экспериментатором в области современной литературы и искусства.

Прорывом в область современной литературы и языка считал творчество Элиота и М. Маклюэн. Литературный мир, который был предметом анализа в его критике, а также неотъемлемой частью трудов по теории коммуникации, из которой черпались примеры, доказательства, аллюзии, был тщательно отобран по вкусу автора, и Элиот занимал в нем значительное место. Экспериментаторский дух поэзии Элиота всегда был интересен Маклюэну. С творчеством поэта канадский ученый познакомился еще в студенческие годы, и оно на всю жизнь стало для него образцом литературы авангарда, источником свежих и неожиданных идей, примером для подражания. Мысли, высказанные Элиотом в теоретических работах, во многом созвучны мироощущению Маклюэна, а творческие поиски и находки поэта были продолжены в «лабораторных опытах» канадского ученого.

Вместе с тем Маклюэн считал, что Элиот «широко не понят» («widely misunderstood» [2, p. 203]) и его творчество нуждается в серьезном исследовании. В 1940–1950-е гг. Маклюэн посвятил Элиоту несколько статей и эссе: «Гиппопотам Элиота» (*Eliot's The Hippopotamus*, 1944), «Исторический декорум мистера Элиота» (*Mr. Eliot's Historical Decorum*, 1948), «От Элиота до Сенеки» (*From Eliot to Seneca*, 1953). Эти малоизвестные работы Маклюэна в 1940–1950-е гг. не получили особого резонанса, а в 1970-е гг., после публикации книг Маклюэна по теории коммуникации «Механическая невеста», «Понимание средств коммуникации», «Галактика Гутенберга» и пришедшей к автору славы, стали библиографической

редкостью¹. В настоящий момент эти материалы хранятся в отделе редких книг библиотеки Джона М. Келли колледжа Святого Майкла Университета Торонто, в котором Маклюэн проработал много лет.

В этих эссе Маклюэн рассматривал особенности поэтического мастерства Элиота, его необычные символы и метафоры («Гиппопотам Элиота»), исторические аллюзии и инсталляции, «чувство истории» («Исторический декорум мистера Элиота»), место поэта в традиции «риторико-грамматистов» и диалектиков («От Элиота до Сенеки»).

В поэме Элиота «Гиппопотам» Маклюэн увидел религиозные искания поэта, который прошел свой путь от «общей церкви» (Broad-Church) к «высокой церкви» (High-Church). Маклюэн намекал на переход Элиота из унитариянской церкви в англиканизм. Вероятно, именно такой смысл заложил в стихотворение и сам автор.

В 1974 г., будучи уже известным специалистом в области теории коммуникации и массовой культуры, Маклюэн написал эссе «Мистер Элиот и Сент-Луис Блюс» [25, р. 23–27], в котором рассматривал творчество Элиота в контексте современной американской культуры. В статье «Паунд, Элиот и риторика “Бесплодной земли”» (1979) [26, р. 557–580], сравнивая поэзию Паунда и Элиота, он находит много общего в художественных приемах, которые используют в своем творчестве оба литератора, и дает анализ поэмы Элиота «Бесплодная земля» – произведения, которое он считал одним из лучших поэтических достижений модернизма.

В разные периоды жизни Маклюэн обращался к творчеству Элиота в статьях и эссе, посвященных поэзии А. Теннисона, С. Кольриджа, прозе Э. Паунда и Д. Джойса. Рассматривая поэзию Элиота в одном ряду с творчеством У.Б. Йетса и Д. Джойса, Маклюэн считал, что они продолжают традиции Кольриджа, Китса, Шелли как в области теории литературы, так и на практике. Задачи, стоящие перед писателями и поэтами, по мнению канадского исследователя, не сводятся только к развитию литературы и языка, поскольку художник – это и ученый, и верховный жрец, и мудрец, и признанный законодатель мира². Такое мнение о роли художника в современном мире объясняется отчасти междисциплинарным подходом самого Маклюэна к исследованию истории и современного состояния средств коммуникации.

¹ Статья «Исторический декорум мистера Элиота» была перепечатана в 1972 г. в журнале «Ренейсценс» (McLuhan M. *Mr. Eliot's Historical Decorum*. Reprinted // *Renascence*. 1972–1973. Vol. 25. № 4. P. 183–189). Две другие статьи можно найти в архиве библиотеки Джона М. Келли колледжа Святого Майкла Университета Торонто.

² «The artist becomes scientist, hierophant, and sage, as well as the acknowledged legislator of the world» (*The Interior Landscape*. – P. 120).

Во многих явлениях Маклюэн стремился увидеть глобальные проблемы, «античные ссоры». Он полагал, что Элиот, как и Кольридж, представляет движение в литературе, примиряющее неоплатонизм и христианство, что его искусство противостоит утилитарному функционализму и механицизму, в котором отсутствует божественное начало [1, p. 121].

По мнению канадского исследователя Пола Тьессена (Paul Tiessen), в 1920-е гг. Лондон был мировым культурным центром, где под влиянием литературы модернизма Д. Джойса, Т. Элиота, Т. Вулфа зарождались новые медийные технологии: появился кинематограф, в 1927 г. произошла трансляция первой британской телевизионной программы, в проекте была служба BBC. Отмечая прямую связь между экспериментами в литературе и развитием новых СМИ, Тьессен писал: «Модернисты создавали все заново в прозе и поэзии, избавляясь по большей части от привязанности литературы к линейному пространству и времени, авторитету “всезнающего автора”». Они исследовали субъективные ощущения, сны, память и подсознание, сосредоточившись при постижении реальности на импрессионистской роли некоторых чувств ...иногда казалось, что модернисты имитируют или пародируют новые медиа»¹.

Взаимоотношения литературы и медиа всегда интересовали Маклюэна. В работах 1930–1940-х гг. он пытался выделить приемы, которые кинематограф заимствует у литературы, поэтому его привлекало творчество писателей-модернистов. Поэзия Элиота, как и творчество Паунда, Джойса, для Маклюэна стала материалом для осмысления новых идей, построения концепций. Иногда ученый обращался к работам Элиота как к доказательной базе, подтверждающей правильность его мыслей. В книге «Понимание средств коммуникации» Маклюэн отмечал, что Элиот сделал большой вклад в развитие массовой коммуникации, используя в своей поэзии джазовые и кинематографические формы. По мнению ученого, сила и неповторимость «Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока», «Суини-антагониста» и «Бесплодной земли» достигнуты прежде всего благодаря интерпретации поэтом кинематографических форм и языка джаза. В «Лю-

¹ «The modernists were “making it new” in their prose fiction and poetry, largely discarding conventional literary allegiance to linear space and time and the objective authority of the omniscient narrator. They were exploring subjectivity, dream, memory, and the unconscious by concentrating on the impressionistic role of the various senses in apprehending experience...the modernists seemed at times to be imitating, or parodying, the new media» (Tiessen P. *From Literary Modernism to the Tantra mar Marshes: Anticipating McLuhan in British and Canadian Media Theory and Practice Canadian* / P. Tiessen // *Journal of Communication*. – 1993. – Vol. 18. – № 4 / <http://www.cjc-online.ca/index.php/journal/article/view/775/681>).

бовной песни Дж. Альфреда Пруфрока» критик отмечает творческое использование темы Чарли Чаплина [39, p. 53].

Возможно, Элиот не ставил своей целью разработать приемы, которые медиа используют или могут заимствовать, но вслед за Паундом он продолжал экспериментальную традицию с языком, композицией в поэзии и прозе, которые так или иначе перекликались с новыми приемами, используемыми современными средствами массовой коммуникации – печатными СМИ, кинематографом, радио, телевидением¹.

Маклюэн полагал, что символисты, чью литературную традицию развили Элиот и Паунд, в своих поэтических произведениях пытались сделать фотографию, снимок (snapshot) пейзажа, определенного настроения и превращали их в пробы (опыты), а их стихотворения, как и поэзия Элиота, полны инверсий. Как пример Маклюэн рассматривает отрывок из «Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока»: «Let us go then, you and I /when the evening is spread out against the sky/ like a patient etherized upon the table» («Давай пойдем с тобою – ты и я,/ Когда лежит вечерняя заря/ На небе, как больная под наркозом»)². Первая строфа в поэме, по мнению Маклюэна, пейзаж, вторая – проба (эксперимент) [2, p. 235]. Маклюэн прав: если первая строфа настраивает читателя на романтический лад и создает ощущение привычной для слуха поэзии, то вторая, «больная под наркозом», шокирует необычным сравнением и заставляет задуматься о новом смысле произведения. Пример, к которому обратился Маклюэн, свидетельствует о том, что творчество Элиота, несомненно, имело черты, присущие литературе как модернизма, так и постмодернизма. Маклюэн не мог еще сформулировать определение понятия «постмодернизм», хотя сам был продуктом переходного периода от модернизма к постмодернизму.

¹ Следует отметить, что не только М. Маклюэн сравнивал творчество Элиота с другими видами искусства и медиа. В 2001 г. в США вышел сборник статей под редакцией Джуила Спирса Брукера (J.S. Brooker) «Т.С. Элиот и наш вращающийся мир» (*T.S. Eliot and Our Turning World*), в котором пятнадцать авторов из США, Канады, Европы и Японии рассматривали наследие поэта в разных контекстах – философии, религии, музыки, поп-культуры, феминизма, антисемитизма. Так, Питер Дикинсон (Peter Dickinson) пытался выявить связи между поэзией Элиота и музыкой Стравинского и Бенджамина Бриттена. Макл Койл (Michael Coyle) в статье «Т.С. Элиот в эфире: “Культура” и вызовы массовых коммуникаций» («*T.S. Eliot on the Air: ‘Culture’ and the challenges of Mass communications*»), как и М. Маклюэн, доказывал, что творчество поэта развивалось в унисон со средствами массовой коммуникации. Таким образом, творчество Элиота можно считать не только элитарным искусством, но и частью той культуры коммуникации, которую американский философ Э. Тоффлер назвал «второй волной».

² Элиот Т.С. Избранная поэзия. – С. 150. (В этом сборнике автор русского перевода «Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока» – Я. Пробштейн).

Канадский исследователь полагал, что у Паунда и Элиота были сходные с ним, Маклюэном, цели – экспериментирование не только в области литературы, но и в сфере коммуникации. Критики не раз отмечали, что одержимость собственными теориями проявлялась у Маклюэна при изучении творчества писателей-модернистов. Нил считал, что ученый пытается подогнать под свои концепции суть литературоведческого анализа.

В своих статьях и книгах Маклюэн неоднократно писал, что творчество Элиота напрямую связано с эпохой электричества, в которой все происходит одновременно. В «Законах медиа» ученый утверждает, что Элиот и Бодлер понимали, какова роль «среды электрической информации» («service environment of electric information»), и находились под ее влиянием [23, p. 47]. Эти утверждения Маклюэна в своей книге «Поясняя Маклюэна: оценка процесса и продукта» оспорил канадский исследователь С.Д. Нил [112]. По мнению критика, ссылки канадского ученого на ряд произведений Элиота, в частности на поэму «Бернт Нортон» (*Burnt Norton*), для доказательства того, что поэт стремился в этих произведениях выразить ощущение одновременности происходящего (percept of simultaneity), являются надуманными и продиктованы желанием «встроить» творчество Элиота в свою концепцию [112, p. 2]. Следует признать, что Нил частично прав. У Элиота, скорее всего, не было цели солидаризоваться с теориями Эйнштейна или какого-либо другого ученого или мыслителя своего времени. Во всяком случае, он никогда об этом открыто не заявлял, хотя его наследие включает большое количество работ теоретического характера, в которых можно было обозначить свою позицию по этому вопросу.

Вместе с тем творчество поэта развивалось параллельно новому представлению о времени и пространстве и отражало его. Скорее всего, именно это подразумевал Маклюэн, приписывая Элиоту особое ощущение времени. В работе «Сквозь исчезающую точку» Маклюэн пытался показать, как параллельно развиваются разные виды искусства в одни и те же исторические периоды. Тем не менее С.Д. Нил, как и другие критики, прав в том, что канадский ученый истово пытался «примерить» искусство любимых им писателей и поэтов к своей теории коммуникации.

Напомним, что «Законы медиа» – книга, которая была опубликована после смерти канадского ученого. Хотя в основу ее положены опубликованные и неопубликованные материалы, принадлежащие Маклюэну, автором этой работы является Э. Маклюэн. Именно он расставил акценты в достаточно спорной книге, которая была задумана как научное обоснование прижизненных теорий и концепций канадского коммуникативиста.

Нельзя отрицать, что у Маклюэна было свое, особое видение литературы и искусства модернизма. Он советовал критикам рассматривать «Улисс» Д. Джойса и поэзию Элиота как газету. Обычная газетная страница, считал ученый, породила символизм, сюрреализм и авангардизм. Хотя слово «модернизм» не упоминалось Маклюэном, канадский ученый имел в виду новации именно этой литературы. Оценки Маклюэном творчества Элиота не были популярны в 40-е гг., но в 60-е гг. они получили широкую поддержку литературной общественности.

Одним из творческих достижений Элиота является цикл его стихотворений «Из “Популярной науки о кошках”, написанной Старым Опоссумом» («From “Old Opossum’s Book of Practical Cats”»)¹, в котором он ярко проявил себя как виртуоз слова, экспериментатор, новатор и модернист. Можно предположить, что эти произведения возникли под влиянием общения с Э. Паундом, который очень любил кошек, часто вечерами выходил покормить бездомных животных на улицу и рассказывал своим друзьям, одним из которых был Элиот, о том, что у каждой кошки – свой характер².

Стихотворные произведения из цикла «Популярная наука о кошках» восходят к литературной традиции стихов абсурда Льюиса Кэрролла, в которых есть много ассоциаций и аллюзий, игра слов, блестящее чувство рифмы. Мелодичность и ритмика стиха привлекли внимание английского композитора Эндрю Ллойда Уэббера (Andrew Lloyd Webber) к этим произведениям поэта. Именно этот цикл стихотворений Элиота лег в основу популярного бродвейского мюзикла «Кошки» (*Cats*). Таким образом, элитарная поэзия стала частью мировой массовой культуры. Слияние высокого искусства и поп-культуры произвело невероятный синергетический эффект, результатом которого стало создание уникального продукта.

Аудиторию «Кошек» составляют как интеллектуалы, так и широкие слои населения, далекие от элитарного искусства. Американский критик Д.Ч. Моррисон подчеркивал, что писатели-модернисты Т. Элиот, Э. Паунд и Д. Джойс создавали реальность из фрагментарных образов и заставляли наблюдателя собрать их вместе в зависимости от их значения. Согласно Моррисону, Маклюэн, чтобы понять смысл окружающего мира, сам использовал такой подход в своем творчестве³. Рассматривая роль печатной

¹ В письмах Маклюэн не раз называл Элиота Старым Опоссумом. См. напр., письмо к Ф. Джованелли от 05.09.48 (Letters... –Р 203.).

² Об этом см.: Cowley M. Op.cit.

³ «...But by presenting the observer with fragmentary images of reality and forcing him to become a participant in the process of piecing them together in a pattern of significance. Hence, in order to make sense of the modern world, McLuhan himself would take a similar approach» (<http://heim.ifi.uio.no/~gisle/overload/mcluhan/jcm.html> From Saleem H. Ali (ed.):

машинки как средства коммуникации в книге «Понимание средств коммуникации», Маклюэн пишет: «Элиот и Паунд использовали печатную машинку для осуществления большого количества своих основных задач. И печатная машинка была для них инструментом для устного выражения и подражания, словесным и подражательным инструментом, который давал им свободу разговорной речи, джаза и рэгтайма. Самое разговорное и джазовое поэтическое произведение Элиота “Суини-агонист” в первом печатном варианте напоминало популярную в 20-е гг. мелодию “Не хочешь пойти домой, детка?”» [39, р. 262].

Особенно часто в своих трудах по теории коммуникации Маклюэн обращается к поэме Элиота «Бесплодная земля». Написанное через несколько лет после окончания Первой мировой войны, это произведение отражало пессимистическое мировосприятие, царящее в обществе. Мрачная картина мира, созданная автором в «Бесплодной земле», соответствовала тому мироощущению, которое Г.К. Честертон представил в памфлете «Что случилось с миром» – произведении, которое сыграло значительную роль в жизни Маклюэна.

В драматической поэме Элиота канадского исследователя привлекли не только апокалипсическая тема и адресованное молодежи скрытое предупреждение об опасности, которую готовит будущее. «Бесплодная земля» заинтересовала Маклюэна как лаборатория новых художественных приемов, свойственных модернизму. Склонный сам к экспериментам, Маклюэн по достоинству оценил художественные особенности поэмы: смещение временных пластов, ассоциативные цитаты, коллажи, обыгрывание известных литературных текстов (уже в самом начале обыгрывается строка из чосеровских «Кентерберийских рассказов» «Апрель жестокий месяц» – «April is the cruelest month»), многочисленные исторические аллюзии, переплетение речи персонажей, включение в текст иностранных слов и фраз, в том числе и на санскрите. Однако, обращаясь к «Бесплодной земле» в работах разных лет, в том числе в литературной критике, Маклюэн анализирует текст не столько как литературовед, сколько как культуролог, теоретик в области коммуникационных технологий. Тем самым он отходит от принципов «новой критики», которые сам проповедовал в начале своей академической карьеры. Образы поэмы служат Маклюэну иллюстративным материалом для его теоретических трудов. Так, в «Понимании средств коммуникации» ученый пишет, что в век электричества город, в котором

время сохраняется с помощью механики, напоминает «совокупность сомнамбул и зомби из первой части “Бесплодной земли” Элиота»¹.

Маклюэна очень привлекала теория «объективного коррелята», изложенная Элиотом в ряде теоретических работ: «Назначение поэзии и назначение критики» (*The Use of Poetry and the Use of Criticism*, 1933), «Размышления о современной поэзии» (*Essays on Truth and Reality*, 1917), «Гамлет и его проблемы» (*Hamlet's Problems*, 1919)². В духе учения Ф.Г. Брэдли о «непосредственном опыте» Элиот стремился преодолеть существующее мнение о субъективной природе эмоции в искусстве. Он утверждал, что не существует четкого разделения субъективного и объективного. «Поэзия – это не эмоции, – писал он, – это концентрация и то новое, что возникает из концентрации чрезвычайно разнообразного опыта...Поэтический акт включает в себя и много осознанного, продуманного» [70, с. 165]. По мнению Элиота, бессознательно творит только плохой поэт, а настоящий художник понимает свою задачу и старается восстановить объект, который вызвал эмоции, переводя чувство из обыденной в поэтическую речь. В эссе «Гамлет и его проблемы» Элиот заявляет, что степень «объективизации» эмоции в поэзии является для него критерием эстетической ценности произведения: «Единственный способ выражения эмоции в художественной форме состоит в том, чтобы найти для нее “объективный коррелят”, – другими словами, ряд предметов, ситуацию или цепь событий, которые станут формулой данного конкретного чувства. Формулой настолько точной, что стоит лишь дать внешние факты, должны вызывать переживание, как оно моментально возникает. Вчитайтесь в любую из удавшихся трагедий Шекспира – и вы найдете точное соответствие. Вы увидите, что душевное состояние леди Макбет, бредущей во сне со свечой, мастерски передано через постепенное накапливание воображаемых эмоциональных впечатлений; слова Макбета в ответ на известие о смерти жены поражают нас; словно подготовленные всем ходом действия, они вырвались автоматически, замыкая собою цепь случившегося» [70, с. 154–155].

Маклюэн считал, что теория «объективного коррелята» сложилась у Т. Элиота под влиянием Э. По – «мыслителя уровня Леонардо да Винчи» [46, с. 403]. Найденный Элиотом способ выражения эмоции в художественной форме, который можно сравнить с деятельностью священнослу-

¹ «In our electric century the mechanical time-kept city looks like an aggregation of somnambulists and zombies, made familiar in the early part of T.S. Eliot's the *Waste Land*». (McLuhan M. *Understanding Media*. – P. 149).

² В 1920 г. эта работа вошла в сборник «Священный лес».

жителей, доносящих до паствы слово Божие, был близок и католику Маклюэну. Именно так он представлял себе высокое назначение поэта и художника.

Предложенный Элиотом подход к творчеству напоминал Маклюэну также детективные рассказы Э. По, где «сыщиком является художник-эстет, который разглядывает преступления, опираясь на искусство как на метод» [46, с. 404]. Следуя разработанной методике По-Элиота, ученый-эстет Маклюэн в «Галактике Гутенберга» рассматривает развитие средств коммуникации и их современное состояние, опираясь на литературу и искусство как на категории, творящие методологию общенаучного знания.

В эссе «От По к Валери» (*From Poe to Valeri*, 1948) Элиот приводит слова Бодлера о том, что «стихотворение не содержит сообщения о чем-то — оно есть это что-то» [68, с. 425]. Это высказывание похоже на перефразированную упоминавшуюся нами знаменитую фразу канадского коммуникативиста «medium is the message» – «средство сообщения само является сообщением».

Для Маклюэна поэзия Элиота была образцом «слухового воображения» («auditory imagination»), резонирующего с уровнями связующих их значений (самых современных с самыми древними). Маклюэн отмечал, что речь у Элиота, как и у античных риториков-грамматистов, была богатой и насыщенной историей [102, р. 95].

Такую же характеристику образцов «слухового воображения» можно дать и работам самого Маклюэна. Неслучайно многие фразы из них становились цитатами-клише. Труды канадского коммуникативиста напоминают лекции, прочитанные с кафедры блестящим оратором, который хорошо владеет словом, отличается энциклопедизмом, но или не ставит своей задачей последовательное и логичное изложение содержания своих мыслей, или не умеет это делать. Однако блестящее владение словом, эмоциональность, умение манипулировать аудиторией гипнотизируют слушателей.

В 1940-е гг. Маклюэн был настолько увлечен творчеством Элиота, что, читая в Торонтском университете курс современной драмы, девяносто процентов учебного времени уделял Элиоту и только один процент – драматургии Бернарда Шоу, несмотря на то что на экзамене обоим авторам уделялось равное внимание. Такое распределение времени Маклюэн объяснял тем, что, в отличие от Элиота, у Шоу было только три интересных идеи за всю жизнь, при этом Маклюэн никогда не объяснял, что это были за идеи. Такое распределение времени не нравилось многим студентам, и они жаловались администрации факультета на профессора Маклюэна [98, р. 98]. Судя по всему, Маклюэн был настолько сильно увлечен творче-

ством Элиота, что на лекциях и семинарских занятиях ему не хотелось обсуждать других писателей и поэтов. Маклюэн позволял себе выйти за рамки программы курса, что не решались делать другие преподаватели. Канадского ученого привлекало новаторство Элиота, он пытался донести до студентов те достижения современной поэзии, которые стали возможны благодаря таланту поэта. Подобная манера письма, подачи материала была характерна и для Маклюэна. Труды Паунда, Элиота, Маклюэна не рассчитаны на широкую аудиторию. Помимо энциклопедизма, они требуют внимания и терпения.

Успех Элиота был бесспорен. Его карьера сложилась блестяще по сравнению с Паундом. Маклюэн, судя по всему, считал, что в этом есть элемент несправедливости. В письме к Ф. Джованелли от 5 сентября 1948 г., размышляя о том, что Паунд и Льюис не получили такой широкой популярности и признания, как Элиот, ученый пишет: «...Льюиса и Паунда игнорируют, а Элиот *широко* не понят. Но широко. Старый Оппоссум [Элиот] был более сообразительный. И я не люблю его за его достоинства»¹.

Следует отметить, что Элиот пытался отблагодарить Паунда за его поддержку в начале своей карьеры. Он использовал свои связи для того, чтобы в 1923 г. опубликовать стихотворные произведения коллеги в издательстве «Фабер и Фабер» (Faber and Faber). После того как Паунда поместили в психиатрическую лечебницу Св. Елизаветы в Вашингтоне, Элиот, по воспоминаниям адвоката Э. Паунда, «был самым верным и внимательным» (the most faithful and concerned) из всех друзей [172, p. 181]. Он ежегодно организовывал деловые поездки в США, чтобы навестить друга; пользуясь своим авторитетом у американских элит, добился, чтобы условия жизни Паунда в лечебнице были улучшены. При поддержке Элиота Паунд в 1949 г. получил престижную Буллингеновскую премию (Booolingen Prize). Маклюэн, в отличие от Элиота, не оказал такой поддержки поэту, чьим творчеством он так восхищался.

Своему коллеге Хью Кеннеру Маклюэн открыл мир поэзии Элиота. Стихи и проза Элиота были постоянной темой в их беседах. Вместе с Кеннером Маклюэн планировал написать книгу о творчестве поэта, но их совместный проект так и не был осуществлен. За свою жизнь Маклюэн опубликовал несколько десятков литературоведческих и культурологических статей и эссе, но так и не написал ни одной книги литературоведческого характера, несмотря на то что такие замыслы у него были. Что касается

¹ «Therefore Lewis and Pound are ignored and Eliot s widely misunderstood. But widely. Old Opossum [Eliot} was the shrewder man. And I dislike him for his virtues» (Letters... – P. 203).

Хью Кеннера, он под влиянием своего наставника начал серьезно изучать творчество Элиота и в 1959 г. опубликовал монографию «Т.С. Элиот – невидимый поэт» (*T.S. Eliot: The Invisible Poet*), которую Маклюэн рекомендовал студентам для подготовки к занятиям. Если в случае с книгой Кеннера о Паунде Маклюэн усмотрел воспроизведение собственных мыслей, то к исследованию Кеннера, посвященному творчеству Элиота, он не имел никаких претензий. Кеннер, в свою очередь, в предисловии к книге признал, что она была написана под влиянием Маклюэна [102, р. 98].

Несмотря на то что Маклюэн не написал серьезного исследования, посвященного Элиоту, он внес значительный вклад в исследование его творчества. Он увидел взаимосвязь между поэзией Элиота и развитием новых средств коммуникации. В свою очередь, новые художественные приемы поэта-модерниста стали источником для многих идей и теорий Маклюэна. Большое влияние на мировоззрение канадского ученого оказал Элиот-критик.

Маклюэн считал, что Элиот был одним из тех писателей и художников, кто наряду с С. Малларме, Э. Паундом, Д. Джойсом и П. Пикассо смогли глубоко проникнуть в современный мир, понять его суть и взаимосвязи в нем, а также осуществить связь между старыми (печатными) и новыми (электронными) средствами коммуникации.

Элиот был одним из самых ярких новаторов своего времени, который много сделал для развития не только английского языка и литературы, но и современной культуры в целом. Именно это ценил в Элиоте Маклюэн. Он внимательно изучал творчество поэта и старался донести до студентов, с которыми работал, свои взгляды. Благодаря Маклюэну его молодой коллега Х. Кеннер познакомился с художественными произведениями Элиота и написал книгу о поэте.

Стиль выражения мыслей Элиота иногда напоминал стиль самого Маклюэна. «История – сейчас» – это выражение из «Четырех квартетов» (*Four Quartets*) Элиота было одной из любимых фраз канадского коммуникативиста, которую он часто цитировал [267, с. 724]. Маклюэн также блестяще создавал подобные афоризмы.

Художественный мир Элиота стал источником новых идей не только в области литературоведения, но и в теории коммуникации. Под влиянием таких произведений Элиота, как «Бесплодная земля», «Полые люди» Маклюэн увидел те проблемы, которые таит в себе завтрашний день, но, в отличие от Э. Паунда и Т. Элиота, он не боялся «шока будущего». Он считал Элиота не только поэтом для избранных, но и частью массовой культуры «второй вол-

ны», способным, как и он, впитать все новое и быть на гребне «третьей волны».

Маклюэн внес большой вклад в пропаганду творчества Элиота в период работы в университетах США и Канады. Произведения поэта были включены в программы курсов и спецкурсов по английской литературе, которые он вел. Он учил студентов детально и скрупулезно исследовать тексты Элиота, следуя канону «новой критики». Однако в большинстве своих статей и эссе, посвященных творчеству поэта, Маклюэн не анализировал сами произведения, а писал о новациях в творчестве Элиота, о его роли в развитии современных медиа и технологий. Тем самым Маклюэн пытался подогнать творчество Элиота под свои теории. Поэтические произведения английского поэта включены как иллюстративный материал и доказательная база в его труды по проблемам медиа. Большое внимание Маклюэн уделил теоретическим трудам Элиота. Они также стали частью его мировосприятия, видения проблем современной литературы, культуры и жизни общества в целом.

Трудно представить себе труды Маклюэна без ссылок и упоминания стихотворных произведений и критики Элиота. Творчество поэта-модерниста является в определенной степени ключом к пониманию теорий Маклюэна.

Нельзя отрицать и тот факт, что Маклюэн внес значительный вклад в исследование творчества Элиота. Его литературоведческие статьи и эссе, посвященные поэту, представляют несомненную ценность для анализа творчества Элиота, литературы модернизма в целом и исследований на стыке литературы и медиа.

2.3. Джеймс Джойс в оценке Г.М. Маклюэна

Из всех писателей-модернистов самое большое влияние на формирование Маршалла Маклюэна как теоретика массовой коммуникации оказал ирландский писатель Джеймс Огастин Джойс (James Augustine Joyce, 1898–1941)¹. «Того, кто не знаком со всеми трудами Джеймса Джойса и

¹ О жизни и творчестве Д. Джойса написано много трудов. См., напр.: Ellmann R. *James Joyce*. – New York: Oxford Univ. Press, 1958; Idem. *The Consciousness of Joyce*. – London: Faber and Faber, 1977; Gross J. *James Joyce*. – New York: Viking, 1970; Magalaner M., Kain R.M. *Joyce: The Man, the Work, the Reputation*. – New York: New York Univ. Press, 1956; Tindall W.Y. *James Joyce: His Way of Interpreting the Modern World*. – New York: Scribner, 1966; Гончаренко Э.П. Творчество Джойса и модернизм. 1900–1930 гг. – Днепр-петровск: Наука и образование, 2000.

французских символистов, не может по-настоящему интересоваться мое творчество», – писал канадский ученый¹.

Сын Маклюэна Эрик вспоминал, что отец называл свои работы «прикладным Джойсом» («applied Joyce»), и, продолжая его мысль, заявлял, что произведения Маклюэна современникам не понять, если не знать в полной мере творчество Джойса. Эрик считал, что его отец сделал такой же вклад в развитие коммуникативистики XX века, как Д. Джойс – в развитие литературы XX века².

Ирландец и католик Джеймс Джойс, несмотря на бунтарский характер, активно не занимался политикой. Революционер в литературе и языке – Джойс, в отличие от многих писателей того времени, мало интересовался классовой борьбой. Его также не привлекали политические и литературные движения и группы, которые активно боролись за освобождение Ирландии³. Однако по своему духу он был ирландец (Ирландии посвящены все его произведения), католик (католичество – одна из тем в его произведениях, начиная с «Дублинцев» (*Dubliners*, 1914) и «Портрета художника в юности» (*A Portrait of the Artist as a Young Man*, 1916)) и революционер (своим творчеством он совершил переворот в современной литературе).

Итальянский писатель и ученый Умберто Эко в книге «Поэтики Джойса» (*Le poetiche di Joyce*, 1966) выделил три главные линии влияния на формирование мировоззрения ирландского писателя: философское учение Фомы Аквинского, «тяжелое испытание после чтения Джордано Бруно» и поэтику символистов.

¹ «Nobody could pretend serious interest in my work who is not completely familiar with all of the works of James Joyce and the French symbolists» (Цит. по: McLuhan E. Joyce and McLuhan // *The Antigonish Review*. – 2004. – Vol. 106. – Issue 140. <http://www.antigonishreview.com/bi-106/106-mcluhan.html>).

² «No one can claim a serious appreciation of Joyce's work without a complete familiarity with the full spectrum of McLuhan's work... McLuhan occupies much the same position vis-à-vis the study of communication in this century, having done for that field what Joyce did for expression in prose» (Ibid).

³ Отказ Джойса от участия в освободительном движении Ирландии привел к тому, что многие соотечественники долгое время относились к нему как к чужаку – прохладно или безразлично. Только в последние тридцать лет Джойс стал гордостью нации, а описанные в его романах места – достопримечательностями Дублина. Симус Дин (Seamus Deane) в эссе «Джойс и национализм» утверждает, что отказ Джойса служить ирландскому патриотизму означал стремление создать универсальную культуру, в которой Ирландия смогла бы избавиться от комплекса ущербности и местечковости и наравне с другими странами занять достойное место в «глобальной деревне» (Deane S. *Joyce and Nationalism in James Joyce: New Perspectives* // Ed. C. MacCabe. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1982. – P. 173). Вместе с тем внимательное прочтение произведений Джойса свидетельствует о любви писателя к своей стране, безграничном патриотизме и сочувствии ирландским католикам, одним из которых он был.

Томизм был частью религиозного образования Джойса. С шести до двадцати лет Джойс учился в иезуитских школах и колледжах¹. Попытки осмыслить учение Фомы Аквинского² о прекрасном заметны прежде всего в «Портрете художника в юности». Эстетика Стивена Дедалуса по сути своей «прикладной Фома Аквинский». Томистское понимание прекрасного, противостояние католичества и протестантизма – эти темы часто возникали на страницах художественной прозы писателя, особенно это проявилось в «Портрете художника в юности» и «Улиссе» (*Ulysses*, 1922).

Культовой для Джойса была фигура Джордано Бруно, революционера своего времени и еретика, человека, пострадавшего от святой инквизиции и католической церкви. По мнению критиков, философия и образ Бруно возникают не только в рассказах Джойса, но и на страницах романа «Поминки по Финнегану» (*Finnegans Wake*, 1939) [171]. Интерес к такой исторической фигуре, как Джордано Бруно, у Джойса связан с потребностью осмыслить роль религии в жизни человека и желанием понять, что движет прогресс в современном обществе (ключевая тема в трудах Маклюэна). К сказанному можно прибавить и интерес писателя к еретическим мыслям. В романах ирландского модерниста религиозность часто сталкивается с ересью³. Так, в «Улиссе» в первой главе Бык Маллиган (типичный еретик) цинично иронизирует по поводу переживаний Стивена Дедалуса, только что похоронившего мать. Еретическими мотивами пронизан и роман «Поминки по Финнегану». Революционность в мыслях и языке является логическим продолжением изучения религии и ереси в понимании Джойса. Художник в поиске новых форм и языка в искусстве – один из главных персонажей его романов: именно таков Стивен Дедалус. Как было отмечено ранее, томизм и литература символизма, инновации в искусстве и языке играли огромную роль и в жизни М. Маклюэна, что позволяет говорить об общих интересах Джойса и канадского исследователя.

Французский критик Жерар Женетт обратил внимание на то, что герой романа Джойса «Портрет художника в юности» Стивен Дедалус рассказывает своему другу Линчу «собственную» теорию трех основных эсте-

¹ С 1888 по 1891 г. Джойс учился в Клонговс Вуд колледже (Clongowes Wood College) в графстве Килдер (Kildare county), с 1891 по 1897 г. – в Бельведер колледже (Belvedere College) в Дублине, в 1897–1899 гг. был студентом Университи колледжа на улице Сент-Стивен Грин (University College on St. Stephen Green) в центре Дублина.

² О влиянии Фомы Аквинского на творчество Д. Джойса см.: Noon W.T. *Joyce and Aquinas*. – New Haven; London: Yale Univ. Press, 1957.

³ О ереси в творчестве Д. Джойса см.: Franke D. *Modern Heresis: British and Irish Literature and Culture*: Dissertation Ph.D., Department of English. – Univ. of Iowa, 2000. – P. 215–255.

тических форм, согласно которой искусство делится на лирику, эпос и драму. У читателя не возникает сомнения, что Стивен, вероятно, вспомнил «Поэтику» Аристотеля и ему показалось, что он додумался до этого сам. Ж. Женетт обращает внимание на комментарий в первом варианте эпизода, в котором автор иронизирует над простодушием своего героя, открывшего, как ему показалось, нечто новое, тогда как «в сущности, его эстетика была прикладной версией святого Фомы» [245, с. 282]. Женетт потрясен тем, что Джойс готов приписать все открытия Фоме Аквинскому. Этот факт свидетельствует о правоте Эко, писавшего о сильном воздействии томизма на Д. Джойса¹.

Вместе с тем в характере Джойса, как и в характере Маклюэна, заметны противоречия. Ирландского писателя увлекали ставшие популярными в 20-е гг. социалистические идеи. Воспитанник иезуитского пансиона², он позволял себе иронические замечания в адрес Святого престола, нападки на католическую церковь, чего никогда не делал Маклюэн.

Главным предметом интересов Джойса были литература и искусство. Неслучайно героем его двух ключевых романов: «Портрета художника в юности» и «Улисса» – был литератор Стивен Дедалус. Джойс не стремился заработать, угодить публике. Все его творчество связано с поиском новых форм художественного выражения, экспериментами с языком, попытками соединить литературу и другие виды искусства. Именно это и привлекло Маклюэна к Джойсу.

Джойс не принадлежал ни к каким литературным кружкам или движениям своего времени, но, по мнению английского литературоведа А.У. Лица (A.W. Litz), в его поэтических произведениях и рассказах раннего периода заметно влияние Паунда. Критик обращает внимание на то, что Стивен Дедалус, герой «Портрета художника в юности», рассуждает о единстве эстетического образа во времени и пространстве так, как рассуждали критики-имажисты на страницах своих журналов [202, р. 53]. В своих первых работах Джойс следовал линейной модели изложения материала. Его ранние произведения «Дублинцы» и «Портрет художника в юности» отмечены тонким психологизмом, умением несколькими фразами создать запоминающиеся характеры. Позднее он искал новые формы художественного выра-

¹ В «Поэтиках Джойса» одну из глав о раннем этапе творчества писателя Эко назвал по аналогии с «Портретом художника в юности» «Портретом томиста в юности» (см.: Эко. У. Поэтики Джойса. – С. 65).

² О воспитании Д. Джойса в иезуитском колледже можно прочесть в книге К. Салливана «Джойс среди иезуитов» (Sullivan K. *Joyce among the Jesuits*. – New York: Columbia Univ. Press, 1958).

жения, частью которых стали игра со временем и пространством, эксперименты с языком.

С творчеством ирландского писателя, как и с работами Э. Паунда и Т. Элиота, Маклюэн познакомился во время учебы в университетах Манитобы и Кембриджа. Католик, выпускник иезуитского пансиона, интересующийся как античной, так и современной литературой и искусством, Джойс был духовно близок канадскому ученому. Окружавшие Маклюэна в Сент-Луисе, Висконсине и Торонто Ф. Джованелли, Д. Фаррелл, Д. Фарелли были поклонниками Д. Джойса и восхищались его экспериментальным новаторским языком.

В 1920–1930-е гг. проза Джойса не произвела сильного впечатления на Маклюэна. Биограф Маклюэна Ф. Марчанд предполагает, что именно Хью Кеннер, которому канадский профессор открыл мир Элиота, убедил своего наставника в необходимости серьезного изучения творчества ирландского писателя¹. По словам Кеннера, Маклюэн в начале их знакомства презирал Джойса как механициста и изобретателя («mechanical and contriver») и советовал своему подопечному не тратить на него время попусту [102, p. 94]. Однако позднее, или под влиянием Кеннера, или по иным причинам, Маклюэн стал одержим Джойсом.

Джойс тяготел к европейской культуре, жил в Париже, Триесте, Цюрихе. Свою литературную карьеру он начал как поэт. Как и Элиота, помощь в становлении молодого литератора оказал Э. Паунд. В 1914 г. Джойс опубликовал «Дублинцев» и через общих друзей послал Паунду экземпляр этой книги вместе с первой главой «Портрета художника в юности». Паунд сразу же оценил по достоинству мастерство молодого писателя и принял решение, как это всегда делал, заметив настоящий талант, помочь Джойсу безвозмездно с публикацией и редактурой его произведений.

«Мистер Джойс пишет ясную жесткую прозу. Он имеет дело с субъективными вещами, но он изображает их так ясно и четко, что он мог бы работать с паровозом или строительными спецификациями», – писал Э. Паунд в 1914 г. в рецензии на рассказы Джойса². По мнению Паунда, достоинства Джойса в том, что он не дает лишней информации о своих персонажах, ярко обрисовывает героев своих произведений без излишней сентиментальности, полагает, что все стороны человеческой жизни интересны

¹ Х. Кеннер серьезно исследовал творчество Д. Джойса и написал книгу, в которой рассмотрел философские основы и поэтику романа «Улисс» (Kenner H. *Ulysses*. – New York: Johns Hopkins Univ. Press, 1987).

² «Mr. Joyce writes a clear hard prose. He deals with subjective things, but he presents them with such clarity of outline that he might be dealing with locomotives or builder's specifications» (Pound/Joyce... – P. 27).

и отражают настоящую жизнь. Вместе с тем критик отмечает, что персонажи рассказов Джойса – не стереотипы, а яркие индивидуальности. С одной стороны, Дублин такой, какой он есть в жизни, а, с другой стороны, все, что описано в рассказах, может быть применимо и к другим городам. В Джойсе Паунд видит писателя-реалиста, который блестяще продолжает литературную традицию Ги де Мопассана¹.

Паунд ценил присущее Джойсу «чувство слова». В «Дублинцах» писателю удалось создать выразительные и запоминающиеся психологические портреты героев. Особое внимание Джойс уделил мироощущению подростков (рассказы «Сестры» (*Sisters*), «Встреча» (*Encounter*), «Араб» (*Araby*). Его персонажи, как правило, бедны и хотят вырваться из того мира, который их окружает, но когда такая возможность появляется, остаются в нем, потому что ощущают его своей средой: именно это случается с героиней рассказа «Эвелин» (*Evelin*). Джойс не политизировал жизнь своих героев. Он не стремился делать какие-либо обобщения, намекнуть на необходимость изменения социального строя в том обществе, которое он описывал (темы для того времени достаточно актуальные). Хотя в рассказах есть описание и Дублина, и ирландского характера, и ирландского образа жизни, Джойс не стремился продвинуть «ирландскую» тему. Именно поэтому его рассказы о людях с их проблемами и настроениями, чувством стыда и вины остаются интересными и для читателей XX – начала XXI в.

Джозеф Келли в книге «Наш Джойс: От отверженного до иконы» (Kelly J. *Our Joyce: From Outcast to Icon*, 1998) пишет о негативной, на его взгляд, роли, которую сыграл Паунд в публикации «Дублинцев», лишив Джойса его ирландской сути и убрав из его ранней прозы всю политику². Однако вряд ли влияние Паунда было столь велико, чтобы кардинально изменить замысел рассказов Джойса.

Американский исследователь Р.Б. Макнили (R.B. McNealy) считает, что проза Джойса нуждается в нескольких прочтениях [206, р. 3–4]. Изучив ранние произведения писателя, критик обнаружил в них подтекст, недосказанность, скрытую иронию. Такого же мнения о раннем творчестве Джойса придерживался и Х. Кеннер. Он обращал внимание на тот факт, что в рассказах Джойса есть много подводных камней. Персонажи, которые вызывают симпатию, могут оказаться не очень порядочными. Те, кто вызывают жалость, порой ее не заслуживают. Кеннер иллюстрирует свое утверждение

¹ Ibid. – P. 28.

² «Pound de-Irished Joyce-reputation, and ... stripped his early fiction of political force» (Kelly J. *Our Joyce: From Outcast to Icon*. – Austin: Univ. of Texas Press; 1st ed., 1998. – P. 63–64).

на примере рассказа «Эвелин» из «Дублинцев», в котором героиня пытается покинуть Дублин, чтобы вырваться из тяжелой и депрессивной ситуации. Однако когда ее парень предлагает увезти ее в Буэнос-Айрес, что-то ей мешает, и она не решается сесть на пароход. По мнению Кеннера, Эвелин, если она уедет, ждет проституция [196]. Вероятно, она или знает, или догадывается о таком повороте. В неведении, считает критик, остается только читатель, который сочувствует девушке, но долго не может понять ее метаний. Только после второго прочтения читатель начинает догадываться о скрытой горькой иронии автора.

В 1920-е гг. к творчеству Джойса в Великобритании и США было негативное отношение, публикация романа «Улисс» находилась под запретом. Многие издатели отвергали рукописи ирландского писателя, поскольку не все его произведения были интересны и понятны, многих шокировала присутствующая в них раблезианская тема – обращение писателя к нечистотам, анатомии тела. Других смущала ирландская тема. Ряд издателей считали, что писателя надо публиковать, поскольку его произведения – это современная литература, которая может быть многим интересна.

В 1936 г. американский писатель Томас Вулф (Thomas Wolfe), поклонник творчества Д. Джойса, в письме к главному литературному редактору нью-йоркского издательства «Чарльз Скрибнерз санз» («Charles Scribner's Sons») Максвеллу Перкинсу возмущенно писал, что в 20-е годы крупные издательства США и Великобритании отказали ирландскому писателю в публикации «Улисса». Лишь с помощью Э. Паунда роман сначала выходил по частям в журнале «Литтл ревью», а в 1922 г. маленькое частное издательство в Париже «Шекспир и компания» («Shakespeare & Co.»), во главе которого стояла женщина, рискнуло напечатать роман. Вулф считал позором для издательских домов Великобритании и США тот факт, что одно из самых знаковых произведений литературы XX в. появилось на свет без их участия [236, с. 257].

По мнению американского исследователя Эндрю Гибсона (Andrew Gibson), большой удачей Джойса были такие истинные, бескорыстные и высокопрофессиональные ценители его творчества, как Э. Паунд. Будучи одним из отцов-основателей американского модернизма, Паунд мог по достоинству оценить революционность творчества Джойса. Его восхищало умение ирландского писателя создать нечто новое. «Сделай это по-новому!» («Make it new!») – было одним из характерных выражений Паунда, в котором он выразил не только свое, но и свойственное его поколению

ожидание нового в литературе и искусстве¹. Эти слова мог сказать и Маклюэн, который считал, что самое ценное в творчестве Джойса – инновация и эксперимент.

Паунд познакомил начинающего писателя с интеллектуальной элитой Парижа и Лондона, содействовал ему в получении финансовой поддержки от благотворительных сообществ, которые были нужны писателю для работы над первыми произведениями. Паунд был посредником между Джойсом и издателями, редактировал «Улисса». В течение многих лет Джойс писал Паунду, советуясь с ним по разным творческим проблемам. В 1922 г. Паунд предпринял невероятные усилия для того, чтобы ранние произведения Джойса французы могли прочесть на родном языке. Ему удалось уговорить литературного переводчика Людмилу Блок-Савицкую (Ludmilla Bloch-Savitzky) перевести «Портрет художника в юности» на французский. При поддержке Паунда в 1924 г. в Париже вышел первый французский перевод «Портрета художника», роман с согласия автора был назван «Дедалус» (Dedalus)².

Тема ирландского католика, который ощущает свою идентичность и пытается ее сохранить в огромном и порой враждебном мире, стала одной из важных тем в творчестве писателя. Она присутствует в автобиографическом романе «Портрет художника в юности», в «Дублинцах», а также в более поздних работах: «Улиссе» и «Поминках по Финнегану». Интересно отметить, что тема «вечного жида» в произведениях Джойса близка, как это ни парадоксально, ирландской теме. В судьбе еврейского и ирландского народов Джойс видел общую проблему гонимого народа, который сохраняет свою религию и культуру, но иногда, чтобы выжить, вынужден принять многое из чужой культуры.

В 1914 г. Джойс опубликовал рассказы «Дублинцы», в 1916 г. – автобиографический роман «Портрет художника в юности». Самый известный роман «Улисс», принесший ему мировую славу, Джойс опубликовал в 1922 году³.

¹ Подробнее об этом см.: Gibson A. *James Joyce (Critical Lives)* / Introd. D. Kiberd. – London: Reaktion Books, 2006. – P. 93–94.

² Подробнее об этом см.: Davies S.G. *James Joyce. A Portrait of the Artist*. – New York: Shtein and Day Publishers, 1975. – P. 226.

³ Перевод «Улисса», сделанный в 1930-е гг., начал печататься в «Интернациональной литературе» и едва дошел до середины, когда переводчик, Игорь Романович, был арестован. Публикация романа Джойса была приостановлена. Полный русский «Улисс» в переводе В.А. Хинкиса и С.С. Хоружего появился в журнале «Иностранная литература» в 1989-м г. В книгу включено и «Слово к читателю», с которым к любителям творчества Джойса обратился академик Д.С. Лихачев. (Об этом подробнее см.: *Гениева Е.Ю. «Русская Одиссея» Джеймса Джойса*. – М.: Рудомино, 2005).

«Улисс»¹ Джойса авангардисты провозгласили вершиной повествовательного искусства. В этом романе автор стремится проникнуть в подсознание своих героев, восстановить поток их мыслей, чувств, ассоциаций. Один долгий день, 16 июня 1904 г., из жизни рекламного агента, крещеного еврея Леопольда Блума (Bloom'sday) и его жены, певицы Мэрион (Молли), по замыслу автора, должен ассоциироваться с путешествием Одиссея. Роль Телемака XX в. в романе была уготована молодому учителю и исследователю творчества Шекспира Стивену Дедалусу (alter ego автора), который был главным героем и в автобиографическом романе Джойса «Портрет художника в юности».

Герой «Улисса», по замыслу Джойса, – «детрайбализованный еврей»², который помещен в детрайбализованный ирландский мир. Выбор писателем рода деятельности для своего героя – рекламы, размещением которой занимается Блум, – по мнению Маклюэна, символично. Оно связано с развитием печатных СМИ и подкрепляет мысль Маклюэна о важности творчества Джойса для понимания истории письменности и печатной культуры.

Американский литературовед Мэтью Ходгарт считал, что «Улисс» – «великий комический роман», и не советовал людям, придерживающимся другой точки зрения, читать его [189, р. 69]. Критик полагал, что приключения Леопольда Блума, обыкновенного человека «everyman», достаточно занимательны. Ходгарт призывал не воспринимать все написанное Джойсом в романе буквально, поскольку в нем много аллегорий, фантазий и игры воображения [189, р. 72]. Основной моралью романа, по мнению критика, является тема «ненасилия». Блум постоянно отвергает насилие, в каких бы формах оно ни навязывалось ему.

Стивен Дедалус – один из ключевых персонажей романа, во многом является развитием образа «художника в юности»; он олицетворяет собой «человека искусства» со всеми его проблемами и исканиями.

Если в «Улиссе» действие происходит в Дублине в течение одного дня, то в романе «Поминки по Финнегану», известном в течение долгого времени как «Текущая работа» (*Work in Progress*), описаны события одной

¹ В биографическом исследовании творчества Д. Джойса Р. Элман приводит ответ писателя на вопрос: «Кого Вы считаете самым целостным и совершенным персонажем в литературе?» (Do you know of any complete all-around character presented by any author?). Подумав, Джойс отметил, что Фауст далек от целостности. Фауст без возраста – не человек. Гамлет – человек, но он – только сын. Улисс – и сын Лэурта, и отец Телемака, и муж Пенелопы, и любовник Калипсо, и соратник греческих воинов в Трое, и царь Итаки, и он для Джойса самый совершенный персонаж (Ellman R. *James Joyce*. – P. 449).

² Детрайбализованный – лишенный своей общины, племени.

ночи. Обращаясь к близкой фрейдизму теме подсознания, автор пытался воссоздать мысли спящего человека, который путешествует по мирозданию. Этот роман Джойс писал на протяжении последних пятнадцати лет жизни. Многоплановые, написанные сложным экспериментальным языком романы «Улисс» и «Поминки по Финнегану» являются самыми цитируемыми художественными произведениями в теоретических трудах Маклюэна.

В романах «Улисс» и «Поминки по Финнегану» Джойс наиболее ярко проявил себя как представитель так называемой школы потока сознания. Алогичные внутренние монологи персонажей, воспроизводящие хаос мыслей и переживаний, попытка воссоздать все мельчайшие движения сознания героев приняли в этих произведениях форму свободного ассоциативного потока мыслей в той последовательности, в которой они возникают у человека в сознании, с характерными алогичными нагромождениями, всплывающими как бы из ниоткуда воспоминаниями¹.

В 1920–1930-е гг. в Европе и США эксперименты стали частью культурного пейзажа. В это время громко заявляли о себе дадаисты, супрематисты, выставившие свои полотна в крупнейших городах мира. Сюрреализм удивлял и шокировал. Общественность уже прочла «Бесплодную землю» Т. Элиота². На этом фоне «Улисс» и «Поминки по Финнегану» не были чем-то из ряда вон выходящим. В феврале 1928 г. на страницах журнала «Транзишн» («Transition») американский журналист и один из идеологов модернизма Юджин Джолас³ в статье «Революция языка и Джеймс Джойс» писал об особенностях творчества ирландского писателя: «Текстура его неологизмов основывается на идее о всеобщем синтезе, за каждым слововошеством здесь маячит свой художественный смысл. Ка-

¹ Впервые термин «поток сознания» появился в работах американского психолога Уильяма Джеймса в XIX в. и означал общее течение мыслей человека, которые самому человеку, несмотря на их бессвязность и фрагментарность, кажутся единым целым. У. Джеймс утверждал, что сознание «не цепь, где все звенья соединены последовательно... оно течет» (Friedman M. *Stream of Consciousness. A Study in Literary Method*. – New Haven: Yale Univ. Press, 1955. – P. 82).

² Об этом подробнее см.: Cowley M. *Exile's Return*. Op. cit.

³ Юджин Джолас (Eugene Jolas, 1884–1952) – американский журналист, переводчик, литературный критик. Один из основателей популярного парижского литературного авангардного журнала «Transition». Журнал выходил с 1927 по 1938 гг., затем в 1948–1950 гг. На его страницах были опубликованы художественные произведения и критика Г. Стайн, Х. Крейна, А. Жида, Д. Джойса и других писателей-модернистов. В журнале впервые появились отрывки романа Д. Джойса «Работа в процессе» (*Work in Progress*), который позднее был опубликован под названием «Поминки по Финнегану» (*Finnegans Wake*). Биографию Ю. Джоласа см.: Eugene Jolas/ http://en.wikipedia.org/wiki/Eugene_Jolas; <http://webtext.library.yale.edu/xml2html/beinecke.jolas.con.html>

жется, что английский язык с его универсальностью просто создан для экспериментов, проделываемых Джойсом» [267, с. 727].

В 2002 г. американский литературовед Стейси Герберт (Stacey Herbert) в своем диссертационном исследовании «Художник как модернист. Пресса и становление Джеймса Джойса, 1917–1924» (*Reporting on Artist as Modernist: Press in Making James Joyce, 1917–1924*) показала, как воспринимали творчество Джойса современники, как его эксперименты содействовали развитию модернизма и литературной критики. Литературоведы вслед за писателем старались ввести в оборот новые понятия и определения. Таким образом, новая литература породила новую критику. Вскоре в интеллектуальных кругах Джойс был признан знаменитостью. Зная это, он посмеивался над критиками. Им адресовано его знаменитое высказывание о том, что с публикацией «Улисса» «профессорам будет чем заняться в ближайшие столетия» [179, р. 222–240].

Однако мнения о творчестве Джойса были и остаются полярными. О его романе «Улисс» большинство исследователей писали с восхищением. «Улисс» называли «значительным и прекрасным произведением искусства», «удивительной книгой, которая переполошила издателей и критиков» (Т. Вулф) [236, с. 297, 256], «превосходным, долговременным сооружением» (В. Набоков) [257, с. 370], книгой, «которую, не оскорбив английский язык, можно назвать “великой”» (М. Каули)¹, «игрой с языком в духе поп-арта» (Х. Кеннер).

Но если критики в большинстве своем признавали «Улисса» выдающимся произведением литературы модернизма, то роман «Поминки по Финнегану», напротив, вызывал у многих отторжение. Российский литературовед Н.А. Соловьева, размышляя о литературе модернизма в Англии, писала, что «в пределах творчества одного писателя могут быть отражены как самые великие достижения модернизма (“Улисс” Д. Джойса), так и его тупик (“Поминки по Финнегану”))» [248, с. 284]. Тупиком, с точки зрения языка, считал последний этап творчества Джойса и Т. Элиот [69, с. 596].

Литературовед Д. Святополк-Мирский, поклонник Джойса, считал, что «Улисс» – «одно из крупнейших явлений двадцатого века» [259, с. 174], а «Поминки по Финнегану» – «уже чистая заумь, работа словесного мастерства на холостом ходу» [259, с. 184]. Такого же мнения придерживались многие зарубежные и отечественные литераторы и критики².

¹ «...a book that without abusing the word we can call ‘great’». Cowley. Op.cit. P. 116.

² Об этом см.: Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале // Джойс Д. Улисс: Роман. Ч. 3. Т. 3. – М.: ЗнаК, 1994. – С. 421–432.

Однако у «Поминок по Финнегану» сформировалась и армия поклонников. Этот роман коллега Маклюэна по Университету Торонто литературовед Нортроп Фрай назвал «ироничным эпосом нашего времени» («*ironic epic of our time*») [186, p. 323]. Профессора Д. Кэмпбелл (J. Campbell) и Х.М. Робинсон (H. M. Robinson), кому писатель предназначал расшифровывать свои тексты, считают «Поминки» «краеугольным камнем в творческой арке, которую Джойс аккуратно строил с юности» («*keystone of the creative arch that Joyce had been carefully constructiong since youth*») [175, p. VIII].

Романист Энтони Бургесс охарактеризовал «Улисса» и «Поминки» как «странные и “трудные” книги, которыми больше восхищаются, чем читают, а если читают, то редко читают до конца, а если читают до конца, то не всегда полностью, а если читают полностью, то не до конца понимают»¹. Следует признать, что Бургесс достаточно точно выразил отношение читателей к творчеству Джойса. Вместе с тем следует признать, что без таких произведений, как «Улисс» и «Поминки по Финнегану», литература много бы потеряла, поскольку без экспериментов Джойса в развитии внутренних монологов, потока сознания, диалогизмов, проблемы пространства и времени, языка не только современная литература, но и культура в целом лишились бы своеобразной лаборатории, в которой новые техники были бы опробованы и испытаны.

Когда в 1939 г. роман «Поминки по Финнегану» был впервые опубликован, большинство читателей, знакомых с «Улиссом», отметили радикальные изменения в стиле и языке Джойса. Если в «Улиссе» присутствовали две четких линии развития событий: история Стивена Дедалуса и история Леопольда Блума, то в «Поминках» трудно было понять, что происходит, как и почему. Роман стал книгой для избранных, для тех читателей, которые были готовы изучать предысторию возникновения этого сложного произведения, религиозные и философские течения, которые легли в основу романа, детские и юношеские воспоминания автора, ставшие частью «Поминок». А. Лиц признавался, что для того чтобы понять замысел Джойса, ему потребовалось прочесть роман несколько раз, и он сделал это охотно, поскольку смог получить удовольствие от собственного ирландскому писателю чувства юмора и изобретательности в словотворчестве [202, p. 57]. Однако немногие были готовы так скрупулезно изучать текст «Поминок», поэтому роман стал не столько книгой для чтения, сколько частью лаборатории модернистской литературы и искусства.

¹ Цит. по: Davies S.G. Op. cit. – P. 255.

Д. Кэмпбелл и Г.М. Робинсон, пытаясь разгадать замысел самого сложного романа Джойса, пришли к выводу, что «Поминки по Финнегану» — «мощная аллегория падения и возрождения человечества ... странная книга, в которой есть притча, симфония, сон, ночной кошмар — чудовищная загадка, настойчиво манящая из глубин сновидений» [175, р. 3]. Именно такой видел ее и М. Маклюэн.

Маклюэна привлекала эстетика «Поминок по Финнегану» с ее чередой сновидений и видений, которые превращаются из обыденных событий в мифологические и эпические. Особую роль в романе играет персонаж Н.С.Е. (Here Comes Everybody). На русский язык его имя переводится «и тут приходит всякий». Это имя-акроним, как, впрочем, и многие отрывки из романа, ассоциируется с абсурдистскими стихами и рассказами Льюиса Кэрролла. Маклюэн был поклонником Льюиса Кэрролла и считал, что в творчестве Кэрролла и Джойса можно найти много общего.

«Поминки по Финнегану» были одним из самых любимых произведений Маклюэна. Для него, любителя расшифровывать тексты, это произведение было источником постоянной умственной работы, поскольку для понимания романа требовался не только энциклопедизм: знание Евангелия, Священного Писания, мировой истории, культуры, искусства, литературы, — но также умение и желание играть в слова, угадывать замысел автора, спрятанный в сложных аллюзиях, метафорах, непонятных словосочетаниях, в которых благодаря их звучности слышалась особая музыка и ритм. Для понимания текста нужно было анализировать его как историка, теолога, культуролога, литературоведа, лингвиста. Знание биографии писателя и ирландского фольклора также могло помочь в раскрытии замысла автора. Критики спорят, есть ли в романе содержание, какой-либо сюжет. Некоторые ответы, с их точки зрения, можно получить лишь на фонетическом уровне, разгадывая словосочетания, междометия, имитацию природных явлений.

Влияние «Поминок по Финнегану» было настолько сильным, что одну из своих первых книг об истории письменности, известную как «Галактика Гутенберга», Маклюэн изначально думал назвать или «Эра Гутенберга», по аналогии с книгой Х. Кеннера «Эра Паунда», или «Дорога к Поминкам» (*The Road to Wake*) (это название свидетельствует об огромном влиянии Джойса на Маклюэна)¹. Стоит отметить, что слово «wake» можно перевести как «пробуждение», т. е. название книги могло звучать в рус-

¹ Подробнее об этом см.: Marchessault J. *Marshall McLuhan*. — Р. 109.

ском переводе как «Дорога к пробуждению». А это породило бы переосмысление содержания «Галактики Гутенберга».

Судя по всему, «Поминки по Финнегану» в понимании канадского ученого стали вершиной развития письменности. Маклюэн отмечал, что в этом романе сливаются письменная и устная культуры. Во многом такое мнение объясняется тем, что для понимания сложного эксперимента с языком, а именно это является отличительной чертой «Поминок по Финнегану», читатель должен был быть не только истинным знатоком английского языка, но также иметь знания в области литературы, истории, теологии. К тому же в тексте романа используются диалекты, слова и выражения из двадцати иностранных языков. Если «Улисс» требовал особого читателя-исследователя, хорошо знакомого с античной литературой, то «Поминки по Финнегану» были написаны для любителей решать сложные интеллектуальные задачи, расшифровывать лингвистические конструкции, плутать в поисках выхода из лабиринта.

Маклюэн был тем самым исследователем, который был готов серьезно и вдумчиво работать с текстами романов Джойса. «Улисс» и «Поминки по Финнегану» он считал неотъемлемой частью современной культуры, в которой воплощены поиски новых средств коммуникации. Для Маклюэна оба романа стали иллюстративным материалом для его работ по теории коммуникации. В «Галактике Гутенберга» Маклюэн более тридцати раз ссылается на Джойса. Размышляя о книгопечатании как о части истории письма, он утверждает, что «Улисс» Джеймса Джойса содержит массу прозрений, объясняющих историю развития коммуникации, переход от «аудиотактильного пространства “сакрального” бесписьменного человека в визуальное пространство цивилизованного, или письменного, человека» [46, с. 110].

Интересно, что не только Маклюэн рассматривал произведения Джойса с таких позиций. Литературный критик Д.С. Атертон также отмечал, что «Поминки по Финнегану» представляют собой историю письма [167, р. 67–68].

По мнению Маклюэна, Джойс видел параллель между «современным размежеванием вербального и образного, с одной стороны, и гомеровским миром, балансирующим между «старой сакральной культурой и новой, профанной, письменной, чувственной» [46, с. 111] – с другой. Вместе с тем он считал, что в «Поминках по Финнегану» Джойс «праздновал уничтожение духа печатной культуры, которое происходит с помощью радио, телевидения, кинематографа, звукозаписи» [33, р. 46]. Эти высказывания уче-

ного сделаны в разные периоды времени. Они свидетельствуют о наличии в работах Маклюэна некоторых противоречий.

Эксперименты Джойса с языком в «Поминках» восхищали Маклюэна. Он считал, что изображение падения камня или течения реки с помощью фонетических словосочетаний-неологизмов представляет собой удивительную находку. Такие новые художественные формы, по мнению Маклюэна, ведут к синтезу искусства и науки и, соответственно, к возникновению новых средств коммуникации.

Маклюэн видел в этом романе глубинный смысл. Ему казалось, что Джойс создал произведение, подтверждающее его идеи в области теории коммуникации. В статье «Популярная/массовая культура: американские перспективы» (*Popular/Mass Culture: American Perspectives*, 1960) ученый писал: «Осветив ночной мир частной и коллективной жизни, Джойс в “Поминках по Финнегану” сделал то, что сделало электричество, ликвидировав деление между днем и ночью, между внутренним и внешним миром, по отношению к работе и отдыху человека.... “Поминки по Финнегану” – это энциклопедия практического знания о происхождении и воздействии слов, письменности, дорог и кирпичей, телеграфа, радио и телевидения на изменяющиеся оттенки человеческого спектра»¹. Под «спектром» Маклюэн подразумевал разнообразие восприятия.

Следует отметить, что Маклюэн был не единственным исследователем, обратившим внимание на связь между творчеством Д. Джойса и популярной культурой. Этой теме посвящена монография Р.Б. Кершнера «Джойс, Бахтин и популярная литература: Хроники беспорядка» (*Kershner R.B. Joyce, Bakhtin, and popular Literature: Chronicles of Disorder*, 1989). В этой книге поэтика Джойса рассматривается в контексте теории романного диалогизма М.М. Бахтина, а также прослеживается связь между сложной прозой ирландского писателя и массовой литературой. Кершнера удивляет тот факт, что Бахтин не упоминает Джойса в своей книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», хотя, по мнению критика, он был знаком с его произведениями [199, p. 28]. Влияние идей Маклюэна на Кершнера очевидно. Об этом можно судить по тому, во-первых, что в книге есть ссылки на труды Маклюэна, во-вторых,

¹ «In illuminating the night world, private and collective, Joyce in *Finnegans Wake* has only done what the electric light had done in abolishing the old divisions between night and day, and between inner and outer space, with respect to human work and play. ... *Finnegans Wake* is an encyclopedia of lore concerning the origins and effects of words, of writing, of roads and bricks, of telegraph, radio, and television on the changing hues of the human spectrum (McLuhan M. *Understanding Me. Lectures and Interviews* / Ed. S. McLuhan and D. Staines. – Cambridge: The MIT Press, 2003. – P. 29).

одна из первых глав книги называется «Джойс, печать и популярная литература» (*Joyce, Press, and Popular Writing*) [199, p. 8]. Очевидна аналогия со статьей Маклюэна «Джойс, Малларме и печать».

В 1950-е гг. интерес Маклюэна к Джойсу все больше возрастает. Он посвящает ему ряд статей и эссе: «Джойс, Фома Аквинский и поэтический процесс» (*Joyce, Aquinas and the Poetic Process*, 1951) [20, p. 3–11], «Исследование критики Джойса» (*A Survey of Joyce Criticism*, 1951) [11, p. 12–18], «Джойс или не Джойс» (*Joyce or No Joyce*, 1952) [21, p. 53–54], «Джеймс Джойс: Тривиально или квадрилиально» (*James Joyce: Trivial and Quadrivial*, 1953)¹.

В статье «Джеймс Джойс: Тривиально или квадрилиально» проявился свойственный Маклюэну интерес к изучению языка, искусства, культуры и технологий одновременно. Ученый анализирует лингвистические особенности прозы Джойса, грамматические и риторические подходы к организации текста и вместе с тем проводит параллели между художественным миром романов Джойса и современными средствами коммуникации.

Использованные в названии статьи слова «тривиальный» (*trivial*) и «квадрилиальный» (*quadrivial*) имеют несколько значений. Во-первых, они связаны со средневековой системой образования, в которой присутствовало деление на тривиум (*trivium*): риторику, диалектику (философию и логику) и грамматику (литературу), и квадрилиум (*quadrivium*), куда входили арифметика, геометрия, музыка и астрономия. В эпиграфе к статье Маклюэн обращается к тексту «Поминок по Финнегану», в котором Джойс, играя словами, описывает школьную жизнь: «We've had our day at triv and quad and writ our bit as intermidgets» («Мы проводили день за тривом и квадрилиом и писали немного между делом»)².

Маклюэн полагал, что творчество Джойса соединяет литературу и научный эксперимент. Для канадского ученого романы Джойса – это и образцы литературы модернизма, и образцы риторики, и математические задачи, которые надо решать. Такими были и труды самого Маклюэна. Сочетание слов «тривиальный» («*trivial*») и «квадрилиальный» («*quadrivial*») являются также игрой слов, лежащей в основе поэтики Джойса, новым ка-

¹McLuhan M. *James Joyce: Trivial and quadrivial*. – Thought, 1953, Spring. P. 75–98. Reprinted in Eugene McNamara, ed., *The Literary Criticism of Marshall McLuhan 1943–1962*. – P. 23–47. В России эта статья переведена как «Джеймс Джойс: Тривиально или четверилиально» (См.: Семиотика и Авангард. – С. 173).

²James Joyce's *Finnegans Wake* / <http://www.trentu.ca/jjoyce/fw-306.htm> .

ламбуром, возникшим у Джойса, вероятно, под влиянием стихов Льюиса Кэрролла.

Маклюэн обращается к известному высказыванию Джойса, который на критику его каламбуров ответил: «Да, некоторые из них тривиальны, а некоторые квадравиальны»¹. Тем самым Джойс на критику каламбуров ответил каламбуром, подчеркивая, что некоторые его фразы незатейливы, тривиальны, а некоторые специально продуманы и сложны («квадравиальны»).

Маклюэн обращал внимание и на другие значения тривиального и квадравиального. В творчестве Джойса заметен интерес к банальным и даже низменным вещам, юмору в раблезианском стиле, т. е. в его романах много тривиального, но вместе с тем в них много сложного, требующего для понимания авторского замысла серьезных знаний, подготовки и внимательной, кропотливой работы с текстами. И «Улисс», и особенно «Поминки по Финнегану» предназначены для читателя-сыщика, который готов скрупулезно исследовать тексты ирландского писателя. Маклюэн был таким читателем.

Канадский исследователь утверждает, что для Джойса, как и для святого Августина, науки тривиума и квадравиума образуют гармонию между филологией, естественными и точными науками [2, р. 24–24]. Рекламный агент Леопольд Блум, герой «Улисса», по мнению критика, является воплощением тривиума. Он – профессиональный копирайтер (грамматика, литература), обладает красноречием (риторика) и склонностью к философствованию. Происхождение имени Стивена Дедалуса (Steven Dedalus), согласно Маклюэну, имеет французские корни. Оно образовано от имени изобретателя лабиринта по фамилии Дедалус (Daedalus). Таким образом, в концепции Маклюэна имя Дедалус можно отнести к квадравиуму – естественным и точным наукам [2, р. 35–36]. В этом случае гипотеза Маклюэна имеет подтверждение. Критик находит и много иных признаков сочетания в «Улиссе» риторики, диалектики, музыки, математики. Красноречивые высказывания героев носят риторический характер, а философские размышления Стивена Дедалуса и Быка Маллигана можно отнести к диалектике. В роман включены нотные записи музыкальных произведений.

О музыкальности «Улисса» писал и М. Ходгард. Критик утверждал, что весь роман построен на музыкальных принципах и имеет много ссылок на оперные произведения и песни, и, конечно, самой музыкальной главой он считал «Сирены» [189, р. 99].

¹ «Yes, some of them are trivial and some of them are quadrivial» (*Interior Landscape*. – P. 23).

Подход Маклюэна к анализу творчества Джойса в статье «Джеймс Джойс: Тривиально или квадравиально» представляет несомненный интерес, но следует признать, что выдвинутая ученым гипотеза не столько раскрывает содержание романов Джойса, сколько представляет собой увлекательную, но немного запутанную версию толкования его произведений. Как и во всех своих работах, Маклюэн демонстрирует энциклопедизм, обращаясь к античным философам, средневековым мыслителям, писателям, поэтам и ученым XVIII–XIX вв. Он увлеченно, но не очень логично и аргументированно выражает свое мнение. Высказывания канадского исследователя не столько помогают понять творчество Д. Джойса, сколько объясняют мировоззренческие творческие позиции самого Маклюэна, его путь от литературного критика к теоретику коммуникации.

В статье «Радио и телевидение против АБВГД-мыслящих», опубликованной в 1955 г. в журнале «Эксплорейшнс», Маклюэн утверждает, что центральный эпизод в «Поминках по Финнегану» представляет собой длинную радио- и телетрансляцию, которая служит объявлением о наступлении новой эпохи в мировой истории.

Маклюэн в статье «Джеймс Джойс: Тривиально или квадравиально» утверждает, что в творчестве Джойса заметно влияние идей итальянского мыслителя XVIII в. Д.Б. Вико (1668–1744), который в работе «Новая наука» (*Scienza Nuova*) предложил исследование языка в качестве основы для антропологии и новой исторической науки¹. По мнению Маклюэна, открытие Джойсом философии французского мыслителя XVIII в. Д. Вико ощутимо во всех его произведениях. В работе «Новая наука» философ охарактеризовал язык как основной материал для исследований в области антропологии и истории. Вико утверждал, что, изучая язык, его грамматику, этимологию слов, словообразование, заимствования, можно многое узнать о человечестве на разных этапах его развития. Маклюэн полагал, что в «Поминках по Финнегану» Джойс, руководствуясь идеями Вико, пытался изобразить «всецелую историю человечества, его прошлое и настоящее» [48, с. 710], а главным инструментом, средством (*medium*) для этой работы был постоянный эксперимент с английским языком.

«Поминки по Финнегану» состоят из четырех частей, или книг, каждая из которых не имеет названия, а только номер от I до IV. На структуру романа повлияла теория Вико, согласно которой история циклична и состоит из четырех основных этапов развития. Судя по всему, четыре части книги связаны с этими четырьмя периодами. Каждая из четырех книг ро-

¹ На этот факт обращает внимание и У. Эко (см.: Эко У. *Поэтики Джойса*. – С. 17–19).

мана – цикл из описания четырех эпох, наподобие того, как описано у Вико в трактате «Corso-Recorso». Последняя фраза романа повторяет начало первой фразы. Таким образом, книга, как и человеческая история, повторяется и повторяется, проходя через одни и те же циклы. Конец отрицается и утверждается идея цикличности бытия.

Расшифровывая текст «Поминок», Кэмпбелл и Робинзон дали свои названия каждой части романа: книга I – «Книга родителей», книга II – «Книга сыновей», книга III – «Книга людей» и книга IV – «Recorso». Тем самым критики хотели подчеркнуть, что в «Поминках» представлена история человечества от его зарождения, пика развития и до конца, апокалипсиса, вслед за которым приходит возрождение.

Маклюэн отмечает, что многое в «Поминках» является переработанным материалом: стилизация под древнеанглийский, попытки воспроизвести диалекты, в том числе ирландскую речь, использование иностранных языков, «что-то от лабиринтообразной сложности Священного Писания», иногда появляется пародия на известные литературные произведения, намеки на библейские сюжеты [48, с. 710–713].

В статьях 1950-х гг. Маклюэн отмечает блестящие образцы игры слов в романах Джойса, причем внимание его привлекают фразы с аллитерацией: «History as her is harp» («История ее – это арфа») [1, р. 46]. На основе каламбуров Джойса рождались маклюэнизмы. Так, слово «allforabit» в «Поминках по Финнегану» [71], образованное от «alphabet» («алфавит»), было подхвачено Маклюэном и превратилось в «allforabyte» [38, р. 36], судя по всему обозначающее алфавит компьютерной эры, состоящий из битов. Таким образом литературный дар Маклюэна находил свое выражение.

В 50–60-е гг. Маклюэн убеждал коллег и учеников в необходимости прочесть романы «Улисс» и «Поминки по Финнегану», несмотря на то что считал обе книги демоническими [121]. Под влиянием Маклюэна его сын Эрик написал серьезное исследование «Роль грома в “Поминках по Финнегану”» (*The Role of Thunder in Finnegans Wake*, 1997), в котором исследовал язык самого запутанного романа Джойса в контексте классической греческой литературы. Э. Маклюэн рассматривает каждый удар грома, отраженный в романе в виде многосложного словосочетания, основой которого является фонетическая игра, имитирующая звук грома и падающих камней. Вслед за отцом Эрик пытается расшифровать Джойса с позиций десяти революций в области коммуникации: от неолитического периода (устная речь, огонь) через города, железные дороги, радио, кинематограф и телевидение.

Следует признать тот факт, что поклонники «Поминок по Финнегану», как правило, люди, для которых английский является родным языком, которые знают его историю и получают удовольствие от игры слов и смыслов, заложенных в романах Джойса. Попытка перевода романа на русский язык долгое время представлялась невозможной. Однако в 2002 г. была все-таки опубликована книга Д. Джойса «Уэйк Финнеганов», в которой российский переводчик В.Г. Николаев представил на суд читателя российскую версию «Поминок». Роман до сих пор не переведен полностью из-за невероятной сложности языка, отсутствия соответствующих аналогов в русском. В связи с этим составители книги дали ей имя, отличное от оригинала. Издатели хотели подчеркнуть, что «Уэйк» нельзя в полной мере считать романом Д. Джойса. Таким образом, «Уэйк Финнеганов» можно считать романом, в котором переводчик становится соавтором.

В «Поминках по Финнегану» (в оригинале) есть эпизод: персонаж боится войти в дверь и кричит: «Dann fressen mich die Turen» («Тогда меня сожрут двери»). Игра слов здесь строится на сходстве слов *die Turen* (двери) и *die Tiere* (звери), в результате получается вполне адекватное переложение содержания на русский язык. Игра слов сохранена. Но таких «попаданий», к сожалению, немного. Попытка перевода книги на русский язык, по мнению российских поклонников Джойса, не совсем удалась [62].

Маклюэн обращает внимание на то, что мозаичная структура «Поминок по Финнегану» содержит все темы и модели человеческой речи и коммуникации. «Джойс в “Поминках”, – замечает Маклюэн, – создает свои собственные изображения из альтамирской пещеры, охватывающие всю историю человеческого сознания, используя как материал основные жесты и положения тела, проводя их сквозь все фазы развития человеческой культуры и технологии» [46, с. 113]. По мнению Маклюэна, Джойс в этом романе хотел сказать, что пробудившийся (*Wake*) прогресс человечества может снова вернуться во тьму существования сакрального, или слухового, человека. Маклюэн считает, что Джойс намеренно заложил в название романа двойное значение – «*Wake*» («поминки» и «пробуждение») с целью показать, что цивилизация может или возродиться в новую эпоху электричества, или вернуться к прошлому, когда возрождение закончится «поминками».

Позднее в «Понимании средств коммуникации» Маклюэн придет к выводу о том, что творчество Джойса объединяет слуховую (акустическую) и визуальную традиции. Нельзя не согласиться с канадским исследователем, что игра слов в «Улиссе» и особенно в «Поминках по Финнегану» является примером акустического воображения Джойса. Приведенные

выше музыкальные фразы могли бы быть использованы как фонетические упражнения при обучении английскому языку. При чтении вслух «Улисс» и «Поминки» производят впечатление поэзии, имитирующей окружающие звуки, а некоторые фразы по своему звуковому и содержательному характеру напоминают шаманские заклинания. Все это и привлекало Маклюэна в текстах Джойса. Многие приемы анализа явлений, выражения мыслей он заимствовал у ирландского писателя.

В отличие от Маклюэна, Элиот полагал, что «Поминки по Финнегану» – творческая неудача Джойса. Недостатком романа он считал тот факт, что слуховое воображение в нем «неестественным образом заострено за счет визуального» [69, с. 596]. С этой точкой зрения нельзя согласиться. Возможно, Джойс опередил свое время, и его роман, написанный в духе экспериментальной литературы постмодернизма, не мог быть понят и расшифрован современниками, но стал лабораторией, из которой вышел постмодернизм.

Некоторые отрывки из «Поминок по Финнегану» могли бы быть литературным приложением к «Галактике Гутенберга» и «Пониманию средств коммуникации» М. Маклюэна. Так, в первой главе романа Джойс пишет: «...if you are abcedminded, to this claybook, what curios of signs (please stoop), in this allaphbed! Can you rede (since We and Thou had it out already) its world? It is the same told of all. Many. Miscegenations on miscegenations»¹ («...если вы алфавитозадумчивы по отношению к этой книге из глины, какие любопытные знаки (пожалуйста, стоп) в этой книгоколыбели! Ты мож читать (Мы и Ты ужее вслух) ее мир? Это вся та же рассказня. Многих. Смешенных на смещенных») (Перевод *И.А.*). Эта цитата может служить иллюстрацией к рассказу об истории письменности. Размышляя о роли телевидения в современном обществе, Маклюэн не раз вспоминал фразу из «Поминок»: «Television kills telephony in brothers' broil» [71] («Телевидение убивает телефонию в братской ссоре») (Перевод – *И.А.*). По мнению ученого, это высказывание Джойса служило примером борьбы коммуникационных технологий за человека.

Интересно отметить, что М. Ходгарт также считал, что «Поминки по Финнегану» – книга, идеально подходящая для современной Вселенной. В качестве доказательства он ссылается на любопытный пример. Физики присвоили фундаментальной частице название «кварк», скопировав смешной крик чаек из второй книги «Поминок по Финнегану» (IV глава). Ходгарт обращает внимание на тот факт, что Джойс очень интересовался по-

¹ Цит. по: Семиотика и Авангард. – С. 742.

следними достижениями физики – теорией относительности Эйнштейна, теорией расширяющейся Вселенной Эддингтона. Критик полагал, что Джойс творил под влиянием популярных в 20–30-е гг. теорий; этим, по его мнению, объясняются постоянные превращения (transformations) персонажей, напоминающие сказочные изменения в сказках Льюиса Кэрролла [189, р. 132–133]. Эти утверждения Ходгарта во многом созвучны идеям Маклюэна.

«Поминки по Финнегану» – свидетельство того, что Джойс был в авангарде литературных экспериментов, он обогнал по времени современников – коллег по перу: вслед за «Улиссом», знаковым произведением литературы модернизма, он создал произведение, которое по всем признакам (пародия, ирония) принадлежит к литературе постмодернизма. Такое же мнение о «Поминках по Финнегану» высказал критик и переводчик «Улисса» С.С. Хоружий. Неприятие Элиотом «Поминок по Финнегану» он объяснял тем, что Элиот как представитель модернизма – течения, в котором культивировался стиль, не мог понять, что перед ним художественное произведение нового направления, превратившее «стиль из фетиша в игрушку» [274, с. 405]. Карнавал, балаган, пародирование известных текстов в «Поминках» шокировали Элиота. Маклюэн, чья жизнь и творчество развивались в период перехода мировой культуры от модернизма к постмодернизму, напротив, принимал это искусство и черпал из него вдохновение.

Маклюэн полагал, что такие писатели, как Джойс, использовали книгопечатание для создания новых художественных форм [39, р. 172].

Натан Халпер обвинил Маклюэна в дилетантизме. Литературный критик и автор нескольких десятков статей о творчестве ирландского писателя подробно изучил все упоминания о Джойсе, его произведениях, персонажах в трудах Маклюэна – статьях разных лет, «Галактике Гутенберга» и «Понимании средств коммуникации». Обнаружив ряд неточностей, Халпер заявил, что Маклюэн похож на адвоката, который, защищая своего подзащитного, готов приукрасить ситуацию и повернуть ее в нужном направлении. Он справедливо отмечает, что Леопольд Блум, центральный герой «Улисса», не является свободным рекламным агентом (freelancer), как пишет Маклюэн в «Галактике Гутенберга», а работает на постоянной основе в журнале «Фрименз Джорнел» (*The Freeman's Journal*). В неточностях, допущенных Маклюэном, Халпер увидел серьезный промах со стороны исследователя. Конечно, Маклюэн мог ошибиться или, возможно, он не придал значения детали, которая, как полагает Халпер, важна для понимания «Улисса». Можно также предположить, что Ма-

Маклюэн увидел второе значение слова в названии журнала «Freeman's» («Журнал свободного человека») и именно поэтому представил Блума «независимым агентом» [109, р. 58]. Чем бы канадский коммуникативист ни руководствовался в описании профессии Блума, его ошибка незначительна и не может служить доказательством незнания текста романа «Улисс» – произведения, которое Маклюэн знал достаточно хорошо и к которому неоднократно обращался в работах разных лет.

Халперу также не нравилось использование слова «modern» в «Галактике Гутенберга» и «Понимании средств коммуникации» в разных значениях. По его мнению, многозначность слова, которое можно было трактовать как «современный», «модерн», «модернистский», запутывало читателя и вносило неясность в его тексты.

Халпер критикует мозаичную структуру трудов Маклюэна, полагая, что в таком формате таится угроза потери смысла и логики повествования. Это обвинение Маклюэну предъявляли многие критики. По их мнению, хотя Маклюэн анализировал творчество Джойса, Элиота, Паунда – писателей, для которых характерно смещение временных пластов, сам он выступал в роли исследователя, а научно-исследовательская работа предполагает линейную логику. Однако не только Маклюэн, но и другие ученые, мыслители XX в. (Р. Барт, Ж. Бодрийяр) в своих трудах нарушали принцип последовательного изложения материала, что никоим образом не уменьшает их значения.

Самым странным обвинением Халпера является его замечание, что Маклюэн видит в творчестве Джойса что-то свое, что ни он, ни другие критики не замечали. В этом случае можно говорить о достоинствах Маклюэна как критика, сумевшего подметить в творчестве Джойса то, что ускользнуло от других исследователей.

Вместе с тем Халпер прав, утверждая, что Маклюэн «подгоняет» все увиденное, услышанное и прочитанное под свою схему. Несомненно, во взглядах канадского профессора на литературу и искусство есть определенная предвзятость (bias). Для создания стройной теории коммуникации, а у Маклюэна она, несмотря на мозаичность, нечеткую структуру изложения, есть, ученый должен был выбрать свой угол зрения. Литература для него была материалом для доказательства своих идей, методом анализа явлений, и творчество Д. Джойса было благодатной почвой для этих целей.

Маклюэна часто сравнивают с К. Марксом и З. Фрейдом. Если проанализировать одних и тех же авторов и их произведения с марксистских и фрейдистских позиций, то покажется, что речь идет не об одном авторе и его романе или поэме, а о разных писателях и их трудах. Так, в марксист-

ской трактовке «Любовник леди Чаттерлей» Д. Лоуренса – это произведение о классовой борьбе в Великобритании конца XIX в. Фрейдисты найдут свою точку зрения на творчество Лоуренса. Переживания леди Чаттерлей будут для них поводом для исследования подсознательного, снов, мыслей, тайных желаний героини, ключ к которым, возможно, следует искать в детстве. Такие же разные подходы можно применить и к анализу Шекспира, Толстого, Достоевского или любого другого писателя.

Несомненно, Маклюэну удалось создать свою школу литературного исследования текста, и она имеет право на существование. Однако следует отметить, что работы канадского исследователя внесли весомый вклад прежде всего в развитие коммуникативистики, теории медиа, а литературная составляющая в его трудах интересна, важна, но второстепенна. Маклюэну хотелось оставить свой след в литературной критике, но в этой области он не смог достичь тех высот, которые «взяли» его коллеги – Нортроп Фрай и Хью Кеннер. Что же касается разночтений в оценке Джойса Маклюэном и его коллегами – явление это вполне объяснимое и часто встречающееся. Можно сослаться в этом отношении на монографию Алана Рафли «Джеймс Джойс и теория критики», в которой творчество Джойса представлено с разных позиций – структурализма, марксизма, фрейдизма, феминизма, постструктурализма. Эта работа – одно из доказательств возможности разных подходов к творчеству любого художника, в том числе Д. Джойса [216].

Следует признать, что в свое время Маклюэн не смог стать авторитетом в литературных кругах как исследователь Джойса. Канадскому ученому ставили в вину неточности в анализе текстов ирландского писателя, попытки адаптировать его творчество под свои теории (те же обвинения Маклюэну выдвигали и за его статьи о Паунде и Элиоте). Однако в последние годы работы канадского ученого, посвященные Джойсу, получили признание не только за рубежом, но и в России.

У Джойса и Маклюэна можно найти много общего – религия, философия, литературные вкусы, опыт преподавательской работы, интерес к инновациям в искусстве. Экспериментальный характер творчества как Маклюэна, так и Джойса снискал им популярность не только среди любителей литературы, культурологов, но и у интернет-пользователей: журнал «Wired» зачислил Маклюэна в ранг святого покровителя Интернета, в то время как Джойса сетевое сообщество назвало святым покровителем интерактивности (*Patron Saint of Interactivity*) и изобретателем гипертекста¹.

¹ «...the real inventor of hypertext was none other than James Joyce» (Lillington K. *Portrait of the Artist as Webmaster* <http://www.ireland.com/newspaper/features/1998/0616/fea5.htm>).

Джойса и Маклюэна объединяет также то, что в интеллектуальных кругах знание их трудов считается хорошим тоном, принято ссылаться на них, цитировать их. Их имена хорошо известны широкой публике. Вместе с тем многие, кто рассуждают об их творчестве, зачастую не читали ни романов Джойса, ни работ Маклюэна. В свое время известность каждого из них вышла за пределы литературных кругов (Джойс) или академической среды (Маклюэн). Они оба пережили этап «звездности» и смогли с достоинством выдержать испытание славой.

У писателя Джойса и исследователя Маклюэна сравнительно небольшая, но высокообразованная, желающая узнать новое и не пугающаяся экспериментов аудитория. О творчестве Джойса, как и Маклюэна, существует много самых противоречивых мнений. В разных публикациях их называли и гениями, и шарлатанами, но отношение к критике и у того и у другого было достаточно спокойное.

Понимать и расшифровывать Джойса, как и понимать и расшифровывать Маклюэна, стало профессией или хобби для определенного круга людей. В джойсиане, как и в маклюэнизме, существует определенная дихотомия: есть творчество Джойса и Маклюэна для академической среды и для широкой публики.

В 1963 г. впервые вышел в свет журнал «Джеймс Джойс Кворталы» (*James Joyce Quartely*), на страницах которого до сих пор рассматриваются и анализируются самые разные аспекты и проблемы творчества ирландского писателя, его взаимодействие с другими видами искусства, технологиями, философскими и литературными течениями. Авторы статей – исследователи из более чем 250 стран мира.

Интерес к идеям Маклюэна также объединяет людей из разных стран мира. Центром исследований творческого наследия канадского коммуниктивиста является Программа Маршалла Маклюэна, под эгидой которой проводятся семинары маклюэнистов. Штаб-квартира Программы находится в Университете Торонто, в здании, в котором когда-то был расположен Центр культуры и технологий Маршалла Маклюэна.

Маклюэн, как и Джойс, опережал свое время, поэтому многие его идеи казались для современников экстравагантными и эпатажными.

Многие критики называли Джойса писателем-модернистом. Это связано и со временем, в которое он работал, и с техникой, которую он использовал. Французский философ и литературовед Жан-Франсуа Лиотар (*Jean-Francois Lyotard*) относит творчество Джойса к литературе постмодернизма, поскольку писатель позволяет незначительному (*unpresentable*) стать ощутимым и значительным (*perceivable*) [166, p. 336]. Лиотар прово-

дит границу между модернизмом и постмодернизмом. Модернистская эстетика в его понимании – эстетика сублимации, она позволяет малозначимому выдвинуться на первый план только для детализации содержания. Постмодернизм, утверждает критик, напротив, на первый план выдвигает незначительное независимо от его художественной формы, вкуса. Писатель-постмодернист в понимании Лиотара – это прежде всего философ, его тексты не подчиняются определенным правилам, о его творчестве нельзя судить по установившимся канонам, применяя привычные категории. Художник-постмодернист не творит по правилам, а устанавливает свои законы и правила. Лиотар разделяет слово «постмодерн» на две части «пост» (post) – после и «модерн» (modern) – *anterior modo*. Таким образом, критик считает, что слово «постмодерн» можно понять через парадокс будущего [166, p. 337].

Это определение Лиотара точно характеризует Джойса и вполне применимо к Маклюэну. В творчестве и ирландского писателя, и канадского коммуникативиста есть черты литературы и культуры модернизма. Можно утверждать, что Джойс и Маклюэн являются художниками и мыслителями переходного этапа от модернизма к постмодернизму.

Маклюэна часто ругали за то, что он по-своему «читал» и трактовал творчество ирландского писателя. Джойс логично вписывался в теорию коммуникации Маклюэна, его романы и рассказы служили материалом для новых идей и концепций ученого.

Экспериментальная поэтика Джойса была постоянным источником для проб и экспериментов М. Маклюэна. Следует отметить, что Маклюэн не был единственным исследователем, который рассматривал творчество Джойса в сравнении с разными средствами коммуникации, видами искусства, музыкой (Д. Кейдж), живописью (П. Пикассо), кинематографом. Это свидетельствует о том, что писатель сделал открытия не только в своей области – литературе, но и создал определенное направление в искусстве, технике, которое может быть использовано и в других сферах культуры.

Синтетичность характерна для творчества канадского ученого. Его работы интересны представителям разных отраслей знаний – от философии и литературы до информационных технологий.

Маклюэн сделал значительный вклад в исследование Джойса – писателя, которого каждый понимал и трактовал по-своему.

Литература модернизма оказала огромное влияние на Маклюэна. Творчество Э. Паунда, Т.С. Элиота, Д. Джойса он считал инновационным и полагал, что оно развивалось в унисон с современными массовыми коммуникациями: кинематографом, печатными и электронными СМИ. Уче-

ный полагал, что цитаты из художественных произведений писателей-модернистов могут быть иллюстрациями для объяснения процессов, происходящих в сфере медиа, поэтому в своих работах по проблемам коммуникации Маклюэн постоянно ссылается на Паунда, Элиота и Джойса.

Характерные для литературы модернизма приемы присущи и стилю Маклюэна: нелинейная подача материала, парадоксальные и даже шокирующие суждения, апокалиптические предсказания (конца книжной культуры), неожиданные аналогии и сопоставления, метафоры и каламбуры. Наиболее ярко модернистский стиль проявился в «Механической невесте» и «Понимании средств коммуникации». Литература модернизма – один из ключей к пониманию идей и концепций канадского коммуникативиста.

Глава 3. МАРШАЛЛ МАКЛЮЭН – АВТОР ТЕОРИИ МЕДИА

Роль М. Маклюэна в развитии теории медиа вызывает много споров и дискуссий как в академической среде, так и среди представителей самых разных профессий: социологов, философов, журналистов, IT-специалистов. Ряд признанных теоретиков коммуникации предпочли игнорировать работы канадского исследователя (П. Лазарфельд, Г.Д. Лассуэлл), другие (Д. Маккуэйл, Д. Цитром, Д. Мейровиц), напротив, считали его вклад в современную коммуникативистику значительным, хотя отмечали очевидные, иногда не подкрепленные фактами, противоречия в его теории.

Маклюэном написано несколько десятков трудов, в которых рассматриваются разные аспекты медиа: от истории устной и печатной культуры до роли электронных СМИ в образовательном процессе. Он исследовал зарождение средств коммуникации в первобытном обществе и выступал как футуролог, предсказывая возникновение нового электронного сетевого сообщества, которое, как он предвидел, способно объединить мир в одну «глобальную деревню», в которой будет происходить широчайший и «одномоментный» обмен информацией.

Каким бы ни было отношение исследователей к идеям канадского ученого, следует признать, что его труды сыграли значительную роль в становлении теории коммуникации как науки, продолжают вызывать научные дискуссии, а также порождают много новых творческих идей и проектов. В настоящей главе (параграфы 1–2) рассматриваются две основополагающие работы Маклюэна, которые являются его «визитной карточкой»: «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» и «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека».

В третьем параграфе автор анализирует место наследия Маклюэна в контексте современных теорий коммуникации, а в четвертом – определено понятие «маклюэнизм» и основные направления в области философии, культуры, искусства, на которые повлияли идеи Маклюэна, а также рассмотрены основные направления исследования наследия ученого и продолжения его идей в научных трудах и междисциплинарных проектах в США, Европе, франкофонской и англоязычной Канаде.

3.1. История письменности и печатной культуры в книге М. Маклюэна «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры»

Если Карл Маркс считал «локомотивом» исторического прогресса противоречия между производительными силами и производственными отношениями, то, по мнению Г. Инниса и М. Маклюэна, движущей силой развития общества, и прежде всего человеческой культуры и мысли, являются новые технологии, которые создают новые средства коммуникации. В отличие от представителей так называемой Франкфуртской неомарксистской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса и др.), ни Маклюэн, ни Иннис не уделяли внимания классовым противоречиям и революционной борьбе¹. Маклюэн полагал, что прогресс двигают противоречия между старыми и новыми средствами коммуникации, а не конфликты между капиталистами и пролетариями.

В своих работах Маклюэн утверждал, что западная цивилизация достигла в XX в. «водораздела», имеющего не меньшее значение, чем эпоха Ренессанса. Ученый выделил три этапа в развитии цивилизации. Первый этап – первобытная дописьменная культура, основанная на принципах коллективного образа жизни, восприятия и понимания окружающего мира. На этом этапе жизнь общества детерминирована устными средствами коммуникации. По мнению Маклюэна, в этом обществе господствует «слуховая культура» (ear culture), для которой характерна одновременность всего происходящего (simultaneity), круговорот (circularity) и полная погруженность участников в происходящие события (immersion), причем из процесса коммуникации не всегда можно выйти. Ухо нельзя отключить. Основным видом общения на этом этапе служит речь, устный мир представляет собой единое информационное и чувственное пространство. Все чувства: зрение, слух, обоняние, вкусовые ощущения и осязание – представляют единое целое. В этом «закрытом обществе», как полагает исследователь, люди объединены в единое целое. Дух общины силен, в то время как отдельная личность сама по себе не имеет большого значения.

На смену первобытной пришла письменно-печатная культура. С появлением алфавита и распространением письменности мир устной культу-

¹ Об отличиях Торонтской (Г. Иннис, М. Маклюэн) и Франкфуртской (М. Хоркхаймер, Т. У. Адорно, У. Бенджамин) школ коммуникации см.: Stamps J. *Unthinking Modernity: Innis, McLuhan, and the Frankfurt School*. – Montreal; Kingston: McGill-Queen's Univ. Press, 1995; Kellner D. The Frankfurt School // <http://www.gseis.ucla.edu/faculty/kellner.html>.

ры перестал быть единым для всех. Его участники, с точки зрения Маклюэна, делятся на тех, кто умеет читать, и на тех, кто не умеет, причем разным людям доступны разные тексты¹. Письменно-печатная культура в понимании ученого является элитной, необразованным людям в ней нет места. «Акустическое пространство» заменяется «визуальным». С появлением печатного станка, как пишет Маклюэн в книге «Галактика Гутенберга», наступила эпоха дидактизма, индивидуализма и национализма, которая породила «типографского и индустриального» человека [46].

Огромная роль на третьем, современном этапе развития цивилизации, считает Маклюэн, принадлежит электричеству. Оно мгновенно связывает людей во всем мире, устраняет границу между днем и ночью и превращает мир в одну «глобальную деревню». Если верить Маклюэну, то с помощью электронных СМИ общество возвращается в первобытное состояние, в котором у человека возрождается естественное слуховизуальное многомерное восприятие мира и коллективности. Электронные средства коммуникации: телеграф, телефон, телевидение и компьютер, считает ученый, являются продолжением нервной системы человека и преобразуют все стороны его психической и общественной жизни. В наступившей эпохе «нового племенного человека» царствует миф, а с помощью средств массовой информации, по предсказаниям Маклюэна, вскоре «можно будет держать под контролем эмоциональный климат целых культур» [39, р. 51].

По мнению Маклюэна, создание новых технических средств в жизни общества всегда носит революционный характер. От алфавита и письма к печатному станку, а затем к электронным средствам коммуникации – таков путь развития цивилизации, причем все виды связи имеют или визуальный пространственный способ организации (линейный, последовательный, перспективный), или слуховой (сферический, синхронный, имманентный). Ученый полагал, что появление печатного станка позволило зрению и слуху существовать отдельно, поскольку стало возможным чтение «про себя» и устный диалог утратил то значение, которое он имел ранее. Письменно-печатную культуру Маклюэн отнес к устной коммуникации, кино и фотографию – к визуальной. Телевидение, в его понимании, требует от зрителя активного участия, «постоянного творческого диалога с иконоскопом», поэтому его Маклюэн считает осязательным (тактильным) средством коммуникации.

Телевидение Маклюэн характеризовал как мозаичное средство общения, которое сталкивает на экране все времена и пространства одновре-

¹ Эта проблема доступа к таинству «Книги людей» наиболее ярко представлена в книге У. Эко «Имя Розы».

менно. Оно может из любого малозначимого события, пустяка создать сообщение всемирного значения. Зритель, считает ученый, активно участвует в освоении телевизионной мозаики: из увиденного каждый складывает свою картинку, в зависимости от жизненного опыта, образования, настроения и даже степени внимания в конкретный момент.

В академических кругах особый протест вызывал тезис Маклюэна, сформулированный им в «Галактике Гутенберга» и «Понимании средств коммуникации», что наступает конец «книжного общества», индивидуализма, а на смену ему приходит новая эпоха электронной культуры. Это будет общество, полагал ученый, где, благодаря электричеству, возникнет новое племенное сообщество, соединенное в одну сеть (network). Таким образом, Маклюэн предсказал наступление эпохи Интернета, хотя не совсем понимал, каким будет сетевое сообщество.

«Механическая невеста: Фольклор индустриального человека» — книга, в которой Маклюэн исследовал содержание медиа (media content), была прологом к его теории медиа. Первой работой по теории коммуникации, одним из основополагающих трудов ученого, в котором рассмотрены основные противоречия между устной и письменной культурой, считается «Галактика Гутенберга». Маклюэн анализирует историю коммуникации с первобытных времен до начала телевизионной эры и конца эпохи Гутенберга. Многие положения, сформулированные ученым в «Отчете о понимании новых медиа», вошли в эту работу в 1960 г. Большое значение в ней, как и в докторской диссертации Маклюэна о Томасе Нэше, играет исторический контекст.

Книга по своему характеру представляет академическое исследование, но из-за разбивки на маленькие главы она больше похожа на серию рассказов эпохи Возрождения. Каждая из глав состоит всего из нескольких страниц и призвана выразить или проиллюстрировать одну авторскую мысль. Некоторые главы содержат большие цитаты из работ известных философов (Аристотеля, М. Элиаде, Э. Кассирера, А.Н. Уайтхеда и др.), психологов (Д.К. Карозерса), литераторов (А. Поупа, Э. По, Д. Джойса). Авторский текст в ряде случаев является лишь комментарием. Вместе с тем в книге нет ссылок на современников Маклюэна, исследователей медиа и коммуникации. Маклюэн не упоминает ни У. Липпмана, ни П. Лазарфельда, ни Н. Винера, хотя именно эти ученые сделали прорыв в области теории медиа в 40–60-е гг. XX века.

Книга начинается с анализа шекспировской драмы «Король Лир», а заканчивается критикой «Дунсиады» А. Поупа. На первый взгляд, соответствующие главы не связаны с темой исследования и вполне могут быть

опущены. Как полагает Ф. Марчанд, они служат лишь доказательством того, что автор, профессор литературы, считает себя незаурядным литературным критиком [102, р. 155]. Однако задача автора, по нашему мнению, была иной. Литературные тексты всегда были для Маклюэна, наравне с историческими документами и научными работами, материалом для обоснования его теорий. Следует признать, что «Галактика Гутенберга» не является традиционной академической монографией. Она сама по себе служит примером эксперимента – научное исследование в ней соединено с не подкрепленными ничем гипотезами, художественные тексты сочетаются с выдержками из научных статей. В письме к Шейле Уотсон Маклюэн, пытаясь объяснить характер своей книги, ссылаясь на цитату из биографической книги У. Льюиса: «Я писал так, как будто обладал свободой человека XVIII века или жившего в Рице»¹. Этим заимствованным у Льюиса высказыванием Маклюэн подчеркивал, что считал себя свободным мыслителем и художником. Он не видел необходимости придерживаться в своей работе формы традиционного академизма.

Несомненно, между «Галактикой Гутенберга», «Кантос» Э. Паунда, поэмами Элиота, романами Д. Джойса много общего, несмотря на то, что книга Маклюэна – научная работа, а произведения писателей-модернистов с полным основанием могут быть отнесены к художественной литературе. Тем не менее все вышеназванные труды представляют собой сложные тексты, которые невозможно понять после первого прочтения. Они насыщены именами ученых, мыслителей и представителей искусства разных времен, цитатами, неожиданными аналогиями. Сравнивая «Галактику Гутенберга» Маклюэна и «Поминки по Финнегану» Джойса, критики называли их книгами об истории письменности. Ф. Марчанд писал, что «Галактика Гутенберга» была такой же дерзкой и эксцентричной (*defiant and eccentric*), как работы Э. Паунда и У. Льюиса [102, р. 154]. Биограф Маклюэна проводил параллель между канадским коммуникативистом и современными литераторами, справедливо полагая, что элемент литературности есть и в трудах Маклюэна.

Ж. Марчиссо отметила, что «Галактика Гутенберга» напоминает средневековый манускрипт, который вместе с тем может быть легко адаптирован для современных электронных форматов: гипертекстов с многоуровневыми конструкциями, сетевых интегрированных систем исследования, интерактивных траекторий [104, р. 119]. Такое же мнение, как уже

¹ «I have written as if I had the freedom of a man who lived in the 18th century, or at the Ritz». (*Letters*. – P. 291).

упоминалось во второй главе, критики высказывали о работах Э. Паунда и Д. Джойса.

Каждая коммуникативная технология в «Галактике Гутенберга» рассматривается с учетом культуры и традиций определенного периода. Из-за обилия исторических имен, ссылок, цитат для ее понимания необходимо обладать энциклопедическими знаниями. На страницах книги можно встретить упоминания многих выдающихся личностей: Аристотеля, Платона, Леонардо да Винчи, Т. Нэша, П. Сезанна, А. Эйнштейна, Л. Армстронга и др. Вместе с тем в ней есть элемент провокации, свойственный популярной литературе, попытка «зацепить» читателя. Это нашло свое выражение в эпатажных утверждениях, не всегда подкрепленных фактами, неожиданных, разрушающих стереотипы и, кажется, призванных удержать внимание читателя, а также в ярких, запоминающихся заголовках, будто предназначенных для дальнейшего цитирования, таких, например, как: «Новая электронная взаимозависимость возвращает мир к ситуации глобальной деревни», «Книгопечатание превращает язык из средства восприятия и познания в товар», «Именно книжная страница первой отразила раскол между поэзией и музыкой», «Книгопечатание вывело из употребления латынь», «В бесписьменном обществе не делают грамматических ошибок», «Печатный пресс был поначалу всеми, кроме Шекспира, ошибочно принят за машину бессмертия» [46, р. 427–429].

Один из первых критиков «Галактики Гутенберга» Альфред Альварес (Alfred Alvarez), пытаясь передать ее характер, писал об этом труде: «Живое, незаурядное и маргинальное (не соответствующее принятым нормам) умозаключение средневекового логика, который отказался от теологии в пользу социологии и знает все о технологиях современной рекламы»¹. Однако мнение Альвареса спорно. Маклюэн никогда не отказывался от томизма. В «Галактике Гутенберга», как и во многих других работах канадского ученого, ощутимо влияние учения Фомы Аквинского (его имя и труды упоминаются Маклюэном около десяти раз). Ряд проблем в области коммуникации Маклюэн рассматривает как социолог и историк, в некоторых главах он предстает в роли литературного критика, иногда в качестве ученика Фомы Аквинского и комментатора его трудов².

Упреки в адрес Маклюэна во многом справедливы. Его книгу вряд ли можно считать научным исследованием в полном смысле слова, по-

¹ «...lively, ingenious but infinitely perverse summa of medieval logician, who has given up theology in favor of sociology and knows everything about the modern advertising». (Цит. По: Marchand Ph. – P. 155).

² См., например: Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. – С. 160–161.

скольку в ней не выдвинуты гипотезы, которые бы автор пытался подтвердить или опровергнуть с помощью современных методов исследования. Во всех выдвинутых автором концепциях ощущается его субъективное мнение. В книге много ссылок и цитат из самых разных источников, некоторые труды принадлежат классикам научной мысли (Аристотель, Платон), некоторые работы – перу малоизвестных исследователей, к тому же в работе много ссылок и цитат из художественной литературы – произведений разных эпох и направлений. Принцип отбора «экспертных оценок», судя по всему, основан Маклюэном на их близости взглядам автора на проблемы развития общества и средств коммуникации.

Большое внимание в своей книге Маклюэн уделил развитию риторики в Средние века и эпоху Возрождения. Многие положения из его докторской диссертации о Томасе Нэше можно встретить и в главах «Галактики Гутенберга». Книга имеет свойственную трудам Маклюэна мозаичную композицию: исторические периоды и лица, теории и идеи, – все смешалось, и кажется, что логика непоправимо нарушена. Однако после неоднократного ее прочтения становится понятен замысел автора. Как и Иннис, Маклюэн представляет историю цивилизации через эволюцию медиа, причем в каждом средстве коммуникации он видит свои преимущества и недостатки. В отличие от Инниса, для которого точкой отсчета была исключительно бесписьменная цивилизация Древней Греции, Маклюэн в понятие «первый этап в развитии истории коммуникации» включает и первобытную устную культуру, развивавшуюся на территории Африки и Канады.

Наряду с этим ученый обращается к исследованиям Миллмана Пэрри (Millman Parry) и Альфреда Лорда (Alfred Lord), посвященным устному и письменному творчеству Гомера. Продолжив идеи Пэрри, Лорд пытался понять, как в устной и письменной поэзии осуществляется преемственность форм и функций. Пэрри исследовал поэмы Гомера в контексте устного эпоса. Маклюэн считал изъяном в их исследованиях то, что ученые анализируют эпос с позиции людей печатной культуры и не могут представить себе общество без письма и книг, не понимают, какую роль с появлением письменности стала играть визуализация.

Статья психиатра Д.К. Карозерса (J.C. Carothers) «Культура, психиатрия и письменное слово» (*Culture, Psychiatry, and Written Word*), опубликованная в 1959 г. в журнале «Психиатрия» (*Psychiatry*), также сыграла большую роль в исследовании Маклюэна. Карозерс изучал африканские общины, где не существовало грамотности, и те, где была развита письменность. Он высказал несколько мыслей, которые были подхвачены Ма-

клюэном и нашли продолжение в его теории коммуникации. Так, Карозерс утверждал, что ухо, а не глаз было главным рецептивным органом для наших мыслительных процессов, что именно сила слова управляет мышлением и поведением человека, а пространственно-временные отношения в обществе напрямую зависят от визуальной традиции и ее противоположности слуховой культуре¹. По мнению Марчанда, автором такой статьи мог бы быть и Маклюэн, поскольку взгляды Карозерса и Маклюэна на коммуникативные процессы во многом совпадали [102, р. 153]. Карозерс также обратил внимание на то, что грамотность отделяет зрение от других чувств и одновременно развивает его. Идеи, высказанные Карозерсом, Маклюэн подробно рассмотрел в «Галактике Гутенберга», представив факты, подтверждающие их.

В соответствии с культурными традициями, с учетом чувственного восприятия и системы алфавита Маклюэн делил страны и нации на два типа: аудиотактильные (Африка, Индия, Россия, Китай) и зрительные, *nations of the eye*, (Северная Америка и Западная Европа). Эта классификация, судя по всему, также была заимствована Маклюэном у Карозерса, на которого ученый неоднократно ссылается².

Маклюэн делил культуры не только на слуховые и зрительные, но также на сакральные и профанные, племенные и индивидуалистичные. Убеждение в том, что дописьменная культура является сакральной по своему характеру, а письменная и печатная – мирской (профанной), возникло у автора «Галактики Гутенберга» под влиянием работы М. Элиаде «Священное и профанное» (*The Sacred and the Profane*, 1961). Маклюэн не приводит никаких доказательств правоты своей классификации, кроме цитат из М. Элиаде [46, с. 103], полагая, вероятно, что это достаточно убедительная аргументация.

К племенной (tribal) культуре ученый относил устную культуру эпохи до Гутенберга, а также электронную культуру (радио, телевидение, Интернет), т.е. те средства коммуникации, которые объединяют людей. Письменную и печатную традицию он считал индивидуальной, поскольку эта форма коммуникации не требует взаимодействия группы людей и общения между ними. Данное утверждение достаточно спорно, поскольку именно электронные СМИ часто обрекают человека на одиночество. Маклюэн не дожил до тех лет, когда телевизор на каждого члена семьи стал

¹ О работе Карозерса см.: Mora G. The historiography of psychiatry and its development: A re-evaluation // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1965. Vol. 1. № 1. P. 43–52.

² См., например: Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. – С. 27–31.

нормой, и человек в одиночку стал общаться с «иконоскопом». Интернет также породил новую породу людей-одиночек, которые «уходят» в виртуальный мир, сводя к минимуму контакты с внешним миром.

В «Галактике Гутенберга» Маклюэн неоднократно выделял качества, свойственные определенной традиции: или зрительной, или слуховой, каждое из которых имело свою противоположность.

Если внимательно проанализировать характеристики каждой из традиций, то можно прийти к неожиданному выводу о том, что в классификации Маклюэна письменность и печать относятся к визуальной культуре, а телевидение – к слуховой. Ведь именно телевидение ученый описывал как коллективное, одномоментное (*simultaneous*), магическое и точечное (мозаичное) средство коммуникации.

Основной чертой акустического пространства, как утверждает Маклюэн, является слух: он осуществляет непосредственную, прямую и мгновенную связь между говорящим и слушающим, при этом этот тип коммуникации требует участия, взаимодействия. Ученый полагал, что письменность, возникшая с появлением алфавита, расщепляет сознание племенного человека аудиотактильной культуры, доводя его до шизофрении¹.

Печатная культура, уверен ученый, способствует развитию национализма и индивидуализма. Книги печатаются на разных языках, что способствует развитию национальной культуры и национального самосознания. Одновременно печатная культура способствует неравенству между людьми. Бедные и неграмотные не имеют доступа к культурным ценностям, не имеют возможности стать не только лидерами, но и успешными профессионалами во многих сферах. Печатная культура, полагает ученый, задает высокий темп механизации и индустриализации, а электронные медиа, такие как телевидение, радио, возвращают нас в акустическое пространство с его одномоментностью.

В отличие от Нила Постмена, считавшего печатную культуру и СМИ эпохой Ренессанса в сфере массмедиа [346], Маклюэн видел в ней как много достоинств, главным из которых он считал развитие грамотности, так и много недостатков. С изобретением печати, отмечал Маклюэн, исчезла устная нарративная культура, девальвировалось мастерство рассказчика, в

¹ Некоторые мысли, высказанные Маклюэном, как, например, связь между шизофренией и появлением письменности, явно не имеет под собой никакой фактологической или научной основы и используется для привлечения внимания читателя к проблеме, создания определенного эффекта, который более свойственен художественному произведению, чем академическому исследованию.

обществе усилился индивидуализм, так как книга и газета не требовали от людей общения, популярным стало чтение «про себя». Продолжая идеи своего коллеги по университету Торонто, Г. Маклюэн подчеркивал, что печатная культура способствовала развитию национализма, «формированию и стабилизации языков» [46, с. 336]. Поскольку книги, газеты и журналы издавались на разных языках, ученый считал, что печать усиливает национальную идентичность в то время как электронные СМИ, и прежде всего телевидение, превратили мир в одну «глобальную деревню».

Национализм, свойственный типографскому обществу, по мнению Маклюэна, ведет к разобщению людей, говорящих на разных языках, порождая конфликты и войны между странами. Совершенно необоснованной, на наш взгляд, является мысль Маклюэна о том, что с появлением электронных СМИ и превращением мира в «глобальную деревню» соперничество между людьми разных национальностей и военные конфликты должны пойти на убыль. Для такого утверждения нет никаких оснований. В современном мире, где главную роль играют телевидение и Интернет, не уменьшилось количество войн и международных конфликтов. Подобные заявления канадского коммуникативиста свидетельствуют о его стремлении идеализировать электронные СМИ, преувеличить их роль в жизни современного общества и сформировать модель «прекрасного дивного мира». В данном случае Маклюэн выступал как литератор, отчасти повторяя структуру романа «Поминки по Финнегану» Д. Джойса, финалом которого является «гесорсо» – возвращение на круги своя. Во многих трудах Маклюэна проявляется их «литературность». «Глобальная деревня» без национальных конфликтов, несомненно, красивый финал для художественного произведения, но для научной работы данное утверждение не имеет под собой оснований: оно основано лишь на личном мнении автора, который не опирается ни на серьезные исследования, ни на расчеты, ни на экспертные оценки.

Изобретение печати, как подчеркивал Маклюэн, «укрепило и расширило новую визуальность прикладного характера, создав первый однотипный и воспроизводимый товар, первый конвейер и первую отрасль массового производства» [46, с. 187]. Эти мысли о массовом характере печати в своих трудах высказал позднее и Жан Бодрийяр.

Провозвестником скандальной «желтой» прессы, по мнению Маклюэна, был итальянский литератор и памфлетист Пьетро Аретино (Pietro Aretino, 1492–1556), который понимал, как важно завоевать общественное мнение и гордо называл себя «продавцом славы». Маклюэн считал Аретино первым журналистом и публицистом. Это мнение, как и многие выска-

зывания канадского ученого о печатной культуре, достаточно спорно [46, с. 285-287], поскольку точно определить, кто именно положил начало современной журналистике, достаточно сложно.

Телевидение, согласно теории Маклюэна, возвращает общество в первобытное состояние. Люди собираются у телеэкрана, как когда-то у костра, и каждый имеет доступ к секретам «глобальной деревни». Маклюэн постоянно обращается к творчеству Д. Джойса. Заимствуя его понятие «gecorso» из «Поминок по Финнегану», автор «Галактики Гутенберга» пишет о возникающей эпохе телевидения как о возвращении (recorso) к племенной культуре.

Рассказывая об особенностях восприятия кинофильмов и фотографий в бесписьменных общинах, Маклюэн обращал внимание на то, что представители африканских общин, с которыми европейские ученые встречались в начале XX в., не были знакомы с алфавитом, не умели писать и читать и испытывали трудности при восприятии продуктов визуальной культуры, поскольку не имели достаточно развитого зрительного опыта, но при этом обладали достаточно развитым слухом [46, с. 54–58].

В конце «Галактики Гутенберга» Маклюэн предсказывает упадок или смерть книжной культуры, на смену которой приходят электронные СМИ. В теории Маклюэна эти процессы напрямую связаны с научными открытиями начала XX века. С этим суждением Маклюэна не согласна Л.М. Землянова. По мнению российской исследовательницы, абсолютизация роли электронных СМИ в жизни современного общества и провозглашение конца печатной культуры, «гутенберговой галактики», не имеет под собой основания [372, р. 20-21]. Однако Маклюэн не считал, что с появлением телевидения и в дальнейшем других электронных средств коммуникации исчезнет книжная культура. Он призывал старшее поколение, особенно представителей академических кругов, с большим вниманием отнестись к тому, что молодежь узнает вне школ и университетов. Поскольку СМИ, и прежде всего телевидение, стали одним из основных источников информации, он призывал преподавателей изучать новые средства коммуникации и использовать их возможности в своей работе. Только таким образом, по мнению ученого, можно будет ликвидировать разрыв между жизнью подростков в школе и вне классной комнаты. Эта проблема всегда волновала Маклюэна, но наиболее четко он обрисовал свою позицию в

книге «Город как классная комната: Понимание языка и медиа» (1977), написанной им в соавторстве с Э. Маклюэном и Л. Хатчеон¹.

Продолжая мысли Маклюэна, П. Левинсон в книге «Цифровой Маклюэн» обращает внимание на специфику киберпространства, основой которого является алфавит. По мнению критика, интернет-среда увеличивает акустическую интерактивность. На основании этого Левинсон приходит к выводу о том, что алфавит, являющийся частью абстрактного мышления человека, никогда не исчезнет из поля коммуникации [101, р. 50–54]. Следует признать, что сам Маклюэн никогда не говорил о возможности исчезновения алфавита. Но его предположение о гибели книжной культуры с появлением электронных СМИ отчасти сбылось. Книга утратила роль основного источника информации, которую она играла ранее. Вместе с тем появление электронных библиотек свидетельствует о возрождении книжной традиции в ином формате. Конечно, Маклюэну трудно было в 1960-е гг. предсказать развитие средств коммуникации на ближайшие десятилетия. Он предугадал основные тенденции, но не мог предвидеть все детали.

Как уже было сказано выше, не все положения в теории Маклюэна научно обоснованы. Некоторые пассажи из «Галактики Гутенберга» напоминают фантазии Дж. Оруэлла. Устный тип культуры России, по мнению Маклюэна, где «внутренняя вербализация является социальным действием», связан и со шпионажем с помощью уха, и с особенностями показаний жертв сталинских репрессий, которые якобы признавались не столько в том, что совершили, сколько в том, что подумали [13, р. 31]. Эти высказывания Маклюэна основаны на его субъективном мнении об СССР, где он никогда, в отличие от Инниса, не был. В них есть элемент беллетристики, свойственный всем трудам канадского коммуникативиста. Любопытное мнение ученый высказал и об экономике СССР, утверждая, что в стране со слуховой культурой невозможен капитализм, поскольку слуховая традиция советского общества нуждается в ином экономическом укладе, чем зрительная [13, с. 396–397]. Возможно, отчасти Маклюэн и прав: современная история свидетельствует о том, что в том виде, в каком капитализм существует на Западе, он не приживается в России.

Во многих странах текст имеет более высокий статус, чем речь. До начала XX в. лингвисты отдавали приоритет письменному, а не устному выражению мыслей. Повседневная речь не была предметом их научных

¹ Книга «Город как классная комната. Понимание языка и медиа» (McLuhan M., Hutchon K., McLuhan E. *City as Classroom. Understanding Language and Media*) включает «Доклад о понимании новых медиа», представленный М. Маклюэном в НООТР в 1960 г.

интересов. В 1955 г. М. Маклюэн в статье «Радио и телевидение против АБВГД-мыслящих: радио и ТВ в “Поминках по Финнегану”» назвал АБВГД-мысле (словосочетание, придуманное Д. Джойсом) психологическим эффектом, определенным бессознательным сдвигом в сознании человека, происшедшим в результате внедрения письменности [8, р. 12–18]. Ученый считал, что письменная, и особенно печатная культура, произвели «раскол между сердцем и разумом» [46, с. 251], одновременно способствуя визуальной организации знания [46, с. 181].

Современные коммуникации Маклюэн не считал эталоном или нормой. Он полагал, что в племенном бесписьменном обществе существовала определенная гармония, которая исчезла вместе с возникновением алфавита¹. В этой связи Маклюэн обращается к работам биолога Д.З. Янга (J.Z. Young) и антрополога Э. Холла, чтобы понять, как письменность и печать изменили природу человека. Он взял на вооружение утверждение Холла о том, что технологии являются продолжением человеческих чувств, и развил эту мысль в «Галактике Гутенберга» и «Понимании средств коммуникации». Он утверждал, что именно устное слово и искусство риторики являются основой человеческого мышления, а письменная культура способствовала тренировке других коммуникативных возможностей человека, в том числе лучшего восприятия визуального.

В «Галактике Гутенберга» автор обращает внимание на то, что книга как таковая появилась в рукописном варианте в V в. до нашей эры, а печатный станок был изобретен только в XV в., т.е. история печати относительно короткая. Рукописи, по мнению Маклюэна, оставались частью устной культуры и писались в соответствии с законами риторики. До появления типографской книги было распространено как чтение вслух, так и чтение про себя, что, как полагает ученый, способствовало развитию памяти и логики. Рукописная книга стоила дорого, поэтому те, кто имел доступ к ней на небольшой период времени, могли или переписать, или выучить ее наизусть. Таким образом заучивали Священное Писание и другие религиозные тексты. Поэтому манускрипт Маклюэн относит к сакральной культуре, а печатную книгу, продукт массового производства – к профанной.

¹ Интересно отметить, что подобные взгляды высказывал также французский социолог и этнограф Клод Леви-Стросс (Claude Levi-Strauss), сравнивший в книге «Печальные тропики» (1955) появление письменности с потерей невинности. Ученый полагал, что бесписьменные цивилизации отличали целостность и гармония. (См.: Levi-Strauss C. *Tristes tropiques*. – New York: Penguin, 1992. – P. 300–301).

Интересны наблюдения Маклюэна, касающиеся проблемы авторства. Ученый обращал внимание на то, что первые рукописи были в основном анонимны. Они переписывались по несколько раз, в результате имя автора, как правило, оставалось неизвестным. Вместе с печатью возникли авторские права, интерес к личности пишущего, проблема популярности и славы создателей текстов.

Чтение манускрипта вызывало у Маклюэна ассоциации с белым стихом (*verse libre*), который использовали Г. Стайн, Э. Паунд и Т. Элиот. На основании этого он, «сгущая краски», утверждал, что внедрение печати способствовало понижению уровня устной культуры: ораторского искусства, коллективной дискуссии и общения.

Обвинения Маклюэна в адрес печатного станка напоминают современные жалобы противников новых коммуникационных технологий на роль Интернета и мобильной связи в снижении всеобщей грамотности и культуры общения. Ученого беспокоило то, что книгопечатание «изменило не только орфографию и грамматику, но также ударения и окончания слов». Оно, как ему казалось, «сделало возможной плохую грамматику» [46, с. 239]. Однако в книге нет никаких серьезных доказательств того, что грамотность пострадала с внедрением типографского станка, и утверждения Маклюэна кажутся очевидным преувеличением.

Тем не менее Маклюэн последовательно доказывает преимущества бесписьменной традиции над письменной, а рукописной – над типографской. Некоторые утверждения в «Галактике Гутенберга» основаны лишь на эмоциях, точном подборе эпитетов, которые создают у читателя определенное отношение к вопросу или явлению, но не к фактам. Маклюэн утверждает, что широкое распространение алфавита и письменности переместило человека из «магического мира звука в нейтральный визуальный мир» [46, с. 27–28]. В данном случае слово «магический» сознательно выбрано автором для характеристики устной слуховой бесписьменной культуры, а определение «нейтральный» противостоит слову «магический» и создает образ скучного и безликого существования человечества в эпоху письменности.

Совершенно необоснованным является заявление ученого, что следствием развития письменности стала шизофрения. Эффектные высказывания Маклюэна вызывали как восторги, особенно у молодежной аудитории, так и протесты в академической среде. Печать, массовое производство текстов, настаивает ученый, лишает культуру своей сакральности и исключительности.

В концепции Маклюэна, как уже было сказано выше, можно найти множество противоречий. Ученый утверждает, что типографская культура породила индивидуализм, и она же, по его мнению, с помощью школьной системы покушается на мир «неуживчивого индивидуалиста», пытаясь привести его «к общему знаменателю» [46, с. 316]. Из этих высказываний не совсем понятно, как ощущала себя личность до эпохи Гутенберга и какое мироощущение породила эта эпоха.

Ж. Марчиссо уверена, что идеи Маклюэна основаны на средневековом представлении о чувственном восприятии, в том числе на томистской теории, согласно которой все чувства, объединенные в единую систему восприятия, чувственный образ (*gestalt*) через осязание, играют определенную роль в нашем опыте [104, р. 125]. Эта теория, принадлежащая Фоме Аквинскому, во многом заимствовала идеи Аристотеля.

Американский теоретик медиа Э.Л. Эйзенштейн (E.L. Eizenshtein) отмечала, что нетрадиционные подходы Маклюэна к исследованию печатной культуры, с одной стороны, стимулировали интерес к ней, с другой – не вызывали доверия в академических кругах и, более того, скомпрометировали саму тему, отвергая которую некоторые ученые для характеристики ее ненаучности использовали термин «маклюднистская» [315, р. XVII].

Концепция «глобальной деревни» – одна из ключевых в теории Маклюэна. Понятие «глобальная деревня»¹ встречается и в его письме к Э.С. Моргану (E.S. Morgan), и в «Докладе о понимании новых медиа». В 1959 г. Маклюэн пишет Моргану: «При электронных СМИ земной шар становится очень небольшим, напоминающим деревню миром, в котором то, что происходит с одним человеком, происходит со всеми людьми»². Подобная мысль высказана и в докладе, представленном Маклюэном в 1960 г. НООТР. В «Галактике Гутенберга» ученый подробно раскрыл свое понимание «глобальной деревни». Он утверждал, что открытия в области электромагнетизма создали заново «поле» во всех сферах человеческой деятельности и человечество теперь существует в условиях «глобальной деревни» [46, с. 47]. Одна из глав «Галактики Гутенберга» так и называется «Новая электронная взаимозависимость возвращает мир к ситуации глобальной деревни» [46, с. 47]. Характерными чертами нового коммуника-

¹ В одной из статей Э. Карпентер отметил, что термину «глобальная деревня» Маклюэн предпочитал «глобальный театр», но неологизм «глобальная деревня» прочно закрепился в умах людей и стал популярен. (См.: Theall D. *The Virtual McLuhan*. – P. 244). В настоящее время мало кто знает, что авторство этого словосочетания принадлежит Маклюэну.

² «The globe becomes a very small village-like affair, under electronic conditions, in which, whatever happens to anybody, happens to everybody» (*Letters*. – P. 253).

тивного пространства являются одномоментность происходящего («simultaneous happening»), открытость и широкий доступ к информации. Маклюэн не раз подчеркивал, что не считает «глобализацию» в сфере коммуникации идеальной формой организации массмедиа. В интервью с Г. Стерном он объяснял свою позицию следующим образом: «Я не одобряю глобальную деревню... Я просто живу в ней»¹.

«Глобальная деревня», в понимании ученого, это несомненный исторический шаг вперед, причем новые технологии являются основой этого коммуникативного пространства. Тема «глобальной деревни» у Маклюэна непосредственно связана с проблемами пространства и времени, которые наиболее полно раскрыты в его следующей книге – «Понимание средств коммуникации».

Ч.А. Болдуин обращает внимание на сходство маклюэновской «глобальной деревни» и концепции Ю. Хабермаса об общественной сфере как идеальном пространстве для коммуникации [74, р. 359–360]. Подобные концепции можно найти и в работах других ученых.

П. Левинсон отметил, что словосочетание «глобальная деревня» стало всем понятно только с наступлением эпохи Интернета. Существование «деревни», в которой у всех был одинаковый доступ к информации, по мнению критика, то есть «галактики до Гутенберга», – закончилось с появлением печатного станка. Однако мир снова стал единым глобальным театром в эпоху электронных медиа, но именно сетевые технологии внесли в область коммуникации ощущение сужающегося пространства, одномоментности, всеобщего доступа к информации и возможности участия в общении огромного количества людей [101, р. 65–75]. Д. Теолл в основном разделяет мнение Левинсона. Он, в свою очередь, обращает внимание на то, что, озвучив тезис о «глобальной деревне» как всеобщей площадке для коммуникации, Маклюэн по сути стал пророком киберпространства и подготовил общество к новым технологиям [121, р. 162].

Последнюю часть «Галактики Гутенберга» Ж. Марчиссо назвала чистой научной фантастикой (pure science fiction) [104, р. 150], хотя в финале книги нет ни пророчеств, ни картин будущего. Заключительная часть скорее напоминает литературу модернизма: произведения Д. Джойса, Э. Паунда, Т. Элиота и постмодернизма. В последних главах книги на сцену выходят философы, экономисты, литераторы, участники дискуссии об истории цивилизации и медиа. В этой полифонии голосов и мнений Маклю-

¹ «I don't approve of the global village. I say we live in it». (Цит. по: Federman M. The Cultural Paradox of the Global Village <http://www.utoronto.ca/mcluhan/CulturalParadoxOfTheGlobalVillage.pdf>).

эн выступает в роли всезнающего автора и дирижера. Рассуждая о проблемах коммуникации, ученый неоднократно обращается к текстам Джойса, вероятно, полагая, что именно в них содержатся ответы на многие вопросы. Он создает запоминающиеся метафоры, которые в дальнейшем были широко растиражированы, обыграны и даже спародированы. «Хайдеггер оседлал¹ электронную волну с таким же триумфом, как Декарт механическую», «Книгопечатание раскололо голоса тишины» – эти фразы придают книге определенную образность. Конечно, образ Хайдеггера, представителя оппозиционной Маклюэну Франкфуртской школы философии и теории коммуникации, несущегося на доске для серфинга по волнам океана, – в большей степени элемент искусства постмодернизма, чем научного исследования. Анализ экономических проблем, в которых ученый не был серьезным специалистом, «Дунсиады» Поупа, постоянное цитирование Д. Джойса и пророчество Нового мира (New World) с новыми коммуникационными технологиями – так завершается «Галактика Гутенберга», причем в конце последней главы автор обещает более глубоко осмыслить средства коммуникации в следующей книге.

Несмотря на то что «Галактика Гутенберга» по своей структуре мало напоминает академический труд, в ней много противоречий, некоторые утверждения автора научно не обоснованы и имеют налет литературности, в целом книга дает представление об истории печатной культуры. Автору удалось собрать интересный материал, привлечь внимание к проблеме развития средств коммуникации от первобытного общества до эпохи телевидения, причем основное внимание уделено книжной культуре, ее роли в жизни современного общества. Несмотря на то что Маклюэн предсказывает смерть книге, он сам неразрывно связан с типографской культурой и по своему воспекает ее.

Канадский ученый предсказал господство электронных СМИ в будущем, что, как мы наблюдаем, полностью оправдалось. Трудно согласиться с тем, что электронные СМИ являются повторением на более высоком уровне средств коммуникации первобытного общества. Однако сравнение группы людей, собравшихся у телевизора, с туземцами, наблюдающими за пламенем у костра, – красивый и запоминающийся образ, который подсказывает ученым новые темы для исследования, а людям искусства – интересные художественные решения.

Теория массовой коммуникации в работах Маклюэна, которая изначально производит впечатление сумбура, складывается в результате в

¹ В оригинале Маклюэн использует слово «surfing» – катается на серфинге по электронной волне.

стройную систему, согласно которой вся цивилизация и жизнь каждого индивида зависят от развития средств коммуникации. Учение Маклюэна приобрело невероятную популярность в 60-е гг., когда молодежь, разочарованная в марксизме и маоизме, утомленная фрейдизмом, искала новое объяснение происходящему. Для многих именно Маклюэн и его теория медиа стали объяснением сути мироустройства. В 1990-е гг., с развитием Интернета, пророчества канадского коммуникативиста стали своеобразной философией для поколения net, «Галактика Гутенберга» и «Понимание средств коммуникации» снова стали бестселлерами.

В «Галактике Гутенберга» наиболее ярко проявился свойственный Маклюэну междисциплинарный подход к исследованию явлений, метод, который ученый использовал и в первых академических работах, и в литературной критике, и в работах по теории медиа. В книге рассматриваются концепции биологии, физики, лингвистики, литературы, искусства и др.

Междисциплинарный подход, сегодня не вызывающий никаких сомнений, вызвал неприятие у многих критиков. Так, С. Финкелстайн в работе «Смысл и бессмыслица Маклюэна» пишет о неоспоримой логике теории Маклюэна в целом, но вместе с тем отмечает запутанность многих высказываний ученого, наличие в его работах противоречий, неудачных попыток вторгнуться в «чужие» дисциплины [87, р. 136–139]. Однако многие исследователи (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Бодрийяр), как и Маклюэн, изучали язык, медиа и культуру на стыке разных областей знания. Междисциплинарный подход к изучению явлений массмедиа и других областей знания приобретает в настоящее время все большую популярность.

Несмотря на отсутствие линейной логики и некоторые противоречия, «Галактика Гутенберга» стала выдающимся исследованием истории печатной культуры, которое в настоящее время входит в список обязательной литературы в курсах по теории и практике массовой коммуникации, истории медиа, риторики и других дисциплин. В книге нет присущего более поздним трудам ученого так называемого технологического детерминизма, утверждения об особой роли электронных СМИ в ущерб другим средствам коммуникации. Маклюэн внес огромный вклад в исследование малоизученной проблемы – истории письменности и печатной культуры, которая в дальнейшем стала предметом научного анализа для многих ученых, среди которых Э. Эйзенштейн, Е. Хейвлок (E. Havelock), Д. Мейровиц, У. Онг и многие другие.

3.2. Основные положения теории медиа М. Маклюэна в книге «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека»

«Галактика Гутенберга» стала значительным событием в развитии теории коммуникации. Благодаря ей имя Маклюэна стало известно за пределами академической среды. Однако статус медиагуру Маклюэн приобрел после публикации культовой для поколения 60-х гг. книги «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека», опубликованной два года спустя после «Галактики Гутенберга»¹. Первое издание разошлось довольно быстро тиражом 100 000 экземпляров. С 1964 г. опубликовано уже десять переизданий.

По мнению Ж. Марчиссо, третья книга Маклюэна была менее академична (*scholarly*) и более читаема [104, p. 169]. Это замечание достаточно спорно, поскольку «Галактику Гутенберга», как уже упоминалось выше, нельзя назвать научным трудом в полном смысле слова.

В течение многих лет Маклюэн делал заметки о средствах коммуникации: печати, радио, кинематографе, телевидении и хранил их в отдельных папках. Этот материал частично вошел в отчет НООТР, который Маклюэн представил после годовичного исследования медиа, а затем он был включен в знаменитую третью книгу ученого. Несмотря на многочисленные повторы², по сравнению с «Галактикой Гутенберга» эта работа лучше структурирована.

В первой, теоретической, части рассмотрены основные положения теории Маклюэна, включающие аксиому «*medium is the message*», концепцию «горячих» и «прохладных» медиа, мысль о средствах коммуникации как продолжении человека, размышления о роли научных открытий в возникновении новых технологий и средств коммуникации, о движущей роли коммуникаций в развитии индивидуума и цивилизации в целом.

Вторая часть посвящена анализу отдельных средств коммуникации, среди которых речь, письмо, дороги, числа, одежда, жилище, деньги, часы,

¹ Сам Маклюэн называл эту книгу «Электронная девушка по вызову» (*Electronic Call girl*) (См.: Marchand Ph. *Marshall McLuhan: The Medium and the Messenger*. – P. 169).

² Марчанд отмечал, что Маклюэн не любил перечитывать и редактировать то, что написал, поэтому в его работах встречаются повторы. (См.: Marchand Ph. *Op. cit.* – P. 167).

комиксы, автомобиль и другие транспортные средства, реклама, игры, телеграф, печатная машинка, телефон, фонограф, кинофильмы, радио, телевидение, оружие. Проблема печатной культуры и печатных СМИ рассматривается в нескольких главах с разных позиций: история печати, ее роль в жизни общества и перспективы в эпоху электронных СМИ, влияние газет и журналов на общественное мнение, типографская культура и национализм.

Эрик Маклюэн в одной из статей вспоминал о том, как его отец работал над «Пониманием средств коммуникации». Стиль книги, как утверждает Э. Маклюэн, был намеренно провокационным и больше напоминал художественное произведение, чем академический труд. Для того чтобы книга соответствовала требованиям научного исследования, М. Маклюэн долго искал ответ на вопрос, что по сути своей является научным утверждением («what constitutes a scientific statement?»). Ответ он нашел в книге К. Поппера «Объективное знание» (Popper K. *Objective Knowledge*): «То, сформулированное так, что нельзя опровергнуть». По словам Э. Маклюэна, это утверждение Поппера стало критерием для маклюэновских аксиом и законов медиа [14, p. 201–202].

Заголовки каждой главы «Понимания средств коммуникации», посвященные различным средствам коммуникации, лаконичны и афористичны: «Жилище – новый взгляд и новая перспектива» (Housing: New Look and New Outlook), «Деньги – кредитная карточка бедняка» (Money: The Poor Man's Credit Card), «Радио – первобытный барабан» (Radio: The Tribal Drum), «Телевидение – робкий гигант» (Television: The Timid Giant) и др. Они не столь описательны и многословны, как названия глав «Галактики Гутенберга», в них ощутимо влияние идиом Д. Джойса. Они являются доказательством литературного таланта Маклюэна, его дара владеть словом, что помогло книгам ученого стать популярными, а ему самому приобрести статус медиагуру.

Многие фразы из «Понимания средств коммуникации» стали популярными цитатами. Некоторые заголовки содержат неперевожимую игру слов, основанную на обыгрывании названий известных художественных произведений, поговорок. Маклюэн часто прибегает к аллитерации для придания фразам лучшего фонетического звучания. Так, название главы «Реклама: Расстраиваясь вместе с Джонсами» (Ads: Keeping upset with the Jones) – парафраз известной англо-американской поговорки «Keeping up with the Jones» (Не отставать от Джонсов), что подразумевает стремление, прежде всего, к приобретению материальных благ, быть не хуже соседей. Глава «Гибридная энергия: Опасные связи» (*Hybrid Energy: Les Liaisons*

Dangereuses) соединяет английскую фразу с названием известного французского эпистолярного романа эпохи Просвещения Ш. де Лакло. «Устное слово: Цветок зла?» (*The Spoken Word: Flower of Evil*) – вторая часть заглавия обыгрывает название поэтического сборника Ш. Бодлера «Цветы зла». «Письменное слово – глаз за ухо» (*The Written Word: An Eye for an Ear*) – эта фраза отсылает нас к библейскому «око за око». На аллитерации и обыгрывании известной устоявшейся фразы «earning a living» (зарабатывать на жизнь) построено название последней главы книги «Automation: Learning a Living» «Автоматизация – изучая жизнь».

В тексте «Понимания средств коммуникации» Маклюэн проявил себя как мастер слова. Не случайно американский исследователь Ч.А. Болдуин называет маклюэновский метод анализа коммуникации и построения теории медиа «скрытой риторикой» (*concealed rhetoric*) [74]. По мнению критика, именно владение словом, искусство убеждения сделали теорию медиа Маклюэна такой популярной, а имя ученого широко известным.

Интересное мнение о «Понимании средств коммуникации» высказал канадский исследователь, профессор факультета коммуникации Университета Нью Хэмпшира, Дерхем (*University of New Hampshire, Durham*) Джошуа Мейровиц. В статье «Канонический антитекст: Понимание средств коммуникации Маршалла Маклюэна» (*Canonic Anti-text: Marshall McLuhan's Understanding Media*), вошедшей в книгу «Канонические тексты в исследовании медиа: Есть ли такие? Должны ли быть? Что по этому поводу?» (*Canonic Texts in Media Research: Are There Any? Should There Be? How About These?*), Мейровиц анализирует эту книгу Маклюэна и приходит к выводу, что данный труд нельзя считать научным, т. к. в нем отсутствует четкая структура и логика, доказательная база достаточно слабая, отсутствуют ссылки на научные труды, нет списка литературы в конце издания. Мейровиц полагает, что «Понимание средств коммуникации» представляет собой необычный жанр, в котором серьезные темы и научные положения представлены в виде так называемых экспериментов, «проб» и деклараций, которые хороши для цитирования, но не имеют под собой научной основы. Критик упрекает Маклюэна в том, что в своем труде он не обозначил четкие методы исследования, цели и задачи, предметом изучения часто оказываются не ключевые, а периферийные проблемы, а используемая терминология (например, «горячие» и «прохладные» СМК) достаточно туманна и не понятна ни научному сообществу, ни широкой общественности [306].

Вместе с тем Мейровиц признает, что в трудах Маклюэна есть и креативность, и смелость (*creativity and daring*) [306, p. 200]. Критик отмечает,

что сочетание энциклопедических знаний, которые канадский коммуникативист демонстрирует в своих работах, с анализом массовой культуры, в том числе телевидения, стало определенным прорывом в теории медиа, а также способствовало значительному росту интереса к затронутым Маклюэном проблемам как среди научного сообщества, так и среди непрофессионалов.

Ф. Марчанд отмечает, что «Понимание средств коммуникации» подверглось, по желанию автора, серьезной редактуре с целью сделать текст более простым для восприятия [102, р. 169]. В книге нет длинных цитат на целую страницу, мысли автора понятны и человеку из академической среды, и так называемому среднему читателю. Редакторы посоветовали Маклюэну убрать многочисленные выдержки из чужих работ, чтобы облегчить текст.

Тем не менее и в «Понимании средств коммуникации» можно встретить множество ссылок на работы философов, ученых, писателей и поэтов разных эпох, мнения которых образуют своеобразную полифонию научно-популярного дискурса. В этой книге автору удалось соединить междисциплинарное исследование, литературные экскурсы и футурологические прогнозы.

Если «Галактика Гутенберга» посвящена в большей степени истории письменности и печатной культуры, то в третьей книге канадский ученый рассматривает и другие средства коммуникации и их роль в формировании цивилизации, определенное внимание он уделяет проблеме пространства и времени. Автор констатирует связь между научными открытиями, внедрением технологий и появлением новых средств коммуникации, которые поднимают общество на качественно новую ступень развития.

Первая глава книги, которая с 1964 г. стала предметом многочисленных дискуссий, начинается с анализа известной маклюэновской формулы «the medium is the message» («средство сообщения само является сообщением»). Используемые в ней определенные артикли подчеркивают желание автора вывести универсальный закон или правило, применимое ко всей системе коммуникации. Американский исследователь Ч.А. Болдуин полагает, что вся теория медиа М. Маклюэна сконцентрирована именно в этой фразе [74, р. 354].

Большинство исследователей и поклонников, прочитавших этот труд, уверены, что Маклюэн хотел сказать, что тип и форма медиа (*generic form of media*) важнее того значения (*meaning*) или содержания (*content*), которое оно передает, т.е. сама форма средства коммуникации меняет наше сознание. Именно так определен смысл высказывания в «народном»

сетевом словаре «Википедия» [155], который в какой-то степени является воплощением пророчеств Маклюэна о «глобальной деревне» и «коллективном разуме».

Однако не все согласны с таким определением. Ряд критиков и оппонентов канадского коммуникативиста считают это высказывание очередной кричащей фразой ученого, призванной привлечь внимание к своей персоне.

Некоторые исследователи дают свои трактовки знаменитой формулы. Так, один из руководителей Программы культуры и технологий в Университете Торонто Марк Федерман уверен, что объяснение знаменитой фразы канадского медиапророка неправильно понято. Согласно Федерману, М. Маклюэн был обеспокоен тем, что, наблюдая разные явления, мы сосредоточены на очевидном. Таким очевидным заблуждением Федерман считал толкование фразы «medium is the message» как «средство коммуникации – само по себе есть содержание». Ученый полагал, что когда мы создаем что-то новое или предлагаем новую идею, нам кажется, мы знаем, что это собой представляет и что способно заменить, зачем нам это нужно, какая от этого будет польза или вред. Но спустя некоторое время, утверждает Федерман, мы оглядываемся назад и замечаем последствия экономического, политического, культурного, религиозного и др. характера, которые не смогли предугадать. Новаторы, по мнению критика, не всегда принимают во внимание контекст, в котором появляется открытие, и готовность к нему общества, а общество, в свою очередь, часто не замечает перемен [138].

Если вспомнить маклюэновское высказывание о том, что послание (message) ведет к «изменению масштаба, темпа или модели» (the change of scale or pace or pattern) [39, p. 8], которые новация вносит в нашу жизнь, то тогда Федерман прав, утверждая, что не содержание, то есть не столько использование новой идеи, продукта или услуги важно, сколько связанные с этим перемены, изменение существующих взаимосвязей в окружающей среде, т.е. контекста. Федерман приводит слова Маклюэна о том, что содержание часто отвлекает нас от природы коммуникации (it is only too typical that the "content" of any medium blinds us to the character of the medium) [39, p. 9], и делает вывод о том, что природа средства коммуникации (character of the medium) является сообщением. Федерман призывает помнить о том, что именно изменения в социально-культурной среде свидетельствуют о появлении нового «послания», предупреждающего о последствиях внедрения нового средства коммуникации.

Фраза «medium is the message» приобретает иной смысл, который можно охарактеризовать следующим образом: «Новое средство коммуникации несет новый тип информации». Несомненно, толкование Федермана правильно, как и определения большинства почитателей теории Маклюэна. Многие фразы канадского ученого имеют несколько объяснений. Как и произведения Джойса, Паунда, Элиота, критики постоянно расшифровывают тексты Маклюэна, каждый раз находя в них новый смысл.

Пол Левинсон, размышляя о смысле знаменитого афоризма «the medium is the message», пишет, что использование средства коммуникации имеет большее значение, чем содержание передаваемого сообщения. Левинсон считает, что смысл послания зачастую отвлекает нас от осознания важности средства передачи информации. Пользователи электронных средств связи, по мнению критика, разговаривая по телефону или общаясь по электронной почте, сами становятся бестелесным содержанием (disembodied content). Левинсон напоминает, что именно речь является старейшей формой общения, а содержание средства коммуникации (content of a medium) – это всегда предыдущая его форма, как, например, содержанием кинофильма может быть роман [101, p. 35–43]. Левинсон не сказал что-то новое, не сделал открытия, а лишь привлек внимание к некоторым положениям, на которые обращал внимание сам Маклюэн. Следует помнить, что один из смыслов, который ученый вложил в знаменитую аксиому, раскрывает его другая формула «содержание средства коммуникации это всегда другое средство коммуникации» («the content of a medium is always another medium» [39, p. 8]). Таким образом, можно утверждать, что Левинсон точно понимает ход мыслей канадского коммуникативиста.

Аксиома «the medium is the message», как утверждал сам автор, возникает «в момент истины и откровения, из которого и рождается новая форма» [39, p. 19] под влиянием фразы из поэзии У. Блейка «we become what we behold» («мы становимся тем, что мы лицезреем»). В «Понимании средств коммуникации» Маклюэн часто обращается к художественным текстам для иллюстрации своих мыслей. Так, например, цитата из «Ромео и Джульетты» У. Шекспира, в которой влюбленный Ромео описывает свои ощущения, стоя перед окном возлюбленной, по мнению ученого, очень подходит для характеристики телевизионного экрана¹. Если верить Маклюэну, то у Шекспира во многих текстах можно найти характеристики медиа, которых во времена английского драматурга не существовало. Ма-

¹ «but soft! what light through yonder window breaks? It speaks and yet says nothing» (Но мягкий! Какой свет прорывается из твоего окна? Он говорит и между тем молчит») // McLuhan M/ Understanding Media... - P.

Маклюэн во всем видит борьбу старых и новых средств коммуникаций, предсказывает возникновение новых медиа, удачные определения письма, печати, радио и телевидения. Мир Маклюэна – мир коммуникаций, в котором новые технологии двигают общество на качественно новую ступень развития, как мир К. Маркса – мир классовой борьбы, в котором конфликт между производственными силами и производственными отношениями способствует прогрессу.

Наиболее глубоко, на наш взгляд, к пониманию знаменитой формулы Маклюэна подошел Д. Мейровиц. По мнению исследователя, Маклюэн этой фразой хотел выразить мысль о том, что любой артефакт, независимо от того, является он или нет средством коммуникации, выступает в качестве сообщения для общества в целом, его культуры путем формирования определенной модели человеческого мышления и поведения, взаимодействия его членов между собой [306, p. 197].

Маклюэну присущ оригинальный взгляд на медиа. Он обращает внимание на то, что электричество является одним из средств коммуникации, хотя и не несет никакого послания. По мнению ученого, компания «Дженерэл Электрик» делает прибыль не на продаже электрических ламп, а на движении информации (*moving information*) [39, p. 9]. Несомненно, каждая трактовка знаменитого высказывания Маклюэна выражает определенный подход к его теории медиа и имеет право на существование. Однако главным, на наш взгляд, в формуле «*medium is the message*» является технологический подход к средствам коммуникации. Каждая технология, утверждает канадский ученый, несет свое сообщение определенной аудитории. Сообщение может быть по-разному понято и расшифровано, может иметь иное значение в зависимости от того, в какую оболочку оно упаковано: рукопись, печатный текст, устное высказывание, радио или телевизионную передачу (причем жанр текста и передачи влияет на смысл сообщения). Для того чтобы коммуникация состоялась, необходимо, чтобы адресант был хорошо знаком со средством коммуникации, которое использовано для передачи информации, мог его расшифровать, понимая суть высказывания, при этом учитывая контекст, подтекст, особенности средства коммуникации.

Размышляя о популярности «Галактики Гутенберга» и «Понимания средств коммуникации», книг, которые привлекли внимание многих выдающихся людей своего времени: композиторов Д. Кейджа и Ф. Заппа, президента США Г. Хамфри, премьер министра Канады П. Трюдо, режиссера В. Алена и др., – Д. Теолл признавал, что в этих работах Маклюэна больше поэтического языка, чем философии. Афоризм «*the medium is the*

message», по мнению критика, может, как и мистические мантры, иметь много значений и породить много толкований в зависимости от нового подхода или точки зрения, метода исследования, восприятия, отношения к новым технологиям [121, р. 12–13]. Возможно, высказывание Теолла справедливо и объясняет причину, по которой специалисты из самых разных областей знания находят в работах Маклюэна предмет для исследования в своей сфере.

Маклюэн уверен, что развитие средств массовой коммуникации: устной речи и письма, печатных и электронных СМИ, фотографии и кинематографа, телеграфа и телефона, дорог и транспорта, – помогало человеку освоить мир, наладить отношения с окружающей природой и обществом, расширить коммуникативное пространство. Появление новых технологий в строительстве, прокладке дорог, денежном обращении, книгопечатании, кинематографии, вооружении, изобретение электрической лампы, телефона и телеграфа изменяли образ жизни человечества, способы взаимоотношений между людьми, ощущение размера окружающего мира. Все эти средства коммуникации, по мнению Маклюэна, постоянно взаимодействуют, развивая и преобразуя друг друга. Вместе с тем каждое из них является продолжением человека: жилище и одежда – продолжением кожи, транспорт – продолжением ног, перо – продолжением руки, телевидение – продолжением глаз, компьютер – продолжением нервной системы человека и т. д.

Развитие цивилизации, согласно учению Маклюэна, связано с постоянным совершенствованием средств коммуникации, прогрессом и одновременно с изменениями в коммуникативном пространстве: разобщенные территории соединяются в единое целое с помощью новых дорог, транспорта, денег, СМИ.

Маклюэна отличает неожиданный взгляд на самые обычные предметы. Из книги «Понимание средств коммуникации» мы узнаем о том, какую огромную роль в жизни человека эпохи Фердинанда и Изабеллы играли такие средства коммуникации, как географические карты – помощники в освоении новых просторов: их тщательно оберегали от чужих глаз, чтобы враги не могли похитить. Они были ключом к освоению новых территорий. Владелец правильно составленной географической карты хорошо ориентировался в пространстве, знал, куда ему двигаться. Для тех времен, как утверждает Маклюэн, карты играли ту же роль, как для современного человека XX века – новейшие технологические разработки, которые современные бизнесмены нередко крадут у конкурентов. Карты в теории канадского ученого связаны с другими СМК – дорогами: они соединяли раз-

ные географические точки, по ним долгое время распространялась информация, и только изобретение электричества и телеграфа создало условия для мгновенной передачи сообщения.

Деньги, по мнению Маклюэна, – это тоже форма коммуникации, язык, который переводит «труд фермера в труд парикмахера, доктора, инженера или водопроводчика» [39, р. 136]. Трансформация денег из монет в банкноты, а затем в кредитную карту изменила не только формы финансовых взаимоотношений, но и передачу информации в целом, объединила разные страны и континенты в единую систему.

Одежда в системе Маклюэна служит средством коммуникации в обществе, с помощью которого человек с античности до Новейшего времени рассказывал окружающим о своем происхождении, статусе, характере, а иногда профессии, национальности и религиозных убеждениях. В контексте теории Маклюэна иное значение приобретает слово «дресс-код»: под этим словосочетанием можно понимать не только правила, предъявляемые к одежде в той или иной ситуации, но и язык-код, который надо знать, чтобы правильно выстраивать отношения в обществе.

В процессе завоеваний немалую роль играло оружие. Вооружение, полагает ученый, всегда играло огромную роль в создании новых пространств и создавало свой дискурс, в котором активную роль играли новые технологии.

Одной из ключевых в работах Г.М. Маклюэна является проблема коммуникативного пространства. К этой теме ученый постоянно обращался в работах «Галактика Гутенберга», «Война и мир в глобальной деревне» (*War and Peace in the Global Village*, 1968), «Культура – наш бизнес» (*Culture is our Business*, 1970), а также в написанной в соавторстве с Г. Паркером книге «Сквозь исчезающую точку. Пространство в поэзии и живописи» (McLuhan M., Parker H. *Through the Vanishing Point: Space in Poetry and Painting*, 1968), но более подробно проблема эта рассмотрена в работе «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека».

Если для Г. Инниса ключевым понятием в коммуникативистике было время, то для Маклюэна – пространство. Несмотря на то что Маклюэн не дает четкого определения термина «коммуникативное пространство», само понятие постоянно возникает на страницах его книг. Развитие коммуникативного пространства, согласно теории Г.М. Маклюэна, связано с появлением новых средств коммуникации и знаменует собой новый этап в развитии человечества. У Маклюэна развитие цивилизации напрямую связано с инновациями в области средств массовой коммуникации (СМК).

В своих исследованиях Маклюэн рассматривал все явления междисциплинарно: как философ, литературный критик, культуролог, социолог, биолог; иногда он рассуждал о достижениях в области физики и кибернетики, хотя его знания в этих областях были поверхностными. Рассуждая о коммуникативном пространстве, он не раз обращался к точным наукам. Такой подход к исследованию ученый перенял у своего друга, архитектора Зигмунда Гидеона, который в своей книге «Механизация берет управление в свои руки» (*Mechanization Takes Command*, 1948) анализировал разные виды пространства в искусстве с учетом последних достижений в электромеханике. Следуя примеру Гидеона, Маклюэн рассматривает коммуникативное пространство в параллели с развитием научных идей в физике. Мир печатной культуры, так называемая галактика Гутенберга, для Маклюэна имеет «линейный, гомогенный характер ньютоновского пространства». Открытие в 1905–1906 гг. А. Эйнштейном теории относительности, частью которой была теория единого пространства и времени, канадский ученый связывает с революцией в области СМК – изобретением телефона, телеграфа, затем электронных СМИ. Эти открытия, как утверждает Маклюэн, привели к распаду галактики Гутенберга и возникновению многомерного коммуникативного пространства, которое в любой момент могло соединиться в одну точку. Об этом новом мире Маклюэн писал: «Время прекратило свое существование, пространство исчезло. Мы теперь живем в глобальной деревне... где все происходит одновременно»¹.

К проблемам коммуникативного пространства в творчестве Маклюэна обращались многие исследователи: Д.В. Кэрри, Р. Кавелл (R. Cavell), П. Левинсон, Д. Теолл. Все они отмечают, что Маклюэн был прежде всего литературоведом, поэтому в его книгах художественные произведения являются основным материалом для анализа. Д. Теолл в книге «Виртуальный Маклюэн» обращает внимание на гениальность, многообразие и противоречивость идей Маклюэна, в том числе в подходе к проблеме пространства. Теолл показывает, как переплелись в работах Маклюэна его литературные предпочтения, интерес к новейшим технологиям и глубокая религиозность. Большое внимание критик уделяет проблеме акустического пространства в трудах канадского медиагуру.

Канадский исследователь Ричард Кавелл в своей книге «Маклюэн в пространстве: Культурная география» (Cavell R. *McLuhan in Space: Cultural Geography*, 2002) утверждает, что Маклюэн был теоретиком пространства

¹ «“Time” has ceased, “space” has vanished. We now live in a global village... simultaneous happening» (McLuhan M. *The Medium is the Massage: An Inventory of Effects*. – New York: Gingko Press, 2002. – P. 63).

(«spatial theorist»), в то время как его старший коллега Гарольд Иннис, которого, как и Маклюэна, считают основателем Торонтской школы коммуникативистики, по мнению Кавелла, – «теоретиком времени» («time theorist»). В книге Кавелла подробно рассматриваются концепции тех ученых, которые повлияли на формирование Маклюэна как теоретика медиа и литературного критика (Г. Иннис, З. Гидеон, Н. Фрай), а также то влияние, которое канадский профессор оказал на своих учеников и коллег.

Р. Кавелл также анализирует концепцию акустического пространства в трудах Маклюэна. Он пытается доказать, что проблема пространства, как и все теории ученого, напрямую связана с его канадским происхождением и сформировалась под влиянием идей канадских интеллектуалов П.У. Льюиса (P.W. Lewis), И.А. Ботта (E.A. Bott), К. Уильямса (C. Williams), Д.М. Гиббона (J.M. Gibbon) и ряда других. Особую роль в формировании взглядов Маклюэна, в том числе теории коммуникативного пространства, по мнению Р. Кавелла, сыграл Г. Иннис. Вместе с тем критик не согласен с теми исследователями, которые принижают значение трудов Маклюэна, обвиняя ученого в повторении идей своего старшего коллеги.

Следует признать, что при всей противоречивости концепции коммуникативного пространства М. Маклюэна в ней есть определенная логика. Если теория «глобальной деревни» не до конца понятна человеку телевизионной эпохи, то в век Интернета Маклюэн многим кажется пророком, предсказавшим изменения в системе коммуникаций между людьми и возникновение нового коммуникативного пространства. Свойственный ученому дар «рождать» запоминающиеся фразы, основанные на игре слов с использованием аллитераций, сделали труды Маклюэна популярными, а многие его высказывания стали крылатыми выражениями и популярными цитатами.

Одной из самых спорных тем, поднятых Маклюэном в «Понимании средств коммуникации», является его классификация медиа на «cool» («прохладные») и «hot» («горячие»). Эти понятия заимствованы ученым из джазовой терминологии¹. В джазе «cool» (прохладный) означает легкий, бесстрастный, спокойный ритм, «hot» (горячий) – ритм быстрый, полный страсти и чувства. К «прохладным» средствам общения Маклюэн относил телевидение и радио частично потому, что эти СМИ представляли анонимные корпорации без четко выраженной точки зрения. К «горячим» он относил печатные СМИ, которые всегда выражают авторскую точку зрения, мнение редакции, они не могут быть безличны и абстрактны, т. е. «cool».

¹ Ж. Марчиссо полагает, что эта терминология также заимствована из восточных философских учений. (См.: Marchessault J. Op. cit. – P. 176).

Эти идеи Маклюэна представляются достаточно спорными. Поскольку у телевизионных каналов, как и у печатных СМИ, есть хозяева – «заказчики», зритель смотрит не анонимные передачи, он вынужден потреблять информацию в том виде, в каком она представлена редакторами, журналистами. Часто сюжеты искажают действительность, дезинформируют зрителей. Чем больше мифов они создают, тем труднее поверить в существование истины. Каждый мыслящий зритель при просмотре новостей, образовательных и развлекательных передач, не говоря уже о рекламе, задает себе маклюэновский вопрос: «What is the message?» (В чем суть сообщения?).

«Горячее» СМК, такое, как радио, по мнению Маклюэна, отличается от «прохладного», такого как, например, телефон, способом передачи чувства «высокого порядка» (sense in «high definition»). В классификации Маклюэна «горячие» медиа – это те, которые не требуют высокой степени участия со стороны аудитории, а «прохладные», средства «низкого порядка» («low definition») – те, которые нуждаются во вмешательстве извне, в ответной реакции целевой аудитории. Ученый разработал систему оппозиций, которая выглядит следующим образом:

Таблица

**Классификация медиа на «горячие» и «прохладные»,
представленная в трудах М. Маклюэна**

«Горячие»/ «высокого порядка» медиа	«Прохладные» / («низкого порядка» медиа)
Газета, книга, рукопись	Интернет
Фотография	Комикс
Лекция	Семинар
Вальс (танец)	Твист (танец)
Кино	Телевидение

П. Левинсон обратил внимание на то, что Маклюэн допускает, что СМК могут «менять температуру». По мнению критика, постоянные пробы (эксперименты) Маклюэна и его учеников, в которых соединяются разные виды коммуникации (телевидение, кинематограф, музыка, политика, одежда), были направлены на поиск новых возможностей в сфере коммуникаций, в том числе новых «температурных режимов» [101, p. 105–118].

Еще одним важным положением в книге Маклюэна «Понимание средств коммуникации» является его идея о том, что каждое средство коммуникации является продолжением одной из частей тела человека. Эта идея также вызвала много дискуссий и споров среди исследователей из

разных стран. Эта мысль была заимствована художниками, писателями, кинематографистами. Телевидение, компьютерная игра, автомобиль как продолжение человека появляются на экране в фильмах канадского режиссера Д. Кроненберга «Видеодром» (1983) (Videodrome), «Экзистенция» (1999) (EXistenZ), «Автокатастрофа» (1998) (Crash), фильме «Матрица» братьев Вачовски.

Рассуждая об электронных СМИ, возникновении «глобальной деревни», Маклюэн не рассматривал новые медиа в контексте изменяющегося общественного порядка. Хотя ученый понимал, какую власть приобретают медиа в мире в XX веке, в своих трудах он не касался таких проблем, как роль медиа в современном капиталистическом обществе, экономические аспекты СМИ, медиа и власть. Телевидение, в понимании ученого, это возвращение в первобытное общество, при котором баланс некоторых наших чувств (слух, зрение) будет восстановлен, что благоприятно скажется на центральной нервной системе человека. В теории Маклюэна главным в цивилизации является не человек или общественный уклад, а развитие средств коммуникации. Такой уклон не раз подвергался критике. Однако видение исторического развития мира с точки зрения эволюции коммуникационных технологий имело своих сторонников, среди которых А. Крокер, Д. де Керкове, Д. Кроненберг, Т. Вульф и др. Сторонники и противники теории Маклюэна постоянно полемизируют, защищая и опровергая основные тезисы ученого, изложенные им в работах «Галактика Гутенберга» и «Понимание средств коммуникации».

Как уже упоминалось выше, интерес к проблеме коммуникации возник у Г.М. Маклюэна во многом под влиянием Гарольда Инниса и его работ «Империя коммуникации» и «Сдвиг коммуникации». В «Галактике Гутенберга» Маклюэн подчеркивает, что «Иннис первым раскрыл процесс изменения, таящийся в *формах* коммуникационной технологии. Данная книга в определенном смысле – всего лишь пояснительная сноска к его труду» [46, с. 74]. Такое заявление нетипично для Маклюэна, для которого не было авторитетов в области теории коммуникации. Это заявление дало повод ряду критиков упрекнуть Маклюэна в том, что в «Галактике Гутенберга» и «Понимании средств коммуникации» нет ничего нового, что автором развита лишь одна малозначительная мысль Инниса – о влиянии медиа на сферу чувств человека. Об этом, например, в 1968 г. писал теоретик коммуникации Д. Кэрри [109, р. 272–307]. Однако именно Маклюэну, продолжившему и переосмыслившему на новом уровне идеи Инниса, удалось создать последовательную, целостную теорию, которая завладела умами и нашла своих сторонников и противников.

Вместе с тем надо признать, что Маклюэн в своих работах последовательно развил многие мысли своего коллеги по Университету Торонто. Так, положение о влиянии доминирующих в обществе средств коммуникации на образ жизни и мышление людей, которые являются ключевыми в «Империи коммуникации» и «Сдвиге коммуникации», можно встретить на страницах «Галактики Гутенберга» и «Понимания средств коммуникации». Разница заключается в том, что у Инниса эти идеи напрямую связаны с экономическим и политическим устройством определенной формации, а у Маклюэна – с социально-культурными изменениями в обществе.

Маклюэн в своих работах также углубил мысль Инниса о возможности трансформации сознания людей под влиянием медиа, добавив понятие «сенсорный баланс», утверждая, что медиа являются нашим продолжением («media are extensions of ourselves») и что каждое средство коммуникации изменяет соотношение между нашими чувствами. Таким образом, люди в устном первобытном обществе, согласно теории Маклюэна, имели более развитый слух; люди, живущие в эпоху печатной культуры, отличаются хорошим зрительным восприятием. Ученый уверен, что разница между человеком печатной и рукописной культуры так же велика, как между безграмотностью и грамотностью.

По мнению американской исследовательницы Д.П. Флайхан (D.P. Flayhan), включение понятия сенсорного баланса в теорию коммуникации, видение электронных средств коммуникации как продолжения центральной нервной системы человека в трудах Маклюэна возникает под влиянием сразу двух ученых – Г. Инниса и психолога А. Бергсона [319, р. 85]. Позднее мысли Маклюэна нашли свое продолжение в работах У. Онга, Д. Мейровица, Э. Хейвлока, Д. Теолла.

Пророчества Маклюэна интересовали публику, представителей СМИ, топ-менеджеров, но в университетских кругах его идеи вызывали протест и негодование. Раймонд Розенталь в предисловии к сборнику статей «Маклюэн: За и против» отмечал, что Маклюэн не был первым мыслителем или аналитиком, предсказавшим апокалипсис и сдвиг цивилизации. Однако, по мнению критика, он был первым, кто основывал свои предсказания на невидимо функционирующих медиа, он также претендует на первенство в изобретении «грамматики эмоционального, чувственного и поразительного “языка”, который используют СМИ»¹. Даже если Маклюэн не

¹ «McLuhan, of course, is not the first thinker or analyst to see an apocalyptic demise for our civilization. He is the first, however, to base his prediction on the blind functioning of the mass media. And he is also the first to claim... that he has invented what might be called a

был создателем медиаязыка, он создал логичную картину взаимосвязанного развития общества и смены коммуникационных технологий, привлёк внимание к проблемам новых электронных СМИ, прежде всего телевидения, которые в 50–60-е гг. становились доминантой современной культуры. Он обратил внимание общественности на ту манипулятивную роль, которую играют СМИ, и не столько предсказал (об этом говорили и до него), сколько закрепил в сознании людей мысль о том, что вскоре массмедиа будут определять повестку дня и формировать картину мира. Сейчас эти идеи стали аксиомами.

Однако Розенталь прав, иронизируя по поводу категоричных утверждений Маклюэна о том, что книжной культуре не будет места в новой электронной эпохе. Розенталь выразил уверенность, что книга по-прежнему будет частью жизни человека и подготовленный им сборник статей «за» и «против» Маклюэна найдет своего читателя [109, p. 5].

Идеи Маклюэна были популярны не только в Канаде и США, но и в Европе. В своих работах 1970-х гг. Маклюэн призывал отказаться от книжной культуры во имя слуховизуального «космического сознания». Он предсказывал скорое возникновение нового типа глобального информационного пространства. Искусство, по его мнению, должно соединиться со средой¹. Эти положения в трудах Маклюэна, наряду с призывом к ликвидации границы между городской и фермерской культурой, Л.М. Землянова относит к арсеналу «шоковой терапии Маклюэна» [372, p. 19]. Следует признать, что все пророчества Маклюэна сбылись: новое информационное пространство – Интернет – соединило человечество в одну глобальную сеть. Новое искусство позволяет зрителю и читателю участвовать в создании новых произведений: это стало неотъемлемой частью культуры постмодернизма.

Маклюэн понимал, что будущее за новыми технологиями, и проблема человечества заключается в том, чтобы найти общий язык с тем новым, что ждет нас впереди. Люди, по его мнению, входят спиной в будущее. «Непонимание того, как использовать новые знания, растет по экспоненте, – писал Маклюэн. – Технологии – это не просто изобретения, которые используют люди, это средства, с помощью которых люди создаются заново... Будущее – адрес нашего проживания» [143].

grammar of the emotional, sensatios, and sensational 'language' used by mass media» (McLuhan: *Pro and Con*. – P. 4).

¹ Эти мысли Маклюэн высказывал во многих своих трудах, но наиболее подробно касался этих тем в книге «Контрвзрыв» (McLuhan M., Parker H. *Counterblast* / M. McLuhan. – New York: Hartcourt-Brace, 1969).

В 1970-е гг. интерес к работам Маклюэна значительно упал. Следует отметить, что в академических кругах этого времени многие идеи и высказывания канадского профессора вызывали протест. Маклюэн позволял себе «залезать» в чужие области знаний, например в биологию или кибернетику, в которых он не был специалистом, и пытался выстроить концепции на «чужой территории». Это вызывало негодование у коллег. Однако В.П. Терин не прав, утверждая, что Маклюэн легко шел на конфликты с коллегами. Как человек глубоко религиозный, он старался избегать конфронтации, но ради идеи мог высказать мнение, которое шло вразрез с принятыми нормами, и, таким образом, был часто возмутителем спокойствия в университетской среде. Маклюэн, как справедливо отметил Терин, нападал на социологов, изучавших массмедиа, утверждая, что их деятельность устарела, не помогает изучить предмет, а в ответ они объявляли его высказывания абсурдными [380, р. 125]. Это обусловлено тем, что в 60–70-е гг. XX в. популярными методами исследования СМИ в Северной Америке были прежде всего социологические методы, которые канадский коммуникативист не использовал при изучении медиа. Однако со временем Маклюэн смог занять свою нишу среди теоретиков коммуникации; его подходы к исследованию хотя и не были единодушно признаны в академической среде, тем не менее завоевали своих сторонников, среди которых были А. Крокер, Д. де Керкове и многие другие.

В 1990-е гг., после его смерти, наступила эпоха Интернета, и теории Маклюэна приобрели новый смысл. Идея мира как «глобальной деревни», в которой ничего нельзя скрыть и все ответственно за все, стала созвучна времени. В электронной информационной среде, пророчески писал Маклюэн, уже нельзя будет игнорировать мнение меньшинства, когда «слишком много людей знают многое друг о друге ... новая среда требует участия и совместной серьезной работы» [37, р. 24]. Ученый предвидел, что в новой эпохе текст и электронные СМИ сольются в одно целое. Если у Маклюэна печатные средства коммуникации «горячие» и линейные, электронные (телевидение и радио) – «прохладные» и интерактивные, то его последователи определяют гипермедиа в Сети как «freezing» (замерзающие, застывающие)¹.

Высказывания Маклюэна полны парадоксов, эпатажа, их надо додумывать, расшифровывать. Во многом работы канадского исследователя напоминают роман Умберто Эко «Имя Розы», который каждый понимает

¹ См.: Сайт факультета коммуникации и искусства Университета Реджент, штат Вирджиния, США (School of Communication and the Arts, Regent University, VA, USA) / <http://www.regent.edu/acad/schcom/rojc/mdic/mcluhan.html>.

по-своему: для одних читателей – это интеллектуально-философский роман, для других – занимательный детектив.

В сборнике «Маклюэн: За и против» собраны статьи 1960-х гг., авторами которых являются специалисты из разных областей знания. Профессор факультета английского языка и литературы из Монреаля Нил Комптон (Neal Compton), поражаясь популярности Маклюэна в 1960-е гг., которая, по его мнению, может сравниться только с известностью группы «Битлз» и Мэрилин Монро, заявил, что своей славой Маклюэн обязан не научным трудам и литературной критике, а апокалиптическим высказываниям, превратившим его в первого «поп-философа» [109, р. 107]. Об этом писали многие современники Маклюэна.

Противоположные взгляды высказали литературовед Р. Костеланец (R. Kostelanetz) и теоретик-коммуникативист Д.У. Кери (J.W. Carey). По их мнению, Маклюэн внес значительный вклад в развитие современной коммуникативистики, определенный интерес представляет и литературная критика ученого. Однако и в эссе названных выше авторов, выступающих за Маклюэна, много критических и ироничных замечаний.

Джон М. Калкин (John M. Culkin), директор Центра коммуникаций в Университете Фордхем, в котором Маклюэн вел курсы по коммуникации и медиа, считал, что теории Маклюэна были своеобразным вызовом не только исследователям, но и обществу в целом. Тем не менее критик полагает, что к ним следует прислушаться, поскольку в них, несомненно, есть понимание того, что происходит в современном мире, какую роль будут играть СМИ в ближайшем будущем. Оппонентов Маклюэна он призывал не винить в возникшей угрозе того, кто предупреждает о «несущемся на них грузовике». Калкин отметил, что лекции Маклюэна интересны молодежи и канадскому профессору есть что рассказать студентам [109, р. 252–256]. Мнение Калкина основано на личном знакомстве с Маклюэном, его трудами и преподавательской деятельностью. Время показало, что Калкин прав. Молодежь с интересом восприняла «пророчества» канадского профессора. Прогнозы Маклюэна о новом электронном сообществе предварили эпоху Интернета.

Особый интерес в сборнике «Маклюэн: За и против» представляет статья Хью Кеннера «Понимая Маклюэна», в которой критик заявляет о существовании трех Маклюэнов: первого – гения, второго – критика-разоблачителя, убежденного в том, что все сказанное первым (Маклюэном) – эрзац реального мира, и третьего – дельфийского оракула [109, р. 24].

В 1960-е гг. Х. Кеннер был признанным авторитетом в области англо-американской литературы, автором нескольких серьезных литературоведческих трудов, младшим коллегой Маклюэна по университету Торонто. Его мировоззрение и художественные пристрастия в начале творческой карьеры сформировались под влиянием Маклюэна. Кеннер не раз выражал благодарность за множество продуктивных идей, которые ему подарил коллега. По мнению Кеннера, Маклюэн тратил свой талант попусту. Он считал, что книга «Понимание средств коммуникации» совсем не то, чего можно было бы ожидать от ученого такого уровня. Восхищение личностью и идеями Маклюэна сопровождается у Кеннера осуждением старшего коллеги за то, что он отошел от своей основной специальности – литературы, в которой, по мнению Кеннера, Маклюэну и следовало применить свои энциклопедические знания и талант. В более поздних статьях Кеннер изменил свое мнение и с большим уважением писал о работах Маклюэна в области медиа и теории коммуникации.

Подбор статей в сборнике Розенталя нельзя назвать сбалансированным: 70 % авторов обрушиваются на Маклюэна с беспощадной критикой. Специалист по массовой культуре Двайт МакДональд (Dwight McDonald) называет «Галактику Гутенберга» «унылой книгой», о «Понимании средств коммуникации» он с сарказмом пишет, что это не «чистый бред» («pure nonsense»), а «нечистый» («impure nonsense») бред, над которым надругался разум («impure nonsense adulterated by sense») [109, p. 31–32].

Телевизионного критика Майкла Д. Арлена из «Нью Йоркера», как и многих противников Маклюэна, возмутила невероятная в то время популярность канадского профессора, который получил статус «знаменитости» в американских СМИ. Участие Маклюэна в разнообразных популярных телепередачах вызвало раздражение Арлена, полагавшего, что Маклюэн и его теории неоригинальны и неинтересны [109, p. 82–86].

Литературный критик Кристофер Рикс (Cristopher Ricks) в статье «Маклюэнизм» выражает несогласие с теорией коммуникации Маклюэна и называет ее автора «некомпетентным историком» («false historian»), «Галактику Гутенберга» – сумасшедшей книгой («maddening book»), «Понимание средств коммуникации» – худшей и наиболее продаваемой книгой («the worst and ... the best-selling»). Рикса возмущало, что небольшого объема книга «Средство сообщения – это массаж» с коллажами и знаменитыми комментариями автора стоит 42 доллара, хотя в ней нет ничего серьезного. Популярные идеи Маклюэна об обществе будущего, в котором людьми манипулирует телевидение, казались Риксу преувеличением [109, p. 100–105]. Подобные претензии высказывали в 1960–1970-е гг. многие

противники Маклюэна. Так, социолог Том Наирн (T. Nairn), по аналогии с Риксом, назвал свою статью «Маклюэнизм – миф нашего времени» (*McLuhanism: the Myth of Our Time*). Наирн отмечает противоречия и неточности в трудах Маклюэна, но ставит ему в заслугу то, что его книги стимулируют интерес к исследованию медиа [109, p. 140–152].

Ряд замечаний, сделанных критиками, имеет под собой основания. В трудах Маклюэна можно встретить противоречивые высказывания и неточности. Он на самом деле был «человеком одной идеи», и отобранный им материал должен был неизменно служить доказательной базой его теории медиа.

Следует помнить о том, что материалы для сборника «Маклюэн: За и против» написаны в то время, когда популярность Маклюэна в США и Канаде достигла своего пика и слава канадского ученого вызывала раздражение среди североамериканских интеллектуалов. Профессор в их понимании – не поп-звезда и не должен быть в центре внимания массмедиа, обласкан бизнес- и политическими элитами. В большинстве статей сборника с сарказмом и возмущением говорится о «звездности» канадского исследователя.

Судя по подборке статей, авторами которых в большинстве своем были убежденные противники Маклюэна, Розенталя вряд ли можно отнести к поклонникам ученого, хотя критик и утверждал обратное. Создается впечатление, что основную свою задачу большинство авторов сборника видели в том, чтобы развенчать популярного профессора и доказать, что его слава незаслуженна. Символичной является обложка сборника, на которой вытянутый и деформированный портрет Маклюэна разделен зеленым и красным цветом на две части, причем в лоб и подбородок забито по гвоздю. Вероятно, Розенталь решил, что критикам таким образом удалось «пригвоздить» неуемного профессора.

Тем не менее книга «Маклюэн: За и против», изданная во время творческого подъема Маклюэна, представляет огромный интерес для исследователей. Высказанные в сборнике мнения отражают восприятие теорий и идей канадского исследователя определенной частью интеллектуальной элиты и общества в целом. Ряд наблюдений критиков, опубликованных в этой книге, заслуживают серьезного внимания, но должны рассматриваться в контексте развития теории медиа и литературной критики 60-х гг. с учетом последних достижений и открытий в этих областях.

В 1971 г., еще при жизни Маклюэна, в серии «Современные мастера» вышла книга Джонатана Миллера «Маршалл Маклюэн». Миллер предпринял серьезную попытку проанализировать теории канадского ученого, свя-

зав их с его литературоведческими трудами. Критик обращает внимание на то, что в своих работах Маклюэн уделяет большое внимание творчеству литераторов, которым не была свойственна «линейная логика», – Т. Нэша, А. Теннисона, С. Кольриджа, Д. Джойса. В результате проведенного исследования Миллер приходит к выводу, что этот интерес связан со спецификой нелинейного мышления самого Маклюэна, что нашло отражение и в клиповом стиле изложения мыслей канадского профессора. Особое внимание в монографии Миллера заслуживает анализ взаимоотношений М. Маклюэна с литераторами и общественными деятелями американского Юга. Миллер был одним из первых, кто отметил общность между консервативными взглядами канадского ученого и концепциями «южных аграриев».

Идеи Маклюэна, как это неоднократно отмечалось нами, часто вызвали протест в академической среде. Симптоматичным является выступление в 1969 г. в Лондоне на конференции Ассоциации исследователей английского языка и литературы президента этой организации профессора Ребекки Смит (Rebecca Smith). В своей часовой речи «Маклюэн и будущее литературы» профессор Смит предостерегла научное сообщество от увлечения теориями канадского исследователя, которые, как она полагала, вредны и опасны для академической среды своими попытками смешать современную поп-культуру с классической литературой и искусством. Высказывания Маклюэна о детрайбализации общества – превращении его в первобытное общество, «глобальную деревню» в эпоху телевидения, о расцвете электронной культуры и закате книжной, а также мысль о том, что люди не столько работают, сколько играют в обществе определенные роли, вызвали особый протест Р. Смит. Вполне понятно неприятие критиком мысли Маклюэна о том, что благодаря телевидению происходит рост уровня культуры в американском обществе и его европеизация.

Маклюэнизм – увлечение идеями Маклюэна в современном обществе – профессор Смит назвала дежурной философией («philosophy of the day»), которая разлагает молодые умы [126, р. 3–19]. Это мнение Р. Смит было достаточно распространено в академической среде США и Великобритании. Литераторы пытались всеми силами защитить «высокое искусство» от массовой культуры, которая, по их мнению, вела к деградации общества. Небрежности и неточности, которые Маклюэн допускал при анализе творчества ряда писателей, например Д. Джойса, давали основания обвинять его в некомпетентности. Коллегам, не желающим допускать популярную культуру в университеты, Маклюэн ответил в статье «Класс без стен» (*Classroom without Walls*, 1957), а позднее в учебном пособии «Город как классная комната: Понимание языка и средств массовой коммуника-

ции» (*The City as Classroom: Understanding Language and Media*, 1977). Эта книга стала программой-инструкцией по изучению современной культуры и СМИ не только для студентов, но и для их учителей. Маклюэн предупреждал академическое сообщество, что если оно не станет изучать современную культуру, прежде всего телевидение, музыку, искусство, то не сможет понимать своих студентов.

Маклюэна легко было подловить на неточностях из-за противоречивости некоторых высказываний, хотя знакомство со всеми его работами дает четкое представление об основных положениях предложенной им теории коммуникации, отношении к современной, в том числе телевизионной, культуре, его литературно-критических взглядах.

Во многом нападки на Маклюэна объясняются непониманием его идей; яркие, запоминающиеся фразы из его работ часто вырывались из контекста. Следует признать, что в 60-е гг. Маклюэн стал настолько культовой фигурой в американском и европейском обществе, что многие цитировали его, даже не читая его книг и статей. Существует феномен аналогичного отношения к теориям К. Маркса и З. Фрейда. Многим кажется, что они знают, что хотели сказать эти мыслители, но мало кто внимательно читает их тексты.

Энциклопедизм Маклюэна в области литературы, истории, философии позволял ему легко оперировать множеством литературных, философских, исторических примеров, сталкивая в одном тексте героев У. Шекспира и Д. Джойса, мыслителей эпохи Возрождения и поэзию викторианцев. Однако, не имея достаточно глубоких знаний в области биологии, психологии, технологий, ученый не боялся «залезть» в эти области и выстраивать концепции на незнакомой территории. Такой подход к исследовательской деятельности, возможно, объясняется тем, что автор «глобальной деревни», учитывая вызовы времени, считал, что нельзя больше оставаться узким специалистом и поэтому пытался рассматривать проблему многогранно, а не односторонне. Проникая в чужую отрасль знания, Маклюэн оставался литературоведом и использовал литературные образы и аналогии при анализе различных явлений.

Интерес критиков долгое время был сосредоточен на работах, написанных Маклюэном в 1960–1970-е гг., тех трудах, которые сделали его имя известным во всем мире, и прежде всего на «Галактике Гутенберга» и «Понимании средств коммуникации». Критические и публицистические статьи ученого 1930–1940-х гг. не получили широкого резонанса, хотя имя Маклюэна было известно в академической среде, среди «новых критиков» американского Юга.

Д. Теолл справедливо считает, что Маклюэн внес значительный вклад не только в развитие теории коммуникации, но и в изучение литературы модернизма, в пропаганду творчества Э. Паунда, Т.С. Элиота, Д. Джойса [121, р. 34].

Это мнение разделяет и профессор англо-американской литературы из Университета Болоньи Елена Ламберти. Главная мысль ее книги «Маршалл Маклюэн в литературе, искусстве и медиа» заключается в том, что во всех трудах Маклюэна литература играет значительную роль. Ламберти обращает внимание на то, что ученый использовал литературу и искусство в двух целях: как исследователь медиа он искал в них идеи и примеры для своих теорий, как профессор английской литературы и литературный критик — изучал формальные достижения писателей и поэтов. Маклюэна, по мнению Ламберти, в литературе интересовали прежде всего новые методы и технологии, новый язык, с помощью которых литераторы пытались выразить свои мысли. Ламберти уверена, что Маклюэн является неотъемлемой частью эпохи модернизма, а его необычный стиль письма — свидетельство принадлежности Маклюэна как к литературе модернизма, так и к литературе постмодернизма [100, р. 192].

Е. Ламберти считает, что характерные для канадского исследователя способы наблюдения и определения явлений, их понимание и толкование служат мостом, соединяющим точные и гуманитарные науки, причем эта конструкция создана с помощью художественного воображения, интуиции и языка, но они применяются с помощью своеобразных опытов (*проб*) во всех областях знания, ко всем средствам коммуникации не только в сфере литературы и искусства, но и в других областях¹.

В статье «Целостное понимание: Маршалл Маклюэн как литератор» (*Integral awareness. Marshall McLuhan as a Man of Letters*), вошедшей в сборник «Наследие Маклюэна», Е. Ламберти напоминает, какой значительный вклад сделал канадский профессор в области литературоведения: составил антологию сборника американской и европейской поэзии для старших классов североамериканских школ, написал серьезное диссертационное исследование о литераторе елизаветинской эпохи Томасе Нэше, опубликовал около сотни литературоведческих статей, предисловий к монографиям, посвященным творчеству Г.К. Честертона (Кеннер Х. *Парадокс у Честер-*

¹ «McLuhan's ways of *observation* and *identification*, his ways of *perceiving* and *rendering* his world, somehow bridge the sciences and humanities: they are built upon an artist-like use of imagination, intuition and language, but they are applied, with a probing (and playful) attitude, to all cognitive fields, to all forms of knowledge, to all media» (http://www.chass.utoronto.ca/mcluhan-studies/v1_iss5/1_5art6.htm).

тона), Э. Паунда (Кеннер Х. *Эра Паунда*). Вместе с тем популярность и некоторая «звездность» Маклюэна в 1960-е гг., по мнению Ламберти, имели и свои негативные стороны. В академических кругах слава канадского теоретика вызывала неприязнь. Ламберти призывает серьезно штудировать не только работы Маклюэна по теории коммуникации, но и его литературную критику [122, р. 153–160]. Предложенный Ламберти путь изучения творчества канадского коммуникативиста обоснован тем, что Маклюэн в течение всей своей жизни оставался преподавателем литературы. Несомненно, игнорировать влияние роли литературы на теории медиа Маклюэна было бы, на наш взгляд, ошибкой.

Необходимость изучения идей Маклюэна с учетом его литературных пристрастий осознавал и известный американский литературовед Лесли Фидлер (L. Fiedler), считающийся в США «отцом постмодернизма». Проанализировав труды канадского мыслителя, он заявил, что Маклюэн является ярким представителем «постмодернистского мышления» («a prime example of postmodern thinking») [214, р. 151–167]. Это утверждение очень важно для понимания места М. Маклюэна в современной культуре и искусстве.

Отношение к идеям Г.М. Маклюэна и маклюэнизму в научных кругах Америки и Европы всегда было неоднозначным. Вместе с тем интерес к работам канадского ученого в последние десять лет значительно возрос. Серьезное исследование проблем массмедиа и теории коммуникации невозможно без опоры на труды Г.М. Маклюэна.

В теории Маклюэна много «литературности». Иногда именно удачные сравнения и метафоры в сочетании с безусловным энциклопедизмом автора, который собрал и обработал огромное количество источников, создают ощущение встречи с современной и, безусловно, интересной концепцией. Однако при внимательном прочтении его трудов можно найти много противоречий и ошибок, на что справедливо указывали многие критики. Нельзя отрицать, что, несмотря на все противоречия и нелинейную форму подачи материала, Маклюэн сформулировал стройную теорию, включающую и историю письменности, и историю становления, развития и функционирования средств массовой коммуникации. Роль литературной составляющей в творчестве канадского коммуникативиста зачастую является ключом к пониманию его теорий.

Следует признать, что мозаичные тексты М. Маклюэна сложны для восприятия теми, кто привык к линейной логике. Характерный для ученого стиль «исследовать, но не объяснять» требует читателя, готового вступить в диалог с автором и в некоторых случаях закончить его мысли. «Галактика

Гутенберга» и «Понимание средств коммуникации» – книги, которые следует читать многократно, чтобы понять основные идеи канадского коммуникативиста.

3.3. Теория медиа М. Маклюэна в контексте современных западных теорий коммуникации

Исследование различных аспектов коммуникации восходит к философии Древней Греции и Рима. В те времена риторика как искусство ораторского мастерства и убеждения была одним из важных аспектов в обучении; среди блестящих специалистов в области риторики можно назвать Сократа, Платона, Цицерона. На их труды в той или иной степени опирается большинство современных теорий коммуникации.

В Средние века и эпоху Ренессанса, как уже упоминалось выше, грамматика, риторика и логика образовали основу системы классического обучения в Европе – тривиум. Следует отметить, что первые исследования коммуникации М. Маклюэна связаны именно с риторикой. Рассматривая в своей докторской диссертации «Классический тривиум: Место Томаса Нэша в книжной культуре своего времени» конфликт между «риторико-грамматистами» и «диалектиками» елизаветинской эпохи, Маклюэн большое внимание уделил возникновению истории тривиума, античным школам риторики. Канадский ученый подчеркивал, какую важную роль с античности до настоящего времени играл язык, соединявший науку и грамматику. Глубокие знания истории развития риторики, грамматики, науки, языка с античности до современности помогли Маклюэну в формировании его теории медиа.

Анализируя наследие М. Маклюэна, своего бывшего научного руководителя, профессор Д. Теолл неоднократно подчеркивал тот факт, что маклюэновская теория медиа уходит корнями в исследования риторики и тривиума, изучение творчества французских символистов и писателей-модернистов, прежде всего Д. Джойса, и заканчивается теорией тетрад. Одну из глав своей книги «Виртуальный Маклюэн» Д. Теолл назвал «От тривиума к тетраде: Медиа как артефакт и язык» (*From Trivium to Tetrad: Media as Artefact and Language*) [121, р. 67–80]. Если рассмотреть труды Маклюэна в диахроническом аспекте, то они напоминают университетские этапы обучения в области гуманитарных наук: от базовых гуманитарных курсов к специализации «коммуникативистика».

Существует множество определений понятия «коммуникация». Под этим словом понимают транспортное сообщение и транспортные пути, обмен мыслями, процесс общения и передачу информации¹.

Л.М. Землянова обращает внимание на то, что в «коммуникативистике все эти значения фигурируют в разных концептуальных контекстах и интерпретируются в зависимости от тех или иных методологических позиций» [372, с. 65]. Об этом следует помнить при изучении разных школ и направлений в коммуникативистике.

Близким по значению к коммуникации является медиа. Английское «media», множественное число от «medium», означает средства массовой информации, окружающую среду, среду обитания, средства и пути передачи информации [297, р. 846].

Под медиа обычно понимают, как справедливо отметила Л.М. Землянова, «средства связи и передачи информации различных типов – от самых древних (языки жестов, дымов, барабанов, наскальных рисунков и др.) до наисовременнейших, образующих глобальные магистрали» [372, с. 200], то есть, следуя логике российской исследовательницы, медиа – это те же средства коммуникации. Таким образом, мы можем говорить о том, что теория медиа по сути своей синоним теории коммуникации.

По мнению немецкого философа, теоретика медиа и литературоведа Ф. Киттлера (F. Kittler, 1943–), понятие «коммуникация» получило распространение в академических кругах благодаря британскому мыслителю Джону Локку (John Locke, 1632–1704), который в своей работе «Опыт о человеческом разумении» (*Essay on Human Understanding*) высказал мнение о том, что коммуникация означает обращение в словесную форму мыслей человека и, соответственно, соединение различных людей с помощью языка [390]. Для Киттлера, как и для многих мыслителей XX в., коммуникация связана прежде всего с человеком, языком, общением между людьми с помощью языка, и лишь вторичное значение имеют математические подходы к проблемам коммуникации, обработки информации и передачи данных.

Киттлер находит теорию медиа М. Маклюэна заслуживающей внимания, но критикует канадского исследователя за технологический детерминизм, отсутствие глубокого анализа роли общества в общественных формациях, в развитии информационных технологий и средств коммуникации, и также не разделяет мысль канадского теоретика о том, что средства коммуникации являются продолжением человека [390].

¹ См., например: *The American Heritage College Dictionary*. – 3d ed. – Boston: New York: Houghton Mifflin Co., 1993. – P. 282.

В начале XX в. началось исследование коммуникации как отдельной академической дисциплины. В 1914 г. американским литературоведом, специалистом по риторике Гербертом Вичелнзом¹ (Herbert Wichelns) была основана Национальная ассоциация преподавателей ораторского искусства (National Association of Academic Teachers of Public Speaking), позднее переименованная в Национальную ассоциацию коммуникации (National Communication Association).

Хотя коммуникация как наука сформировалась в конце 1940-х гг., традиционными дисциплинами, изучающими коммуникацию и медиа с начала XX в., являются философия, биология, психология, социология, социальная психология, политология, лингвистика, искусствоведение. Коммуникация и медиа стали предметом исследований в новых отраслях научного знания, которые возникли после Второй мировой войны: кибернетике, семиотике, менеджменте и маркетинге. В послевоенные годы оформилось междисциплинарное поле исследований, обычно называемое «теория коммуникации» (communication theory).

Между учеными до сих пор нет единого мнения о том, что такое теория коммуникации и что должно быть предметом ее исследования. Профессор факультета коммуникации Университета Колорадо г. Болдер (University of Colorado at Boulder) Роберт Т. Крейг (Robert T. Craig) утверждает, что термин «теория коммуникации» впервые был использован в 1940-е гг. инженерами-электриками, описывающими математический анализ сигналов [388]. Родоначальниками современной теории коммуникации ученый считает математиков Клода Шэннона (Claude Shannon) и Уоррена Уивера (Warren Weaver), а также отца кибернетики Норберта Винера (Norbert Wiener). Вероятно, математики, пионеры в исследовании процессов коммуникации, изначально сформировали техническую терминологию, которая позднее была заимствована представителями других направлений в области теории коммуникации, среди которых были философы, социологи, лингвисты, культурологи.

Р. Крейг уверен, что существование разных трактовок понятия «коммуникация» связано с тем, что исследованиями в этой области занимаются специалисты разных профессий, каждый из которых рассматривает коммуникативистику применительно к своему роду деятельности и зача-

¹ Работа Герберта А. Вичелнза «Литературная критика ораторских речей» (The Literary Criticism of Oratory, 1925), в которой автор утверждает, что главным критерием оценки ораторского искусства является эффект, который произвела речь на аудиторию, считается одной из основополагающих работ американской риторической критики. Подробнее об этом см.: Смолененкова В.В. Понятие риторической критики // http://genhis.philol.msu.ru/article_49.shtml.

стую не интересуется работами коллег из других сфер. Он выделяет семь дисциплинарных подходов к теории коммуникации: *феноменологический* (phenomenological), который изучает способы организации общения между людьми, диалог; *риторический* (rhetorical), который рассматривает коммуникацию как практическое искусство дискурса; *семиотический* (semiotic), в котором коммуникация исследуется как система знаков; *кибернетический* (cybernetic), для которого коммуникация – это процесс обработки и передачи информации; *социопсихологический* (sociopsychological), рассматривающий коммуникацию как способ воздействия на поведение человека, групп людей, общества в целом, опираясь на знание психологии; *социокультурный* (sociocultural), согласно которому коммуникация рассматривает создание или воссоздание общественного порядка, взаимодействие людей в социуме; *критический* (critical) подход, предметом исследования которого является отражение дискурса [313, р. 119–161]. Некоторые концепции в области коммуникаций (например, кибернетику Н. Винера) можно определенно отнести к одному из подходов, представленных в классификации Крейга, но в ряде случаев исследования являются междисциплинарными.

Американский исследователь Д.А. Андерсон (J.A. Anderson) в своей работе «Теория коммуникации: эпистемологические основания» (*Communication Theory: Epistemological Foundations*, 1996) выделил 249 теорий коммуникации, которые логически обоснованы и имеют свою область и методы исследования, своих сторонников и противников. Исследователь отметил, что «многие современные теории коммуникации зависят от некоторой степени веры в конструируемую природу реальности и знания»¹. Андерсон, как и Крейг, осознавал тот факт, что теория коммуникации даже в 1990-е гг. не оформилась в отдельную дисциплину и может быть или отдельным направлением в ряде отраслей знания, или частью междисциплинарного исследования. Такое множество подходов, определенная эклектика в формировании самого понятия говорят о том, что коммуникативистика как научная дисциплина находится в процессе становления.

Интересно отметить, что представители разных школ в сфере коммуникации редко упоминают труды представителей другой «коммуникативистики». Таким образом, каждое направление теории коммуникации

¹ «Many contemporary communication theories depend on some belief in the constructed nature of reality and knowledge (Andersen J.A. *Communication Theory: Epistemological Foundations*. – New York: The Guilford Press, 1996. – P. 36).

или теории медиа в большинстве случаев развивалось достаточно независимо, хотя между ними есть очевидные пересечения.

Однако в последнее время все более популярными становятся междисциплинарные исследования в области коммуникации, значительное место в которых играют и труды Маклюэна.

Г.М. Маклюэн рассматривал медиа в широком понимании слова, а не только как средства массовой коммуникации. Его работы представляют ценность для всех вышеперечисленных подходов, хотя предметом научных интересов ученого были в основном телевидение и другие средства массовой коммуникации (media studies).

Основополагающие труды М. Маклюэна по теории медиа вышли в свет и получили всемирную известность в 1960-е гг. В это время авторитет и признание в академических кругах уже завоевали многие концепции в сфере коммуникации¹, в том числе идеи американского политолога и социолога Г.Д. Лассуэлла (H.D. Lasswell, 1902–1978) и социолога П.Ф. Лазарсфельда (P.F. Lazarsfeld, 1901–1976)², заложивших основы теории политических коммуникаций и связавших медиатекст с искусством пропаганды, причем заслуга Лазарсфельда состоит в том, что он привнес социологическое исследование в сферу коммуникации как научный метод. До Лазарсфельда изучение медиа носило в большей степени описательный характер.

Большой популярностью в 50–60-е гг. пользовались кибернетическая модель математика Норберта Винера (Norbert Wiener, 1894–1964), опубликовавшего в 1954 г. свой основополагающий труд «Кибернетика»; математическая модель американских исследователей К.Э. Шэннона (C.E. Shannon, 1916–2001) и У. Уивера (W. Weaver, 1984–1978), изложенная в 1949 г. в работе «Математическая теория коммуникации» (*A Mathematical Theory of Communication*)³; теория культивации Г. Гербнера¹ (G. Gerbner, 1919–2005) и многие другие.

¹ Подробнее о разных направлениях и школах в области теории коммуникации см.: Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика. – М.: Издательство МГУ, 1995; Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. англ. М.В. Арапова и Н.В. Малыхиной; Под ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Аспект пресс, 2004; Schramm W. *The Beginnings of Communication Study in America: A Personal Memoir*. – Newbury Park, CA: Sage Publications. 1997.

² О П.Ф. Лазарсфельде и его научных исследованиях см.: Czitrom D.J. *Media and the American Mind: From Morse to McLuhan*. – Chapel Hill; NC: Univ. of North Carolina Press, 1982. – P. 127–137.

³ Идеи, изложенные в данной работе, в основном генерированы Шэнноном, в то время как У. Уивер сделал мысли соавтора доступными для широкой публики. Книга Шэннона и У. Уивера основана на статье К. Шэннона «Математическая теория коммуника-

Параллельно с Маклюэном исследованием коммуникации занимались философы и культурологи, основатели французской школы семиотики Р. Барт (R Barthes, 1915–1980) и Ж. Бодрийяр (J. Baudrillard, 1929–2007), американский постиндустриалист Д. Белл (1919–). Становлением коммуникации как университетской дисциплины в эти годы активно занимался американский профессор У. Шрамм (W. Schramm, 1907–1987).

Представитель Чикагской школы коммуникации² Г. Лассуэлл считал, что политология и коммуникативистика должны использовать не только методы эмпирической социологии, социальной психологии, но также психоанализ в изучении массовых коммуникаций и политической пропаганды. Ему принадлежит известная формула «Кто говорит? – Что сообщает? – Кому? – По какому каналу? – С каким эффектом?» (Who (says) – What – (to) Whom – (in) What Channel – (with) What Effect). Согласно классификации Крейга, учение Лассуэлла, несомненно, можно отнести к социально-психологическому направлению.

Кто?	Что говорит?	По какому каналу?	Кому?	С каким эффектом?
<i>Коммуникатор</i>	<i>Сообщение</i>	<i>Средство</i>	<i>Реципиент</i>	<i>Эффект</i>

Рис. 1. Модель коммуникации Лассуэлла³

ции», которая была опубликована в 1948 г. в журнале «Белл систем техникэл джорнел» (*Bell System Technical Journal*).

¹ Теория предполагает, что люди, которые в течение многих часов смотрят телевизор, «культивируют» определенную модель общества и мира, которую им навязывает телевидение, т.е. существуют в псевдореальности. Культивационный анализ (cultivation analysis) пытается измерить, как телевидение влияет на восприятие зрителем окружающей реальности. Подробнее об этом см.: The Cultivation Theory: George Gerbner / <http://www.colostate.edu/Depts/Speech/rccs/theory06.htm>

² Чикагская школа коммуникации доминировала от первого десятилетия XX в. до начала Второй мировой войны. Среди ее основателей философы и социологи – Джон Дьюи (John Dewey), Джордж Герберт Мида (George Herbert Mead), Роберт Эзра Парк (Robert Ezra Park). Представители этого направления рассматривали коммуникацию как совокупность процессов, с помощью которых культура возникает и оформляется институционально. Коммуникация рассматривалась во взаимодействии с искусством, архитектурой, в первую очередь, политикой. Подробнее о Чикагской школе коммуникативистики см.: Shook J.R. *The Chicago School of Pragmatism, 1912–1970*. – Bristol; London: Thoemmes Press, 2000.

³ Рисунок взят из статьи. См.: Жукова Я., Ширков Ю. Модели массовой коммуникации / http://www.advance-mr.ru/articles/zhukova/mc_model/mcmodels.htm

Математик Норберт Винер¹ по духу близок Маклюэну. Он был склонен к междисциплинарным исследованиям, его интересы выходили за рамки одной специальности. Вундеркинд, рано окончивший школу и получивший в восемнадцать лет ученую степень доктора философии, Винер увлекался не только точными науками, но также философией, особенно трудами Бертрانا Рассела; биологией, в том числе дарвинизмом; историей и социологией.

Будучи зрелым исследователем, Винер решил сформулировать принципы кибернетики – новой научной дисциплины, при этом он максимально использовал свои знания в разных областях, в том числе в математике, философии, биологии, социологии. Ключевая мысль, изложенная Винером в его книге «Кибернетика», сводится к тому, что возможность передавать и получать информацию не является привилегией людей, поэтому не существует границы между естественным человеческим разумом и искусственным разумом машины. Ученый сопоставлял механизмы обратной связи в живых организмах и технических устройствах. Интересно отметить, что «Кибернетика» Н. Винера стала, как и «Понимание средств коммуникации», научным бестселлером. У Винера, как и у Маклюэна, бесчисленное количество поклонников. Его, как и Маклюэна, часто цитируют, но мало читают. Учение Винера было революционным для своего времени и стало теоретической основой для кибернетики, а позднее исследований в области информационных технологий.

По воспоминаниям Д. Теолла, аспиранта Маклюэна, летом 1950 г. ему удалось познакомить своего научного руководителя с работами Н. Винера, в том числе с «Кибернетикой». Идеи Винера, по мнению Теолла, подвигли Маклюэна создать теорию художественной коммуникации, которая впоследствии стала руководством к действию для специалистов в области сетевой литературы и искусства². Возможно, знакомство с трудами Винера натолкнуло Маклюэна на мысль организовать семинары по культуре и технологии: этот проект канадский ученый начал в 1953 г.

¹ Подробнее о жизни и теории Н. Винера см.: Heims S.J. *John von Neumann and Norbert Wiener: from Mathematics to the Technologies of Life and Death*. – Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1982; Conway F., Siegelman J. *Dark Hero of the Information Age: In Search of Norbert Wiener The Father of Cybernetics*. – New York: Basic Books, 2006.

² Подробнее об этом см.: Conway F., Siegelman J. *Dark Hero of the Information Age: In Search of Norbert Wiener, the Father of Cybernetics*. – New York: Basic Books, 2005. – P. 293.

Не замеченной Маклюэном не могла быть и концепция Шэннона-Уивера¹, которая, по мнению ряда критиков, является «матерью всех моделей» (mother of all models) [327, p. 11], включает понятия источника информации (information source), послания (message), передающего устройства (transmitter), сигнала (signal), канала (channel), шума (noise), получателя (receiver), вероятностной ошибки (probability of error), кодирования (coding), декодирования (decoding), информационного уровня (information rate) и пропускной возможности канала связи (channel capacity).

Шэннон задумал книгу с целью изучить возможности оптимизации беспроводной связи и телекоммуникаций, в частности шумовые эффекты и их влияние на качество передачи информации. Эта тема интересовала компанию «Белл Телефон» (Bell Telephone), в лаборатории которой он работал. Ученые определили, что, пройдя через передатчик, сообщение превращается в сигнал, а в зависимости от уровня шума или наличия помех сигнал доходит до приемника, где происходит его декодирование в сообщение. Модель Шэннона-Уивера представляет коммуникацию как линейный односторонний процесс, причем важную роль в ней играет избыточность языкового материала, т. е. информации. Чем больше уровень шума, тем, по мнению исследователей, выше должна быть избыточность информации. Основное положение в концепции Шэннона-Уивера сводится к тому, что при определенных условиях можно иметь надежную коммуникацию. Информационная теория американских ученых стала основой для исследователей в области акустики, кибернетики, информационных технологий и ряде других областей знания.

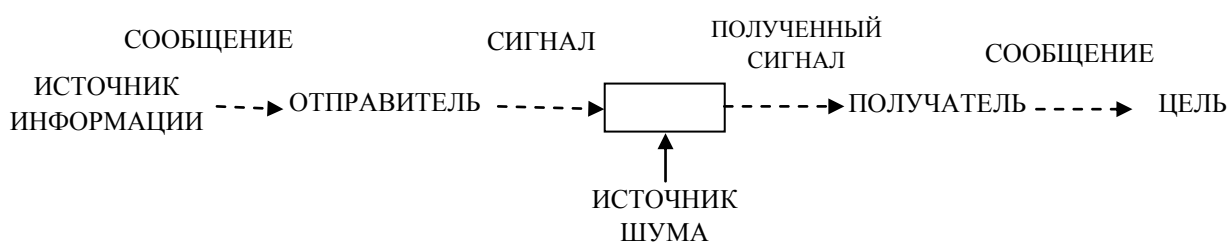

Рис. 2. Модель коммуникации Шэннона-Уивера [400]

Ученик Маклюэна Д. де Керкове полагал, что главное отличие процесса коммуникации у Маклюэна от модели Шэннона-Уивера состоит в

¹ Подробнее о теории Шэннона-Уивера см.: *Science and Ideology: A Comparative History* (Routledge Studies in the History of Science, Technology and Medicine) / Ed. by M. Walker. – London; New York: Routledge, 2006. – P. 66–95.

том, что в маклюэновской схеме нет передачи информации от источника к цели, а есть одновременная трансформация источника и адресата [97]. Именно к такому выводу приходит де Керкове, применяя формулу «medium is the message» к процессу коммуникации.

Д. де Керкове вторит и Д.У. Кэрри. Он полагает, что заслуга Маклюэна в том, что он рассматривал проблему коммуникации как историческую, в то время как Н. Винер, К. Шэннон, У. Уивер сводили ее к процессу передачи информации и тем самым упрощали ее до чисто технических проблем [79, p. 293–305].

Следует помнить, что модель Шэннона-Уивера на самом деле описывает технологию передачи информации, и вряд ли стоит ставить под сомнение ее правомерность. Учение Маклюэна связано с процессом взаимовлияния средства коммуникации и содержания сообщения. В тезисе «medium is the message» есть и философское содержание, и скрытая метафора. Кажущиеся противоречия между Маклюэном и другими теоретиками коммуникации являются еще одним свидетельством того, что в коммуникативистике существуют множество подходов и школ, которые находятся словно в параллельных мирах, иногда зная о существовании друг друга, иногда пересекаясь и дополняя друг друга, иногда совершенно самостоятельно друг от друга.

Большую роль в становлении коммуникативистики как науки сыграл У. Шрамм. С 1941 по 1943 г. он регулярно встречался с П.Ф. Лазарсфельдом, Х. Лассуэллом, а также социальными психологами К. Левином (K. Lewin) и К. Ховландом (C. Hovland) и рядом других ученых для работы над разными PR-проектами, направленными на продвижение в обществе идей о необходимости создания сада Победы, экономии топлива, в том числе бензина, покупки государственных ценных бумаг и т. д. Позднее эти проекты Шрамм описал в своей книге «Начало исследования коммуникации в Америке: Личные воспоминания» [349]. Эта работа была опубликована после смерти ученого и содержит интересный материал о развитии теории коммуникации в США. В книге Шрамма предыстория американской коммуникативистики связана с именами американских социологов Ч.Х. Кули (C.H. Cooley, 1864–1929) и Р.Э. Парка (R.E. Park, 1864–1944), а также американского антрополога-лингвиста Э. Сапира (E. Sapir, 1884–1939). По мнению Шрамма, непосредственно основоположниками североамериканской коммуникативистики можно считать Х.Д. Лассуэлла, П.Ф. Лазарсфельда, К. Левина и К.И. Ховланда. Несомненно, все вышеупомянутые исследователи внесли значительный вклад в развитие теории медиа. Этим, а также личным знакомством и совместной деятельностью с

ними во многом обусловлен круг ученых, о которых пишет Шрамм в своей книге. Имя М. Маклюэна упоминается им несколько раз, но автор не считает канадского ученого ни отцом-основателем американской теории коммуникации, ни значительной фигурой в исследовании медиа, достойной серьезного обсуждения.

Американский исследователь Д. Цитром, как и Шрамм, связывает зарождение теории медиа с работами Ч.Х. Кули, Р.Э. Парка, а также американского философа, психолога и педагога Д. Дьюи (J. Dewey)¹. Ученый признает, что Лассуэлл, Липпман и Лазарсфельд внесли весомый вклад в становление коммуникации как науки, при этом им особенно выделены заслуги П. Лазарсфельда в развитии современных методов исследования в области коммуникации. Среди ученых, развивавших теорию медиа в 1940–60-е гг., Цитром также упоминает ученика Лазарсфельда социолога Д.Т. Клаппера (J.T. Klapper, 1917–1984), автора известного труда «Влияние массовой коммуникации. Анализ исследования эффективности и ограничений массмедиа от влияния на общественное мнение» («*The Effects of Mass Communication. An Analysis of Research on the Effectiveness & Limitations of Mass Media in Influencing the Opinions*»), и увлекавшегося марксизмом Ч.Р. Миллса (C.W. Mills, 1916–1962), который лишь опосредованно интересовался проблемами медиа, а больше известен как автор книги «Власть элиты» (*The Power Elite*, 1956), в которой проанализировал взаимодействие политической, экономической и военной элит в государстве.

По мнению Цитрома, история медиа связана с Франкфуртской школой² социологии и ее представителями М. Хоркхаймером (M. Horkheimer, 1895–1973), Т. Адорно (T. Adorno, 1903–1969), Л. Ловенталем (L. Löwenthal, 1900–1993), Г. Маркузе (H. Marcuse, 1898–1979) и

¹ См.: Czitrom D.J. *Media and the American Mind: From Morse to McLuhan*. – Chapel Hill; NC: Univ. of North Carolina Press, 1982. – P. 91–121.

² Термин «Франкфуртская школа» является собирательным названием, применяемым к мыслителям, связанным с Институтом социальных исследований в Франкфурте-на-Майне; сами представители критической теории никогда не объединяли себя под таким наименованием. Представители данной школы считали, что буржуазное классовое общество превратилось в монолитную бесклассовую тоталитарную систему, в которой революционная роль преобразования общества переходит к маргинальным интеллигентам и аутсайдерам. Современное общество технократично и существует за счет распространения ложного сознания посредством средств массовой информации, а также популярной культуры и навязываемого культа потребления. См.: Wiggershaus R. *The Frankfurt School: Its History, Theories, and Political Significance (Studies in Contemporary German Social Thought)* // R. Wiggershaus, trans. into Eng. M. Robertson. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1995.

Э.П. Фроммом (E.P. Fromm, 1900–1980). Эта группа ученых изучала влияние массмедиа на процесс формирования общественного мнения и утверждала, что массовые средства коммуникации способны манипулировать сознанием человека, влиять на его мировоззрение и восприятие действительности.

Адорно и Хоркхаймер полагали, что эпоха Просвещения превратила «магический» мир Ренессанса, полного ассоциаций, аналогий, сложных взаимоотношений, в наукообразную культуру, в которой все должно быть измерено и посчитано. Эта тенденция, по мнению немецких мыслителей, характерна и для современной культуры, в которой игнорирование эмоций и всего иррационального приводит к упрощению многих общественных проблем [358, р. 335–336]. Интересно отметить, что эти идеи по сути своей близки Маклюэну. Подобные мысли канадский исследователь неоднократно высказывал в работах разных лет.

Однако критика массовой культуры, характерная для философов Франкфуртской школы, не была свойственна Маклюэну. Несмотря на любовь к элитарному искусству, он, как уже упоминалось выше, стремился изучать современные явления, и в первую очередь новые СМИ.

Цитром считает, что М. Маклюэн и Г. Иннис, основоположники Торонтской школы коммуникации, внесли значительный вклад в исследование медиа. Их учение Цитром называет наиболее целостной и радикальной из выдвинутых теорий медиа («the most holistic and radical media theory propounded») [82, р. 146]. Технологический детерминизм Инниса и Маклюэна, их видение истории цивилизации как смены средств коммуникации и технологий и даже игнорирование ими популярных концепций в исследованиях медиа 50-60-е гг., как полагает Цитром, обусловлено канадским происхождением ученых, определенной дистанцией от американских коллег. Это утверждение имеет под собой основание: в США теоретики медиа были подвержены ряду влияний, в то время как Торонтская школа смогла выдвинуть свое понимание истории коммуникации, с которым американские теоретики были зачастую не согласны и относили Инниса и Маклюэна к разряду аутсайдеров, а их идеи считали девиацией от основного направления научной мысли.

Как и один из первых критиков Маклюэна А. Альварес, Цитром считал и достоинством, и определенным недостатком канадского ученого его обособленность от основного потока теоретиков медиа. Американские коммуникативисты были в постоянном контакте друг с другом: они выступали на конференциях, симпозиумах, знали о достижениях друг друга из научных публикаций, в то время как Маклюэн не принимал участия в жизни

профессионального сообщества, мало интересовался последними тенденциями в американских исследованиях теории медиа. Диалог с У. Шекспиром, К. Марло, Д. Джойсом в своих трудах Маклюэн предпочитал общению с профессурой факультетов коммуникации североамериканских и европейских университетов.

Вместе с тем социолог и теоретик коммуникации Денис Маккуэйл (Denis McQuail, 1935-) был уверен, что без трудов М. Маклюэна невозможно представить современные исследования в области медиа. После окончания Оксфордского университета Маккуэйл работал в британских и американских вузах, но расцвет его научной деятельности связан с университетом Врие (Vrije University) в Амстердаме (Нидерланды). В своих трудах он пытался объяснить суть теорий коммуникации и их прикладное значение, а также исследовал положительные и отрицательные аспекты воздействия массовых коммуникаций на общество. В своей самой известной работе «Теория массовой коммуникации Маккуэйла» (*McQuail's Mass Communication Theory*) ученый неоднократно обращается к трудам Маклюэна, считая канадского исследователя и Г. Инниса основателями Торонтской школы коммуникативистики. Основой теории коммуникации Торонтской школы, как полагает Маккуэйл, служит технологический детерминизм, который оказывает определенное социальное и культурное воздействие на определяющую форму и средство коммуникации, независимо от непосредственно содержания¹. Маккуэйл считает, что в теории Маклюэна много идеализма и «умствования» («mentalism») [342, p. 79]. Однако если многие теоретики медиа 1960–1980-х гг. игнорировали Маклюэна, Маккуэйл полагал, что без трудов канадского теоретика медиа невозможно представить современную картину в области теории коммуникаций. В своей книге он в конце ряда глав в списке литературы для самостоятельного чтения рекомендует «Галактику Гутенберга» и «Понимание средств коммуникации».

Немецкий литератор и философ Г.М. Энзенсбергер (H.M. Enzensberger, 1929–) был яростным оппонентом Маклюэна. Хотя Энзенсбергер и называл канадского исследователя «шарлатаном», он, тем не менее, считал, что его запутанные книги имеют больше интересных наблюдений о медиаиндустрии, более глубокое понимание силы новых медиа, чем анализ всех представителей марксизма или теории критики².

¹ «Toronto School of communication... At the core is the form of communication technology determinism that attributes distinctive social and cultural effects to the dominant form and vehicle of communication, independent of an actual content». (McQuail D. *McQuail's Mass Communication Theory: Fourth Edition*. – London: Sage Publications, 2005. – P. 569.

² Цит. по: *Electronic Culture: Technology and Visual Representation* / Ed. by T. Druckery. – New York: Aperture, 1996. – P. 78.

Таким образом, можно еще раз отметить противоречивое отношение специалистов теории коммуникации к работам Маршалла Маклюэна. С одной стороны, некоторые критики считали его методы исследования медиа, основные концепции бездоказательными и ненаучными, они же признавали, что труды Маклюэна были прорывом в исследовании медиа и ссылались на них. Другие исследователи полагали, что, несмотря на сложную манеру подачи материала, в работах Маклюэна изложена последовательная и логичная теория, которую трудно опровергнуть и со временем основные ее положения становятся все более понятными новому поколению.

Если проанализировать основные направления и школы коммуникативистики второй половины XX в., то можно разделить их на те, которые занимаются исследованиями коммуникации в широком смысле слова и массовой коммуникации (под массовыми коммуникациями, как правило, понимают СМИ). Как уже было упомянуто в предыдущем параграфе, Маклюэн изучал медиа, и это понятие он трактовал достаточно широко, как множество явлений – от одежды, дорог и денег до телеграфа и телевидения. Подробно эти вопросы рассмотрены ученым в книге «Понимание средств коммуникации».

В отличие от представителей Франкфуртской школы, Маклюэн не интересовался вопросами классовой борьбы, вне сферы его интересов оставался популярный в 1960-е гг. фрейдизм. Вместе с тем развитие средств коммуникации в теории Маклюэна напрямую связано с эпохой, в которой они существуют и которая определяет их характер. Историю человечества канадский исследователь видит через призму эволюции средств коммуникации – от появления речевой коммуникации и наскальной живописи первобытных времен, фонетического алфавита, письменной культуры к печатной культуре, на смену которой с изобретением электричества пришла эпоха пост-Гутенберга: телеграф, телефон, фонограф, кинематограф, телевидение.

Средствам массовой коммуникации посвящена большая часть исследований канадского профессора, но наряду с СМК в его работах рассматриваются и другие «медиа»: жилище и одежда, дороги и географические карты, деньги и игры.

Российская исследовательница М.Н. Юхвид подразделяет средства коммуникации в трудах Маклюэна на «непосредственно *средства и технологии коммуникации* (устные, рукописные, печатные, электронные средства)» и «феномены культуры» (*артефакты*), которые сами не являются средствами коммуникации в общепринятом смысле, но при этом насыще-

ны информационным содержанием» [133, с. 15]. В этом подходе есть определенная логика. Однако, на наш взгляд, классификация Юхвид упрощает маклюэновское видение коммуникации. Понятие «средство коммуникации» многообразно, его нельзя сводить к средствам массовой коммуникации, к сфере передачи информации посредством речи, письма, печати и электронных СМИ. Основой теории медиа Маклюэна является понимание того, что коммуникации разнообразны, они возникают как прорывы в области науки и техники в самых разных сферах человеческой жизни, они меняют мышление человека, его восприятие действительности и всю эпоху. С появлением новых коммуникаций меняется пространство и время. Не только газеты и телевидение превратили мир в одну глобальную деревню, но прежде всего телеграф, а также «новые деньги» (кредитная карта), транспортные средства. Согласно Маклюэну, средства коммуникации управляют человеком и создают его, и одновременно человек управляет и создает средства коммуникации. Таким образом, мы можем говорить о том, что взаимоотношение «человек и коммуникации» двусторонне: человек создает новые средства коммуникации, а они, в свою очередь, определяют уровень развития общества, его экономику и культуру.

Если следовать классификации Юхвид, то непонятно, к какой группе медиа следует отнести игры – к предметам культуры или средствам коммуникации. Игры имеют все большее значение в современном обществе. Соединившись с новым средством коммуникации, Интернетом, они стали уникальным феноменом. Так называемый мир вещей в работах Маклюэна является не столько артефактом, набором предметов, раскрывающих характер определенной эпохи, сколько средством коммуникации между людьми.

Множество критических замечаний сделано исследователями в адрес методов исследования, которые использовал Маклюэн в своих трудах. Ученого обвиняли в отсутствии научных подходов и доказательной базы при выдвижении ряда теорий, применении характерных для литературоведения приемов при анализе коммуникации¹.

Основными методами исследования для канадского ученого были историко-сопоставительный, сравнительный, метод аналогий, многие из них он использовал и при анализе художественных произведений. Попу-

¹ См., например: Meyrovitz J. *Canonic Anti-Text: Marshall McLuhan's Understanding Media // Canonic Texts in Media Research: Are There Any? Should There Be? How About These?* / Ed. by E. Katz, J. D. Peters, T. Liebes, A. Orloff. – Cambridge: Polity Press. 2002. – P 194–196.

лярные в 1960-е гг. прикладные методики с математическими расчетами, которые применял П. Лазарсфельд, остались за рамками его интересов.

Однако использование точных наук, попытки найти определенный алгоритм и с их помощью анализировать литературу, искусство, медиа, как правило, были безуспешны. Точные науки хороши в прикладных исследованиях, в ходе которых, изучая предпочтения читателей, слушателей и зрителей, рассчитывают рейтинги ньюсмейкеров, авторов текстов, СМИ, а также ведущих программ и конкретных медийных продуктов, но эти методы бесполезны при исследовании вопросов, связанных как с искусством и творчеством, так и с историей и теорией медиа.

В связи с этим можно вспомнить ответ, который немецкий исследователь Х.У. Хумбрехт (H.U. Gumbrecht) дал оппонентам, упрекавшим его за ненаучность в исследовании творчества немецких литераторов. Ученый утверждал, что гуманитарные науки полностью раскрывают свой потенциал «не когда формируют стандарты профессионализма или отвечают на извечные вопросы, а когда занимаются тем, что Вильгельм фон Гумбольдт считал функцией университета в целом, то есть постановкой новых вопросов и проблем» [294]. По мнению Хумбрехта, гуманитарные науки, вместо того чтобы уточнять и пересматривать институционализированные системы идей, должны «стремиться к изобретению альтернативных путей понимания и объяснения того, что мы зовем реальностью»... и следует признать негодным в гуманитарных науках «следование заранее определенным методам – как поведение, которое сводит на нет потенциал рискованного мышления» [294]. Хумбрехт уверен, что в гуманитарных исследованиях большую роль играет и должна играть интуиция, а вместо метода и точности гуманитарные науки должны, напротив, «поощрять плодотворное применение воображения – то есть тот аспект восприятия мира, который и обеспечивает многоцветность мысленных образов и интенсивность чувств в качестве функционального эквивалента четко определенных и абстрактных концепций, требуемых наукой» [294]. Ученый прав, утверждая, что гуманитарные науки не могут быть основаны на «объективных» измерениях или на дедуктивных логических выводах, и во многих случаях они ближе к понятию искусства (Art), чем к идее науки (Science). Поэтому попытки «алгеброй гармонию проверить» в большинстве случаев неосуществимы.

Подход Маклюэна к исследованию медиа полностью соответствует описанию методики гуманитарных исследований Хумбрехта. Канадский ученый часто опирался на воображение и интуицию, но надо отдать ему должное – все его идеи и теории построены на огромном фактическом ма-

териале. При этом ученый был уверен, что достижения в сфере коммуникативных технологий находят свое отражение в произведениях блестящих писателей и поэтов каждой эпохи. Неслучайно он видел прямую связь между литературой модернизма, творчеством Э. Паунда, Т.С. Элиота, Д. Джойса и развитием стилистики некоторых газетных жанров, а также кинематографом в 1930–1940-е гг.

В 1974 г. Маклюэн опубликовал статью «Английская литература как контрольная башня в исследовании коммуникации» (*Literature as Control Tower in Communication Study*), в которой объяснил, что литература впитывает и отражает основные тенденции в области развития коммуникации и может быть индикатором современного состояния медиа [17, р. 2–7]. Это утверждение Маклюэна достаточно спорно, но несомненно то, что литература и искусство XX–XXI вв. имеют связь с современными коммуникационными технологиями, а последние работы постмодернизма часто соединяют продукты разных сфер науки, литературы и искусства в единый продукт. Такими были работы современников Маклюэна Э. Уорхола и Д. Розенквиста, в этом же направлении развивается искусство и культура последнего десятилетия.

Подход Маклюэна к изучению различных явлений наиболее близок к французской школе семиотики, методам исследования Р. Барта, Ж. Бодрийяра, а также Ю.М. Лотмана, филолога и культуролога Московско-Тартусской школы. И Барт, и Бодрийяр, и Лотман использовали литературоведческие и лингвистические методы для анализа философских и культурологических явлений, медиа и искусства.

Такая манера научного анализа была характерна и для Маклюэна. Следует отметить, что труды Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ю.М. Лотмана, как и многие работы Маклюэна, представляют собой образец междисциплинарного исследования в области гуманитарных наук, в которых рассматриваются проблемы из разных областей знания – теории медиа, литературы, искусствоведения, социологии, культурологии. Одной из характерных черт маклюэнизма, на наш взгляд, и является междисциплинарность исследования.

Использование литературы как доказательной базы в исследовании массовых коммуникаций сближает Маклюэна и с немецким теоретиком медиа Ф. Киттлером.

Основными положениями теории коммуникации М. Маклюэна были его аксиома «medium is the message», концепции «глобальной деревни» и электронного сообщества, идея о том, что средства коммуникации являют-

ся продолжением человека, деление СМК на «прохладные» и «горячие», а позднее, в 70-е гг., была сформулирована теория тетрад.

Маклюэн не участвовал в жизни научного сообщества коммуникативистов, не публиковал свои труды в признанном в академической среде рецензируемом журнале «Джорнел оф Коммуникейшн» (Journal of Communication), на страницах которого рассматривались разные аспекты теории и практики коммуникации. Он поддерживал контакты лишь с немногими специалистами в области медиа, среди которых Э. Хейвлок, Д. Кэрри, У. Онг, но ощущал необходимость сформулировать и сделать достоянием общественности свою теорию коммуникации. Маклюэн был уверен в том, что его видение медиа уникально и заслуживает серьезного внимания. В письме американскому историку Маршаллу Фишвику (Marshall Fishwick) полушутя ученый пишет, что является автором единственной теории трансформации коммуникации, а все другие – просто теории транспортной коммуникации¹. В этом высказывании канадского профессора ощутима и его вера в собственную гениальность, и способность к самоиронии, и постоянное желание играть словами. Слова «transformation» (трансформация) и «transportation» (транспорт, транспортировка) схожи по звучанию. В свойственном ему стиле Маклюэн создает афористичную фразу и вместе с тем запоминающийся образ разграничения научного поля, в котором работает ОН в сфере преобразования и трансформации, и другие теоретики – в какой-то иной области, возможно, связанной с транспортом. Этой фразой Маклюэн также подчеркивал многозначность понятия «коммуникация» и существование разнообразных подходов к ее исследованию.

В письме к Фишвику Маклюэн также признается, что готовит «Законы медиа» к печати. В ряде статей² ученый изложил свое понимание основных непреложных правил, по которым существуют медиа, но не успел закончить книгу. Идеи Маклюэна были собраны и систематизированы его старшим сыном Эриком, и в 1988 г., восемь лет спустя после смерти ученого, была опубликована книга «Законы медиа: Новая наука» (*Laws of Media: New Science*), авторами которой значились Эрик и Маршалл Маклюэны.

¹ «I have the only communication theory of transformation – all the other theories are theories of transportation only». (*Letters...* – P. 505).

² См.: McLuhan M. Communication: McLuhan's Laws of Media // *Technology and Culture*. 1975. Vol. 7. № 1. P. 3–7; McLuhan M. Laws of the Media // *Et Cetera*. 1977. Vol. 11. № 2. 173–179.

«Законы медиа» интересны тем, что в них Маклюэн, или Маклюэны, связывают воедино теорию коммуникации и исследования литературы. Основные тенденции в литературе и искусстве модернизма сопоставляются с достижениями в области медиа XX в.

В первой главе рассматриваются значение акустического и зарождение визуального пространства в Древней Греции, развитие средств коммуникации от фонетического алфавита к письменности, а затем к печатной культуре. Авторы утверждают, что визуальное пространство – артефакт, побочный эффект фонетического алфавита, который и преобразовал пространство в обществе и само общество [23, р. 18]. Сравнивая акустическую и визуальную культуру и пространство, М. Маклюэн и Э. Маклюэн идеализируют устную акустическую культуру, которая, по их мнению, является сенсорной и многомерной и наиболее близкой к природе, чем визуальная. Эти мысли повторяют то, что было ранее сказано в работах Маклюэна 1960-х гг. и, прежде всего, в «Галактике Гутенберга» и «Понимании средств коммуникации». Визуальное пространство авторы «Законов медиа» связывают с изменением восприятия окружающего мира людьми с позиций индивидуализма, беспристрастного восприятия и суждения, абстрактного мышления и линейной логики [23, р. 33]. Из книги понятно, что авторы были все же знакомы с некоторыми трудами своих коллег в сфере теории коммуникации. По их мнению, все современные исследования медиа – «линейные, логические, последовательные» («linear, logic, sequential») – связаны с работой левого полушария и скроены по единому западному образцу, примером которого может быть коммуникационная модель Шэннона-Уивера. Эти учения, как утверждают авторы, способны объяснить процесс передачи информации (transmission), но не процесс преобразования медиа (transformation), который постоянно происходит и меняет окружающий мир [23, р. 91].

Исторические противоречия между «риторико-грамматистами» и «диалектиками» – тема, которую М. Маклюэн изучал в своей докторской диссертации, рассматриваются также в контексте развития медиа. Идеи тривиума не разбираются в книге подробно, но они играют определенную роль для объяснения сформулированных авторами законов. Диалектика, со свойственной ей абстрактным мышлением, ассоциируется с письменной и печатной культурой, за которую, как утверждают Маршалл и Эрик Маклюэны, отвечает левое полушарие головного мозга, а риторика и грамматика, за которые отвечают сферы правого полушария, – с акустической и электронной культурой, а также эмпирическим подходом к изучению различных феноменов.

В диссертации Маклюэна симпатии автора на стороне «риторико-грамматистов». В «Законах медиа» акустические и электронные СМИ описаны как средства коммуникации, которые формируют человека общинного, способствуют укреплению связей и коммуникации с другими людьми, а визуальные медиа, прежде всего печатные, как писал Маклюэн в «Галактике Гутенберга», развивают индивидуализм и национализм. По сути, первая часть законов медиа является обобщением того, что было ранее сказано в докторской диссертации М. Маклюэна, «Галактике Гутенберга» и «Понимании средств коммуникации».

Помимо основных положений теории коммуникации Маклюэна, которые были изложены ранее в других работах, во второй части «Законов медиа» представлена теория тетрад. Задумывая книгу, М. Маклюэн вывел множество аксиом и законов, но в финале он остановился на четырех.

В теории тетрад¹ Маклюэн предлагает схему изучения влияния медиа и технологий на общество, причем понятие «медиа» авторы трактуют широко, не ограничивая исследование средствами массовой информации. В представленной теории выделены четыре аспекта, которые взаимодействуют между собой одновременно. Согласно предложенной схеме, средство коммуникации или технология (medium) имеет знак, символ увеличения, усиления (enhancement). Например, радио увеличивает звук, информацию, а компьютер улучшает скорость в области решения математических задач и расчетов, программирования. Таким образом, радио совершенствует наш слух, а компьютер – умственные возможности (мозг).

Следующий закон говорит о том, что новое средство коммуникации выводит из употребления ранее существовавшее (obsolesces). Холодильник приходит на смену коробки со льдом или погреба, а кредитная карта заменяет банкноты и монеты.

Третий закон медиа Маклюэна, одна из частей его тетрады, является символом того, что средство коммуникации как бы возвращает ранее утраченное на новом уровне (retrieves). Например, радио вновь привносит в нашу жизнь устную коммуникацию – возврат (retrieval), а телевидение – общинность, возможность коллективного просмотра передач, что напоми-

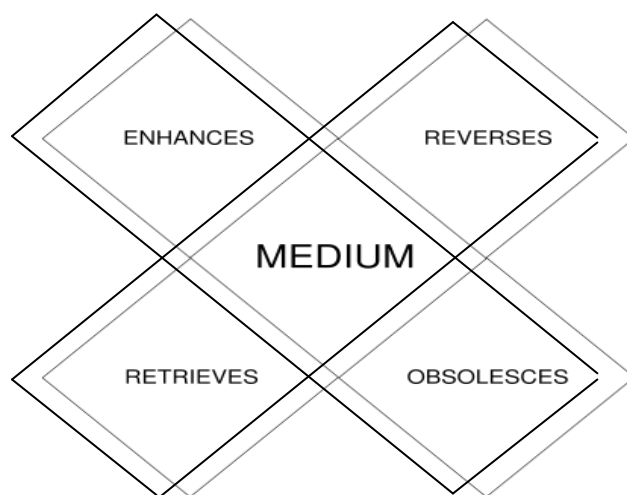
¹ Понятие «тетрада» (tetrad) происходит от древнегреческого слова, обозначающего число четыре. Для пифагорейцев тетрада была не только числом, но и символом справедливости, поскольку четыре – число, которое делится на равные части. Подробнее об этом см.: Hemenway P. *Divine Proportion: Phi In Art, Nature, and Science*. – New York: Sterling Publishing Company Inc., 2005. – P. 55. Многие концепции, состоящие из четырех законов или положений, используют слово «тетрада» для обозначения теории из четырех составляющих. См.: <http://en.wikipedia.org/wiki/Tetrad>. Поскольку законы медиа Маклюэна состоят из четырех частей, они также получили название «тетрады».

нает, как полагают Маклюэны, ситуацию, когда представители одного племени в первобытном обществе собираются у костра.

Также существует четвертая сторона, обозначающая полное изменение (reversal). Это именно то, что происходит со средством коммуникации, когда оно достигло пределов своего развития. Радио, основанное на акустике, переходит (reverses) в телевидение, аудиовизуальную сферу. Автомобиль до определенного момента увеличивает скорость передвижения и мобильность человека, но когда автомобилей становится слишком много, это средство коммуникации перестает выполнять свою функцию и превращается в свою противоположность – дорожную пробку.

Вместе четыре вышеназванных правила и составляют «законы медиа», или теорию тетрад Маршалла Маклюэна. Вторая часть книги является повторением того, что Маклюэн писал в статьях «Коммуникация: Законы медиа Маршалла Маклюэна» (1975), опубликованной в журнале «Технология и культура», и «Законы медиа», вышедшей в свет в журнале *Et Cetera* в 1977 г. Некоторые идеи были также озвучены в книге «От клише к архетипу» (*From Cliché to Archetype*, 1970).

Графическое изображение законов медиа Маклюэна хорошо известно. Оно представлено как в книге, так и тиражировано во многих работах критиков, анализирующих учение канадского коммуникативиста. Для многих исследователей предложенная маклюэнами схема стала основой для анализа медиа, культуры, искусства, языка и многих других общественных явлений.

Следует признать, что теория тетрад, описанная ученым в ряде статей, а также книгах «Законы медиа: Новая наука» и «Глобальная деревня: Трансформация в мировой жизни и медиа XXI века», имеет аналогичные модели, состоящие из четырех элементов, в математике, физике, медицине. Тем не менее представленная Маклюэнами модель иная, применима к другой сфере и дает четкое понимание процессов, которые происходят в сфере медиа.

Биограф Маклюэна У. Гордон, исследуя основополагающие труды канадского ученого, в том числе «Законы медиа», сделал предположение о том, что Маклюэн был не только специалистом в области медиа, но и лингвистом, развившим идеи швейцарского ученого Фердинанда де Соссюра (Ferdinand de Saussure). Такая мысль возникла из-за сходства модели тетрад с формальной лингвистической системой, представленной Ф. де Соссюром в книге «Курс общей лингвистики, 1916) (*Cours de linguistique générale*)², которую позднее в «Мифологиях» по-своему интерпретировал Р. Барт.

Конечно, Маклюэн был знаком с работами Ф. де Соссюра, но нельзя согласиться с утверждением У.Т. Гордона. Оно, на наш взгляд, выглядит неубедительным. Маклюэн не занимался лингвистикой, а теория тетрад была выбрана канадским ученым как удобная схема, в которую вписывались его законы.

Маршалл и Эрик Маклюэны утверждали, что сформулированные им законы многое объясняют в истории и характере медиа и применимы не только в сфере массовой коммуникации, но и других областях, а «любая процедура, любой стиль, любой артефакт, любое стихотворение, песня, технологическая новинка, гаджет, теория, технология – любой продукт человеческой мысли демонстрирует все те же четыре измерения» [23, р. IX], т. е. существуют по тем же правилам: усиление (*enhancement*), выведение из обращения старого продукта (*obsolescence*), возврат в новой форме на новом уровне ранее существовавшего продукта или явления (*retrieval*) и полное изменение продукта и явления, превращение его в нечто новое и, возможно, полную противоположность ранее существовавшего (*reversal*).

¹ Подробнее об этом см.: McLuhan M., Powers B.R. *The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century* / M. McLuhan. – New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1992.

² Как и «Законы медиа» Маклюэна, «Курс общей лингвистики» де Соссюра был опубликован после смерти ученого и составлен на основе записей знаменитого лингвиста его учениками Ч. Балли (Ch. Bally) и А. Сеше (A. Sechehaye).

Название «Законы медиа: Новая наука», несомненно, возникло под влиянием «Новой науки» (Science Nuova) Д.Б. Вико; продолжателями идей итальянского философа считали себя и М. Маклюэн, и Э. Маклюэн, полагая, вероятно, что их законы медиа, в отличие от популярных в 1970–80-е гг. концепций Шэннона-Уивера, относятся к «новой науке», а оппонентов они отнесли к «старой науке».

Американский исследователь Ч.А. Болдвин отметил, что Маклюэн смог построить четкую теорию на аксиомах сдвигов в истории медиа, но ему не удалось объяснить причины и источники этих изменений [74, р. 22]. Это замечание – одно из широко распространенных, в которых критикуется игнорирование Маклюэном общественных формаций, нежелание увидеть историю цивилизации и медиа через призму социально-политических отношений и столкновений между различными общественными группами.

Канадский исследователь Роман Онуфрийчук (Roman Onufrijchuk), обобщая многочисленные претензии к «законам медиа» Маклюэна, отмечал, что критики во многом справедливы, поскольку, с точки зрения точных наук, постулаты канадского медиагуру нельзя признать научными. Однако ученый обращает внимание на то, что предложенная Маклюэном модель прекрасно объясняет явления, происходящие в области медийных технологий, и на основании своего опыта преподавания дисциплин по коммуникации и медиа Онуфрийчук делает вывод, что теория тетрад – прекрасный «организационный, аналитический, критический и педагогический инструмент» в сфере обучения¹.

Огромное влияние, как уже говорилось выше, идеи Маклюэна оказали на испанского социолога, профессора Университета Калифорнии, Беркли (University of California, Berkley), Мануэля Кастелльса (Manuel Castells, 1942). Кастелльс считает канадского ученого «великим провидцем, который совершил революцию в области коммуникации» [308, р. 357], а телевизионную эпоху он называет «галактикой Маклюэна» [308, р. 358, 365].

Если проанализировать труды ряда теоретиков медиа: Э. Эйзенштейн, Э. Хейвлока, Д. Мейровица, У. Онга, которые неоднократно критиковали Маклюэна за то, что он в своих работах не уделяет внимания проблемам взаимоотношения власти и массмедиа, экономическим аспектам существования СМК (наиболее популярным темам в исследованиях медиа

¹ «Working with tetrads does reveal them to be a potentially rewarding organizational, analytical, critical and pedagogical tool». (Onufrijchuk R. Introducing Innis/McLuhan Concluding: The Innis in McLuhan's 'System' // *Continuum: The Australian Journal of Media and Culture*. 1993. Vol. 7. № 1; Onufrijchuk R. Introducing Innis/McLuhan Concluding: The Innis in McLuhan's 'System' // *Continuum: The Australian Journal of Media and Culture*. 1993. Vol. 7. № 1 / <http://wwwmcc.murdoch.edu.au/ReadingRoom/7.1/Onuf.html>

второй половины XX в.), можно отметить в них несомненное влияние Маклюэна.

Ряд критиков считает Г. Инниса, М. Маклюэна, Э. Хейвлока (1903–2000) представителями так называемой Торонтской школы коммуникации¹, технологическими детерминистами, для которых развитие цивилизации и культуры связано с новыми технологиями в сфере коммуникации как маргинальное направление в развитии теории медиа [394]. Однако между вышеназванными теоретиками не было единства по многим вопросам.

В отличие от Инниса, а также от представителей Франкфуртской школы, так называемой критической традиции, в своих исследованиях Маклюэн не анализирует проблему функционирования медиа в капиталистическом обществе. «Капитализм» и «империализм» – слова, которые практически не встречаются в работах канадского ученого, в то время как проблема монополии на знание и информацию, кто контролирует какие средства коммуникации, медиа и общественные отношения, – являются центральными в работах Инниса. У Инниса «сдвиги коммуникации» (*biases of communication*) связаны с историческими эпохами, историческим контекстом. Маклюэн изучал историю печатной культуры с опорой на исторический контекст, но в поздних работах он стремился сформулировать общие законы медиа без привязки к общественным формациям.

Ученица Д. Мейровица Д.П. Флайхан (D.P. Flayhan) объясняет, почему Инниса и Маклюэна относят к маргиналам в североамериканской теории коммуникации. По мнению исследовательницы, это обусловлено не только географией проживания ученых – Канаду многие считают периферией относительно США, а скорее тем, что их исследования не связаны ни с популярными во второй половине XX в. бихейвиористскими исследованиями коммуникации, ни с количественными методами изучения медиа. От американских теоретиков Инниса и Маклюэна отличают междисциплинарность и нежелание исследовать узкоспециализированные проблемы с использованием математических методов [319, р. 44].

И все же можно выделить нечто общее, что объединяет Г. Инниса, М. Маклюэна и Э. Хейвлока, что позволяет говорить о том, что эти ученые относятся к одной научной школе. Во-первых, все вышеназванные теоре-

¹ Наиболее подробно проблемы Торонтской школы коммуникации рассмотрены в сборнике статей «Торонтская школа теории коммуникации: Интерпретации, развитие, практическое применение» под ред. Р. Уотсон и М. Блодхайма (*The Toronto School of Communication Theory: Interpretations, Extensions, Applications* / Ed. R. Watson, M. Blondheim. – Jerusalem: The Hebrew University Magnes Press, 2007).

тики опираются на научные достижения в области психологии, биологии и антропологии. Эти дисциплины в 1920–30-е гг. были популярны и хорошо развиты в Кембридже, где, вероятно, Э. Хейвлок и Маклюэн с ними и познакомились.

Следует признать, что, несмотря на все упомянутые выше противоречия, Маклюэну удалось создать последовательную теорию медиа, в которой история цивилизации была тесно сплетена с развитием средств коммуникации. Не многие теоретики до Маклюэна отваживались исследовать медиа на таком огромном историческом отрезке с привлечением такого объема фактологического материала. Американский писатель и критик Том Вульф был уверен в том, что Маклюэн сыграл такую же огромную роль в области теории коммуникации во второй половине XX в., какую в начале века в биологии сыграл Ч. Дарвин, в политической экономии – К. Маркс, в физике – А. Эйнштейн, в психологии – З. Фрейд¹.

Маклюэну удалось проанализировать особенности письменной и печатной культуры, объяснить роль алфавита, манускрипта, а затем и печатного станка в развитии общества и гуманитарной мысли в целом.

В книге Маклюэна «Понимание средств коммуникации» автор представил довольно-таки необычный взгляд на медиа. Для Маклюэна медиа – достаточно широкое понятие.

Большое влияние Маклюэн оказал и на французского философа и культуролога Абрахама Моля (Abraham Mole, 1930–). Вслед за Маклюэном Моль закрепляет термин «мозаичная культура» и утверждает, что «в наше время знания формируются в основном не системой образования, а *средствами массовой коммуникации*». Эта мысль повторяет то, что было сказано канадским коммуникативистом в книге «Город как классная комната» [375, с. 264].

Влияние Маклюэна ощутимо в работах британского теоретика медиа Д. Маккуэйла, американского теоретика коммуникации Д. Кэрри, канадского исследователя У. Онга и др. А. Крокер и Д. де Керкове развили идеи Маклюэна в Канаде: Крокер стал продолжателем Маклюэна во французской Канаде, де Керкове, возглавив Программу Маклюэна в Университете Торонто, стал представителем Маклюэна и Торонтской школы в англоязычной Канаде.

3.4. Маклюэн и маклюэнизм: влияние идей Г.М. Маклюэна

¹ Цит. по: Marshall McLuhan. *Understanding Me: Lectures and Interviews*. – P. XI.

на современную гуманитарную мысль

Характерный для ученого гибридный, междисциплинарный подход к анализу средств коммуникаций, технологий, общественных явлений, искусства и литературы некоторые критики называли «маклюэнизмом». Существует мнение, что этот термин возник в работах французских философов и культурологов и затем получил широкое распространение за пределами Европы¹.

Понятие «маклюэнизм» определяют по-разному. Некоторые российские исследователи понимают под этим «концепцию Маклюэна, рассматривающего средства массовой информации как продолжение органов чувств человека» в контексте идей технологического детерминизма². Такая трактовка, на наш взгляд, не отражает сути понятия «маклюэнизм» и, судя по всему, ее автор И.И. Романовский достаточно узко понимает теорию медиа Маклюэна, ограничивая ее сферой СМИ: канадский ученый, как уже неоднократно отмечалось ранее, понятие «медиа» трактовал достаточно широко.

Л.М. Землянова считает, что маклюэнизм – это развитие теории канадского коммуникативиста, «комплекс идей и футурологических прогнозов относительно ведущей роли технических средств связи», основанный на постулатах Маклюэна [371, р. 199]. Таким образом, российский ученый не сводит понятие к одной теории Маклюэна, но также включает в него исследования последователей канадского теоретика в различных сферах гуманитарного знания, в том числе коммуникации, которые опираются на

¹Д. Теолл в книге «Виртуальный Маршалл Маклюэн» писал: «То, что во Франции называли “маклюэнизмом”, – это просто активная (пустая) реклама, использование и мифология, которая окружала и окружает поэтическую популярную философию гуру, пророка, философа, патрона, популяризатора и псевдохудожника Маршалла Маклюэна» (What was called *McLuhanism* in France is the hype, exploitation, and mythology that have surrounded and continue to surround the poetic pop philosophy of the guru cum prophet cum philosopher cum promoter cum popularizer cum pseudo-artist Marshall McLuhan” in: Theall D.F. *The Virtual McLuhan*. P. 25). Теолл также писал: «Существуют проявления восхищения и приверженности Маклюэну, которые можно назвать “маклюэнизмами”. Хотя Маклюэн, возможно, не одобрил бы их, они несут в себе основные черты его духа, такие как остроумие, его бесконечное любопытство по отношению к скрытому и таинственному или его интерес к авангарду» (There are fascinations with and commitments to McLuhan (that might be called ‘McLuhanisms’) which while McLuhan might not embrace them, retain basic aspects of his spirit, such as his wit or his endless curiosity about the hermetic and the occult or his interest in avante-garde // Ibid. – P. 34).

² См.: Романовский И.И. Массмедиа: Словарь терминов и понятий. – М.: Изд-во Союза журналистов России, 2004. – С. 199.

основные положения теории канадского коммуникативиста. Мы в целом разделяем эту точку зрения.

Можно встретить определение маклюэнизма, под которым понимают афоризмы Маклюэна, его яркие, запоминающиеся слоганы и высказывания, ставшие популярными за пределами академической среды¹. В одном из руководств по использованию английского языка в эпоху цифровых технологий авторы, разъясняя высказывание «the medium is the message», писали, что «этот маклюэнизм» – один из запоминающихся слоганов эксцентричного медиакритика, является и заповедью, и клише, часто упоминаемым, но не понимаемым»².

Наиболее полно понятие «маклюэнизм» представлено в книге Д. Теолла «Виртуальный Маклюэн». Д. Теолл полагает, что к маклюэнистам относятся разные группы людей, которые во второй половине XX в. стремились развивать основные положения теории Маклюэна и применять их к своей сфере деятельности [121, р. 7]. Одной из черт маклюэнизма, по мнению Теолла, является понимание сложности поэтического видения мира канадским медиагуру и умение оценить и принять этот подход при анализе разнообразных явлений – от изучения медиа до исследований в области искусства и литературы [121, р. 32–33]. Исследователь подчеркивал, что труды Маклюэна и его концепции не ограничиваются сферой медиа, но затрагивают и другие дисциплины: литературную критику, культурологию и прочее. По мнению Теолла, многие североамериканские теоретики коммуникации не смогли по достоинству оценить глубину и масштаб деятельности канадского ученого, понять его необычный подход к исследованию медийных процессов, т. к. им были чужды методы литературного исследования, поэтика при анализе средств коммуникации [121, р. 32]. Отличительной чертой Маклюэна было обращение к литературе, искусству, антропологии, культурологии и истории для понимания развития средств коммуникации, их особенностей и характера. Законы Маклюэна, его утверждения о том, что медийные технологии являются продолжением человека, классификация средств массовой коммуникации на «горячие» и «прохладные» связаны с исследованиями ученого в области риторики и литературы модернизма. Будучи учеником Маклюэна, Теолл неоднократно писал об этих связях, но

¹ Так, например, трактует понятие «маклюэнизм» интернет-словарь «Нетлинго» См.: <http://www.netlingo.com/lookup.cfm?term=McLuhanism>

² «Today this McLuhanism, which is one of the eccentric critic's catchy slogans, is both a commandment and a cliché, often quoted and often misunderstood». (Цит. по: Baldwin C.A. *Vanishing Aesthetics: Mediality and Literature After Merleau-Ponty, Virilio, and McLuhan*: Dissertation for PhD, Department of English. – New York Univ., 1999. – P. 350.

многие оппоненты и даже последователи канадского профессора до конца не понимали истоки и суть его концепций.

Д. Цитром уверен, что когда французы ввели в обиход термин «маклюэнизм», они имели в виду не только характерную для Маклюэна манеру исследования и выражения мыслей, но и определенный подход к изучению культуры, искусства, медиа, в основе которого лежит понимание того, что медиасреда играет огромную роль в формировании современного мировосприятия; при этом истинные маклюэнисты, по мнению критика, признают необходимость серьезного и глубокого изучения поп-культуры [82, p. 165].

Маклюэнизмом, несомненно, можно назвать продолжение идей канадского коммуникативиста в разных сферах человеческого знания – в литературе и искусстве, медиа, социологии, высоких технологиях. При этом концепции Маклюэна облекались в форму как научных исследований, так и художественных текстов, графики, фотографии, кинематографии, интернет-проектов, перформанса. Маклюэнизм возник в 60-е гг., после того как труды и идеи Маклюэна получили широкую известность, он существует и в наши дни.

Феноменальная популярность Г.М. Маклюэна в Северной Америке и Европе в 1960-е гг. объясняется как огромным интересом общества к массовым коммуникациям, так и яркой личностью самого ученого. Необычные эклектичные труды Маклюэна, в которых серьезное исследование сочеталось с лозунгами, футуристическими прогнозами и шокирующими заявлениями, завораживали публику. Высказывания ученого, напоминающие рекламные слоганы, вскоре стали широко распространенными цитатами. Фраза «medium is the message» («средство коммуникации само является сообщением») стала девизом целого поколения. Идеи Маклюэна были очень популярными среди «шестидесятников». Маклюэн стал символом культуры и ожиданий поколения шестидесятых.

Американский критик М. Фергюсон (M. Ferguson) справедливо отметила, что в десятилетие демонстраций, коммун хиппи, рок-концертов философские по сути и телеграфные по стилю высказывания Маклюэна выражали настроения целого поколения, поэтому ученый и превратился в «профессора для всех» (everyman professor), мнения которого на любую тему были интересны [88, p. 73]. Многие студенческие демонстрации в университетах США в 60-е гг. и другие протестные акции «левых» использовали в своей риторике цитаты из трудов Маклюэна, хотя канадский профессор по своим взглядам был убежденным католиком и правым консервативатором. Вот как описывает сборища хиппи в Калифорнии один из амери-

канских шестидесятников Джей Стивенс: «... на Хэйт-стрит можно было увидеть множество людей, которые выглядели как массовка, сбежавшая с постановки какой-нибудь оперетты Гильберта и Салливана – юнцы, разодетые шейхами и пиратами, говорили так, словно сошли со страниц неведомого романа П. Г. Вудхауса. Если проанализировать типичный монолог хиппана, то в нем можно обнаружить элементы дзена, индуизма, экзистенциализма, маклюэнизма, мистицизма наряду с алхимией, астрологией, гаданием по руке, верой в ауру и диету, состоящую из риса и проросших зерен пшеницы. Рациональное и иррациональное, научное и мистическое находились здесь в опасной близости друг от друга» [293]. Рациональное и иррациональное присутствовало и в трудах Маклюэна, поэтому, вероятно, он был по духу близок молодым бунтарям.

Большое влияние Маклюэн оказал на американского писателя, психолога, футуриста и проповедника психоделических наркотиков Тимоти Ф. Лири (Timothy F. Leary, 1920–1996). Лири был знаковой фигурой в контркультуре 60-х, философом и хиппи, утверждавшим, что ЛСД – не опасный наркотик, а терапевтическое средство для духовных поисков. В своих публичных выступлениях Лири часто цитировал Маклюэна, повторяя его фразы-слоганы. В 1967 г. Лири встретился с Маклюэном за обедом и рассказал канадскому медиагуру о тех трудностях, которые он испытывает в продвижении своих необычных идей. По воспоминаниям Лири, Маклюэн посоветовал ему продвигать ЛСД как инновационный продукт, улучшающий работу мозга, и создавать положительные ассоциации с продуктом у потенциальных потребителей; в ассоциативном ряду были названы: «красота, веселье, философское удивление, религиозное откровение, усиление интеллекта, мистическая романтика («beauty, fun, philosophic wonder, religious revelation, mystical romance» [322, p. 282]). Маклюэн также посоветовал Лири создать запоминающийся слоган¹. Лири утверждает, что по совету Маклюэна он создал знаменитую фразу «Turn on, tune in, drop out!», «Turn on» – имело несколько значений «включайся, накачивайся наркотиками», «tune in» – настраивайся на программу или приходи в гармонию, «drop out» – выпадай, отпадай. Под этим ярким слоганом Лири выступал с пропагандой своих идей, путешествовал по университетам с мультимедийным спектаклем «Смерть разума» («The Death of the Mind»), в котором

¹ В письмах Маклюэна и его статьях ни встреча с Лири, ни их беседа не упомянуты. Возможно, супруга канадского коммуникативиста Коринн и дети Эрик и Стефани не включили переписку Лири с Маклюэном и факты их встреч и бесед в материалы для публикации. Это можно объяснить тем, что Лири был скандальной личностью, и семья Маклюэна не хотела, чтобы имя их отца связывали с такой неоднозначной фигурой, как Лири.

пытался передать опыт влияния ЛСД на человеческий мозг и восприятие действительности.

Идеи Маклюэна увлекали и представителей американского поп-арта, среди которых был Э. Уорхол. В книге, посвященной американской истории поп-арта, имя Маклюэна возникает в ряде статей в разных контекстах. По мнению американского критика Р. Бенчлева (R. Benchlev), канадский ученый стал для своего времени оракулом поп-культуры, и особую роль в развитии теории поп-арта сыграла книга «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека», в которой рассмотрена как современная реклама, так и важная часть американской культуры – комиксы, а также «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека» [336]. Бенчлев уверен, что взгляды Маклюэна на современную массовую культуру стали теоретической опорой для представителей поп-арта. Никто до Маклюэна не уделял такого значения комиксам, не рассматривал их как неотъемлемую часть культуры и искусства США. Неслучайно вместе с продюсером телесериала о Бэтмене У. Дозьером (W. Dozier) Маклюэн участвовал в обсуждении современной культуры в секции «От Гутенберга до Бэтмана» на конференции по коммуникации в Университете Пенсильвании в 1966 г.¹

С. Х. Мэдофф, исследуя историю американского поп-арта, справедливо отмечал, что Маклюэн был идейно близок представителям этого художественного направления, но критик уверен, что поп-арт не был напрямую связан с маклюэнизмом, не мог служить доказательством идей канадского коммуникативиста [336, с. 161]. Таким образом, можно утверждать, что маклюэнизм и поп-арт были характерными явлениями для культуры 60-х гг., но нельзя говорить о прямом влиянии Маклюэна на творчество художников этого времени, их идейные искания. Свидетельством этого могут служить воспоминания основоположника американского поп-арта Энди Уорхола. Он находил труды Маклюэна интересными, но, тем не менее, в книге, посвященной анализу поп-культуры 60-х гг., написанной в соавторстве с Пэт Хэккет (Pat Hackett), отмечал, что в ту эпоху существовало два типа представителей контркультуры – одни были откровенными маргиналами, не желающими подчиняться принятым в обществе законам, а другие – использовали протестные настроения в коммерческих целях. Ко второй группе Э. Уорхол и П. Хэккет относят Маклюэна, который, как они с иронией отмечают, для того чтобы выглядеть радикальным, «написал

¹ Об этом см.: Madoff S.H. *Pop Art: A Critical History (The Documents of Twentieth-Century Art)*. – P. 150.

книгу, в которой заявил, что книга устарела и вышла из обихода»¹. Конечно, это замечание не соответствует действительности. Маклюэн, несмотря на некоторую склонность к эпатажу, не стремился стать частью протестной культуры, завоевать славу любой ценой. Он искренне верил в то, что им написано. И, конечно, будучи глубоко религиозным человеком и консерватором по своим убеждениям, он был далек от того, чтобы стремиться стать лидером хиппи, рокеров или других популярных движений тех лет.

Большое влияние на культуру 60-х гг. оказала книга Маклюэна с иллюстрациями К. Фиоре (Q. Fiore) «Средство сообщения – массаж: Опись имущества», которая воспринималась современниками не только как образец искусства постмодернизма, но и как откровение. В ней рисунки, коллажи, фотографии, карикатуры соседствуют с текстами самого Маклюэна или цитатами известных философов (М. Монтеня), писателей (Л. Кэрролла), музыкантов (Д. Кейджа), близких канадскому ученому по духу. Фотографии кинозвезды Мэрилин Монро и советского лидера Никиты Хрущева с кратким комментарием: «Кто-то любит погорячее, а кто-то похолоднее» (Some like it hot? Some like it cold) были в те годы такими же провокационными, как музыка «Роллинг Стоунз», работы художников-абстракционистов и движение хиппи. Книга была не столько работой по теории медиа, сколько образцом искусства постмодернизма, для которого характерно соединение самых разных форм и технологий, в том числе пародирование известных авторов, создание нового текста на основе чужого. Удачными в книге были и иллюстрации К. Фиоре, которые во многих случаях лучше слов объясняли мысли Маклюэна.

В этом же году Маклюэн выпустил фильм «Средство сообщения – массаж с Маршаллом Маклюэном» (*The Medium is the Massage with Marshall McLuhan, 1967*). Эта работа по своей сути также является неотъемлемой частью искусства постмодернизма. Представленные в картине образы, сопровождающиеся комментариями Маклюэна и его единомыш-

¹ «Чтобы быть контркультурой и иметь массовый коммерческий успех, следовало говорить и делать радикальные вещи в консервативном формате. Например, представить хорошо режиссированное, продуманное произведение анти-истеблишмента в стиле хиппи в хорошо кондиционированном театре, расположенном в хорошем месте. Или, как сделал Маклюэн, – написать книгу о том, что книги устарели» (*перевод – И.А.*). («The way to be counterculture and have a mass commercial success was to say and do radical things in a conservative format. Like have a well-choreographed, well-scored, anti-Establishment «hippy be-in» in a well-ventilated, well-located theater. Or like McLuhan had done – write a book saying books were obsolete». (Warhol A., Hackett P. *POPism: The Warhol 60s*. – New York: Harvest Books, 1990. – P. 250.

ленников, были призваны стать дополнением к теории Маклюэна. Говорящие губы на экране существуют отдельно от женской головы и, вероятно, в них воплощены разные виды коммуникаций. Помимо книги, Маклюэн выпустил пластинку с одноименным названием. Таким образом, ученый открыл свою лабораторию «проб», в которой в последующие годы он экспериментировал, соединяя науку и искусство, биологию и информационные технологии, литературу и кинематограф.

Впоследствии эксперименты Маклюэна породили много школ, в рамках которых художники, кинематографисты, психологи, менеджеры корпораций, специалисты в области медиа и информатики, опираясь на основные положения теории Маклюэна, проводили различные опыты, стремясь открыть новые средства коммуникации и управления, новые формы искусства и мышления. Одной из площадок для экспериментов стала Программа Маклюэна в университете Торонто.

Развитием идей Маклюэна, проявлением маклюэнизма являются книги, изданные после смерти ученого, одним из авторов которых назван сам Маклюэн: «Законы медиа: Новая наука», написанная Э. Маклюэном на основе опубликованных и неопубликованных материалов отца, а также «Книга проб» (2003) [23], составленная Э. Маклюэном и иллюстрированная графическим дизайнером Д. Карсоном. Последняя по своему стилю напоминает «Средство сообщения – массаж».

Большая часть «Книги проб» представляет собой сложные визуальные образы, возникшие у Д. Карсона под влиянием идей Маклюэна. Редакторы Э. Маклюэн и Т. Кунц отобрали для книги отрывки из речей и работ Маклюэна, опубликованных с 1945 по 1980 гг., а Карсон создал необычные запоминающиеся иллюстрации к ним: графику, фотографию, коллажи. По мнению американского критика Стива Маклафлина (Steve McLaughlin), знакомство с «Книгой проб» – это не столько чтение, сколько сопереживание (experience), воплощение маклюэновских «проб» (экспериментов) в визуальных образах [146]. В книге несколько разделов, многие из них отражают основные исследовательские интересы канадского коммуникативиста: «От космического до экзистенциального человека» (*From Cosmic to Existential Man*), «Реклама» (*Advertising*), «Экология медиа» (*Media Ecology*), «Законы медиа» (*The Laws of Media*), «Новая наука о коммуникации» (*New Science of Communication*), «Книга проб» (*The Book of Probes*), «Расширения человека» (*The Extensions of Man*). Части «Поэтика на военной тропе» (*Poetics on the Warpath*), «Маклюэн и Соссюр» (*McLuhan and Saussure*) являются продолжением идей Маклюэна как теоретика медиа.

Раздел «Поэтика на военной тропе» содержит размышления об ответственности людей и СМИ за жизнь на планете. Продолжая мысль Маклюэна о том, что весь мир есть «глобальная деревня», авторы приходят к выводу о том, что «ВСЯКАЯ ВОЙНА – ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА» (ALL WAR IS CIVIL WAR). Данная фраза, написанная заглавными буквами, представлена в виде белого текста на черном фоне, при этом на странице возникают слабые белые вертикальные линии. В этом же разделе на фоне расплывчатого изображения завтрака помещено высказывание «Освещение событий – это война. Если бы не СМИ [...], не было бы войны (The coverage is the war. If there were no coverage [...] there'd be no war)» [30, р. 342–343]. Эти слова не принадлежат Маклюэну, скорее их автором мог бы быть Ж. Бодрийяр, мыслитель, который также оказал огромное влияние на Д. Карсона. Сочетание слоганов с необычными коллажами дизайнера Д. Карсона в «Книге проб» по сути своей стало новой формой экспериментального искусства.

В 2004 г. Карсон опубликовал книгу «Трек: Последние опусы Дэвида Карсона» (*Trek: David Carson, Recent Werk*). В ней собраны его работы за пять лет: фотографии, кино и интернет-проекты, в том числе иллюстрации к «Книге проб». Предисловие к этому изданию написано Эриком Маклюэном. На сайте издательства «Гинко пресс» в рецензии на книгу о художественных находках Карсона сказано следующее: «Некоторые образы просто интересны, другие, которые невозможно расшифровать, словно набросаны на страницы как краска на холст, которая волшебным образом находит нужное место»¹. Несомненно, книги, которые иллюстрировал Карсон, можно отнести к образцам маклюэнизма. Опираясь на основные положения теории медиа и подходы к междисциплинарным экспериментам М. Маклюэна, Карсон создал необычные артобъекты, в которых ему удалось представить свою точку зрения на самые разные явления. При этом во многих своих работах он опирался на маклюэновское видение мира и его теорию медиа.

Маклюэнистом является и известный канадский кинорежиссер Дэвид Кроненберг (David Cronenberg, 1943–). Выпускник Университета Торонто, Кроненберг получил степень бакалавра и магистра по английской литературе. Он учился в те годы, когда Маклюэн был преподавателем в университете, но не был непосредственно его студентом. Взгляды Маклюэна и «новых критиков» на поэзию и прозу близки Кроненбергу. Он счи-

¹ «The images — some conventionally interesting, others indecipherable — are flung onto the pages like paint on a canvas that magically lands in just the right place». См.: http://www.gingkopress.com/_cata/_grap/trek.htm

тал, что канадское происхождение позволяло ему, как и Маклюэну, взглянуть со стороны на американское общество, медиа и культуру и более объективно, чем американцы, его оценивать [340, p. 150].

Идеи, предложенные Маклюэном в «Понимании средств коммуникации», воплощены в фильмах Д. Кроненберга «Видеодром» (*Videodrome*, 1982), «Экзистенция» (*eXistenZ*, 1999) и «Автокатастрофа» (*Crash*, 1996). Герои этих фильмов взаимодействуют с разными медиа: телевидением («Видеодром»), компьютерной игрой («Экзистенция»), автомобилем («Автокатастрофа»). Воплощая маклюэновскую идею о том, что медиа являются продолжением человека, Кроненберг показывает, как телевидение, компьютерная игра, автомобиль в буквальном смысле слова вживаются в человека, становясь его неотъемлемой частью.

В «Видеодроме» главный герой Макс Ренн (Max Renn), президент кабельной телевизионной станции «Канал 83» (Channel 83), начинает смотреть грязную, полную жестокости порнопродукцию под названием «Видеодром». По мере просмотра в герое с каждым днем происходят непонятные изменения, которые влияют на работу его мозга. В итоге М. Ренн не может отличить реальность от галлюцинации. С телом Ренна происходят непонятные метаморфозы – оно превращается в некий механизм, приложение к телевизору. Кроненберг известен как талантливый мастер фильмов ужасов, ему удалось создать страшный и запоминающийся образ мутирующего человека. Таким образом автор хотел привлечь внимание к проблеме влияния СМИ, и прежде всего телевидения, на аудиторию. Вероятно, по замыслу автора, именно просмотр «грязной» передачи превращает его героя в монстра. Не исключено, что эта трансформация иллюстрирует также возможность телевидения зомбировать человека настолько, что реальность и галлюцинации становятся неразличимы.

Одним из виртуальных персонажей в фильме является прототип Маршалла Маклюэна – профессор Брайан О’Бливион (Brian O’Blivion)¹. Он возникает на телеэкране для того, чтобы объяснить главному герою, что телевидение стало частью глаза и мозга человека. Макс Ренн несколько раз беседует с экранным профессором, а в результате узнает, что О’Бливион умер от опухоли мозга (снова возникает ассоциация с Маклюэном) несколько лет назад, успев записать свои мысли на телевизионную кассету.

¹ В имени персонажа проявляется свойственный Кроненбергу сарказм. Фамилия О’Бливион происходит от английского слова «oblivion» – забвение. В 80-е гг. имя Маклюэна было забыто, поэтому режиссер решил так назвать его кинематографического прототипа.

Герой узнает, что общался с несуществующей личностью, виртуальным О'Бливионом – Маклюэном¹.

По мнению американского критика Р. Лаинга (R Laing), суть послания сигнала видеодрома – не содержание, а форма средства коммуникации. Оно, уверен Лаинг, и вызвало у Макса галлюцинации. В результате сознание героя буквально программируется сигналом видеодрома, а он сам становится частью жестоких образов канала. На основании этого критик делает вывод о том, что фильм является своеобразной иллюстрацией знаменитого маклюэновского тезиса «the medium is the message» [141]. Финал фильма достаточно запутанный. Макс оказывается жертвой политической организации «Конвекс», которая ставит целью искоренить порнографические передачи из телеэфира. Он получает сигнал, транслируемый «Конвексом», который превращает его в убийцу видеодрома. Судя по всему, одной из проблем, поставленных Кроненбергом в фильме, была неотвратимость цензуры на телевидении.

«Видеодром» не стал кассовым фильмом. Однако он считается одним из важных культурных феноменов, в котором обсуждаются проблемы современных медиа: их влияние на общество, ответственность руководителей и создателей медийных продуктов перед потребителем, в том числе право человека на свободу слова и самовыражения. При чтении курсов по теории и практике медиа в некоторых зарубежных университетах «Видеодром» рекомендуется для обсуждения в аудитории².

В «Экзистенции» Кроненберг изображает будущее, в котором компьютерные игры превращают жизнь человека в виртуальную реальность. Кроненберг повторяет мысли Маклюэна, высказанные ученым в «Понимании средств коммуникации» и «Войне и мире в глобальной деревне» о том, что компьютер является продолжением нервной системы человека. Игра в «Экзистенции» подключается прямо к нервной системе человека с помощью биопорта, она влияет на чувства героев, их желания и страхи и, более того, программирует их действия. В результате участники игры, как и герой «Видеодрома» Макс Ренн, не способны отличить реальность от виртуальной действительности. Некоторым новичкам не нравится идея стать частью машины, человеком-киборгом. Автор размышляет о взаимоотношении человека и машины, этот вопрос позднее будет поднят в фильмах

¹ Возможно, отчасти под влиянием «Видеодрома» Кроненберга Д. Теолл позднее назвал свою книгу о М. Маклюэне «Виртуальный Маклюэн».

² См., например: Recommendations to U75102 'Understanding Media', an undergraduate module, taught at Oxford Brookes University, UK by Dr. Tom Tyler /<http://www.cyberchimp.co.uk/U75102/videodrome.htm>

«Терминатор» Джеймса Кэмерона и «Матрица» братьев Лэрри и Энди Вачовски.

Р. Лаинг считает, что Кроненберг в фильме воплотил идею Маклюэна о том, что человеческое сознание может выходить за рамки тела и таким образом создавать новый опыт и новые возможности [141]. Ученый предсказывал скорое возникновение нового типа глобальной информационной среды, который уничтожит границу между искусством и средой. Главная героиня фильма Аллегра Геллер (Allegra Geller), дизайнер компьютерных игр, убеждает участников игры, что новый проект дает всем им новые возможности. Люди, которые в реальной жизни занимаются скучной и монотонной работой, в «Экзистенции» могут играть самые разные роли: они наделяются властью, занимаются творчеством, но это лишь иллюзорное существование, которое могут создавать средства коммуникации. Незаметно люди становятся заложниками новых технологий. Подобные мысли неоднократно высказывал и Маклюэн в своих работах. «Когда эта техника обучится делать твою работу, что ты собираешься делать?» – спрашивал ученый в книге «Средство коммуникации – массаж» [37, р. 20]. Восхищаясь новыми технологиями, канадский теоретик вместе с тем говорил об опасности, которую они представляют, в том числе компьютер, который как бы заманивает людей в свою паутину: «”Приходите в гости”, – сказал компьютер специалисту» [37, р. 20]. Размышляя о взаимоотношениях между человеком и машиной, Маклюэн неоднократно подчеркивал, что технологии – это не просто изобретения, которые используют люди, это средства, с помощью которых люди создаются заново¹.

И в «Видеодроме», и в «Экзистенции» Кроненберг говорит о могуществе медиа, о том, что они могут управлять человеком. Это созвучно мысли Маклюэна о том, что в «глобальной деревне» СМИ вскоре смогут держать под контролем целые континенты [39, р. 54].

В «Автокатастрофе»² Кроненберг уходит от таких тем, как телевидение и компьютерные игры и их роль в жизни общества. В центре фильма проблема взаимодействия человека и автомобиля, причем, как и в предыдущих работах, человек соединяется с машиной настолько, что становится ее частью и продолжением. Еще в «Механической невесте» Маклюэн, рассматривая рекламу автомобилей, отмечал сходство между частями автомо-

¹ «Technologies are not simply inventions which people employ but are the means by which people are re-invented». (Marshall McLuhan Center / <http://angelfire.com/ms/MediaLiteracy/McLuhan.html>)

² Фильм поставлен по одноименному роману британского писателя, представителя литературы «новой волны», Д.Г. Балларда (J.G. Ballard), вышедшему в свет в 1973 г.

бия и частями человеческого тела. Позднее он более глубоко развил тему, заявив, что медиа – продолжение какой-либо части человека – психической или физической, а колесо – продолжение ноги [37, p, 26-28].

История героев связана с автокатастрофой, в которую они попадают. Главный герой фильма кинопродюсер Дэвид Баллард (David Ballard) заводит роман с Элен Ремингтон (Helen Remington) после того как они пережили автокатастрофу, в результате которой Э. Ремингтон теряет мужа. Практически все любовные сцены происходят в автомобиле.

Пытаясь обрести себя после произошедшего, герои посещают перфоманс, воссоздающий автомобильную аварию, в которой погиб известный американский актер 50-х гг. Джеймс Дин (James Dean, 1931–1955). Для главного героя автомобильные гонки и катастрофы становятся необходимой частью жизни, фетишем, без которого он не видит смысла существования. В фильме много секса и жестокости, что характерно для творчества Кроненберга в целом.

Один из героев «Автокатастрофы» Вон (Vaughan) высказывает мысль о том, что современные технологии изменяют человеческое тело. Эта фраза созвучна высказыванию Маклюэна: «Медиа, изменяя окружающую среду, порождают в нас уникальный уровень чувственного восприятия. Расширение любого из чувств изменяет образ нашего мышления и действия – способ мироощущения. Когда этот уровень меняется, изменяется человек»¹.

В фильме герои постоянно находятся на грани жизни и смерти. Они фетишизируют автокатастрофы, имитируют знаменитые аварии на дорогах, пытаются обрести не только острые ощущения, но и смысл жизни. Последняя автокатастрофа, в которую попадает Баллард и его жена, объединяет их. Герой начинает испытывать необычайное чувство нежности по отношению к израненной супруге. Автор показывает, что вне экстремальной ситуации герои уже не способны испытывать чувства, любить, они обречены на катастрофу.

Фильмы Кроненберга, несомненно, носят экспериментальный характер и близки маклюэновским «пробам». Труды Маклюэна сыграли значительную роль в формировании Кроненберга-режиссера и определили концепции трех его фильмов: «Видеодрома», «Экзистенции» и «Автокатастрофы», хотя канадскому коммуникативисту, будь он жив, вряд ли бы по-

¹ «Media, by altering the environment, evoke in us unique ratios of sense perceptions. These extension of any one sense alters the way we think and act – the way we perceive the world». (Ibid. – P. 41.)

нравились работы своего соотечественника, поскольку эстетизация насилия, сексуальных извращений была ему чужда.

В области теории коммуникации идеи Маклюэна были продолжены французскими социологами-семиотиками: Роланом Бартом (Roland Bartes, 1915–1980) и Жаном Бодрийяром. Все они: и Маклюэн, и Барт, и Бодрийяр – были людьми энциклопедических знаний и имели филологические корни.

Между Бартом и Маклюэном можно найти много общего. Несомненно, существуют параллели между «Механической невестой» М. Маклюэна и «Мифологиями» (*Mythologies*, 1957) Р. Барта: у авторов одинаковое восприятие массовой культуры, в том числе рекламы. Модель «означающего» и «означающего» в «Мифологиях» Барта и теория тетрад Маклюэна имеют общие корни: они восходят к лингвистической модели Ф. де Соссюра. Неслучайно одна из рецензий на книгу Барта «Ролан Барт Ролана Барта» (*Roland Bartes by Roland Bartes*, 1975), опубликованная в 1978 г. в газете «Торонто Стар», называлась «Познакомьтесь с французским Маршаллом Маклюэном» (*Meet France's Marshall McLuhan*)¹. Маклюэн прочел эту статью и через несколько недель после ее публикации решил ответить автору Роберту Фулфорду (Robert Fulford), написав письмо прямо в редакцию. В письме Маклюэн подчеркивал, что их с Бартом подходы к исследованию культуры и медиа различны, и он, Маклюэн, в большей степени изучает модели, образцы (patterns), в то время как Барт больше склонен к теоретизированию [2, р. 539–540]. Однако это утверждение достаточно спорно. Для Маклюэна также было характерно выстраивание теорий и концепций, причем многие из них основывались не на фактологическом материале, а на воображении ученого, что позволило критикам говорить о том, что Маклюэн в большей степени литератор, создающий запоминающиеся образы, чем социолог [348, р. 174]. Нельзя говорить о том, что Маклюэн оказал большое влияние на Барта и наоборот. Несомненно, ученые были знакомы с работами друг друга, есть упоминание о том, что они встречались² и планировали совместный проект, но факт обсуждения сотрудничества между учеными не подтверждается документально, и, скорее всего, относится к разряду слухов [90, р. 30].

Несмотря на общие подходы Маклюэна и Барта к восприятию культуры, коммуникативной и знаковой системы, нельзя утверждать, что твор-

¹ Об этом см.: Genosko G. *McLuhan and Baudrillard: The Masters of Implosion*. – New York: Rutledge, 1999. – P. 20.

² Д. Теолл утверждает, что М. Маклюэн и Р. Барт встречались в 1972 г. (См.: Theall D. *The Virtual McLuhan*. – P. 127).

чество Р. Барта сформировалось под значительным влиянием Маклюэна. Вместе с тем в работах Бодрийяра это влияние ощутимо. Бодрийяра, несомненно, можно считать маклюэнистом. Его учение о трех порядках симулякров, изложенное в книге «Символический обмен и смерть» (*L'Echange symbolique et la mort*, 1976) по сути своей является продолжением теории массмедиа Маклюэна.

Проблема влияния идей канадского теоретика медиа Маршалла Маклюэна на французского философа и культуролога Жана Бодрийяра является предметом многочисленных дискуссий в академических кругах США, Канады и Европы. Английский исследователь Майкл Гейн (Mike Gane) полагает, что из всех американских теоретиков коммуникации именно Маклюэн повлиял на формирование взглядов французского мыслителя [320, р. 48]. Американский культуролог Дуглас Келлнер (Douglas Kellner) считал Бодрийяра «французским Маклюэном» [139]. С ними солидарен и канадский профессор Гари Геноско (Gary Genosko), утверждающий, что работы Бодрийяра служат своеобразным каналом передачи идей Маклюэна. По мнению Геноско, влияние канадского коммуникативиста на мировоззрение Ж. Бодрийяра не вызывает сомнения. Более того, критик утверждает, что с 1980 г. французский философ занял в современной культуре и исследованиях массмедиа место Маклюэна [90].

С работами М. Маклюэна «Галактика Гутенберга» и «Понимание средств коммуникации» Ж. Бодрийяр познакомился в 1960-е гг. В этот период предметом его научных интересов были в первую очередь семиотика и марксизм. Тем не менее он с энтузиазмом прочел книги канадского исследователя. В 1967 г., когда был опубликован французский перевод «Понимания средств коммуникации», Бодрийяр написал рецензию на книгу для журнала «Л'Ом э ла Сосьете» (*L'Homme et la Société*), в которой подчеркивал важность теории Маклюэна для изучения эволюции и современного состояния массмедиа, но вместе с тем подверг критике известное утверждение Маклюэна «medium is the message» («средство коммуникации само является сообщением»), полагая, что в нем выражено свойственное технологическому обществу отчуждение [75, р. 227–230].

Бодрийяру было тесно в рамках формальной семиотики. В 1970-е гг. он серьезно увлекся проблемами массовых коммуникаций. Продолжая исследования Маклюэна, ученый пытался понять, как современные медиа влияют на отношения в обществе в области политики, культуры, языка. Под влиянием теории тетрад Маклюэна и идей Ф. де Соссюра и Р. Барта Бодрийяр в своей работе «Символический обмен и смерть» предложил учение о трех порядках симулякров.

В 1970-е гг. высказывание М. Маклюэна «medium is the message» перестало вызывать раздражение Бодрийяра, и, более того, прочно вошло в его лексикон. Он цитировал и интерпретировал эту фразу в статье «Реквием по массмедиа» («*Requiem pour les media*», 1972), в основополагающем труде «Символический обмен и смерть» («*L'Echange symbolique et la mort*», 1976) и других работах. Спустя десятилетие после рецензии на «Понимание средств коммуникации» Бодрийяр писал, что «medium is the message» стало формулой «всей политической экономии знака, когда та выливается в симуляцию третьего порядка, при этом различие средства сообщения и самого сообщения характерно и для симулякров второго порядка» [366, p.139]. Таким образом французский мыслитель «вписал» теорию медиа Маклюэна в свою концепцию симулякров, полагая, вероятно, что они логически продолжают друг друга.

Хотя Ж. Бодрийяр в основном разделял взгляды Маклюэна, он, тем не менее, постоянно находил в его работах недостатки, упрекал за отсутствие интереса к политической экономии, классовой борьбе. Изучая труды К. Маркса и З. Фрейда, Бодрийяр пришел к выводу о том, что любая теория или учение имеет определенный уклон и субъективность. «Зацикленность» на главенствующей роли средств коммуникации в жизни общества, как полагал Бодрийяр, свойственна Маклюэну.

Полемизируя с Маклюэном, Бодрийяр заявлял, что теории массмедиа, какой ее представляет канадский коммуникативист, не существует, но затем Бодрийяр предлагал свое учение, согласно которому массмедиа – «не коэффициент, а оператор идеологии» [365, p. 200]. Это утверждение французского мыслителя, несомненно, является повторением того, что ранее писал Маклюэн, предупреждая общество, что телевидение создает новые мифы, с помощью которых вскоре можно будет держать под контролем эмоциональный климат целых континентов [39, p. 51].

В теории Маклюэна средствами массовой коммуникации были самые разные явления – от денег и дорог до современных газет и телевидения. Ж. Бодрийяр расширил маклюэновское представление о массовых коммуникациях. Анализируя студенческие волнения 1968 г., он включил в список медиа улицы и их стены с революционными призывами и граффити, а также референдумы и выборы.

В академических кругах к идеям французского философа всегда относились серьезно, в то время как Маклюэн, несмотря на свой энциклопедизм, считался в университетской среде маргинальной личностью. Это можно объяснить, во-первых, тем, что работы Бодрийяра, посвященные проблемам массовых коммуникаций, вышли в свет на десять или даже

двадцать лет позже «Галактики Гутенберга» и «Понимания средств коммуникации», в то время, когда общество уже было способно осознать опасную роль телевидения, формирующего далекую от реальности картину мира.

«Ренессанс» Маклюэна и маклюэнизма в 1990-е гг. обусловлен изменениями в сознании людей. Направления, обозначенные Маклюэном в его трудах, определили основные пути в исследовании массмедиа. Ж. Бодрийяр пришел на «подготовленную почву». Ему не приходилось доказывать современникам очевидное.

Если мозаичный стиль подачи материала, отсутствие линейной структуры и логики в его изложении, а также постоянные литературные аналогии и аллюзии затрудняли чтение и понимание трудов М. Маклюэна, то работы Ж. Бодрийяра, напротив, отличала четкая структура и аргументированность, поэтому в академической среде он был признанным мэтром.

Проблемы, которые волновали Маклюэна и Бодрийяра, были схожи. Оба исследователя изучали проблему создания мифов на телевизионном экране, пытались определить, как представленные медиа события соотносятся с реальностью. Но если Маклюэн в своих трудах только обозначил контуры проблемы, то Бодрийяр с 1976 г. сделал этот вопрос центральным в своих исследованиях. В статье «Войны в Персидском заливе не было» (*La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu*, 1991) французский ученый, на основании своего учения о симулякрах и гиперреальности, обращает внимание на то, что война в Персидском заливе установила новые стандарты ведения военных действий, большое значение в них играют не только вооруженные силы, но и коммуникационные технологии. Спутники и радары помогают получить точную разведывательную информацию, которую нельзя добыть иным путем. Образы войны на экране телевизоров объясняют зрителям всего мира, что происходит и как это надо понимать. Телевидение может по своему усмотрению создать узнаваемые лица-бренды, превратив обычных людей в знаменитости, или оставить настоящих героев в тени. Бодрийяр утверждает, что современные коммуникации определяют ход военных действий, они дают моральное оправдание поведению одной из сторон конфликта и, соответственно, делают злодеев из их противников. Ученый подчеркивает, что картина событий на телевизионном экране в полной мере не отражает происходящее. Более того, экранная война более убедительна и зрелищна, чем сама реальность [303].

В «Экстазе коммуникации» (*Ecstasy of Communication*, 1983) Ж. Бодрийяр пишет о разрушительной роли СМИ, которые лишают людей права на личную жизнь. По мнению французского философа, эмоциональный

мир в обществе изменяется и на смену настоящим чувствам приходят симулякры. Люди живут во вселенной, наполненной информацией, образами, событиями и экстазами, которые на самом деле всего лишь симуляция реальности [299, p. 126–133].

Хотя Маклюэн, убежденный католик, был консерватором, а Бодрийяр, напротив, разделял взгляды «левых», в их трудах по проблемам медиа есть много общего. М. Маклюэн и Ж. Бодрийяр, несомненно, сыграли большую роль в формировании теории массовых коммуникаций. Изучая их наследие, следует обратить внимание как на взаимовлияние и противоречия, так и на роль Маклюэна и Бодрийяра в формировании мировоззрения постмодернизма.

В Канаде исследованием наследия Маклюэна, пропагандой и трансформацией его идей занимаются многие ученые, прежде всего это ученики Маклюэна: Дональд Теолл, Уолтер Онг, Дэррик де Керкове.

Д. де Керкове в 1975 г. закончил аспирантуру университета Торонто по специальности «Французский язык и французская литература». С 1972 по 1980 г. он был помощником М. Маклюэна в Центре культуры и технологий, перевел несколько работ своего учителя на французский язык. Д. де Керкове редактировал «Понимание средств коммуникации» издания 1984 г., опубликованного под эгидой ЮНЕСКО. Развивая идеи Маклюэна, он написал несколько книг: «Структуры мозга: технологии, разум и бизнес» (*Brainframes: Technology, Mind and Business*, 1991), в которой рассмотрел влияние телевидения, компьютеров и гипермедиа на корпоративную культуру и экономические рынки; «Кожа культуры» (*The Skin of Culture*, 1995) – сборник статей о новой электронной реальности; «Подключенный интеллект» (*Connected Intelligence*, 1997), в котором представил свои последние исследования новых медиа, а также в соавторстве с М. Федерманом – «Маклюэн для менеджеров: Новые инструменты для нового мышления» (*McLuhan for Managers: New Tools for New Thinking*, 2003).

Последняя книга – «Маклюэн для менеджеров: Новые инструменты для нового мышления» – стала пособием для курсов, которые организуют Д. де Керкове и М. Федерман. Современное бизнес-образование, по мнению авторов книги, не учит мыслить – в нем мало внимания уделяется гуманитарным дисциплинам (истории, культурологии, искусствоведению, литературе), которые могли бы всесторонне развить современного менеджера, подготовить его к решению нетипичных задач, принятию нестандартных решений. Умению увидеть и принять новое, использовать новации в своей работе учит книга «Маклюэн для менеджеров».

Развивая мысль Маклюэна о том, что «мы видим будущее в окно заднего ряда» и «входим спиной в будущее» [37, р. 73], М. Федерман и Д. де Керкове пишут о том, что исторические перемены, часто напрямую связанные с научными открытиями и внедрением новых технологий, создают новую культурную среду, в которой многие из нас чувствуют себя некомфортно. Ученые полагают, что современный менеджер не имеет права на «испуг» при встрече с новациями, более того, он должен обладать навыком предвидения.

В первых четырех главах книги «Маклюэн для менеджеров» авторы подробно рассматривают основные положения теории Маклюэна: предложенные канадским ученым законы медиа, деление СМИ по «температурным» признакам на «горячие» (hot) и «прохладные» (cool), а также разъясняют терминологию и клише, встречающиеся в работах Маклюэна.

В последних четырех главах методы, которые Маклюэн применял для исследования средств коммуникации, используются для анализа различных современных технологий и процессов: покупки и продажи в интернет-магазинах, организации внутренних и внешних коммуникаций в компании, косвенного дистанционного управления подчиненными с помощью современных технологий. Предложенная авторами модель «подключенного интеллекта» (Connected Intelligence) направлена на взаимодействие квалифицированных специалистов и исполнителей рабочего коллектива для решения задач компании, причем авторы предлагают несколько вариантов игр для их осуществления. В рамках семинаров учащиеся изучают основные положения теории Маклюэна, затем им предлагают изучить терминологию современного бизнеса: даунсайзинг, реинжиниринг, TQM (менеджмент качества) и др., объяснить ее друг другу и предложить свои определения этим понятиям. Одно из заданий состоит в том, чтобы придумать новые определения для известных бизнес-процессов и технологий, причем это понятие участники могут детально описать или «скрыть» в метафоре. По мнению организаторов семинара, такой тренинг помогает участникам по-новому взглянуть на привычные явления деловой жизни, осмыслить привычный язык и клише офиса, подумать, как лучше выстроить устные и письменные коммуникации и донести свои мысли до начальства, коллег и подчиненных.

В рамках семинара большое внимание уделяется умению грамотно построить отношения с клиентами и партнерами. Участники решают коммуникативные задачи: учатся правильно выбирать слова, в случае необходимости использовать эвфемизмы, стараться «упаковать» информацию в ту оболочку, которая понятна и приятна собеседнику. Как правильно по-

шутить, польстить, предупредить, отказать, отстоять свою точку зрения, – решение таких проблем предполагает программа семинара. Выбор для каждой ситуации наиболее удачного средства коммуникации: письмо, телефон, электронная почта, видеоконференция, интернет-форум, блог – также является предметом дискуссии.

Д. де Керкове считает, что технология «подключенного интеллекта» наиболее ярко проявляется в блогосфере, поэтому в рамках семинара рассматриваются все возможности этой формы коммуникации: для продвижения продуктов, услуг, идей, проведения исследования по вторичным источникам, формирования общественного мнения, распространения вирусного маркетинга. Междисциплинарный характер семинаров ощущается в предлагаемых заданиях: слушатели не только изучают бизнес-ситуации, а также анализируют видеоролики политических дебатов, культурный контекст и его взаимосвязь с бизнесом, язык как средство общения.

Книга «Маклюэн для менеджеров» и бизнес-семинары, которые опираются на основные положения теории медиа канадского ученого, – достаточно необычная форма маклюэнизма. Но можно вспомнить попытки самого Маклюэна внедрять свои идеи в жизнь и продавать их бизнес-сообществу. Они не увенчались успехом. В этом отношении опыт его последователей – де Керкове и Федермана можно назвать более удачным, поскольку семинары проходят уже более четырех лет.

С 1983 г. Д. де Керкове, профессор французского факультета Университета Торонто, является директором Программы Маклюэна, а М. Федерман – активным ее участником¹. Задача, которую ставит перед собой Программа Маклюэна, заключается в том, чтобы, опираясь на наследие М. Маклюэна, развивать теорию медиа канадского коммуникативиста, расширять знания о влиянии технологии и культуры на общество. Программа предлагает учебные курсы, проводит и поддерживает междисциплинарные и узкоспециализированные исследования.

Большую роль в продвижении идей Маклюэна сыграл также его аспирант, выпускник Университета Торонто Дональд Теолл. Под влиянием Маклюэна Теолл в студенческие годы выбрал тему исследования для магистерской диссертации «Теория коммуникации Элиота» (*Eliot's Theory of Communication*, 1951) и докторской диссертации «Теория коммуникации в поэзии модернизма: Йетс, Паунд, Элиот и Джойс» (*Communication Theory in Modern Poetry: Yeats, Pound, Eliot, Joyce*, 1954). По мнению Д. Теолла, Маклюэн, опираясь на творчество поэтов и писателей-модернистов, пред-

¹ Подробную информацию о программе Маклюэна можно получить на ее сайте: <http://www.utoronto.ca/mcluhan/>

ложил свою концепцию, согласно которой коммуникация является и участником (participation), и преобразованием (transformation) [121, p. 8] общества, в том числе его искусства, культуры, массмедиа.

Теолл был хорошо знаком с работами своего учителя разных лет: от литературной критики до теории медиа, поэтому именно ему удалось в своих работах показать многогранность Маклюэна, проанализировать литературные корни в его концепциях, отделить эпатажные высказывания от серьезных концептуальных положений.

Как и Маклюэна, Теолла интересовало творчество писателей-модернистов, в первую очередь Д. Джойса и Т. Элиота, теория коммуникации, наследие Г. Инниса и У. Льюиса. В отличие от Маклюэна, Теолл дожил до эпохи всеобщей компьютеризации, и проблемы виртуальной реальности и киберпространства также стали темами его исследования. В книге «За пределами дихотомии речь/письменность: Джеймс Джойс и предыстория киберпространства – постмодернистская культура» (*Beyond The Orality/Literacy Dichotomy: James Joyce and the Pre-history of Cyberspace - Postmodern Culture*, 1992) Теолл показал, как художники, литературные критики, ученые рассматривали роль технологий в коммуникации и как это помогало им выразить себя. Особое внимание в книге уделено творчеству Джойса, которого автор называет, как и Маклюэна, провозвестником киберкультуры. Он также считает, что заслуга Маклюэна состоит в том, что он создал мост, соединяющий творчество Д. Джойса и других писателей-модернистов с развитием новых электронных технологий. Эти же мысли Теолл продолжил в книге «Виртуальный Маклюэн» в главах «Маклюэн, Джойс и эволюция киберкультуры» (*McLuhan, Joyce, and the Evolution of Cyberculture*), «Джойс, свет и дорога к цифровой культуре» (*Joyce, Light, and the Road to Digiculture*).

«Виртуальный Маклюэн» Теолла интересен не только как серьезное исследование наследия канадского коммуникативиста, но и как книга, написанная человеком, который хорошо знал Маклюэна. Теолл последовательно доказывает, что большая часть маклюэновской теории медиа сформировалась под влиянием творчества Джойса, хотя сам ирландский писатель серьезно не задумывался о роли средств массовой коммуникации в современном обществе. Теолл подчеркивает, что идеи Маклюэна в той или иной степени вдохновили многих исследователей в области коммуникативистики, в том числе Элизабет Эйнштейн, Кэролин Марвин (Carolyn Marvin), Уолтера Онга, Дэвида Кроули (David Crowley), Пола Хайера (Paul Heyer) и Брайана Стока (Bryan Stock).

Теолл в своих работах продолжает исследования своего учителя, в некоторых работах он, как и Маклюэн, соединяет анализ литературных текстов с изучением новых медиа, проводя между ними параллели. Маклюэн, по мнению Теолла, как никто другой не только смог понять Д. Джойса, объяснить связь его творчества с современной технокультурой, но и открыть путь для междисциплинарных постмодернистских проектов¹.

Работы Маклюэна, посвященные Джойсу, переведены на многие иностранные языки: французский, итальянский, русский. Помимо Д. Теолла и Э. Маклюэна, к ним обращаются многие исследователи: итальянский литературовед Ф. Валенте (F. Valente) [289], ирландский критик К. Лиллингтон (K. Lillington) [286], ученик Маклюэна в Университете Торонто, а позднее его коллега Ф. Зингроне и др. Все они уверены, что Маклюэн глубоко понимал экспериментальный язык Джойса и видел связь между его творчеством и современными медиа. Маклюэновский подход к изучению различных явлений – от творчества Шекспира до электронных СМИ, – который соединяет текстуальный анализ в традиции «новой критики», метод аналогий и историко-сопоставительный подход представляют интерес для исследователей литературы модернизма.

Идеи Маклюэна в Канаде продолжил также профессор политологии Университета Виктории (The University of Victoria) из Британской Колумбии, директор Тихоокеанского Центра Культуры и Технологии (The Pacific Centre for Technology and Culture) Артур Крокер (Arthur Kroker, 1945–), которого некоторые критики называли «Маклюэном 90-х», «самым интересным мыслителем в сфере культуры и технологии Канады после Маршалла Маклюэна» («McLuhan of the nineties... the most interesting thinker about culture and technology that this country has produced since Marshall McLuhan»)². Д.Х. Рой, корреспондент журнала *Wired*, полагает, что Крокер не столько «второй Маклюэн», сколько «Маркс XXI века» [395]. Это мнение журналиста обусловлено «левыми» политическими взглядами А. Крокера.

Крокер – достаточно противоречивая личность. В молодости он хотел стать священником, но позднее увлекся «левыми» радикальными иде-

¹ Примером такого междисциплинарного исследования может быть интернет-проект Теренса Маккенна (Terence McKenna), сравнивающего творчество Д. Джойса с основными положениями теории медиа М. Маклюэна. (См.: Surfing on Finnegans Wake & Riding Range With Marshall McLuhan / <http://fusionanomaly.net/surfingonfinneganswake.html>; <http://fusionanomaly.net/ridingrangewithmarshallmcluhan.html>).

² См.: Transcription of CBC Sunday Morning Feature on Arthur Kroker. CBC Sunday morning. July 23, 1995 // <http://uregina.ca/~gingrich/kintvw.htm>

ями, популярными у молодежи 60-х гг. Крокер, как и Маклюэн, не получил признания в академической среде, но его работы популярны за ее пределами. Стилль письма Крокера можно назвать маклюэнистским: как и в трудах Маклюэна, в работах Крокера отсутствие четкой структуры и доказательной базы сочетается с литературностью. Некоторые проекты Крокера, несомненно, являются образцами постмодернистской культуры.

В 1981 г. А. Крокер и Мари-Луиза, супруга и соавтор многих его книг, переехали в Монреаль, где начали публикацию серии книг «Новые мировые перспективы» (New World Perspectives) в издательстве «Сант-Мартинс Пресс» (St. Martin's Press).

В 1984 г. Крокер опубликовал серьезное сравнительное исследование теорий коммуникации Г. Инниса, М. Маклюэна и Д. Гранта «Технология и канадское мышление: Иннис, Маклюэн, Грант» (*Technology and the Canadian Mind: Innis/McLuhan/Grant*), которое он назвал своей интеллектуальной автобиографией [385]. В нем Крокер затронул проблему моральной ответственности за те перемены в обществе, которые происходят с внедрением новых медиа. Крокер уверен, что Иннис, Маклюэн и Грант были бы потрясены и одновременно разочарованы, увидев перемены в области ИТ-технологий, поскольку «силиконовый век», который никому из них не удалось увидеть, усиливает центральный парадокс современного мира, и технологии создают мир, воплощающий как мрачные предсказания Д. Оруэлла, так и утопические надежды.

Из книги понятно, что Крокер считает Маклюэна технологическим гуманистом, который в своих трудах стремился определить роль технологий в жизни человека. Крокер полагает, что если Инниса и Гранта можно назвать канадскими националистами, то этого нельзя сказать о католике Маклюэне, который, будучи томистом, был не только канадцем, но и гражданином «глобальной деревни».

Артур и Мари-Луиза Крокеры много писали о влиянии телевидения на современное общество, в частности на освещение и интерпретацию политических событий¹. Многие мысли Крокеров близки Ж. Бодрийяру. Но авторы полагают, что телевидение – выходящее из обихода средство коммуникации, на смену которому приходит мир сетевой культуры, в котором и работа, и досуг переместятся в киберпространство.

Вместе с супругой Мари-Луизой Крокер опубликовал несколько книг о проблемах культуры, технологии и медиа, в том числе «Хакерское проникновение в будущее: Истории для поглощающих плоть 90-х» (1996)

¹ См., например: Kroker A., Kroker M. *The Hysterical Male: New Feminist Theory and The Last Sex: Feminism and Outlaw Bodies*. – Montreal: New World Perspectives, 1991, 272 с.

(*Hacking the Future: Stories for the Flesh-Eating 90s*). В этой работе, которая выпущена вместе с компакт-диском, авторы соединяют несколько видов искусств. Они читают стихотворения, рассказы, журналистские эссе под синтезированную музыку композиторов Стива Гибсона (Steve Gibson) и Дэвида Кристиана (David Kristian). Следует отметить, что Крокеры с начала 90-х гг. постоянно представляют свои работы в формате перформанса на художественных выставках в Северной Америке и Европе. Таким образом, они в какой-то степени продолжают маклюэновские «пробы».

Р. Эверетт-Грин (R. Everett-Green) считает, что Крокеры, как и Маклюэн, одержимы электронными технологиями и в то же время ощущают опасность, которая от них исходит. Если Маклюэн писал, что новые технологии переделывают, перерабатывают нас («works us over»), то А. Крокер говорит, что они «доводят нас до судорог» («throws us into ‘spasm’»), и мы живем с противоречивыми чувствами, но это нам нравится [317, р. 9].

Маклюэнизм – неотъемлемая часть современной культуры, которая нашла свое продолжение в философии, литературной критике, исследовании медиа, в разнообразных арт-проектах. Несмотря на то что многие из них были бы чужды консерватору М. Маклюэну, именно его идеи вдохновляют многих ученых и художников.

Маклюэн оказал влияние на представителей самых разных профессий: художников и дизайнеров, как, например, Д. Карсон, кинематографистов (Д. Кроненберг), философов и мыслителей (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, А. Крокер).

Идеи канадского теоретика медиа подхвачены его учениками Д. Теоллом, У. Онгом, Д. де Керкове. Огромная работа по изучению наследия Маклюэна и продолжению его теорий ведется в Центре Маклюэна Университета Торонто.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Герберт Маршалл Маклюэн – одна из самых ярких и противоречивых фигур в современной гуманитарной культуре. Его теория медиа стала серьезным вкладом в современную коммуникативистику. В своих основополагающих трудах «Галактика Гутенберга» и «Понимание средств коммуникации» Маклюэн представил концепцию развития медиа с древнейших времен до эпохи телевидения и предсказал возникновение нового электронного сообщества, которым в 90-е гг. стал Интернет. Развивая идеи своего старшего коллеги по Университету Торонто Гарольда Инниса, Маклюэн предложил теорию, согласно которой основные этапы развития человечества напрямую зависят от создания и внедрения новых средств коммуникации. Основополагающую роль в концепции Маклюэна играют технологии. Неслучайно ученого часто называют «технологическим детерминистом». Г.М. Маклюэн и Г. Иннис вошли в историю как основоположники Торонтской школы теории коммуникации. Однако именно профессор английской литературы Г.М. Маклюэн, обладающий искусством слова, талантом создания необычных, запоминающихся метафор, популяризировал идеи Торонтской школы, привлек внимание не только к своим трудам, но и работам Г. Инниса.

Г.М. Маклюэн жил и работал в эпоху бурного развития науки и технологий. В это время в академических кругах были популярны концепции постиндустриального общества Д. Белла и Э. Тоффлера, фрейдизм и неомарксизм, кибернетика, постмодернизм. Утверждение Маклюэна, отражающее взгляды представителей Торонтской школы, что изменение технологий определяет смену общественных формаций, стало основой новой концепции развития общества, которая завоевала популярность в 60-х гг. XX в. Сравнивая идеи Маклюэна и Маркса, а также Маклюэна и неомарксистов Франкфуртской школы, можно смело сделать вывод, что видение мира через призму медиа имеет такое же право на существование, как учение о том, что классовая борьба является основой основ развития общества. Это мнение выражено в работах Г. Гроссвиллера «Метод – это сообщение: Маршалл Маклюэн и Карл Маркс» (1997), К. Марвина «Иннис, Маклюэн, Маркс» (1986). Несомненно, как марксизм или фрейдизм, маклюэнизм можно считать мировоззренческим учением и отправной точкой для исследования общества и медиа.

Во многом благодаря Маклюэну интерес к исследованиям в области печатной культуры и электронных СМИ значительно возрос не только в Канаде и США, но и в других странах мира. Ученому удалось предсказать

появление нового сетевого сообщества; им стал Интернет, объединивший весь мир в одну «глобальную деревню». Именно поэтому испанский философ М. Кастелльс называл электронную систему массовых коммуникаций «Галактикой Маклюэна» [308, р. 337]. Маклюэн предостерегал своих современников и будущие поколения от манипулятивной роли телевидения – «робкого гиганта», создающего псевдореальность и способного контролировать настроения целых наций. Он верил в то, что будущее – за новыми технологиями, и советовал «не входить в будущее спиной», а быть открытым для всего нового. Следует признать, что некоторые идеи Маклюэна о «горячих» и «прохладных» средствах коммуникации представляются достаточно спорными, хотя и стали популярными среди исследователей медиа. Эти идеи продемонстрировали как ученым, так и представителям искусства необычные качества медиа, новые неожиданные подходы к их изучению и использованию в качестве арт-объектов.

Первые публикации о Маклюэне появились в 60-е гг., после выхода в свет основополагающих трудов ученого: «Галактика Гутенберга» и «Понимание средств коммуникации». В 70-80-е гг. фигура канадского теоретика и его труды стали предметом серьезных исследований. В книгах Д. Миллера «Маршалл Маклюэн» и Д. Фекете «Критический сумрак: Исследование идеологии англо-американской теории от Элиота до Маклюэна» теория Маклюэна рассмотрена как система взглядов в контексте основополагающих направлений в гуманитарной мысли XX в.

До середины 80-х гг. теория медиа Маклюэна не получала признания в академической среде. «Отцы-основатели» американской коммуникативистики (П. Лазарсфельд, У. Лассуэлл, У. Шрамм и др.) долгое время игнорировали его труды. Только после того как идеи Маклюэна получили признание в Европе, во многом благодаря Ж. Бодрийяру, в журнале «Джорнел оф Коммуникейшнс» появились статьи о Маклюэне и ссылки на его работы. В книгах о проблемах теории коммуникации появились главы, посвященные Маклюэну (Д. Кэрри «Коммуникация как культура: Статьи о медиа и обществе», Д. Цитром «Медиа и американский разум: От Морзе до Маклюэна»). В них, как и ряде монографий (А. Крокер «Технология и канадский разум: Иннис, Маклюэн, Грант» (1984), Д. Альтшулл «От Милтона до Маклюэна: Идеи в основе американского журнализма» (1990), Г. Паттерсон «История и коммуникация: Гарольд Иннис, Маршалл Маклюэн и интерпретация истории» (1990), Д. Стэмс «Несерьезная современность: Иннис, Маклюэн и Франкфуртская школа» (1995)), идеи Маклюэна были признаны теорией медиа и, наряду с учениями Г. Инниса и Гранта, отнесены к Торонтской школе теории коммуникации, для которой, по мнению критиков,

характерно признание главенствующей роли коммуникативных технологий в жизни общества и утверждение, что именно появление новых технологий является движущей силой прогресса.

Если в 60-70-е гг. некоторые исследователи выражали мысль о том, что Маклюэн лишь пересказал идеи Г. Инниса, то в последующие десятилетия критики единодушно признали самостоятельность теории Маклюэна. Р. Кавелл и Д. Теолл считают Маклюэна «теоретиком пространства», в то время как Инниса – «теоретиком времени» (Д. Теолл «Виртуальный Маклюэн» (2000), Р. Кавелл «Маклюэн в пространстве: Культурная география» (2002)). Парадокс расширения зоны воздействия «новых» СМИ, прежде всего телевидения, а затем Интернета, и одновременно их сужения до одной «глобальной деревни», несомненно, является одной из важных отправных точек для изучения медиа, которая была обозначена Маклюэном.

С середины 90-х гг., с развитием сети Интернет, стало очевидным, что прогнозы Маклюэна о новом электронном сообществе полностью оправдались. Действительность подтвердила его правоту. Технологический прогресс признается во всем мире как важнейший фактор, влияющий на средства массовой коммуникации и средства массовой информации, на экономику и уровень развития общества в целом. Идеи Маклюэна стали базой для исследования проблем новой цифровой культуры и компьютерных технологий (Д. Теолл «Виртуальный Маклюэн», П. Левинсон «Цифровой Маклюэн: Путеводитель по информационному тысячелетию» (2001), К. Хоррокс «Маршалл Маклюэн и виртуальность» (2000)).

В последнее десятилетие теория медиа М. Маклюэна стала неотъемлемой частью коммуникативистики. Практически в любом учебнике по проблемам медиа, вышедшем после 2000 г., можно найти раздел, в котором анализируются труды канадского ученого. Д. Мейровиц, Н. Постмен, Д. Маккуэйл, – все ведущие теоретики медиа уделяют идеям Маклюэна значительное место в своих работах. Основным отличием теории Маклюэна от североамериканских и европейских школ коммуникативистики является не только выявление связи между появлением новых средств коммуникации и прогрессом в развитии цивилизации, но также утверждение о том, что средство коммуникации определяет суть сообщения.

В творческом пути канадского ученого можно выделить три этапа. На первом этапе (30–50-е гг.) интересы Маклюэна в большей степени были сосредоточены на проблемах литературы и культуры. Интерес к творчеству памфлетиста елизаветинской эпохи Томаса Нэша привел Маклюэна не только к серьезному исследованию литературы того времени и самой эпохи, но и к анализу традиций так называемых риториков-грамматистов и

диалектиков. В дальнейшем, рассматривая литературный процесс, эволюцию массмедиа и развитие общества в целом, Маклюэн, как правило, начинал исследования с древнейших времен, «античных» споров и конфликтов, в которых участвовали Цицерон, св. Августин и Аристотель, Платон, Сократ, П. Рамус и Ф. Бэкон, Т. Нэш и Г. Харви.

Принцип этот проявился в оценке литературы и критики американского Юга. Знакомство с творчеством писателей-«аграриев» и «новых критиков» южных штатов было важным событием в жизни Маклюэна. Оно во многом определило тематику его публицистики 1930–1950-х гг. В конфликте американского Юга и Севера ученый видел и «античный» спор между «риториками» и «диалектиками», и вечный конфликт аграрного и индустриального, и противоречие между патриархальными идеалами и наступающей «механизацией» общества. Проблемы «южных» интеллектуалов были близки канадскому ученому, он всегда разделял их ценности. Работы Маклюэна, посвященные проблемам американского Юга, представляют интерес как для маклюэнистов, так и для исследователей «южной литературы» и культуры. Канадский ученый смог понять характер «южан», их историю, литературу и культуру. Некоторая отстраненность от США помогла Маклюэну более объективно рассматривать конфликт Севера и Юга. Следует признать, что ученому удалось трансформировать объективистскую доктрину «новой критики» в философию отстраненности, свойственную поколению 60-х гг., чем и объяснялась его популярность у левой молодежи того времени.

В 30–50-е гг. Маклюэн серьезно изучает литературу модернизма. В его публикациях, посвященных Э. Паунду, Т.С. Элиоту и Д. Джойсу, представлен необычный взгляд на творчество всемирно известных писателей-модернистов, чьи новации в поэзии и прозе, по мнению канадского профессора, предвосхитили новые коммуникативные технологии XX в. Маклюэн признавался, что работы Э. Паунда, Т.С. Элиота и Д. Джойса натолкнули его на мысль применять лингвистический и литературоведческий анализ в изучении массмедиа.

Книга «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека», в которой автор представил рекламу, комиксы и популярные детективы как фольклор американской нации, оказала большое влияние на американскую культуру 60-х, в том числе на мировоззрение представителей поп-арта. Эта книга знаменовала собой окончание первого этапа в исследовательской деятельности Маклюэна и переход ко второму этапу, центральной проблемой которого стало изучение средств коммуникации.

В 60-е гг. Маклюэн пишет свои основополагающие труды – «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» и «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека». Впервые при исследовании медиа доказательной базой и основой теории массовой коммуникации становится литература. Для изучения процессов, происходящих в сфере медиа, Маклюэн обращался к творчеству писателей-модернистов – Э. Паунда, Т.С. Элиота и Д. Джойса, поскольку считал, что именно люди искусства способны ощущать и предвидеть перемены, а не смотреть, в отличие от остальных представителей человеческой расы, в будущее через «окно заднего вида». Маклюэн утверждал, что в литературе модернизма ощутимо предчувствие перехода верховенства от печатной культуры (именно она в понимании ученого является визуальной) к электронным СМИ (акустическим по своему характеру). Маклюэн использует метод аналогий и проводит параллели между характерными для литературы модернизма приемами и особенностями современных электронных медиатехнологий – и те, и другие прибегают к монтажу, мозаичности подачи материала, сопоставлению кадров, изображению одномоментного происхождения разных, порой значительно удаленных друг от друга, событий.

По мнению ученого, литература, искусство и медиа развиваются синхронно. Эксперименты модернистов в области пространства, времени, а также мозаичная структура их произведений, как полагал Маклюэн, отражают процессы, которые происходят в тот же период времени в кинематографе и, более того, являются провозвестниками появления электронных СМИ.

Отличительным признаком третьего этапа (1970-е гг.) исследовательской деятельности Маклюэна был синтетизм. Обращаясь к разным областям знания: теории коммуникации, биологии, культурологии, искусству, литературе, ученый предложил свои законы медиа, современные подходы к обучению в школах и университетах, раскрыл роль элитарной литературы и искусства для понимания средств коммуникации и массовой культуры.

Несмотря на обвинения Маклюэна в излишнем увлечении технологиями и преувеличении им роли новых средств коммуникации в развитии общества, так называемом технологическом детерминизме, а также критику его манеры изложения материала, в том числе нарушение логики и мозаичная структура текстов, следует признать, что Маклюэну удалось создать стройную теорию коммуникации, согласно которой новые коммуникационные технологии играют главенствующую роль в формировании общественной формации и прогресса. «Законы» медиа Маклюэна, так называемая «теория тетрад», стала моделью для анализа медийных процессов, на кото-

рые опираются многие современные исследователи. Они многое объясняют в истории и характере медиа и применимы не только в сфере массовой коммуникации, но и других областях, а любой процесс, артефакт или технология могут быть рассмотрены в свете маклюэновских законов.

Очевидна связь канадского коммуникативиста с учениями французских семиотиков Р. Барта и Ж. Бодрийяра. Можно утверждать, что многие идеи Ж. Бодрийяра являются логическим продолжением теории медиа М. Маклюэна.

Маклюэн был профессором английской литературы, и литература всегда оставалась неотъемлемой частью его трудов. Настоящее исследование показало, что литература была той основой, на которой Маклюэн сформировался как мыслитель и теоретик медиа. Именно этим концепции Маклюэна отличаются от других теорий коммуникации. Работы ученого, несомненно, являются, с одной стороны, научными по своему характеру, в них автор выразил свое видение истории цивилизации через эволюцию средств коммуникации: от устного творчества до электронных СМИ. Вместе с тем в работах Маклюэна отсутствует четкая логика изложения материала, не прописаны цели и задачи его работ, не всегда обоснованы методы исследования, в конце книг отсутствует список источников, на которые автор опирался в своем исследовании. В работах, посвященных проблемам печатной и электронной культуры, автор опирается на труды антропологов, психологов, включает выдержки из художественных произведений разных эпох (драмы У. Шекспира, поэзию А. Поупа, А. Теннисона, У. Блейка, Ш. Бодлера, Д. Китса, Э. Паунда, Т.С. Элиота, рассказы и романы М. де Сервантеса, Э.А. По, Д. Джойса) как доказательную базу для своих утверждений, при этом редко упоминает работы теоретиков медиа, своих предшественников и современников, внесших значительный вклад в изучение проблем коммуникации. Исключением является Г. Иннис: его имя и его труды Маклюэн упоминает достаточно часто.

Достаточно необычным для научного исследования в сфере коммуникативистики стало использование Маклюэном литературы как доказательной базы для построения своих медиаконцепций, постоянный диалог на эту тему с литераторами разных эпох.

Вместе с тем мы приходим к выводу, что в трудах самого Маклюэна есть элементы «литературности», в них ощутимо влияние поэтики и эстетики литературы модернизма, что нашло свое выражение в мозаичном построении текстов его научных работ, запоминающихся метафорах, неповторимых маклюэновских «крылатых фразах» таких как, например, «Деньги – кредитная карта бедняка» («Money is the poor man's credit card»), «Если

это работает, значит, уже устарело» («If it works, it's obsolete»), «Новости – это больше, чем искусство, это – артефакт» («News, far more than art, is artifact»), «Я, может быть, не прав, но я никогда не сомневаюсь» («I may be wrong, but I am never in doubt»). Все эти примеры свидетельствуют о несомненном литературном таланте ученого, его чувстве юмора. Свойственный Маклюэну ироничный стиль литературной критики сформировался под влиянием Г.К. Честертона, Л. Кэрролла и писателей-модернистов Д. Джойса, Э. Паунда, Т.С. Элиота.

Паунда, Элиота, Джойса и Маклюэна объединяло многое: энциклопедизм, интерес к экспериментам, любовь к элитарному искусству. Маклюэн многое заимствовал из литературы модернизма: некоторые его фразы написаны и оформлены в паундовском идеограммном стиле, многие каламбуры созданы под влиянием Джойса. Мироощущение Т. Элиота, его взгляды на искусство, религию нашли отражение и в литературной критике и работах по теории коммуникации Г.М. Маклюэна.

Парадокс заключается в том, что Маклюэн умел по достоинству оценить талант писателей-модернистов, но не смог написать ни одной крупной работы, посвященной их творчеству. Это объясняется его сосредоточенностью на проблемах медиа. Однако именно под влиянием Маклюэна Х. Кеннер, Д. Теолл, Э. Маклюэн создали серьезные исследования о Э. Паунде, Т. Элиоте и Д. Джойсе.

Маклюэном написано несколько десятков литературоведческих статей. Лишь некоторые из них близки формату «новой критики», сторонником которой он был.

Результаты проведенной работы подтвердили нашу гипотезу о том, что Маклюэн является мыслителем и художником, прошедшим путь от модернизма к постмодернизму и впитавшим в себя эстетику этих культур, что проявилось в его подходе к изучению литературы, культуры и медиа. «Галактика Гутенберга» и «Понимание средств коммуникации» написаны под сильным влиянием писателей-модернистов, а более поздняя работа ученого «Средство коммуникации – массаж: Опись имущества», соединившая высказывания Маклюэна с цитатами известных людей разных эпох, иллюстрированная фотографиями, рисунками, коллажами, а также фильм, сделанный на основе этой книги, являются образцами литературы и искусства постмодернизма.

Большинство его литературоведческих работ весьма своеобразно. Анализ текста в них соприкасается с контекстом новейших достижений в области биологии, физики, информационных технологий. Характерная для Маклюэна междисциплинарная манера исследования медиа, литературы,

культуры и технологий получила название «маклюэнизм». Маклюэнизмом, несомненно, можно назвать как научные исследования, так и труды Маклюэна в области искусства и кинематографии. Следует признать, что Маклюэн не был первооткрывателем в этом плане. Подобный подход к изучению литературы, СМИ, искусства и общества применяли и французский философ Жан Бодрийяр, и представитель Тартуского университета, литературовед и культуролог Ю.М. Лотман, и другие исследователи.

Маклюэнизм ощутим в теориях специалистов в области медиа и культуры (Д. Теолла, У. Онга, А. Моля, М. Кастелльса, Н. Постмена, Д. де Керкове, А. Крокера и др.). Влияние Маклюэна прослеживается и в творчестве американского фотографа и графика Д. Карсона, канадского режиссера Д. Кроненберга, американских кинематографистов В. Алена, О. Стоуна и др. Связь с постмодернизмом чувствуется прежде всего в «пробах» Маклюэна, экспериментах, соединяющих разные сферы деятельности и виды искусства.

Статьи и эссе Маклюэна, посвященные литературе американского Юга, творчеству Э. Паунда, Т.С. Элиота и Д. Джойса, представляют интерес и как литературоведческие исследования, и как работы по теории коммуникации. В них ученый комплексно рассматривает литературу, медиа, искусство и технологии. Как медиакритик Маклюэн пишет о проблемах взаимодействия литературы, искусства и массовых коммуникаций. В работах, посвященных проблемам коммуникаций, обращается к анализу художественных произведений – поэзии Э. Паунда и Т. Элиота, романам Д. Джойса «Улисс» и «Поминки по Финнегану». Он находит в их текстах много полезной информации об истории развития средств коммуникации. Так, роман «Поминки по Финнегану» Джойса, по мнению Маклюэна, иллюстрирует эволюцию СМК от устной культуры к письменной, затем печатной и электронной. В «Улиссе» Д. Джойса, «Бесплодной земле» Т. Элиота и поэме «Кантос» Э. Паунда Маклюэн находит примеры кинематографических и зарождающихся телевизионных технологий.

Анализ Маклюэном литературы модернизма имеет и самостоятельную литературоведческую ценность. Из статей и эссе канадского исследователя можно многое узнать о специфике поэтического языка Э. Паунда и Т. Элиота, особенностях поэтики Д. Джойса, с характерным для него интересом к исследованию подсознания, расшифровке сновидений, скрытых для наблюдателя мыслей и чувств. Общество, культура, искусство, согласно Маклюэну, напрямую связаны с развитием средств коммуникации, которые продолжают и развивают человека. Литература играет огромную роль в творчестве канадского ученого, но литературоведческий анализ не

является основной целью его исследований. Для Маклюэна литература, как и другие виды искусства, – это зеркало, в котором отражаются медиа.

Маклюэн внес определенный вклад в развитие литературоведения. Он оказал влияние на формирование научных интересов известного канадского литературного критика Хью Кеннера. Его работы разных лет и антология поэзии «Голоса литературы» входят в список литературы, рекомендуемой студентам при изучении английской и американской литературы.

Новым подходом к изучению культуры, литературы, искусства стала книга Маклюэна «Средство коммуникации – массаж», созданная при участии К. Фиоре. В ней авторы, соединяя текст Маклюэна с фотографиями и графикой К. Фиоре, предлагают неожиданный взгляд на историю медиа, массовую культуру, современное общество.

В книге «Сквозь исчезающую точку: пространство в поэзии и живописи», написанной Маклюэном в соавторстве с Г. Паркером, авторы, используя метод монтажа, представляют читателю историю развития поэтического слова в параллели с историей живописи, скульптуры и графики. Читателю предлагают проанализировать отрывки из поэмы Чосера «Кентерберийские рассказы», драмы Шекспира «Король Лир», стихотворных произведений А. Теннисона, Д. Китса, У. Блейка, Т. Элиота и др. Иллюстрациями к этим литературным текстам служат репродукции художественных произведений разных периодов с комментариями авторов. Задача авторов сводится к тому, чтобы продемонстрировать то общее, что объединяет литературу и искусство определенного исторического периода.

Маклюэн стал провозвестником нового направления в исследовании медиа, литературы, искусства, технологий, которое получило, как было отмечено выше, название «маклюэнизм». Маклюэнизм предполагает соединение разных, не связанных между собой миров и явлений, которые при взаимодействии (пересечении, смешении) друг с другом проясняют суть каждого из них. Так, соединяя медиа, литературу и науку, Маклюэн открыл новые грани электронных СМИ.

Теория коммуникации Маклюэна изучена достаточно подробно. Основной корпус работ по маклюэнистике (под маклюэнистикой можно понимать и исследование наследия канадского ученого, и продолжение его идей) посвящен его трудам о массмедиа, теории их развития, законам медиа (теории тетрад), связи основополагающих идей ученого с философией киберпространства, футурологическими прогнозами, в то время как его литературная критика нуждается в серьезном изучении. Только комплексное изучение ранних и поздних работ канадского ученого может объяснить особенности его мышления, суть его теорий и противоречий. Следует

помнить, что понимание Маклюэна возможно только при междисциплинарном подходе к его трудам. Анализ литературной составляющей в произведениях Маклюэна служит ключом к изучению его творческого наследия.

Работы Маклюэна по вопросам литературы и искусства шире по своей жанровой принадлежности, чем литературно-критические статьи и обзоры. Лейтмотивом его литературоведческого исследования была литература модернизма, проблемы риторики, установление связи между этими явлениями и СМК. В процессе работы над литературным материалом Маклюэн параллельно проводил исследования в области коммуникативистики, открывая принципиально новые подходы к данным явлениям.

Маклюэн – один из ученых мира, стоящих у истоков синкретичности научных исследований. Он доказал возможность объединения исследования массовых коммуникаций и других дисциплин: биологии, литературы, риторики, психологии, информационных технологий. Маклюэновский подход к научным исследованиям стал основой функционирования школы Торонтского Университета, объединенной вокруг Программы Маклюэна, и Тихоокеанского Центра Культуры и Технологии под руководством А. Крокера.

Главная заслуга Г.М. Маклюэна заключается, с одной стороны, в формировании новой методологии изучения медиа, а с другой стороны, в обосновании необходимости системного подхода к изучению как литературы и искусства, так и средств массовой коммуникации. Время доказало правоту взглядов Г.М. Маклюэна как теоретика и практика, соединившего талант литературного критика и знатока новых технологий, средств массовой коммуникации и средств массовой информации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники: труды и интервью Г.М. Маклюэна

1. *(The) Interior Landscape: Selected Literary Criticism of Marshall McLuhan, 1943–1962* / Ed. E. McNamara. – New York: McGraw Hill, 1998. – XIV. – 239 p.
2. *Letters of Marshall McLuhan* / Selected and ed. by M. Molinaro, C. McLuhan, W. Toye. – Toronto; Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1987. – 562 p.
3. *Marshall McLuhan: Understanding Me. Lectures and Interviews* / Ed. by S. McLuhan, D. Staines. – Cambridge: The MIT Press. 2003. – 317 p.
4. McLuhan, H.M. Book review. T.S. Eliot: A Study. By T. MacGreevy // *Renascence*. – 1950. – Autumn. – Vol. 3. – № 3. – P. 43–48.
5. McLuhan, H.M. *Eliot's Hippopotamus* // *The Explicator*. – 1944. – Vol. 2. – May. – № 7. – P. 50.
6. McLuhan, H.M. *Dagwood's America* // *Columbia*. – 1944. – Vol. 23. – January. – P. 3, 22.
7. McLuhan, H.M. *Poetic vs. Rhetorical Exegesis. The Case for Leavis against Richards and Empson* // *Sewanee Review*. – 1944. – Vol. 52. – № 3. – July. – P. 332–343.
8. McLuhan, H.M. *Radio and TV vs. The ABCD-minded* // *Explorations*. – 1955. – Vol. 5. – P. 12–18.
9. McLuhan, H.M. The Later Innis // *Queens Quarterly*. – 1953. – Vol. 60. – № 3. – P. 385–394.
10. McLuhan, H.M. *The Poetry of T.S. Eliot* // *Renascence*. – Spring 1955. – Vol. 3. – № 3.
11. McLuhan, M. *A Survey of Joyce Criticism* // *Renascence*. – 1951. – Vol. 4. – № 1. – P. 12–18.
12. McLuhan, M. Book Review on Cash W.J. *The Mind of the South, 1954* // *Shenendoah*. The Washington and Lee University Review. – 1954. – Vol. V. – № 3. – Summer. – P. 82–83.
13. McLuhan, M. *City as Classroom. Understanding Language and Media* / M. McLuhan, K. Hutchon, E. McLuhan. – Agincourt, ON: The Book Society of Canada Ltd., 1977. – 184 p.
14. McLuhan, M. Communication: McLuhan's Laws of Media // *Technology and Culture*. – 1975. – Vol. 7. – № 1. – P. 3–7.
15. McLuhan, M. *Counterblast*. – New York: Ginkgo Press, 2007. – 142 p.
16. McLuhan, M. *Culture is Our Business*. – New York: McGraw Hill, 1970. – 336 p.

17. McLuhan, M. English Literature as Control Tower in Communication Study // *English Quarterly*, Spring. – 1974. – Vol. 7. – № 1. – P. 3–7.
18. McLuhan, M. *Introduction* // Kenner H. *Paradox in Chesterton*. – New York: Sheed and Ward, 1947. – P. XI-XXII.
19. McLuhan, M. *Introduction* // Kenner H. *Pound Era*. – Berkeley: Univ. of California Press: Faber and Faber, 1971. – P. IV-VII.
20. McLuhan, M. *Joyce, Aquinas and the Poetic Process* // *Renascence*. – 1951. – Vol. 4. – № 1. – P. 3–11.
21. McLuhan, M. Joyce or No Joyce. Review of Joyce among the Jesuits by Kevin Sullivan // *Renascence*. – 1959. – Vol. 12. – № 1. – P. 53–54.
22. McLuhan, M. Laws of the Media // *Et Cetera*. – 1977. – Vol. 11. – № 2. – P. 173–179.
23. McLuhan, M. *Laws of Media: The New Science* // M. McLuhan, E. McLuhan. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 1992. – 252 p.
24. McLuhan, M. *Media Research: Technology, Art, Communication (Critical Voices in Art, Theory and Culture)*/ Ed. with comment. M.A. Moos. – New York: Rutledge, 1997. – 178 p.
25. McLuhan, M. *Mr. Eliot and the Saint Louis Blues* // *The Antigonish Review*. – 1974. – Vol. 18. – Summer. – P. 23–27.
26. McLuhan, M. *Pound, Eliot, and the Rhetoric of The Waste Land* // *New Literary History*. – 1979. – Vol. 10. – № 3. – P. 557–580.
27. McLuhan, M. Review of The Poetry of Ezra Pound by Hugh Kenner // *Renascence*. – 1952. – Vol. 4. – № 2. – P. 215–217.
28. McLuhan, M. Review of three books on Ezra Pound // *Renascence*. – 1951. – Vol. 3. – № 2. – P. 200–202.
29. McLuhan, M. The ABCED-minded // *The Explorations: Studies in Culture and Communication*. – 1955. – № 5 (June). – P. 12–18.
30. McLuhan, M. *The Book of Probes* // M. McLuhan and D. Carson; Eds. E. McLuhan and W. Kuhns. – New York: Ginkgo Press, 2008. – 576 p.
31. McLuhan, M. *The Classical Trivium: The Place of Thomas Nashe in the Learning of His Time*. – New York: Ginkgo Press, 2006. – 296 p.
32. McLuhan, M. The Mechanical Bride: The Folklore of Industrial Man // *Neurotica*. – 1951. – Vol. 8. – № 3 (Spring). – P. 3–20.
33. McLuhan, M. *The Global Village: Transformations in World Life and Media in the XXI century* / M. McLuhan, B.R. Powers. – New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1989. – 220 p.
34. McLuhan, M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 1967. – 279 p.

35. McLuhan, M. *The Mechanical Bride: Folklore of the Industrial Man*. – New York: Ginkgo Press, 2002. – 160 p.
36. McLuhan, M. *The Medium and the Light: Reflections on Religion* / Ed. by E. McLuhan and J. Szklarek. – Toronto: Stoddard Publishing, 1999. – 224 p.
37. McLuhan, M. *The Medium is the Massage: An Inventory of Effects* / M. McLuhan, Q. Fiore. – New York: Ginkgo Press, 2001. – 159 p.
38. McLuhan, M. *Through the Vanishing Point: Space in Poetry and Art. Space in Poetry and Painting* / M. McLuhan, H. Parker. – New York: Harper & Row, 1968. – 267 p.
39. McLuhan, M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. – Cambridge; London: MIT Press, 1994. – 365 p.
40. McLuhan, M. *War and Peace in the Global Village*. – New York: Bantam Books 1968.
41. Playboy Interview: Marshall McLuhan. Interviewer Eric Norden // *Playboy*. – 1969. – Vol. 16. – № 3. (March). – P. 53–74, 158.
42. *Tennyson Selected Poetry* / Ed. and introd. by H. M. McLuhan. – New York: Holt, Reinhart and Winston, 1964. – 394 p.
43. *Voices of Literature: Sounds, Masks, Roles. Vol. 1* / Ed. M. McLuhan, R. Schoek. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964. – 247 p.
44. *Voices of Literature: Sounds, Masks, Roles. Vol. 2* / Ed. M. McLuhan, R. Schoek. – Toronto and Montreal: Holt, Rinehart and Winston of Canada, 1969. – VIII. – 256 p.
45. *Voices of Literature: Sounds, Masks, Roles. Vol. 3* / Ed. M. McLuhan, R. Schoek. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1970. – 252 p.
46. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. – Киев: Ника-Центр: Эльга, 2004. – 431 с.
47. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. – М.: Фонд «Мир»: Академический проект, 2005. – 496 с.
48. Маклюэн, М. Джеймс Джойс: Тривиально и четвертиально // Семиотика и Авангард: Антология / Ред.-сост.: Ю.С. Степанов, Н.А. Фадеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин; Под общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Академический проект: Культура, 2006. – С. 710–725.
49. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле: Жуковский, 2003. – 464 с.

Источники: англо-американская литература XVI-XX вв.

50. Joyce, J. *Dubliners*. – New York: Dover Thrift Shops Inc., 1991. – 152 p.

51. Joyce, J. *Finnegans Wake*. – New York: Viking Press, 1959. – 629 p.
52. *(The) Martin Marprelate Tracts: A Modernized and Annotated Edition* / Ed. J.L. Black. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. – 432 p.
53. Pound, E. *ABC of Reading*. – New York: Penguin Books, 1997. – 211 p.
54. Pound, E. *Guide to Kulchur*. – London: Faber & Faber, 1938. – 359 p.
55. Pound / Joyce. *Letters and Essays*. – New York: New Direction Book, 1967. – 314 p.
56. Pound, E. *Literary Essays of Ezra Pound* / E. Pound, Ed. T.S. Eliot. – London: New Directions Publishing Corporation, 1968. – 484 p.
57. Pound, E. *Personae: Collected Shorter Poems*. – London: Faber and Faber, 1971. – 287 p.
58. Wolfe, T. *The Pump House Gang*. – New York: Bantam Books, 1999. – 304 p.
59. Джойс, Д. Дублинцы: Рассказы; Портрет художника в юности: Роман / Пер. с англ. Т. 1. – М.: ЗнаК, 1993. – 448 с.
60. Джойс, Д. Улисс: Роман. Ч. 1 и 2 / Д. Джойс; Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. Т. 2. – М.: ЗнаК, 1994. – 608 с.
61. Джойс, Д. Улисс: Роман. Ч. 3 / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. Т. 3. – М.: ЗнаК, 1994. – 608 с.
62. Джойс, Д. Уэйк Финнеганов. – М.: KOLONNA Publications, 2002. – 128 с.
63. Избранные стихотворения / Сост. М. Фрейдкин. – СПб.; М.: Carte Blanche, 1992. – 71 с.
64. Паунд, Э. Паломничество Волхвов: Избранное / Э. Паунд, Т.С. Элиот; Сост. и общ. ред. К.С. Фарай; Пер. с англ. К.С. Фарай. – М.: Logosaltera: Ecce homo, 2005. – 325 с.
65. Паунд, Э. Стихотворения и избранные Cantos. Ezra Pound. Poems and Selected Cantos: Авторский сборник. – М.: Владимир Даль, 2003. – 888 с.
66. Поэзия США: Антология / Сост., предисл., коммент. А.М. Зверева. – М.: Художественная литература, 1982.
67. Уоррен, Р.П. Как работает поэт. Статьи, интервью / Р.П. Уоррен; Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Радуга, 1988. – 544.
68. Элиот, Т.С. Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия: Пер. с англ. / Т.С. Элиот; Сост. и вступ. ст. Л. Аринштейна. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – 446 с.
69. Элиот, Т.С. Избранное. Т. I, II. Религия, культура, литература / Т.С. Элиот: Пер. с англ. под ред. А. Дорошевича; Сост., послесл. и коммент. Т.Н. Красавченко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 752 с.

70. Элиот, Т.С. Назначение поэзии: Статьи о литературе: Пер. с англ. – Киев: AirLand, 1996. – 350 с.

71. Joyce, J. *Finnegans Wake* // <http://www.trentu.ca/faculty/jjoyce/F1-1.htm>

72. Паунд, Э. Вортуизм / http://exlibris.ng.ru/kafedra/2000-10-26/8_pound.html

Критика Г.М. Маклюэна и маклюэнизма

73. Altshull, J.H. *From Milton to McLuhan: The Ideas behind American Journalism*. – New York; London: Longman, 1990. – 447 p.

74. Baldwin, C.A. *Vanishing Aesthetics: Mediality and Literature after Merleau-Ponty, Virilio, and McLuhan*: Dissertation for PhD, Department of English, New York Univ., 1999. – 466 p.

75. Baudrillard, J. Review of Marshall McLuhan's *Understanding Media. L'Homme et la Société* 5, 1967. – P. 227–230.

76. Bermudo, J. M. *El McLuhanismo. Ideologia de la tecnocracia*. – Barcelona: Ediciones Picazo, 1972. – 219 p.

77. Bond, H. *The McLuhan Expulsion* / H. Bond, G. Crosby. – Cincinnati: American Book Co., 1968. – 225 p.

78. Carey, J.W. Harold Innis and Marshall McLuhan // *The Antioch Review*. – 1967. – Vol. 27. – № 1. Spring. – P. 5–39.

79. Carey, J.W. Marshall McLuhan: Genealogy and Legacy // *Canadian Journal of Communication*. – 1998. – № 23. – V. 3. – P. 293–305.

80. Carpenter, E. Remembering *Explorations* // *Canadian Notes and Queries*. – 1992. – Vol. 46. – P. 3–13.

81. Cavell, R. *McLuhan in Space: Cultural Geography*. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 2002. – 360 p.

82. Czitrom, D.J. *Media and the American Mind: From Morse to McLuhan*. – Chapel Hill; NC: Univ. of North Carolina Press, 1982. – 272 p.

83. Duffy, D. *Marshall MLuhan*. Canadian writers number 1. – Toronto, Montreal: McLelland and Stewart Ltd., 1969. – 61 p.

84. *Essential McLuhan* / Eds. E. McLuhan, F. Zingrone. – New York: Basic Books, 1995. – 407 p.

85. Federman, M. *McLuhan for Managers: New Tools for New Thinking* / M. Federman, D. de Kerkhove. – Toronto: Viking Press, 2001. – 208 p.

86. Fekete, J. *The Critical Twilight. Explorations in the Ideology of Anglo-American Theory from Eliot to McLuhan*. – London; New York: Routledge and Kegan Paul, 1977. – 300 p.

87. Finkelstein, S.W. *Sense and Nonsense of McLuhan* / S.W. Finkelstein. – New York: International Publishers, 1968. – 122 p.
88. Ferguson, M. Marshall McLuhan revisited: 1960s zeitgeist victim or pioneer postmodernist? // *Media, Culture and Society*. – London, Newsbury Park and New Delhi: SAGE, 1991. – Vol. 13. – P. 71–90.
89. Fitzgerald, J. *Marshall McLuhan; Wise Guy*. – Montreal: XYZ Publishing, 2001. – 203 p.
90. Genosko, G. *McLuhan and Baudrillard: The Masters of Implosion*. – New York: Rutledge, 1999. – 140 p.
91. Gerrie, J.B. Some Ethical and Public Policy Implications of Technological Dependency with Reference to Innis, McLuhan, Grant. – University of Guelph, 1999.
92. Gordon, T. *Marshall McLuhan-Unbound* / T. Gordon; Ed. by E. McLuhan. – New York: Gingko Press, 2005. – 300 p.
93. Gordon, W. *Marshall McLuhan: Escape into Understanding*. – New York: Stoddart Publishing, 1997. – 465 p.
94. Grosswiler, P. *Method Is the Message: Rethinking McLuhan Through Critical Theory*. – New York: Black Rose Books, 1997. – 250 p.
95. Hernández, J. Lozano. Quién teme a Marshall McLuhan? // *Claves de razyn practica*. – 2001. – № 109. – P. 52.
96. Horrocks, C. *Marshall McLuhan and Virtuality* /C. Horrocks, Marshall McLuhan and Virtuality. – Cambridge, UK: Icon Books, 2000. – 82 p.
97. Kerckhove de, D. Understanding McLuhan // *Canadian Forum*. – 1981 (May). – № 51. – P. 8–9, 33.
98. Kroker, A. Technology and the Canadian Mind: Innis/McLuhan/Grant. – Montreal: New World Perspectives, 1985. – 144 p.
99. Krupnick, M. *Marshall McLuhan revisited: media guru as Catholic modernist* // *Modernism/modernity*. – 1998. – Vol. 5. – № 3 (September). – P. 107–122.
100. Lamberti, E. *Marshall McLuhan tra letteratura, arte e media*. – Milano: Bruno Mondatori, 2000. – 208 p.
101. Levinson, P. *Digital McLuhan: A Guide to the Information Millennium*. – New York: Routledge, 2001. – 240 p.
102. Marchand, P. *Marshall McLuhan: The Medium and the Messenger*. – New York: Ticknor & Fields, 1989. – 320 p.
103. Marchessault, J. *Marshall McLuhan (Core Cultural Theorists series)*. – Toronto: Sage Publications Ltd, 2004. – 264 p.
104. Marchessault, J. *Marshall McLuhan. Cosmic Media*. – London; New Delhi: Sage Publications, 2005. – 270 p.

105. *Marshall McLuhan: The Man and His Message* / Ed. by G. Sander-son, F. MacDonald. – New York: Fulcrum Publishing, 1989. – 250 p.
106. Marvin, C. Innis, McLuhan and Marx // *Visible Language*. – 1986. – № 20. – P. 355–359.
107. McLuhan, E. The Genesis of Laws of Media // *The Antigoni-Review*. – 1988. – № 74. – V. 5. – P. 201–204.
108. *McLuhan: Hot and Cool: a primer for the understanding of and a critical symposium with responses by McLuhan* / Ed. by G.E. Stearn. – New York: The Dial Press, 1967. – 312 p.
109. *McLuhan: Pro&Con* / Ed. by R. Rosenthal. – New York: Penguin Books, 1969. – 308 p.
110. Miller, J. *Marshall McLuhan*. – New York: Viking, 1971. – 133 p.
111. *Molders of Modern Thought* / Ed. with an introd. by Ben B. Seligman. – Chicago: Quadrangle Books, 1970. – 365 p.
112. Neill, S. D. *Clarifying McLuhan*. – Westport; London: Greenwood, 1993. – 151 p.
113. Nevitt, B. *Who was Marshall McLuhan? Exploring a Mosaic of Impressions* / B. Nevitt, M. McLuhan, F. Zingrone, W. Constantineu, E. McLuhan. – Toronto: Stoddart, 1996. – 323 p.
114. *On McLuhan: Forward Through the Rearview Mirror* / Eds. P. Benedetti, N. DeHart. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997. – 208 p.
115. Perrin, R.T. *From Cambridge to Communication: McLuhan Beyond McLuhanism*: Dissertation for M.A. degree. – Burnaby, CA: School of Communication, Simon Fraser Univ., 2000. – 169 p.
116. Patterson, G. *History and Communications: Harold Innis, Marshall McLuhan, the Interpretation of History*. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 1990. – 251 p.
117. Precoda, K. From new criticism to cultural pluralism: the Southern legacy of Marshall McLuhan // *Mosaic* (Winnipeg). – 1996. – Vol. 29. – P. 1–14.
118. Stamps, J. *Unthinking Modernity: Innis, McLuhan, and the Frankfurt School*. – Montreal; Kingston: McGill-Queen's Univ. Press, 1995. – 205 p.
119. Stone, B. *Marshall McLuhan and the humanist tradition: media theory and encyclopedic learning*: Dissertation. Ann Arbor, Mich. UMI Dissertation Services, 1995. – 178 p.
120. Theall, D.F. McLuhan and the Toronto School of Communication // *Understanding*. – Ottawa: Canadian Commission for UNESCO, 1984. – P. 47–55.
121. Theall, D. F. *The Virtual McLuhan*. – Toronto: McGill-Queen's Univ. Press, 2003. – 317 p.

122. *The Legacy of McLuhan* / Ed. by I. Strate and E. Wachtel. – Cresskill, NJ: Hampton Press Inc., 2005. – 373 p.
123. *The McLuhan Explosion: A Casebook on Marshall McLuhan and Understanding Media* / Ed. by H.H. Crosby and G.R. Bond. – New York: American Book Company, 1968. – 235 p.
124. Trembley, M. A. *Ezra Pound and Marshall McLuhan: Meditation of Influence*. Thesis for PhD. – Saint John, NB: Univ. of New Brunswick, 1995. – 249 p.
125. Watson, W. McLuhan's Wordplay // *Canadian Forum*. – 1981. – № 61 (May). – P. 10–12.
126. West, D.R. *McLuhan and the future of literature. The English Association Presidential Address*. – London: Oxford Univ. Press, 1969. – P. 3–19.
127. Willmot, G. *McLuhan, or Modernism in Reverse*. – Toronto: Univ. of Toronto Press. 1996. – 262 p.
128. Winter, J.P. Comparing the Early and Late McLuhan to Innis' Political Discourse / J.P. Winter, I. Goldman // *The Canadian Journal of Communication*. 1989. – Vol. 14. – № 4, 5 (December). – P. 92–100.
129. Григорян, Г.П. О средствах массовой коммуникации и судьбах человечества в поп-философии Маршалла Маклюэна // *Вопросы философии*. – 1972. – № 10.
130. Каменский, М. Художественно-социологическая теория Херберта Маршалла Маклюэна // *NewMediaLogia/NewMediaTopia*. – М., 1995. – С. 134–142.
131. Мидлер, А.П. Как “маклюэнизм” стал модой // *Мода: за и против*; Общ. ред. и сост. В.И. Толстых. – М.: Искусство, 1973. – С. 128–141.
132. Царев, В.Ю. Социально-культурные основания «маклюэнизма»: Автореф. дис... канд. философ. наук: 09.00.01. – М.: МГУ, 1989. – 17 с.
133. Юхвид, Е.Н. Социально-философский анализ информационно-коммуникативной системы общества в концепции М. Маклюэна: Автореф. дис... канд. философ. наук: 09.00.11. – М.: РАГС, 2007. – 25 с.
134. Юхвид, Е.Н. Социально-философский анализ информационно-коммуникативной системы общества в концепции М. Маклюэна: Дис... канд. философ. наук: 09.00.11. – М.: РАГС, 2007. – 160 с.
135. Barton, E. J. *On the Ezra Pound/ Marshall McLuhan Correspondence* // *McLuhan Studies: Premiere Issue* / http://www.chass.utoronto.ca/mcluhan-studies/v1_iss1/1_1art11.htm
136. Cameron, E. *McLuhan. Youth and Literature* // *Horn Book Magazine*. October 1972 / http://www.hbook.com/magazine/articles/1970s/oct72_cameron.asp

137. Federman, M. The Cultural Paradox of the Global Village
<http://www.utoronto.ca/mcluhan/CulturalParadoxOfTheGlobalVillage.pdf>
138. Federman, M. (2004, July 23). *What is the Meaning of the Medium is the Message?* // http://individual.utoronto.ca/markfederman/article_mediumisthemessage.htm
139. Kellner, D. *Baudrillard: A New McLuhan?*
// <http://www.gseis.ucla.edu/faculty/kellner/kellner.html>
140. Kuhns, B. *Marshall McLuhan*
// http://coolmedia.ca/e107_plugins/wrap/wrap.php?2
141. Laing, R. A Comparison between the Theories of Marshall McLuhan and two films by David Cronenberg / R. Laing // *DeepSouth*. – 2000. – V.6. – № 3 (Spring) / <http://www.otago.ac.nz/DeepSouth/spring2000/laingone.html>
142. Lamberti, E. *Marshall McLuhan's Critical Writing* // *McLuhan Studies*. Issue 5 // http://www.chass.utoronto.ca/mcluhan-studies/v1_iss5/1_5art6.htm
143. Marshall McLuhan Center
/ <http://www.angelfire.com/ms/MediaLiteracy/McLuhan.html>
144. Marshall McLuhan / School of Communication and the Arts, Regent University, VA, USA)
// <http://www.regent.edu/acad/schcom/rojc/mdic/mcluhan.html>
145. McDonald, H. McLuhan as a Thomist – some notes
/ <http://lepantoleague.org/thomismofmcluhan.htm>
146. McLaughlin, S. The Book of Probes by Steve MacLaughlin on 2004/02/25 / http://www.bboxesandarrows.com/view/the_book_of_probes
147. McLuhan as a Thomist
// <http://www.vaxxine.com/hyoomik/philo/mcluhan-aquinas.html>
148. McLuhan, E. Joyce and McLuhan / E. McLuhan // *The Antagonish Review*. – 2004. – Vol. 106. – Issue 140 / <http://www.antagonishreview.com/bi-106/106-mcluhan.html>
149. Morrison, J.C. Jr. *Marshall McLuhan: No Prophet without Honor* / <http://heim.ifi.uio.no/~gisle/overload/mcluhan/jcm.html> From Saleem H. Ali (ed.): *Beyond the Ivory Tower. Public Intellectuals, Academia and the Media*.
150. Onufrijchuk, R. Introducing Innis / McLuhan Concluding: The Innis in McLuhan's 'System' / R. Onufrijchuk // *Continuum: The Australian Journal of Media and Culture*. – 1993. – Vol. 7. – № 1 / <http://wwwmcc.murdoch.edu.au/ReadingRoom/7.1/Onuf.html>
151. Recommendations to U75102 'Understanding Media', an undergraduate module, taught at Oxford Brookes University, UK by Dr. Tom Tyler / <http://www.cyberchimp.co.uk/U75102/videodrome.htm>

152. Surfing on Finnegans Wake & Riding Range With Marshall McLuhan / <http://fusionanomaly.net/surfingonfinneganswake.html>;
<http://fusionanomaly.net/ridingrangewithmarshallmcluhan.html>
153. Tiessen, P. From Literary Modernism to the Tantra mar Marshes: Anticipating McLuhan in British and Canadian Media Theory and Practice Canadian // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 18. – № 4 / <http://www.cjc-online.ca/index.php/journal/article/view/775/681>
154. Dr. Tom Tyler web site
/ <http://www.cyberchimp.co.uk/U75102/videodrome.htm>
155. Wikipedia on M. McLuhan
// http://en.wikipedia.org/wiki/The_medium_is_the_message
156. Wolf, G. *The Wisdom of Saint Marshall, the Holy Fool* // *Wired*. Issue. 4.01, Jan. 1996
/ <http://www.wired.com/wired/archive/4.01/saint.marshal.html>
157. Wolfe, T. What if he is right? / <http://www.digitallantern.net/mcluhan/course/spring96/wolfe.html>
158. Засурский, И. Лекция №1: Маршалл Маклюэн: Understanding Media, 26.11. 2006 // <http://nadcast.rpod.ru/15232.html>
159. Козлова, Н. Маклюэн: контексты мифа // Пушкин. – 1998. – № 5(11). – 1 июля. www.nethistory.ru/biblio/1043176328.html?version=print
160. Культурные коды, социальные стратегии и литературные сценарии («круглый стол» «Нового литературного обозрения», 4 апреля 2006 года) // Новое литературное обозрение № 82 / <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/247/252/>
161. Маршалл Маклюэн / Интернет-энциклопедия «Кругосвет»: <http://www.krugosvet.ru/articles/90/1009093/1009093a1.htm>
162. Николаев, В. Герберт Маршалл Маклюэн и его книга «Понимание средств коммуникации» // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения / <http://www.strana-oz.ru/?numid=13&article=601>
163. Словарь «Нетлинго» / <http://www.netlingo.com/lookup.cfm?term=McLuhanism>

Работы по теории литературы, литературе и культуре стран Северной Америки и Европы

164. Ackroyd, P. *T.S. Eliot*. – London: Penguin Books Ltd, 2006. – 432 p.
165. *Agrarianism in American Literature* / Ed. by M.T. Inge. – New York: The Odyssey Press, Michigan State Univ., 1969. – 388 p.

166. *(The) American Tradition in Literature* / Ed. by George Perkins, Barbara Perkins. – 8th edition. – New York; Ithaca: McGraw-Hill College, 1994. – 2115 p.
167. Atherton, J. *Books on the Wake. A Study of Literary Allusions in Joyce's FW.* – London: Faber, 1959. – 308 p.
168. Bell, I.F. *Critic as Scientist: The Modernist poetics of Ezra Pound.* – London; New York: Methuen, 1981. – 302 p.
169. Best, S. *Postmodern Theory: Critical Interrogations* / S. Best, D. Kellner. – London; New York: MacMillan and Guilford Press, 1991. – 345 p.
170. *(A) Bibliographical Guide to the Study of Southern Literature* / Ed. by L.D. Rubin. – Baton Rouge; London: Louisiana State University, 1968. – 368 p.
171. Boldreff, D. *Hermes to his Son Thoth. Being Joyce's Use of Giordano Bruno in Finnegans Wake.* – New York; Woodward, PA: Classic Non Fiction Library, 1968. – 222 p.
172. Bornstein, G. *Ezra Pound among the Poets.* – Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1985. – 238 p.
173. Bradbury, S.M. *Renaissance in the South: A Critical History of the Literature 1920-1960.* – Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1963. – 222 p.
174. Brook-Rose, Ch. *A ZBC of Ezra Pound.* – London: Faber and Faber, 1971. – 297 p.
175. Campbell, J. *A Skeleton Key to Finnegans Wake* / J. Campbell, H.M. Robinson. – New York: Harcourt, 1944. – 365 p.
176. Carpenter, H. *A Serious Character: The Life of Ezra Pound.* – Boston: Houghton Mifflin Company, 1988. – XII. +1005 p.
177. Childs, D.J. *From Philosophy to Poetry: T.S. Eliot's Study of Knowledge and Experience.* – New York: Palgrave Macmillan, 2001. – 235 p.
178. Cowley, M. *Exile's Return: A Literary Odyssey of the 1920s.* – New York: Penguin Books, 1994. – 400 p.
179. Davies, S.G. *James Joyce. A Portrait of the Artist.* – New York: Stein and Day Publishers, 1982. – 328 p.
180. Deane, S. *Joyce and Nationalism in James Joyce: New Perspectives* / S. Deane; Ed. by C. MacCabe. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1982. – 198 p.
181. Ellmann, R. *James Joyce.* – New York: Oxford Univ. Press, 1959. – 842 p.
182. Ellmann, R. *The Consciousness of Joyce.* – London: Faber and Faber, 1977. – 150 p.
183. Eysteinsson, A. *The Concept of Modernism.* – Ithaca: New York: Cornell Univ. Press, 1992. – 280 p.

184. Franke, D. *Modern Heresis: British and Irish Literature and Culture*: Dissertation Ph. D., Department of English. University of Iowa, 2000. – 305 p.
185. Friedman M. *Stream of Consciousness. A Study in Literary Method*. – New Haven: Yale Univ. Press, 1955.
186. Frye, N. *Anatomy of Criticism. Four Essays*. – Princeton NJ: Princeton Univ. Press, 1973. – 383 p.
187. Frye, N. *The Great Code: The Bible and Literature*. – Orlando, FL: Harvest/HBJ Book, 1982. – 288 p.
188. Gibson, A. *James Joyce (Critical Lives)* / A. Gibson; Introd. by D. Kiberd. – London: Reaktion Books, 2006. – 192 p. ISBN-10: 1861892772, ISBN-13: 978-1861892775.
189. Hodgart, M. *James Joyce. A Student's Guide*. – London, Boston: Routledge & Kegan Paul, 1978. – 196 p.
190. Holman, H.S. *The Roots of Southern Writing. Essays on the literature of the American South*. – Athens: Univ. of Georgia Press, 1972. – XII. – 204 p.
191. Hutson, L. *Thomas Nashe in Context* (Oxford English Monographs). – Oxford: Oxford Univ. Press, 1989. – 312 p.
192. *James Joyce: New Perspectives* / Ed. by C. MacCabe. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1982. – 198 p.
193. Joseph, M. *The Trivium: The Liberal Arts of Logic, Grammar, and Rhetoric (Understanding the Nature and Function of Language)* / M. Joseph; Ed. M. McGlinn. – Philadelphia: Paul Dry Books, Inc., 2000. – 292 p.
194. Kellner, D. *The Postmodern Adventure*. – New York: Guilford Press, 2001. – 313 c.
195. Kelly, J. *Our Joyce: From Outcast to Icon*. – 1 st. ed. – Austin: Univ. of Texas Press, 1998. – 303 p.
196. Kenner, H. *Doublin's Joyce*. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1985. – 372 p. ISBN 9780231066334.
197. Kenner, H. *Pound Era*. – Berkeley: Univ. of California Press: Faber and Faber, 1971. – 606 p.
198. Kenner, H. *Ulysses*. – New York: Johns Hopkins Univ. Press, 1987. – 182 p.
199. Kershner, R.B. *Joyce, Bakhtin, and Popular Literature: Chronicles of Disorder*. – Chapel Hill; London: Univ. of North Carolina Press, 1989. – 338 p.
200. Lang, A. *Alfred Tennyson*. – Charleston, SC: BiblioBaazar, 2008. – 172 p.

201. Leitch, V.B. *American literary criticism: From the thirties to the eighties*. – New York: Columbia Univ. Press, 1988. – 459 p.
202. Litz, A.W. *The Art of James Joyce. Method and Design in Ulysses and Finnegans Wake*. – London: Oxford Univ. Press, 1961. – 152 p.
203. Maskell, W. *A History of the Martin Marprelate Controversy in the Reign of Queen Elizabeth*. – Whitefish, MT: Kessinger Publishing, LLC, 2007. – 226 p.
204. McCleary, J.R. Jr. *Locality, Patriotism and Nationalism: Historical Imagination and G.K. Chesterton's Literary Works: A Dissertation for Ph. D. Degree*. Department of English, School of Art and Sciences. The Catholic Univ. of America. – Washington D.C., 2004.
205. McLuhan, E. *The Role of Thunder in Finnegans Wake*. – Toronto; London: Univ. of Toronto Press, 1997. – 340 p.
206. McNealy, R.B. *Double-Reading Joyce: The Necessity of Contrapuntual Readings of 'Dubliners' and 'Portrait of Young Man as an Artist': Dissertation Ph.D., Department of English*. – Univ. of South Carolina, 2004. – 224 p.
207. Magalaner, M. *Joyce: The Man, the Work, the Reputation* / M. Magalaner, R.M. Kain. – New York: New York Univ. Press, 1956. – XI. – 377 p.
208. *Modern Literary Theory*. Fourth edition / Ed. by P. Rice, P. Waugh. – New York: Oxford Univ. Press, 2001. – 492 p.
209. Montgomery, M. *Ways of Reading: advanced reading skills for students of English Literature (Second Edition)* / M. Montgomery, A. Durant, N. Fabb, T. Furness, S. Mills. – New York: Rutledge, 2000. – 304 p.
210. Nadel, I. B. *The Cambridge Introduction to Ezra Pound (Cambridge Introductions to Literature)*. – New York; London: Cambridge Univ. Press, 2007. – 160 p.
211. Noon, W. T. *Joyce & Aquinas*. – New Haven; London: Yale Univ. Press, 1957. – 167 p.
212. North, M. *The Political Aesthetic of Yeats, Eliot, and Pound*. – London: Cambridge Univ. Press, 1992. – 249 p.
213. Palgrave, F.T. *Landscape in Poetry from Homer to Tennyson*. – Boston: Adamant Media Corp. 2001. – 318 p.
214. *Postmodernism in American Literature* / M. Pütz and Peter Freese, eds. – Darmstadt: Verlag, 1984. – 824 p.
215. Redman, T. *Ezra Pound and Italian Fascism*. Cambridge Studies in American Literature and Culture. – London: Cambridge Univ. Press, 1991. – 300 p.

216. Roughley, A. *James Joyce and Critical Theory*. – New York; London; Toronto: Simon & Shuster, 1991. – 291 p.
217. Schrickx, W. *Shakespeares Early Contemporaries: The Background of the Harvey-Nashe Polemic And Loves Labour Lost / W. Schrickx*. – New York: Antwerpen: AMS Press - De Nederlandsche Boekhandel, 1972. XIII+291 p.
218. Stead, C.K. *Pound, Yates, Eliot, and the Modernist Movement*. – New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 1986. – P. 393.
219. Stern, V.F. *Gabriel Harvey: A Study of His Life, Marginalia, and Library*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1980. – P. 306.
220. Sullivan, K. *Joyce among the Jesuits*. – New York: Columbia Univ. Press, 1958. – 262 p.
221. Sulliwán, W. *The Requiem for Renaissance. The State of Fiction in the Modern South*. Mercer Lamar Memorial Lectures. – № 18. – Athens: Univ. of Georgia Press, 1976. – P. 1–78.
222. The Cambridge Companion to Ezra Pound (Cambridge Companions to Literature) / Ed. I. B. Nadel. – Cambridge Univ. Press. – 1999. – February 11. – 352 p.
223. Tindall, W.Y. *James Joyce: His Way of Interpreting the Modern World*. – New York: Scribner, 1966. – 134 p.
224. *T.S. Eliot: The Man and His Work. A Critical Evaluation by 26 Distinguished Writers* / Ed. A. Tate. – London: Chatto & Windus, 1967. – 400 p.
225. *T. S. Eliot and Our Turning World* / Ed. by J. S. Brooker. – New York: Palgrave Macmillan, 2001. – 259 p.
226. Tytell, J. *Ezra Pound: The Solitary Volcano*. – New York; London: Anchor Press - Doubleday, 1988. – 368 p.
227. Twelve Southerners (Corporate author). *I'll Take My Stand: The South and the Agrarian Tradition*. – New York: Harper and Brothers, 1962. – 410 p.
228. Walters, J.C. *Tennyson: Poet, Philosopher, Idealist: Studies of the Life, Work, and Teaching of the Poet Laureate*. – Barcelona: Athena Univ., 2004. – 380 p.
229. Аникст, А.А. История английской литературы. – М.: ГУПИ Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 483 с.
230. Антология имажизма / Пер. с англ., сост. А. Кудрявицкого. – М.: Прогресс, 2001. – 387 с.
231. Аствацатуров, А.А. Т.С. Элиот и его поэма «Бесплодная земля»: Монография. – СПб.: Издательство С-Петербургского университета, 2000. – 237 с.

232. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 544 с.
233. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 453 с.
234. Бушманова, Н.И. Проблема интертекста в литературе английского модернизма (проза Д.Х. Лоренса и В. Вульф): Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.05. – М.: МГПУ им. В.И. Ленина, 1996. – 402 с.
235. Волков, И.Ф. Теория литературы: Учебное пособие для студентов и преподавателей. – М.: Просвещение: Владос, 1995. – 256 с.
236. Вулф, Т. Жажда творчества: Пер. с англ. / Сост., авт. предисл. и коммент. В.М. Толмачева. – М.: Прогресс, 1989. – 408 с.
237. Гарин, И.И. Век Джойса. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. – 848 с.
238. Гениева, Е.Ю. Одиссея русского «Улисса» // Диапазон. – М., 1997. Спец. вып. – С. 100–106.
239. Гениева, Е.Ю. Перечитывая Джойса...: На подступах к «Улиссу» (раннее творчество) // Диапазон. – М., 1997. – Спец. вып. – С. 86–99.
240. Гениева, Е.Ю. «Русская Одиссея» Джеймса Джойса. – М.: Рудомино, 2005. – 280 с.
241. Генис, А. Эзра Паунд в России / <http://www.svoboda.org/programs/OTB/2003/OBT.101103.asp>
242. Гончаренко, Э.П. Творчество Джойса и модернизм. 1900–1930 гг. – Днепропетровск: Наука и образование, 2000. – 243 с.
243. Дубин Б. На полях письма. Заметки о стратегии мысли и слова в XX в. – М.: Emergency Exit, 2005. – 528 с.
244. Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 1. – 472 с.
245. Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 472 с.
246. Засурский, Я.Н. Американская литература XX в. – М.: Просвещение, 1979. – С. 164–169.
247. Засурский, Я.Н. Американская литература XX века. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 504 с.
248. Зарубежная литература XX века: Учебник для вузов / Л.Г. Андреев, А.В. Карельский, Н.С. Павлова и др.; Под ред. Л.Г. Андреева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2004.
249. Зверев, А.М. Дворец на острие иглы: Из худож. опыта XX в. – М.: Сов. писатель, 1989. – 410 с.

250. Зверев, А.М. Модернизм в литературе США: Формирование, эволюция, кризис. – М.: Наука, 1979. – 320 с.
251. Землянова, Л.М. Современное литературоведение в США. Теоретические направления и конфронтации 1920–1980-х годов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 265 с.
252. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998.
253. История зарубежной литературы XX века. 1917–1945: Учебник для студентов филол. фак. пед. ин-тов / В.Н. Богословский, З.Т. Гражданская, А.Ф. Головенченко и др.; Под ред. В.Н. Богословского, З.Т. Гражданской. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1984. – 304 с.
254. Коренева, М.М. Открытие Америки. Предисловие // Богова делянка. – М.: Молодая гвардия, 1976. – С. 5–14.
255. Ламеко, Н.В. Хаосмос Джеймса Джойса как мультистабильная система (синергетическая природа художественного феномена). – Минск: Республиканский институт высшей школы, 2006. – 145 с.
256. Литература США XX века: Опыт типологического исследования. (Авторская позиция, конфликт, герой) / Отв. ред. Я. Н. Засурский. — М.: Наука, 1978. — 565 с.
257. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева; Ред. колл.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
258. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих жанров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
259. Мирский, Д. Статьи о литературе. – М.: Художественная литература, 1987. – 303 с.
260. Михальская, Н.П. История английской литературы. – М.: Изд-во «Академия», 2007. – 480 с. ISBN 978-5-7695-4544-3.
261. Михальская, Н.П. Концепция человека и творческий метод писателя. Категория характера в эстетике Джойса и Голсуорси // Проблемы метода и жанра. – М.: МГПИ, 1977. – С. 106–134.
262. Набоков, В.В. Лекции по зарубежной литературе / Пер. с англ.; Под ред. В.А. Харитонова. – М.: Независимая газета, 1998. – 512 с.
263. Нестеров, А. Я пытался написать рай // Литературное обозрение. – 1995. – Т. 6. – С. 56.
264. Памяти Эзры Паунда: материалы рабочего совещания. – М.: МАКС Пресс, 2000. – 28 с.
265. Писатели США. Краткие творческие биографии / Сост. и общ. ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. – М.: Радуга, 1990. – 624 с.

266. Семенова, Л.Н. Проблема литературы Юга США // Литература США / Под. ред. Л.Г. Андреева. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – С. 132–144.
267. Семиотика и Авангард: Антология / Ред.-сост.: Ю.С. Степанов, Н.А. Фадеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин; Под общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Академический проект: Культура, 2006. – 1168 с.
268. Стеценко, Е.А. Проблема времени в «южной школе» современного американского романа: Дис.... канд. филол. наук. – М.: ИМЛИ, 1978. – 188 с.
269. Урнов, Д.М. Английская проза XIV–XV вв. История всемирной литературы: В 9 т.; АН СССР; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, – Т. 3. – 1985.
270. Урнов, Д.М. Д. Джойс и современный модернизм // Современные проблемы реализма и модернизма. – М.: Наука, 1967. – С. 309–345.
271. Урнов, Д.М. Другая книга Д. Джойса (о романе ирландского писателя «Портрет художника в молодости») // Иностранная литература. – 1976. – № 12. – С. 187–196.
272. Ушакова, О.М. Т.С. Элиот и европейская культурная традиция. – Тюмень: Издательство Тюменского гос. университета, 2005. – 220 с.
273. Хализев, В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2000. – 398 с.
274. Хоружий, С.С. «Улисс» в русском зеркале / Джойс Д. Улисс: Роман. Ч. 3 / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. Т. 3. – М.: ЗнаК, 1994. – С. 363 – 605.
275. Чухрукидзе, К. Pound & J. – М.: Логос, 1999. – 176 с.
276. Эко, У. От Интернета к Гутенбергу // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32. – С. 5–14.
277. Эко, У. Под сетью (Интервью с Ли Маршаллом) // Искусство кино. – 1997. – № 9. – С. 133–136.
278. Эко, У. Поэтики Джойса / Пер. с итал. А. Коваля. – СПб.: Симпозиум, 2003. – 496 с.
279. Яценко В.И. Литература Юга США, 1865–1900. – Иваново: Издательство ИвГУ, 1984. – 78 с.
280. Яценко В.И. О поэтике романа «южной школы» в литературе США («Грандиссимы» Д.В. Кейбла и «Авессалом, Авессалом!» У. Фолкнера) // Проблемы метода и поэтики в зарубежных литературах XIX–XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь: ПГУ, 1982. – С. 135–145.
281. Bates, N. Personal site / <http://www.uncg.edu/eng/pound/canto.htm>

282. Cardona, E. Pound's Anti-Semitism at St. Elizabeths: 1945–1958
/ <http://www.flashpointmag.com/card.htm>

283. Donoghue, D. *T.S. Eliot and the Poem Itself* // Partisan Review. –
2000. – Vol. LXVII. – № 1
<http://www.bu.edu/partisanreview/archive/2000/1/donoghue.html>

284. Eugene Jolas/ http://en.wikipedia.org/wiki/Eugene_Jolas;
<http://webtext.library.yale.edu/xml2html/beinecke.jolas.con.html>

285. Elitarium // Эзра Лумис Паунд
/ http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/oldage/ezra_pound/

286. Lillington, K. Ulysses in Net-town. On Bloomsday, a portrait of
James Joyce as a young Web-head //Salon21st / <http://archive.salon.com/21st/feature/1998/06/16feature.html>

287. School of English language and literature, Cambridge University
// <http://www.english.cam.ac.uk/vclass/pracrit.htm>

288. *The Cambridge History of English and American Literature in 18
Volumes (1907–21)* / Ed. A. W. Ward, A. R. Waller. Vol.V. The Drama to
1642, Part 1. – P.35 – 36 / <http://www.bartleby.com/215/0623.html/>

289. Valente, F. Joyce's *Dubliners* as Epiphanies / McLuhan Studies :
Premiere Issue // http://www.chass.utoronto.ca/mcluhan-studies/v1_iss1/1_1art15.htm

290. Уэбстер Лорен
http://lorenwebster.net/In_a_Dark_Time/archives/cat_ezra_pound.html.

291. Ермишин, О. Эзра Паунд. Путеводитель по культуре // Русский
журнал. – 1999. – 23 января / <http://old.russ.ru/journal/kniga/98-01-23/ermish.htm>

292. Интервью Н. Казаковой с Я. Пробштейном, составителем и ре-
дактором первого в России 2-томного полного собрания стихотворений и
избранных Cantos Эзры Паунда
/ <http://www.niworld.ru/poezia/probshtein/intervl.htm>

293. Стивенс, Д. Штурмья небеса. Глава 1
// <http://www.leary.ru/misc/heaven/>

294. Хумбрехт, Х.У. Ледяные объятия «научности», или Почему гу-
манитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое
литературное обозрение. № 81
// <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/197/198/>

Работы по теории коммуникации, проблемам медиа и культуры

295. Abelson, P. *The Seven Liberal Arts : A Study In Medieval Culture*. –
Whitefish, MT: Kessinger Publishing, LLC, 2006. – 164 p.

296. Abrams, J.W. Tribute // *Technology and Culture*. – 1981. – № 2. – Vol. 4. – P. 843–834.
297. (The) *American Heritage College Dictionary*. 3-d ed. – Boston: New York: Houghton Mifflin Co., 1993. – P. 282.
298. Anderson, J.A. *Communication Theory: Epistemological Foundations*. – New York: The Guilford Press, 1996. – 259 p.
299. Baudrillard, J. Ecstasy of Communication // *The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture* / Ed. H. Foster. – Port Townsend: Bay Press, 1983. – P. 126–133.
300. Baudrillard, J. Requiem pour les media // *Utopie*. – 1971. – № 4. – October. – P. 35–51.
301. Baudrillard, J. Review of Marshall McLuhan's *Understanding Media* // *L' Homme et la Société*. – 1967. – № 5. – P. 227–230.
302. Baudrillard, J. *Jean Baudrillard: Selected Writings* // J. Baudrillard. Second Edition. Ed. M. Poster, trans. J. Mourrain. – Stanford: Stanford Univ. Press, 2002. – 304 p.
303. Baudrillard, J. *The Gulf War Did Not Take Place* // Introd. and trans. by P. Patton. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1995. – 96 p.
304. Best, S. *The Postmodern Adventure: Science, Technology, and Cultural Studies at the Third Millennium* / S. Best, D. Kellner. – New York: Guilford Press, 2001. – 313 p.
305. Best, S. *Postmodern Theory: Critical Interrogations* / S. Best, D. Kellner. – London; New York: MacMillan and Guilford Press, 1997. – 306 p.
306. *Canonic Texts in Media Research: Are There Any? Should There Be? How About These?* / Ed. by E. Katz, J.D. Peters, T. Liebes, A. Orloff. – Cambridge: Polity Press, 2002. – 280 p.
307. Cash, W.J. *The Mind of the South*. – New York: Oxford Univ. Press: Knopf, 1946. – P. XI, 429 p.
308. Castells, M. *The Rise of the Network Society (Information Age: Economy, Society and Culture)*. Vol. 1. 2-d ed. – Oxford: Blackwell Publishers, 2000. – 594 p.
309. Carey, J. *Communication as Culture: Essays on Media and Society*. – London: Routledge, 1992. – 256 p.
310. Carpenter, E. Remembering *Explorations / Canadian Notes and Queries*. – 1992. – Vol. 46. – P. 3–13.
311. Clegg, C.S. *Press Censorship in Elizabethan England*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. – 316 p.

312. Conway, F. *Dark Hero of the Information Age: In Search of Norbert Wiener the Father of Cybernetics* / F. Conway, J. Siegelman. – New York: Basic Books, 2006. – 423 p.

313. Craig, R.T. Communication Theory as a Field. *Communication Theory // A Journal of the International Communication Association*. – 1999. – Vol. 9. – P. 119–161.

314. Croll, M.W., *Style, Rhetoric, and Rhythm: Essays* / M.W. Croll, J.M. Patrick, R.O. Evans. – Woodbridge, CT: Ox Bow Press, 1989. – 450 p.

315. Eisenstein, E.L. *The Printing Press as an agent of change: Communications and Cultural Transformations in early-modern Europe*. – New York: Cambridge Univ. Press, 1993. – 358 p.

316. *Electronic Culture: Technology and Visual Representation* / Ed. by T. Druckery. – New York: Aperture, 1996. – 447 p.

317. Everett-Green, R. Humanists Get Hip to the Net // *Globe and Mail*, 22 June 1996, – P. 9.

318. Farrell, T.J. *Walter Ong's Contributions to Cultural Studies: The Phenomenology of the Word and I-Thou Communication* (Media Ecology). – Cresskill: Hampton Press, 2000. – 304 p.

319. Flayhan, D.P. *Marxism, Medium Theory, and American Cultural Studies: the Question of Determination*: Dissertation Ph. D. in Communication Studies, Graduate Department, Univ. of Iowa, 1997. – 261 p.

320. Gane, M. *Baudrillard. Critical and Fatal Theory*. – London: Routledge, 1991. – 228 p.

321. Gane, M. *Baudrillard Live: Selected Interviews*. – London; New York: Routledge, 1993. – 232 p.

322. Greenfield, R. *Timothy Leary: A Biography*. – New York: Harvest Books, 2007. – 704 p.

323. Hale, C. *Wired Style: Principles of English Usage in the Digital Age* / C. Hale, J. Scanlon. – New York: Broadway; Rev Upd edition, 1999. – 208 p.

324. Havelock, E. *The Muse Learns to Write: Reflections on Orality and Literacy from Antiquity to the Present*. – New Haven: Yale Univ. Press, 1988. – 154 p.

325. Heims, S.J. *John von Neumann and Norbert Wiener: from Mathematics to the Technologies of Life and Death*. – Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1982. – 568 p.

326. Hemenway, P. *Divine Proportion: Phi In Art, Nature, and Science*. – New York: Sterling Publishing Company Inc., 2005. – 208 p.

327. Hollnagel, E. *Joint Cognitive Systems: Foundations of Cognitive Systems Engineering* / E. Hollnagel and D.D. Woods. – Boca Raton, FL: CRC Press, Taylor&Francis Group, 2005. – 240 p.
328. Innis, H. *The Bias of Communication*. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 2003. – 226 p.
329. Innis on Russia // Innis H. *The Russian Diary and Other Writings* / Ed. W. Christian. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 1981. – P. 15–50.
330. Joseph, M. *The Trivium: The Liberal Arts of Logic, Grammar, and Rhetoric. (Understanding the Nature and Function of Language)* / M. Joseph; ed. M. McGlinn. – Philadelphia: Paul Dry Books, Inc., 2000. – 292 p.
331. Kellner, D. *Jean Baudrillard: From Marx to Postmodernism and Beyond*. – New York: Polity Press, 1990. – 246 p.
332. Kerckhove, D. *The Architecture of Intelligence (The Information Technology Revolution in Architecture)*. – Basel, Boston, Berlin: Birkhäuser, 2001. – 93 p.
333. Kroker, A. *The Hysterical Male: New Feminist Theory and The Last Sex: Feminism and Outlaw Bodies* / A. Kroker, M. Kroker. – Montreal: New World Perspectives, 1991. – 272 p.
334. Kuhns, W. *The Post-Industrial Prophets: Interpretations of Technology*. – New York: Harper and Row, 1971. – 280 p.
335. Levi-Strauss, C. *Tristes tropiques*. – New York: Penguin, 1992. – 432 p.
336. Madoff, S.H. *Pop Art: A Critical History (The Documents of Twentieth-Century Art)*. – Berkley: Univ. of California Press, 1997. – 450 p.
337. May, C.N. *Key Thinkers of the Information Society*. – New York; London: Routledge, 2003. – 224 p.
338. May, C.N. *The Information Society: A Sceptical View*. – Cambridge: Polity Press, 2002. – 208 p.
339. McCleary, J.R., Jr. *Locality, Patriotism and Nationalism: Historical Imagination and G.K. Chesterton's Literary Works: A Dissertation for Ph. D. Degree*. Department of English, School of Art and Sciences. The Catholic Univ. of America. – Washington, D.C., 2004.
340. *(The) Modern Fantastic: The Films of David Cronenberg* // Ed. by M. Grant. – Westport, CT: Praeger Paperback, 2000. – 208 p.
341. McQuail, D. *Communication Models: For the Study of Mass Communications* / D. McQuail, S. Windahl. – London: Longman Publishing Group, 1995. – 229 p.
342. McQuail, D. *McQuail's Mass Communication Theory: Fifth Edition*. – London: Sage Publications, 2005. – 624 p.

343. Meyrowitz, J. *No Sense of Place: The Impact of Electronic Media on Social Behavior*. – New York, Toronto: Oxford Univ. Press, 1985. – 432 p.

344. Mora, G. The Historiography of Psychiatry and its Development: A Re-evaluation // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. – 1965. – Vol. 1. – № 1. – P. 43–52.

345. *Pop Art: A Critical History (The Documents of Twentieth-Century Art)* // Ed. by S.H. Madoff. – Berkley: Univ. of California Press, 1997. – 450 p.

346. Postman, N. *Amusing Ourselves to Death. Public Discourse in the Age of Show Business*. – New York: Viking Penguin, 1985. – 192 p.

347. *Reading Digital Culture (Key Works in Cultural Studies)* / Ed. by D. Trend. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2001. – 384 p.

348. Reisman, P. De l'homme typographique a l'homme eletronique (review) // *Critique*. – 1966. – № 225, February. – P. 172–182.

349. Schramm, W. *The Beginnings of Communication Study in America: A Personal Memoir*. – Newbury Park, CA: Sage Publications. 1997. – 218 p.

350. *Science and Ideology: A Comparative History* (Routledge Studies in the History of Science, Technology and Medicine) / Ed. by M. Walker. – London, New York: Routledge, 2006. – P. 66–95.

351. Severin, W.J. *Communication Theories: Origins, Methods and Uses in the Mass Media* (5th Edition) / W.J. Severin, J.E. Tankard. – Allyn & Bacon, 2000. – 432 p.

352. Shannon, C.E. The Mathematical Theory of Communication / C.E. Shannon, D.D. Weaver. – Urbana and Chicago: Univ. of Illinois Press, 1963. – 140 p.

353. Shook, J.R. *The Chicago School of Pragmatism, 1912–1970*. – New York: London, Thoemmes Press, 2000. – 1400 p.

354. *The Toronto School of Communication Theory: Interpretations, Extensions, Applications* / Ed. R. Watson, M. Blondheim. – Jerusalem: The Hebrew University Magnes Press, 2007. – 336 p.

355. Warhol, A. *POPism: The Warhol 60s* // A. Warhol, P. Hackett. – New York: Harvest Books, 1990. – 336 p.

356. Warhol, A. *The Philosophy of Andy Warhol: (From A to B and Back Again)*. – New York: Harvest Book, 1977. – 276 p.

357. Wiener, N. Homeostasis in the Individual and Society // *Journal of the Franklin Institute*. – 1951. – Vol. 251. P. 65–68.

358. Wiggershaus, R. *The Frankfurt School: Its History, Theories, and Political Significance* (Studies in Contemporary German Social Thought) // R. Wiggershaus. Trans. into Eng. M. Robertson. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1995. – 788 p.

359. Бабицкая, В. Сергей Минаев: «Нет ничего кроме медиа»: Интервью // Русский Newsweek. – 2007. – № 7 (133). – 12–18 февраля // <http://www.ast.ru/opress/176/>

360. Бакулев, Г.П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 176 с.

361. Бакулев, Г.П. Современные концепции и теории массовой коммуникации в контексте новых медиа: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. – МГУ, 2003. – 274 с.

362. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 624 с.

363. Биллингтон, Д. России неповторимые черты // Литературная газета. – 1988. – № 15. – 13 апреля. – С. 13.

364. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Библион - Русская книга, 2004. – 304 с. ISBN 5-902005-04-3.

365. Бодрийяр, Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 193–226.

366. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 389 с.

367. Бодрийяр, Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1999. – 224 с.

368. Дьякова, Е.Г. Массовая коммуникация и власть. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 299 с.

369. Засурский, И.И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 286 с.

370. Землянова, Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 300 с.

371. Землянова, Л.М. Коммуникативистика и средства массовой информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 416 с. ISBN 5-211-04824-5.

372. Землянова, Л.М. Современная американская коммуникативистика. – М.: Издательство МГУ, 1995. – 271 с.

373. Информационное общество. – СПб.; М.: АСТ, 2004. – 507 с.

374. Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 352 с.

375. Моль, А. Социодинамика культуры. – М.: Издательство: ЛКИ, 2008. – 418 с.

376. Петров, Г.Н. Аудиовизуальная журналистика в художественной культуре XX в.: Эволюция коммуникационных процессов, развитие журналистских технологий, изменение языка и стилистики: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 331 с.

377. Романовский, И.И. Масс медиа: словарь терминов и понятий. – М.: Изд-во Союза журналистов России, 2004. – 480 с.

378. Самарцев, О.С. Актуальные проблемы телевизионной журналистики в условиях современного этапа информационно-компьютерной революции: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. – М.: МГУ, 1999. – 345 с.

379. Самарцев, О.С. Современный коммуникативный процесс: Учеб. Пособие. – Ульяновск: МИНОБР: Ульяновский гос. техн. ун-т, 2001. – 109 с.

380. Терин, В.П. Массовая коммуникация. Исследование опыта Запада. – М.: МГИМО, 2000. – 224 с.

381. Тоффлер, Э. Третья волна / Пер. с англ. Э. Тоффлер. – М: ООО АСТ, 2002. – 776 с.

382. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова и Н.В. Малыхиной; Под. ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Аспект пресс, 2004. – 400 с.

383. Хоффман, К.Р. Искусство, видео и телевидение // NewMediaLogia/ NewMediaTopia. – М.: Информационно-исследовательский центр "МедиаАртЛаб", 1995. – С. 184.

384. Хохлова, Е.А. Коммуникационные процессы в современном социокультурном пространстве: Автореф. дис... канд. философ. наук: 09.00.11. – Ставрополь, 2006. – 25 с.

385. Arthur and Marilouise Kroker / Media-studies.ca / <http://www.media-studies.ca/articles/kroker.htm>

386. Classical Christian Home Schooling: Classical Education at Home // <http://www.classical-homeschooling.org>

387. Christian classical education to home schooling // <http://www.triviumpursuit.com/index.php>

388. Craig, R.T. Communication // <http://spot.colorado.edu/~craigr/Communication.htm>

389. Kellner, D. The Frankfurt School // <http://www.gseis.ucla.edu/faculty/kellner>

390. Kittler, F. The History of Communication Media // <http://www.hydra.umn.edu/kittler/comms.html>

391. Kybernykia // A Hypervortex of Ezra Pound's Canto LXXXI
// <http://www.uncg.edu/eng/pound/canto.htm>
392. Lillington, K. *Portrait of the Artist as Webmaster*
<http://www.ireland.com/newspaper/features/1998/0616/fea5.htm>
393. Oliva, M. P. Entrevista a Manuel Castells: «El poder tiene miedo de Internet» / El Pais 06.01.2008 / http://www.elpais.com/articulo/reportajes/poder/tiene/miedo/Internet/elpepusocdmg/20080106elpdmgrep_5/Tes
394. Review by James J. O'Donnell on-Richard A. Lanham. *The Electronic Word: Democracy, Technology, and the Arts*
// <http://ccat.sas.upenn.edu/jod/lanhamrev.html>
395. Roy, J.-H. Way New Leftist // *Wired*. – 1996. - Issue 4. (02, Feb)
/ <http://www.wired.com/wired/archive/4.02/leftists.html>
396. School of Communication and the Arts, Regent University, VA, USA) / <http://www.regent.edu/acad/schcom/rojc/mdic/mcluhan.html>
397. Transcription of CBC Sunday Morning Feature on Arthur Kroker. CBC Sunday morning. July 23, 1995 // <http://uregina.ca/~gingrich/kintvw.htm>
398. Архипов, С.В. Русский дневник Гарольда Инниса // История и философия культуры: Актуальные проблемы: Сборник научных трудов. Вып. 7 / Под ред. С.В. Архипова. – Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского госуниверситета, 2004 / <http://svarkhipov.narod.ru/vipu/inn.htm>
399. Великанов Андрей. Персональный сайт
// <http://www.velikanov.ru/star/>
400. Жукова, Я., Ширков, Ю. Модели массовой коммуникации
/ http://www.advance-mr.ru/articles/zhukova/mc_model/mcmodels.htm
401. Смолененкова, В.В. Понятие риторической критики
// http://genhis.philol.msu.ru/article_49.shtml

Жизненный путь Г.М. Маклюэна (1911–1980)

1911	Родился 21 июля в г. Эдмонтоне, штат Альберта, Канада
1932	Получил степень бакалавра искусств (B.A.) в университете Манитобы (University of Manitoba)
1934	Получил степень магистра искусств (M.A.) в Университете Манитобы
1936	Получил степень бакалавра искусств (B.A.) в Кембриджском университете (Cambridge University), Великобритания
1937	Принял католичество
1936–1937	Преподавал в Университете штата Висконсин (the University of Wisconsin), США
1937–1944	Преподавал в Университете Сент-Луис, штат Миссури (the University of St. Louis, MO), США
1939	Получил степень магистра искусств в Кембриджском университете, Великобритания
1939	Женился на Коринн Льюис (Corinne Lewis), уроженке г. Форта Уорт, штат Техас (Fort Worth, Texas)
1943	Получил степень доктора философии (Ph.D.) в Кембриджском университете, Великобритания
1946–1979	Преподавал в колледже Св. Майкла Университета Торонто, Канада (St. Michael's College, University of Toronto)
1951	Опубликовал книгу «Механическая невеста: Фольклор индустриального человека» (<i>The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man</i>)
1952	Получил должность профессора (full professor)
1953–1955	Председатель семинара по культуре и коммуникациям Фонда Форда (Chairman of Ford Foundation Seminar on Culture and Communication)
1955	Основал компанию «Консультанты идей» («Idea Consultants»), предлагавшую креативные идеи топ-менеджерам корпораций
1953–1959	Совместно с Эдмундом Карпентером (Edmund S. Carpenter) издавал и редактировал журнал «Эксплорейшенз» (<i>Explorations</i>)
1962	Опубликовал книгу «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» (<i>The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man</i>)

- 1963–1979 Назначен директором Центра культуры и технологии Университета Торонто (The Centre for Culture and Technology, Toronto University)
- 1964 Опубликовал книгу «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека» (*Understanding Media: The Extensions of Man*)
- 1967 Опубликовал книги «Средство сообщения – это массаж: Опись имущества» (*The Medium is the Massage: Inventory of Effects*); «Война и мир в глобальной деревне» (*War and Peace in the Global Village*). Дизайн и иллюстрации к книгам сделал Квентин Фиоре (Quentin Fiore)
- Присуждена почетная степень доктора литературы (D.Litt.) Университета Манитобы, Канада;
- Присуждена почетная степень доктора права (LL.D) Университета Саймона Фрейзера (Simon Fraser University), Канада;
- Присуждена почетная степень доктора литературы (D.Litt.) Университета Гриннелл штата Айова, США (Grinnell University, Iowa);
- 1967 Присуждена почетная награда за достижения в области культуры и коммуникации Университета Ниагара штата Нью Йорк, США (Honorary Award in Culture and Communications from Niagara University, New York);
- Присуждена премия Молсон за достижения в области общественных наук (Molson Award for outstanding achievement in the Social Sciences)
- Присуждена почетная степень в области литературы и гуманитарных наук Колледжа Св. Джона Фишера, г. Рочестер, штат Нью Йорк, США (Honorary degree from St. John Fischer College, Lit. Hum)
- 1969 Отмечен премией президента Института по связям с общественностью, Великобритания (Institute of Public Relations President's Award, Great Britain)
- 1970 Присуждена почетная степень доктора права (LL. D) Университета Альберты, Канада (The University of Alberta);
- 1971 За достижения в области философии массмедиа награжден золотой медалью президента Италии
- 1972 Присуждена почетная степень доктора литературы (D. Litt.) Университета Западного Онтарио (The University of Western

	Ontario), Канада
1973	Назначен советником Комиссии понтификата по общественным связям при Ватикане (consultor of the Pontifical Commission for Social Communications)
1977	Снялся в фильме Вуди Алена «Энни Холл» («Annie Hall») в роли самого себя – профессора Маклюэна
1980	Умер 31 декабря

Список основных трудов Г.М. Маклюэна

№	Труды Г.М. Маклюэна	Works by H.M. McLuhan
1.	Маклюэн М. Г.К. Честертон: Практический мистик // Далхаузи Ревью. – 1936. – Т. 15. – № 4. – С. 455–464	McLuhan, M. (1936) "G. K. Chesterton: A Practical Mystic." <i>Dalhousie Review</i> 15 (4): 455–464
2.	Маклюэн М. Эстетическая модель в одах Китса // Университи оф Торонто Квотерли. – 1943. – 12 января. – С. 1670–1679	McLuhan, M. (1943) "Aesthetic Pattern in Keat's Odes." <i>University of Toronto Quarterly</i> 12: 1670–1679
3.	Маклюэн М. Традиция Эдгара По // Савани Ревью. – 1944. – Т. 52. – № 1. – С. 24–33	McLuhan, M. (1944) "Edgar Poe's Tradition." <i>Sewanee Review</i> 52 (1): 24–33
4.	Маклюэн М. Америка Дэгвуда // Коламбия. – 1944. – №. 3. – С. 3, 22	McLuhan, M. January 1944. "Dagwood's America." <i>Columbia</i> : 3, 22
5.	Маклюэн М. Еще одно эстетическое пип-шоу // Савани Ревью. – 1945. – Т. 53. – С. 674–677	McLuhan, M. (1945) "Another Aesthetic Peep-Show." <i>Sewanee Review</i> 53: 674–677
6.	Маклюэн М. Античная ссора в современной Америке // Клэссикал Джорнел. – 1946. – Т. 41. – № 4	McLuhan, M. (1946) "An Ancient Quarrel in Modern America." <i>The Classical Journal</i> 41 (4)
7.	Маклюэн М. Американская реклама // Хоризон. – 1947. – Т. 93. – № 4. – С. 132–141	McLuhan, M. (1947) "American Advertising." <i>Horizon</i> 93 (4): 132–141
8.	Маклюэн М. Внутри Блейка и Голливуда // Савани Ревью. – 1947. – Т. 55. – С. 710–715	McLuhan, M. (1947) "Inside Blake and Hollywood." <i>Sewanee Review</i> 55: 710–715
9.	Маклюэн М. Введение // Кеннер Х. Парадокс у Честертона. – Нью Йорк: Шид энд Уорд, 1947	McLuhan, M. (1947) "Introduction." <i>Paradox in Chesterton</i> . In Hugh Kenner. New York: Sheed & Ward
10.	Маклюэн М. Генри IV, Зеркало для членов магистрата // Университи оф Торонто Квотерли. – 1948. – Т. 17. – С. 152–160	McLuhan, M. (1948) "Henry IV, A Mirror for Magistrates." <i>University of Toronto Quarterly</i> 17: 152–160

11.	Маклюэн М. Исторический декорум мистера Элиота // Ренейсенс. – 1949. – Т. 2. – № 1. – С. 9–15	McLuhan, M. (1949) "Mr. Eliot's Historical Decorum." <i>Renascence</i> 2 (1): 9–15
12.	Маклюэн М. Джойс, Фома Аквинский и поэтический процесс // Ренейсенс. – 1951. – Т. 4. – № 1. – С. 3–11	McLuhan, M. (1951) "Joyce, Aquinas, and the Poetic Process." <i>Renascence</i> 4 (1): 3–11
13.	Маклюэн М. Механическая невеста: Фольклор индустриального человека. – Нью-Йорк: Вангард пресс, 1951	McLuhan, M. (1951) <i>The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man</i> . New York: Vanguard Press
14.	Маклюэн М. Теннисон и яркая поэзия образов // Эссе в области критики. – 1951. – Т. 1. – № 3. – С. 262–282	McLuhan, M. (1951) "Tennyson and Picturesque Poetry." <i>Essays in Criticism</i> 1 (3): 262–282
15.	Маклюэн М. Эстетический момент в поэзии пейзажа // Статьи английского института; Ред. А. Даун. – Нью-Йорк: Изд-во Колумбийского ун-та, 1952	McLuhan, M. (1952) "The Aesthetic Moment in Landscape Poetry." <i>In English Institute Essays</i> . Ed. by A. Downe. New York: Columbia University Press
16.	Маклюэн М. Размораживая канадскую культуру // Американ Меркури. – 1952. – Т. 74. – № 339. – С. 91–97	McLuhan, M. March (1952) "Defrosting Canadian Culture." <i>American Mercury</i> 74 (339): 91–97
17.	Маклюэн М. Технологии и политические перемены // Интернешнл Джорнел. – 1952. – № 7. – С. 189–195	McLuhan, M. Summer (1952) "Technology and Political Change." <i>International Journal</i> 7: 189–195
18.	Маклюэн М. Поздний Иннис // Квинс Квартели. – 1953. – Т. 60. – № 3. – С. 385–384	McLuhan, M. (1953) "The Later Innis." <i>Queen's Quarterly</i> 60 (3): 385–384
19.	Маклюэн М. От Элиота до Сенеки: Традиция Сенеки. Исследование прозы от Бэкона до Коллиера // Университи оф Торонто Квартерли. – 1953. – 22 января. – С. 199–202	McLuhan, M. January (1953) Review of <i>From Eliot to Seneca: The Senecan Amble: A Study in Prose from Bacon to Collier</i> . University of Toronto Quarterly 22. 199–202

20.	Маклюэн М. Комиксы и культура // Сэтердей Найт. – 1953. – Т. 68. – № (21). – 28 февр. – С. 1, 19–20	McLuhan, M., (1953) "Comics and Culture." <i>Saturday Night</i> 68 (21), (28 February): 1, 19–20
21.	Маклюэн М. Джеймс Джойс: Три-виально и квадравиально // Фот. – 1953. – Т. 28. – № 108. – С. 75–98	McLuhan, M. (1953) "James Joyce: Trivial and Quadrivial." <i>Thought</i> 28 (108): 75–98
22.	Маклюэн М. Век рекламы // Коммонвил. – 1953. – № 58 (23). – сент. – С. 155–157	McLuhan, M. (1953) "The Age of Advertising." <i>Commonweal</i> 58 (23), September: 155–157
23.	Маклюэн М. Культура без грамотности // Эксплорейшнс. – 1953. – декабрь. – С. 1, 117–127	McLuhan, M. (1953) "Culture Without Literacy." <i>Explorations</i> . December: 1, 117–27
24.	Маклюэн М. Контрвзрыв. – Торонто, 1954. (Самиздат)	McLuhan, M. (1954) <i>Counterblast</i> . Toronto: selfpublished
25.	Избранная поэзия Теннисона / Ред. М. Маклюэн. – Нью Йорк: Райнхарт, 1954	McLuhan, M. ed. (1954) <i>Selected Poetry of Tennyson</i> . New York: Rinehart
26.	Маклюэн М. Заметки о медиа как формах искусства // Эксплорейшнс. – 1954. – № 2. – апр. – С. 1, 6–13	McLuhan, M. (1954) "Notes on the Media as Art Forms." <i>Explorations</i> , April 2: 1, 6–13
27.	Маклюэн М. Зрение, шум и ярость // Коммонвил. – 1954. № 9 (60). – апр. – С. 169–197	McLuhan, M. (1954) "Sight, Sound and the Fury." <i>Commonweal</i> (60), April 9: 169–197
28.	Маклюэн М. Новые медиа как политические формы // Эксплорейшнс. – 1954. – № 3. – С. 120–126	McLuhan, M. (1954) "New Media as Political Forms." <i>Explorations</i> , August 3: 120–126
29.	Маклюэн М. Джойс, Малларме и печать // Савани Ревью. – 1954. – Т. 62. – № 1. – С. 38–55	McLuhan, M. (1954) "Joyce, Mallarmé and the Press." <i>Sewanee Review</i> 62(1), Winter: 38–55
30.	Маклюэн М. Пространство, время и поэзия // Эксплорейшнс. – 1955. – № 4. – февраль. – С. 56–64	McLuhan, M. (1955) "Space, Time and Poetry." <i>Explorations</i> , February 4: 56–64
31.	Маклюэн М. Радио и телевидение против АБВГД-мыслящих: радио и ТВ в «Поминках по Финнегану» // Эксплорейшнс. 1955. – № 5. – июнь. – С. 12–18	McLuhan, M. (1955) "Radio and Television vs. the ABCDE-Minded: Radio and T.V. in Finnegans Wake." <i>Explorations</i> , 5 (June): 12–18

32.	Маклюэн М., Карпендер Э. Классная комната без стен // Эксплорейшнс. – 1957. – № 7. – С. 22–26	McLuhan, M., Carpenter, E. (1957) Classrooms Without Walls. <i>Explorations</i> 7: 22–26
33.	Маклюэн М. Влияние печатной книги на письменный и устный язык в XVI веке // Эксплорейшнс. – 1957. – № 7. – март. – С. 100–108	McLuhan, M. March (1957) "The Effect of the Printed Book on Written and Oral Language in the Sixteenth Century." <i>Explorations</i> 7: 100–108
34.	Маклюэн М. Джаз и современная литература // Эксплорейшнс. – 1957. – № 7. – март. – С. 74–76	McLuhan, M. March (1957) "Jazz and Modern Letters." <i>Explorations</i> 7: 74–76
35.	Маклюэн М. Верби-воко-визуальный // Эксплорейшнс. – 1957. – № 8. – октябрь	McLuhan, M. October (1957) "Verbi-Voco-Visual." <i>Explorations</i> 8
36.	Маклюэн М. Электронная революция в Северной Америке // Международный литературный ежегодник. – 1958. – № 1	McLuhan, M. (1958) "The Electronic Revolution in North America." <i>International Literary Annual</i> , 1
37.	Маклюэн М. Алхимия медиа в искусстве и обществе // Джорнел оф коммуникайшнс. – 1958. – Т. 8. – № 2. – С. 63–67	McLuhan, M. (1958) "Media Alchemy in Art and Society." <i>Journal of Communication</i> 8 (2), Summer: 63–67
38.	Маклюэн М. Печать и социальные перемены // Прогресс в печатном деле: Доклад середины века. Международная ассоциация печатников. – Цинциннати, 1959. – С. 81–112	McLuhan, M. (1959) "Printing and Social Change." <i>Printing Progress: A Mid-Century Report</i> . Cincinnati: The International Association of Printing House Craftsmen: 81–112
39.	Маклюэн М. Миф и массмедиа// Дедалус. – 1959. – Т. 88. – № 2. – С. 339–348	McLuhan, M. (1959) "Myth and Mass Media." <i>Daedalus</i> 88 (2), Spring: 339–348
40.	Исследование коммуникации / Под ред. М. Маклюэна, Э. Карпендера. – Бостон: Бикон пресс, 1960	McLuhan, Marshall, and Edmund Carpenter, eds. (1960) <i>Explorations in Communication</i> . Boston: Beacon Press
41.	Маклюэн М. Теннисон и живописная поэзия / Ред. Д. Киллхэм // Критические статьи о поэзии Теннисо-	McLuhan, M. (1960) "Tennyson and Picturesque Poetry." <i>In Critical Essays of the Poetry of Ten-</i>

	на. – Лондон: Ратледж и Кигэн Пол, 1960. – С. 67–85	nyson. Ed. by John Killham. London: Routledge & Kegan Paul: 67–85
42.	Маклюэн М. Средство коммуникации является сообщением // Форум. – Хьюстон. – 1960. – С. 19–24	McLuhan, M. 1960. "The Medium is the Message." <i>Forum</i> (Houston), Summer: 19–24
43.	Маклюэн М. Новые медиа и новое образование // Христианство и культура. – 1961. – С. 181–190	McLuhan, M. (1961) "New Media and the New Education." <i>In Christianity and Culture</i> : 181–190
44.	Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – Торонто: Университет Торонто, 1962	McLuhan, M. (1962) <i>The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man</i> . Toronto: University of Toronto Press
45.	Маклюэн М. Предисловие // Иннис Г. Сдвиг коммуникации. – Торонто: Университет Торонто, 1962. – С. XI–XVI	1962. "Introduction." <i>In The Bias of Communication</i> . By H.A. Innis. Reprint. Toronto: University of Toronto Press: XI–XVI
46.	Маклюэн М. Радио – племенной барабан // Аудио-вижуэл коммюникейшнс ревью. – 1964. – Т. 12. – № (2). – С. 133–145	McLuhan, M. (1964) "Radio: The Tribal Drum." <i>Audio-Visual Communication Review</i> : 12 (2): 133–145
47.	Маклюэн М. Понимание средств коммуникации: Продолжение человека. – Нью Йорк: МакГро-Хилл. 1964	McLuhan, M. (1964) <i>Understanding Media: The Extensions of Man</i> . New York: McGraw-Hill.
48.	Маклюэн М. Убийство телевидением // Кэнэдиэн Форум. – 1964. – Т. 42. – № 516. – январь. – С. 222–223	McLuhan, M. (1964) "Murder by Television." <i>Canadian Forum</i> 43 (516), January: 222–223
49.	Маклюэн М. Технология и окружающая среда // Артс Кэнэда. – 1967. – Т. 105. – № 24. – февраль. – С. 5–7	McLuhan, M. February (1967) "Technology and Environment." <i>Arts Canada</i> , 105 (24): 5–7.
50.	Маклюэн М. Что телевидение на самом деле делает с вашим ребенком? // Фэмили Серкл. – 1967. – № 3. – март. – С. 98–99	McLuhan, M. March (1967) "What T.V. is Really Doing to your Child." <i>Family Circle</i> . 3: 98–99
51.	Маклюэн М. Гарантированный доход в электронную эпоху // Костеланец Р. Между левыми и правыми:	McLuhan, M. (1968) "Guaranteed Income in the Electric Age." <i>In Beyond Left and Right: Radi-</i>

	радикальная мысль нашего времени. – Нью-Йорк: Уильям Морроу, 1968. – С. 72–82	<i>cal Thought for Our Times</i> , edited by Richard Kostelanetz, New York: William Morrow, 72–82.
52.	Маклюэн М. Через исчезающую точку: пространство в поэзии и живописи / М. Маклюэн, Х. Паркер. – Нью-Йорк: Харпер энд Роу, 1968	McLuhan, M., Parker, H. (1968) <i>Through the Vanishing Point: Space in Poetry and Painting</i> . New York: Harper & Row
53.	Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне / М. Маклюэн, К. Фиоре, Д. Эджел. – Нью-Йорк: Бэнтам букс, 1968	McLuhan, M., Fiore, Q., and J. Agel. (1968) <i>War and Peace in the Global Village</i> . New York: Bantam Books
54.	Маклюэн М. Язык моды: Базар Маклюэна // Харперс Базар. – 1968. – апрель. – С. 101	McLuhan, M. (1968) "Fashion is Language: McLuhan's Bazaar." <i>Harper's Bazaar</i> , April: 101
55.	Маклюэн М. Мода: скучная война? // Сэтердей Ивнинг Пост. – 1968. – 27 июля. – С. 29	McLuhan, M. 27 July 1968 "Fashion: A Bore War?" <i>Saturday Evening Post</i> : 29
56.	Маклюэн М. Все кандидаты спят // Сэтердей Ивнинг Пост. – 1968. – 10 августа. – С. 34–36	McLuhan, M. (1968) "All of the Candidates are Asleep." <i>Saturday Evening Post</i> , 10 August: 34–36
57.	Маклюэн М. Обратное движение перегретого образа // Плейбой. – 1968. – декабрь. – С. 131–134, 245	McLuhan, M. (1968) "The Reversal of the Overheated Image." <i>Playboy</i> , December: 131–134, 245
58.	Маклюэн М. Коммуникация в глобальной деревне // Кибернетический век / Под ред. Д. Топпин. – Нью-Йорк: Хьюман Девелопмент Корпорейшн, 1969. – С. 158–167	McLuhan, M. (1969) "Communication in the Global Village." In <i>This Cybernetic Age</i> , edited by Don Toppin. New York: Human Development Corporation: 158–167
59.	Маклюэн М. Контрвзрыв / М. Маклюэн, Х. Паркер. – Нью-Йорк: Харткорт энд Уолд, 1969	McLuhan, M., Parker, H. (1969) <i>Counterblast</i> . New York: Harcourt Brace & World
60.	Внутренний пейзаж: Литературная критика Маршалла Маклюэна, 1943–1962 / Под ред. Ю. Макнамара. – Торонто: МакГро-Хилл, 1969	<i>The Interior Landscape: The Literary Criticism of Marshall McLuhan 1943-1962</i> , (1969) edited by Eugene McNamara. Toronto: McGraw-Hill

61.	Маклюэн М. Уиндхем Льюис // Атлантик Мансли. – 1969. – Т. 224. – № (6). – декабрь. – С. 93–98	McLuhan, M. (1969) "Wyndham Lewis." <i>Atlantic Monthly</i> 224 (6) December: 93–98
62.	Маклюэн М. Культура – наш бизнес. – Нью-Йорк: МакГро-Хилл, 1970	McLuhan, M. (1970) <i>Culture is Our Business</i> . New York: McGraw-Hill
63.	Маклюэн М. От клише к архетипу / М. Маклюэн, У. Уотсон. – Нью-Йорк: Викинг, 1970	McLuhan, M., Watson, W. (1970) <i>From Cliché to Archetype</i> . New York: Viking
64.	Маклюэн М. Предисловие // Иннис Г. Империя и коммуникации. – Торонто: Издательство университета Торонто, 1971	McLuhan, M. (1971) "Forward." <i>Empire and Communications</i> . Toronto: University of Toronto Press
65.	Маклюэн М. Сегодня: Менеджер вне системы / М. Маклюэн, Б. Невит. – Нью-Йорк: Харткорт Брейс Йованович, 1972	McLuhan, M., Nevitt, B. (1972) <i>Take Today: The Executive as Dropout</i> . New York: Harcourt Brace Jovanovich
66.	Маклюэн М. Печатное слово – архитектор национализма // Будущее грамотности / Ред. Р. Дих. – Инглвуд Клиффс: Прентис-Холл, 1973	McLuhan, M. (1973) "The Printed Word: Architect of Nationalism." <i>In The Future of Literacy</i> , edited by Robert Disch. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall
67.	Маклюэн М. Эмпедокл и Т.С. Элиот // Ламбридис Х. Об Эмпедокле. – Алабама: Издат-во университета Алабамы, 1974	McLuhan, M. (1974) "Empedocles and T.S. Eliot." Introduction to <i>Empedocles</i> . By Helle Lambridis. Alabama: University of Alabama Press, 1974
68.	Маклюэн М. Английская литература как контрольная башня в исследовании коммуникаций // Инглиш кварталы. – 1974. – Т. 7. – № 1. – С. 3–7	McLuhan, M. (1974) "English Literature as Control Tower in Communication Study." <i>English Quarterly</i> , Spring, 7 (1): 3–7
69.	Маклюэн М. В момент спутника планета превращается в глобальный театр, в котором нет зрителей, только актеры // Джорнел оф комьюникейшнс. 1974. – Т. 24. – № 1. – С. 48–58	McLuhan, M. (1974) "At the moment of Sputnik the planet became a global theatre in which there are no spectators but only actors" <i>Journal of Communication</i> , Winter, 24 (1): 48–58

70.	Маклюэн М. Коммуникация: законы медиа М. Маклюэна // Текнолоджи энд калча. – 1975. – Т. 16. – № (1). – С. 74–78	McLuhan, M. (1975) "Communication: McLuhan's Laws of Media." <i>Technology and Culture</i> 16 (1): 74–78
71.	Маклюэн М. Город как классная комната: Понимание языка и медиа / М. Маклюэн, Э. Маклюэн, К. Хатчеон. – Торонто: Бук Сосаети оф Кэнэда, 1977	McLuhan, M., McLuhan, E. and K. Hutchon. (1977) <i>City as Classroom: Understanding Language and Media</i> . Toronto: Book Society of Canada
72.	Маклюэн М. Законы медиа // <i>Et Cetera</i> . – 1977. – Т. 11. – № 14. – июнь. – С. 173–179	McLuhan, M. (1977) "Laws of the Media." <i>Et Cetera</i> , June 11 (14): 173–179
73.	Маклюэн М. Последний взгляд на трубу // Нью-Йорк Мэгазин. – 1978. – Т. 11. - № 14. – 17 марта. – С. 45–48	McLuhan, M. (1978) "A Last Look at the Tube." <i>New York Magazine</i> , 17 March, 11 (14): 45–48
74.	Маклюэн М. Паурс Б. От Эвклидова пространства в космос. Неформальная дискуссия о влиянии акустического и визуального пространства // <i>Et Cetera</i> . – 1980. – Т. 37. – № (3). – С. 224–237	McLuhan, M. and Powers, B. (1980) "Euclidean Space to Outer Space: An Informal Discussion of the Effects of Acoustic and Visual space in Communications." <i>Et Cetera</i> 37 (3): 224–237
75.	Маклюэн М. Электронная банковская система и конец права на личную жизнь // Джорнел оф Коммьюникейшнс. – 1981. – Т. 31. – № 1. – зима. – С. 154–159	McLuhan, M. Winter (1981) "Electronic Banking and the Death of Privacy." <i>Journal of Communication</i> , 31 (1): 154–159
76.	Письма Маршалла Маклюэна / Ред. М. Молинаро, К. Маклюэн, У Тойе. – Торонто: Издательство Оксфордского университета, 1987	<i>McLuhan, Marshall. Letters of Marshall McLuhan</i> . (1987) / Edited by Matie Molinaro, Corinne McLuhan, and William Toyoe. Toronto: Oxford University Press
77.	Маклюэн М. Законы медиа – новая наука / М. Маклюэн, Э. Маклюэн. – Торонто: Издательство университета Торонто, 1988	McLuhan, M., McLuhan, E. (1988) <i>Laws of Media: The New Science</i> . Toronto: University of Toronto Press

78.	Маклюэн М. Глобальная деревня: Преобразования в мире и медиа в XXI веке / М. Маклюэн, Б. Пауэрс. – Нью-Йорк: Изд-во Университета Торонто. 1989	McLuhan, Marshall, and Powers, B. (1989) <i>The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century</i> . New York: Oxford University Press
-----	--	---

Ирина Борисовна Архангельская

МАРШАЛЛ МАКЛЮЭН

Монография

Редактор Н.С. Шубина
Компьютерная верстка С.В. Микульская

Подписано в печать 28.11.2010. Формат 60 × 90 1/16.
Бумага ГОЗНАК СОРҮ. Гарнитура Таймс.
Уч.-изд. л. 15,8.
Тираж 30 экз. Заказ № 4099.

Нижегородский коммерческий институт
603950, г. Н. Новгород, пр. Ленина, 27
Типография НКИ, г. Н.Новгород, пр. Ленина, 25а